ДБ
20
А 19

Историческая хрестоматия

СБОРНИКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

СОСТАВИЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА В. П. АВЕНАРІУСЪ
Рисунки В. В. Спасскаго.

МОСКВА
ИЗДАНІЕ
А. Д. СТУПИНА.

470469. V
Дб
20
А19.

Оглавленіе.

		Стр.
	Предисловіе	7
I.	**Тысяча лѣтъ назадъ.** *Д. Мордовцева*	9
II.	**Крещеніе Владиміра Святого.** (Изъ сочиненія „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ".) *С. Соловьева*	25
III.	**Невская битва.** (Отрывокъ.) *С. Кроткова*	34
IV.	**Садко у морского царя.** (Новгородская былина.) *И. Сурикова*	47
V.	**Куликовская битва.** *В. Сиповскаго*	57
VI.	**Пиръ и судъ Грознаго.** (Изъ повѣсти „Князь Серебряный".) Графа *А. Толстого*	81
VII.	**Завоеваніе Сибири.** (Отрывокъ.) *А. Майкова*	104
VIII.	**Димитрій Самозванецъ въ Москвѣ.** (Изъ монографіи „Названый Димитрій".) *Н. Костомарова*	126
IX.	**Юрій Милославскій.** (Изъ романа того же названія.) *М. Загоскина*	151
X.	**Подвигъ Сусанина.** (Изъ повѣсти „Избранникъ Божій".) *П. Полевого*	183
XI.	**Царскій сокольникъ.** (Изъ повѣсти того же названія *Н. Бицына.)* Въ пересказѣ *В. Самойловичъ*	206

Стр.

XII. **Дѣтство Петра Великаго.** (Изъ сочиненія „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго".) *М. Погодина* 227

XIII. **О зачатіи и зданіи царствующаго града С.-Петербурга.** Неизвѣстнаго автора 249

XIV. **Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ или всѣ заодно.** (Отрывокъ.) *Н. Кукольника* 257

XV. **За наукой.** (Изъ повѣсти „М. В. Ломоносовъ".) *Кс. Полевого* 280

XVI. **Ледяной домъ.** (Изъ романа того же названія.) *И. Лажечникова* 300

XVII. **Переворотъ 25 ноября 1741 года.** (Изъ повѣсти „Два регентства".) *В. Авенаріуса* 317

XVIII. **Принцесса-узница.** (Изъ романа „Любовь и корона".) *Е. Карновича* 331

XIX. **Утро Екатерины Великой.** (Изъ разсказа „Одинъ изъ давно минувшихъ дней".) *С. Макаровой* . 350

XX. **Два Демидова.** (Изъ разсказа „Русскій чудакъ XVIII столѣтія".) *С. Шубинскаго* 367

XXI. **День генералиссимуса Суворова.** *М. Пыляева* . 382

XXII. **Потемкинъ на Дунаѣ.** (Изъ повѣсти того же названія.) *Г. Данилевскаго* 402

XXIII. **Смерть и жизнь.** (Изъ романа „Вольтерьянецъ".) *Вс. Соловьева* 426

XXIV. **Первые дни императора Павла.** (Изъ повѣсти „Дѣды".) *Вс. Крестовскаго* 439

XXV. **Походъ титановъ.** (Изъ сочиненія „Русскій чудо-вождь".) *А. Красницкаго* 459

XXVI. **Кавалеристъ-дѣвица.** (Изъ автобіографическихъ записокъ.) *Н. Дуровой* 478

Стр.

XXVII. **Петя Ростовъ.** (Изъ романа „Война и миръ".) Графа *Л. Н. Толстого* 503

XXVIII. **Знакомство съ Державинымъ.** (Отрывокъ.) *С. Аксакова* 518

XXIX. **Петербургское наводненіе 7 ноября 1824 года.** (Изъ романа „Признанія Сергѣя Чалыгина".) *Я. Полонскаго* 537

XXX. **Холерный бунтъ 1831 года.** (Изъ сочиненія „Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе".) *Н. Шильдера* 560

XXXI. **На Гиленджикъ!** (Къ исторіи покоренія Кавказа.) *А. Марлинскаго (Бестужева)* 564

XXXII. **Юные герои Севастополя.** *К. Лукашевичъ* . . . 573

XXXIII. **Великіе дни 19 февраля и 5 марта 1861 года.** *Е. Богдановича* 584

XXXIV. **Бѣлый витязь.** (Черты и сцены изъ жизни Скобелева въ турецкую войну 1877-78 гг.) *В. Немировича-Данченко* 593

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наша изящная литература довольно богата оригинальными историческими романами, повѣстями и разсказами, причемъ большая часть ихъ посвящена не всемірной, а русской исторіи. Повѣствованія подобнаго рода, отличаясь отъ учебниковъ болѣе живымъ изложеніемъ и занимательными сценами, читаются молодежью съ увлеченіемъ. Знакомя съ замѣчательными событіями и личностями, они тѣмъ самымъ возбуждаютъ и интересъ къ судьбамъ родной страны. Цѣль настоящей хрестоматіи — дать въ одной книгѣ возможно-послѣдовательный рядъ такихъ историческихъ разсказовъ (цѣльныхъ или сокращенныхъ) и законченныхъ эпизодовъ и характеристикъ изъ большихъ историческихъ романовъ и повѣстей, отъ начала Руси до царствованія императора Александра II включительно, съ небольшими, гдѣ требовалось, поясненіями. Въ ученыхъ трудахъ нашихъ извѣстныхъ историковъ отыскались также разсказы, отвѣчающіе этой цѣли. Наравнѣ съ послѣдними, мы сочли возможнымъ помѣстить въ нашъ сборникъ и достовѣрное повѣствованіе неизвѣстнаго современника Петра Великаго объ основаніи Петербурга. На первый взглядъ можетъ показаться, пожалуй, не совсѣмъ понятнымъ, почему въ такую хрестоматію не попали, хотя бы въ отрывкахъ: „Капитанская дочка", „Арапъ Петра Великаго", „Полтава", „Мѣдный Всадникъ", „Борисъ Годуновъ", „Тарасъ Бульба", „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ". Но эти классическія произведенія, какъ въ отдѣльности, такъ и въ полномъ собраніи сочиненій ихъ геніальныхъ авторовъ, благодаря своей крайней дешевизнѣ, имѣются теперь чуть ли не въ каждой школѣ, въ каждомъ образованномъ семействѣ; а потому въ нашемъ сборникѣ они совершенно напрасно отнимали бы мѣсто у нѣкоторыхъ другихъ писателей, не первостепенныхъ, но тѣмъ не менѣе заслуживающихъ вниманія.

В. А.

I.

Воображеніе переноситъ насъ за тысячу лѣтъ назадъ—ровно за тысячу лѣтъ, къ ранней веснѣ 882 года *).

Многоводный Днѣпръ въ полномъ разливѣ. Мутныя воды его, затопивъ песчаные и каменистые берега, прибрежные камыши, кустарники и рощи, несутъ на себѣ все, что̀ только удалось имъ сорвать и смыть съ пологихъ береговъ и кручъ: и сухую траву, и цѣлые снопы прошлогоднихъ, пересохшихъ за лѣто и зиму камышей, и весь сушникъ береговыхъ рощей съ перегнившимъ мертвымъ листомъ. Черные стрижи и ласточки, чубатыя чайки и бѣлогрудыя мартышки звонко выкрикиваютъ

*) Разсказъ написанъ въ 1882 году.

въ утреннемъ воздухѣ, носясь надъ широкой водной равниной, вылавливая изъ воды и перехватывая на лету все, что̀ есть живого и съѣдобнаго для голодной птицы.

Яркое утреннее солнце играетъ тысячами переливовъ на этой широкой водной равнинѣ, брызгая повсюду брильянтами и изумрудомъ, золотя вершины горъ и полугорья, сыплетъ золотыми снопами сквозь вершины и прогалины темнаго бора, бросаетъ причудливыя тѣни отъ множества темныхъ и ярко разукрашенныхъ лодокъ, цѣлою флотиліею тихо двигающихся по этой водной шири, отъ ихъ тонкихъ мачтъ и работающихъ на веслахъ гребцовъ.

Что̀ же это за ладьи, куда плывутъ онѣ и что̀ за люди сидятъ въ нихъ—въ шеломахъ и кольчугахъ, съ копьями и мечами?

Днѣпръ привыкъ почти каждую весну видѣть эти ладьи и этихъ кольчужниковъ и копейщиковъ.

Это—варяги, съ новгородскими и другими сѣверно-русскими дружинами.

Первая ладья была особенно богато украшена. Носовая, далеко выдававшаяся впередъ часть ея изображала какое-то чудовище въ видѣ дракона съ разинутою пастью, а корма представляла чешуйчатую спираль огромнаго змѣинаго хвоста. Высокая деревянная настилка съ перилами, надъ палубой, также изображала собой чешуйчатую спину чудовища, а весла, дружно опускаемыя въ воду и такъ же дружно вскидываемыя на воздухъ двѣнадцатью гребцами, напоминали собой растопыренныя крылья дракона.

На этой высокой настилкѣ виднѣлись двѣ человѣческія фигуры: пожилой мужчина въ богатой одеждѣ иноземнаго «гостя» и мальчикъ лѣтъ пяти-шести въ бѣлой атласной, шитой золотомъ и шелками рубашкѣ съ прямымъ воротомъ, въ малиновыхъ широкихъ шароварцахъ, убранныхъ въ красные сафьянные сапожки. Русую, курчавую головку мальчика прикрывала соболья шапочка съ малиновымъ верхомъ, а съ открытой бѣлой шейки спадала на грудь узорочно-сплетенная изъ тонко-кованныхъ нитей золотая «гривна»-ожерелье.

— А далече еще, дядя Олегушко, до Кіева?—спросилъ мальчикъ, прыгая по ковру чешуйчатой настилки и побрякивая золотою гривной.

— А не далече, Игорюшко княжичъ,—былъ отвѣтъ.

— А что̀ мы тамъ дѣлать будемъ?

— Княжить да володѣть, князюшко.

— Какъ въ Новѣгородѣ?

— Какъ въ Новѣгородѣ, Игорюшко.

— И ты мнѣ подаришь тамъ комоня (коня)?

— Подарю—печенѣжскаго скакуна.

Съ запада, между тѣмъ, надвигалась сизая туча, которая, точно живая, выползая изъ-за нагорья праваго берега, облегала собою все болѣе и болѣе яркую лазурь безоблачнаго неба.

Порывисто пробѣжалъ по Днѣпру шальной вѣтеръ, завизжавъ и заскрипѣвъ веревками снастей и иглоподобными мачтами ладей. Днѣпръ точно полинялъ отъ этого набѣжавшаго изъ-за горы вѣтра, а птицы безпо-

койно заметались въ воздухѣ. Высоко гдѣ-то раздался одинокій крикъ ворона.

Сизая туча, постепенно измѣняясь въ цвѣтѣ, разросталась все шире и шире, и ее, словно громадные клочья разодранной гигантской пелены съ сѣросизыми отливами, гнало уже черезъ все небо, съ котораго, казалось, невѣдомо куда сбѣжало солнце.

Вдругъ что-то яркое прорѣзало потемнѣвшія, словно бы косматыя массы клубящихся облаковъ и глухо загрохотало.

Юный Игорь испуганно бросился къ Олегу и прижался къ его колѣнямъ.

— Охъ, уйдемъ, уйдемъ! Перунъ сердится.

— Ничего, князюшко,—не бойся.

— Я боюсь Перуна... ой!

Свинцовыя тучи, точно застывшія на моментъ, снова какъ бы разверзлись надъ флотиліей, и изъ багровой, мгновенно опять закрывшейся заоблачной пасти вырвались огненныя стрѣлы и, ломаясь, скрещиваясь въ застывшемъ воздухѣ, съ страшнымъ трескомъ попадали въ Днѣпръ. Ударъ былъ такъ оглушителенъ, что даже невозмутимый Олегъ схватился за голову.

— Ой-ой-ой!—отчаянно закричалъ ребенокъ:—онъ убьетъ...

— Ино и вправду осерчалъ богъ,—согласился и Олегъ, торопливо вставая и уводя растерявшагося мальчика подъ «чердакъ» ладьи, въ богато убранное коврами и болгарскою, тисненою золотою юфтью помѣщеніе.

Юный Игорь испуганно бросился къ Олегу.

— Боженька! Перунушко! помилуй! не сердитуй!— лепеталъ мальчикъ:—я тебѣ барана заколю, корову, коня бѣлаго, пѣтуха...

II.

Буря такъ же скоро улеглась, какъ и налетѣла. Солнце засіяло еще привѣтливѣе. Днѣпръ, оба его берега, зеленыя взгорья и рощи,—все освѣтилось какою-то радостью—радостью омытой, освѣженной грозою и дождемъ природы, которая, какъ живое существо, вся заговорила тѣмъ чарующимъ языкомъ жизни, который можно только понимать и чувствовать сердцемъ, но не передавать словами.

Не доѣзжая нѣсколько до Кіева, флотилія остановилась, и Олегъ, приказавъ дружинамъ на время укрыться съ своими ладьями въ ближайшемъ затонѣ, за зеленымъ боромъ, а затѣмъ, по данному сигналу, выйти на берегъ и незамѣтно обложить со всѣхъ сторонъ Кіевъ,—самъ, съ двумя наиболѣе богатыми и обширными ладьями и своими ближайшими и надежнѣйшими дружинниками, двинулся прямо къ городу.

Кіевъ скоро выглянулъ изъ-за зелени густого бора. Небольшой, но хорошо обстроенный городокъ красиво раскидывался по полугорью. Яркое солнце играло на гладкихъ досчатыхъ крышахъ и на узорной рѣзьбѣ коньковъ и карнизовъ. Плотный частоколъ и земляной валъ охватывали городъ со всѣхъ сторонъ, а изъ-за нихъ красиво выглядывали отдѣльныя клѣти и подклѣти богатыхъ полянъ съ скворешнями и голубятнями. Надъ

главными изворотами частокола высились островерхія деревянныя «вѣжи»—башни съ прозорами и отверстіями для бойницъ.

Отъ города по водѣ доносилось монотонное, протяжное пѣніе. По мѣрѣ приближенія Олеговыхъ людей, пѣніе становилось явственнѣе: рѣзко, по временамъ, оглашали воздухъ стройные хоры мужскихъ голосовъ, а за ними чередовались женскіе и дѣтскіе.

Это была хороводная мелодія—мелодія обрядовая, игрищная. Кіяне творили игрище на берегу Днѣпра, у воды, недалеко отъ Перуна, въ то время, какъ выше, на холмѣ крутого спуска, гдѣ высился и угрюмо вырисовывался на синевѣ неба чудовищный, безобразный истуканъ этого самаго Перуна-бога, горѣвшаго на солнцѣ золотыми и серебряными частями своей массивной фигуры,—жрецы-кудесники въ бѣлыхъ одеждахъ и съ бѣлыми бородами приносили своему металлическому богу кровавыя жертвы за то, что пронесшійся сейчасъ надъ Кіевомъ свирѣпымъ ураганомъ и грозой разгнѣванный стихійный богъ не поразилъ трепетавшій отъ страха городъ ни одною изъ своихъ огненныхъ стрѣлъ, а послалъ ихъ за Днѣпръ, на голову хищнымъ печенѣгамъ.

Картина народнаго игрища и жертвоприношеній кровожадному богу поражала и слухъ, и зрѣніе. На головахъ молодыхъ кіянокъ пестрѣло цѣлое поле цвѣтовъ, особенно васильковъ и маку, барвинковъ и руты съ любисткомъ, между тѣмъ какъ молодыя, здоровыя тѣла ихъ едва прикрыты были короткими, изукрашен-

ными разными цвѣтными узорами «срачицами»—сорочками, или обмотаны вокругъ стана лоскутами грубыхъ цвѣтныхъ тканей. На парняхъ костюмы были не менѣе дѣвственны—едва сметанныя грубыми нитками льняныя полотнища, которыя и назывались «портами».

Слышалось мрачное пѣніе жрецовъ-кудесниковъ:

— „Ой, кровушки, кровушки наточимъ,
Ой, Перуна боженьку напоимъ-напоимъ!
Сла-а-ва! Сла-а-ва!"

А съ берега доносились другія, ласкающія слухъ мелодіи. Хоръ дѣвицъ пѣлъ:

— „Ой, весна красна, что намъ принесла?
Ой, принесла тепло и красное лѣтичко:
Малымъ ребяткамъ—ладушки бити,
Старымъ старикамъ—раду радити,
А мужамъ мужатымъ—поле орати,
А молодушкамъ—кроснеца ткати,
А намъ, краснымъ дѣвицамъ, да поиграти!
Ой, Дунай-Дунай!"

Юный Игорь, забывъ свой недавній страхъ, стоялъ на чешуйчатомъ возвышеніи своей ладьи и радостно плескалъ ручонками.

— Дядюшка! Олегушка! пусти меня на игрище,— умолялъ онъ своего опекуна.

— Нѣтъ, князюшко, тебѣ не подобаетъ играть со смердьими дѣтьми: ты, Игорюшко, великій князь силы русской,—отвѣчалъ Олегъ, лаская мальчика.

— Я не хочу княземъ быть—не буду!

— Ты ужъ и такъ великій князь.

БИБЛІОТЕКА
470469

— А ты кто?

— И я князь—сижу на «столѣ» (престолѣ) въ Новѣгородѣ.

— А я на какомъ столѣ буду сидѣть?

— На кіевскомъ и всей Руси.

— Ахъ, дядя, я не хочу!

— Почто, князюшко?—улыбнулся Олегъ.

— Скучно на столѣ все сидѣть... Я играть хочу на игрищѣ!

Въ это время великокняжеская ладья, поровнявшись съ кіевской пристанью, бросила якорь у отмели, въ значительномъ разстояніи отъ берега, а меньшую ладью Олегъ тотчасъ отправилъ съ своими дружинниками и «отроками» къ берегу, на пристань, чтобы они шли въ городъ и просили ихъ милости, Аскольда и Дира, пожаловать къ нему въ ладью: пріѣхали-де изъ Новагорода «гости» съ поклономъ отъ великаго князя Олега и съ дорогими заморскими подарками,—какіе-де подарки угодно будетъ ихъ милостямъ выбрать.

III.

Скоро, окруженные своими дружинниками и дружинниками Олега съ отроками, Аскольдъ и Диръ, на богато убранныхъ коняхъ, приблизились къ берегу. Сошедши съ коней, они вошли въ ожидавшую ихъ ладью, а дружинникамъ своимъ велѣли дожидаться ихъ возвращенія на берегу.

Неустрашимые варяги, которые незадолго передъ

этимъ навели ужасъ на Царьградъ, запрудивъ живописный Босфоръ сотнями своихъ ладей и угрожая взять на копья и на разграбленіе славную Византію,—довѣрчиво вступили въ ладью, не подозрѣвая, что это была для нихъ роковая ладья Харона *).

На палубѣ великокняжеской ладьи ихъ встрѣтили ближайшіе дружинники Олега и провели съ почетомъ въ то крытое и изукрашенное дорогими коврами и золототисненною юфтью помѣщеніе, гдѣ находился Олегъ съ маленькимъ Игоремъ. Послѣдній не по-дѣтски чинно возсѣдалъ на великокняжескомъ «столѣ»—на украшенномъ кованымъ золотомъ и золотыми кистями возвышеніи, а на груди ребенка висѣла золотая великокняжеская гривна. Самъ Олегъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ, но на болѣе низкомъ сидѣньѣ.

Увидавъ, вмѣсто «гостя», Олега, Аскольдъ и Диръ остановились въ глубокомъ смущеніи.

— Добро пожаловать, госпòда,—не то ласково, не то язвительно проговорилъ «вѣщій» Олегъ.

— Челомъ бьемъ господину великому князю,—отвѣчали пришедшіе, низко кланяясь.

— Кіевомъ и всею кіевскою землею?—спросилъ Олегъ.

Пришедшіе не знали, что̀ отвѣчать.

— Кому вы челомъ бьете?—снова спросилъ «вѣщій».

— Тебѣ, господине княже.

— Вонъ кому добейте челомъ.

*) Язычники-греки называли *Харономъ* старика, будто бы перевозившаго души умершихъ грѣшниковъ въ адъ, черезъ рѣки Стиксъ и Ахеронъ.

И онъ указалъ на Игоря, который съ любопытствомъ осматривалъ пришедшихъ и болталъ ногами.

Аскольдъ и Диръ поклонились.

— Кіевомъ бьете челомъ своему господину и великому князю?—допытывался Олегъ.

— Кіевомъ, господине княже.

— А нѣли (развѣ) онъ вашъ?—уже болѣе суровымъ голосомъ спросилъ Олегъ.

Смущенные Аскольдъ и Диръ молчали. Юный Игорь, наскучивъ сидѣть чинно на престолѣ, забрался на него совсѣмъ съ ногами. Въ рѣзное оконце онъ слѣдилъ, какъ большая бѣлогрудая птица стремглавъ опустилась на воду, схватила лапами и клювомъ большую рыбу и поднялась съ нею на воздухъ.

— Ахъ, унесла рыбку!

— Я,—продолжалъ между тѣмъ Олегъ,—отпустилъ васъ изъ Новагорода съ дружиною на море — промышлять надъ чужими городами; а вы, съ соромомъ ушедъ изъ-подъ Царяграда, стали промышлять надъ русскими городами,—и то вамъ вина!.. Почто вы своею волею Кіевъ взяли?

— Мы его добыли копьемъ! — гордо отвѣчалъ Аскольдъ.

— Мы ради кіевской земли утерли не мало пота,— добавилъ Диръ.

Олегъ быстро выпрямился.

— Утерли пота! а почто вы на столъ кіевскій сѣли?

Голосъ его звучалъ словно металлическій. Голубые, холодные, какъ сталь, глаза зловѣще сверкнули.

— Вы не князи, ни княжа рода... Вотъ вашъ князь!

И онъ снова указалъ на Игоря, безпечно игравшаго гривной

— Колите ихъ!

Въ тотъ же моментъ стоявшіе позади Аскольда и Дира дружинники Олега пронзили ихъ мечами, не давъ имъ времени опомниться, даже вскрикнуть.

Съ глухимъ стономъ и хрипѣньемъ трупы несчастныхъ, какъ снопы, повалились на полъ, громыхая оружіемъ, которое было уже безполезно для нихъ.

— Ой-ой! не бейте ихъ, не бейте!—съ ужасомъ закричалъ маленькій Игорь и закрылъ лицо руками.

Въ такой кровавой школѣ учился править русскою землею будущій великій князь кіевскій и всей Руси—гроза Византіи и жертва мщенія полудикихъ древлянъ.

А съ берега все еще доносилось мрачное пѣніе:

— „Ой, кровушки-кровушки наточимъ,
Ой, Перуна боженьку напоимъ-напоимъ!
Сла-а-ва!"

Таково было то кровавое время, и кровавыхъ людей воспитывало оно...

IV.

Но вотъ великокняжеская ладья уже у берега. Ее вытаскиваютъ изъ воды и съ торжествомъ несутъ въ городъ на могучихъ плечахъ варяговъ и новгородцевъ. Плавно двигается въ воздухѣ ужасное чудовище, колыхаясь изъ стороны въ сторону. Его окружаетъ со-

мкнутая цѣпь дружинниковъ и отроковъ съ мечами наголо. За ладьей ведутъ коней Аскольда и Дира.

Весь Кіевъ высыпалъ на берегъ встрѣчать невиданное шествіе.

— Гдѣ же наши князи?—спрашиваютъ иные.

— Отчего они не на коняхъ?

— А они тамъ, въ ладьѣ, въ той золотой палаткѣ.

— Это имъ честь воздаютъ новгородскіе гости.

— А какая ладья!

— Это не ладья, а змѣй-горынчище.

Но вотъ ладья и въ городѣ уже, на площади, на томъ возвышеніи, откуда глядитъ на Днѣпръ и на далекое Заднѣпровье мрачный истуканъ Перуна.

Ладью ставятъ на землю у ногъ Перуна, жрецы-кудесники окружаютъ ее и, поднимая къ небу руки, торжественно величаютъ:

— „Слава богу Перуну на небѣ, сла-а-ва!
Слава нашимъ князямъ Аскольду и Диру на землѣ, сла-а-ва!"

Вдругъ на ладьѣ, у той палатки, внутри которой кіяне думали увидѣть своихъ князей, распахиваются на обѣ стороны полы, и глазамъ жрецовъ-кудесниковъ представилось ужасное зрѣлище.

Въ палаткѣ, съ роскошнаго возвышенія глядитъ блѣдное, испуганное личико прелестнаго ребенка съ золотою гривною на груди, а въ ногахъ его, у ступеней трона, плаваютъ въ крови два трупа.

Съ ужасомъ жрецы узнаютъ, что это—князья ихъ Аскольдъ и Диръ.

А рядомъ съ прелестнымъ мальчикомъ стоитъ Олегъ въ княжескомъ одѣяніи.

Онъ беретъ мальчика за руку и, подведя къ краю ладьи, торжественно говоритъ:

— Се князь вашъ—великій князь Игорь Рюриковичъ!

А потомъ, обратясь къ воинамъ и указывая на трупы Аскольда и Дира, говоритъ:

— Унесите ихъ и похороните съ честію.

Въ этотъ моментъ, въ толпѣ собравшихся на невиданное и ужасное зрѣлище кіянъ раздались испуганные крики:

— Батюшки! въ городѣ варяги и новгородцы!

— Городъ взятъ! стѣны заняты! горе, горе!..

. . . . . .

Кіевъ, дѣйствительно, во власти Олега.

— Отнынѣ Кіевъ будетъ матерью городовъ русскихъ,—говоритъ онъ, кланяясь Перуну.

Опять льется кровь во славу этого кровожаднаго бога,—это уже Олегъ умилостивляетъ его кровью.

А жрецы-кудесники опять тянутъ свою кровавую литію:

— „Ой, мы кровушки наточили-наточили,
Ой, мы Перуна боженьку напоили-напоили!
Сла-а-ва!"

И вотъ съ тѣхъ поръ тысячу лѣтъ стоитъ Кіевъ. Кого и чего не видалъ онъ въ своихъ стѣнахъ! Сколькихъ историческихъ интересныхъ событій былъ онъ свидѣтелемъ!

Онъ видѣлъ, какъ этого самаго бога Перуна, сверженнаго съ холма и привязаннаго къ лошадинымъ хвостамъ, били тѣ самые, которые недавно молились ему.

Онъ видѣлъ крещеніе Руси. Онъ пережилъ Батыя, разрушившаго его до основанія. Онъ видѣлъ славу Хмѣльницкаго и его паденіе. Онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ славное запорожское войско, гетмановъ—и самъ пережилъ свою славу!

Но сталъ ли онъ «матерью городовъ русскихъ»?—Нѣтъ. Онъ сталъ простымъ губернскимъ городомъ...

(Изъ сочиненія „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ").

Подъ 983 годомъ, въ началѣ княженія Владиміра, лѣтописецъ помѣщаетъ разсказъ о слѣдующемъ событіи: Владиміръ, послѣ похода на ятвяговъ, возвратился въ Кіевъ и приносилъ жертву кумирамъ вмѣстѣ съ своими людьми. Старцы и бояре сказали:

— Кинемъ жребій на отроковъ и дѣвицъ: на кого падетъ, того принесемъ въ жертву богамъ.

Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ варягъ, который пришелъ изъ Греціи и держалъ христіанскую вѣру. Былъ у него сынъ, прекрасный лицомъ и душою. На этого-то

молодого варяга и палъ жребій. Посланные отъ народа пришли къ старому варягу и сказали ему:

— Палъ жребій на твоего сына, богамъ угодно взять его себѣ, и мы хотимъ принести его имъ въ жертву.

Варягъ отвѣчалъ:

— У васъ не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ, ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева; а Богъ одинъ, Которому служатъ греки и кланяются, Который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, далъ ему жить на землѣ; а эти боги что̀ сдѣлали? сами дѣланные; не дамъ сына своего бѣсамъ!

Посланные разсказали эти рѣчи народу. Толпа взяла оружіе, пошла къ варягову дому и разломала заборъ вокругъ него. Варягъ стоялъ въ сѣняхъ съ сыномъ. Народъ кричалъ ему:

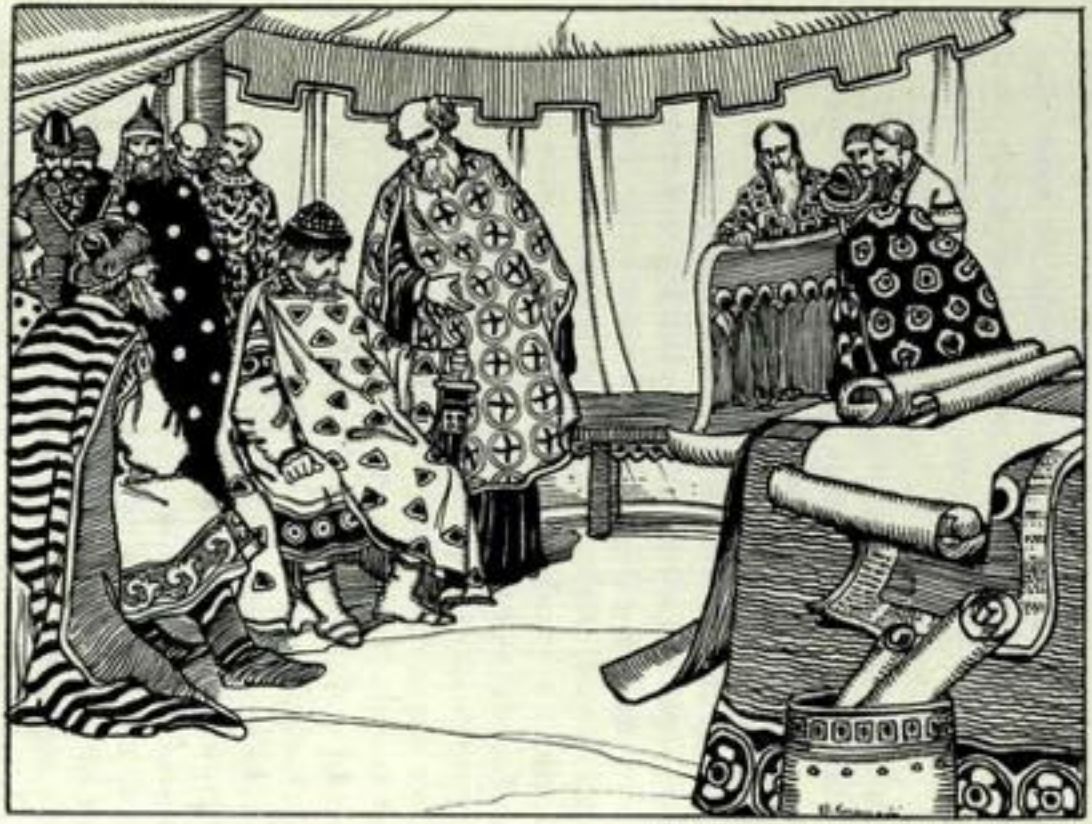
— Дай сына своего богамъ!

Онъ отвѣчалъ:

— Если они боги, то пошлютъ какого-нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чемъ хлопочете?

Яростный кликъ былъ отвѣтомъ толпы, которая бросилась къ варягамъ, подсѣкла подъ ними сѣни и убила ихъ.

Несмотря на то, что смѣлый варягъ палъ жертвою торжествующаго, повидимому, язычества, событіе это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія: язычеству, кумирамъ сдѣланъ былъ торжественный вызовъ, надъ ними торжественно надругались; проповѣдь была произнесена громко; народъ въ пылу ярости убилъ про-

Греческій проповѣдникъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Владиміра.

повѣдника, но ярость прошла, а страшныя слова остались: «ваши боги—дерево; Богъ одинъ, Которому кланяются греки, Который сотворилъ все»,—и безотвѣтны стали кумиры Владиміра передъ этими словами.

Что вопросъ о будущей жизни дѣйствовалъ могущественно и на языческихъ славянъ, какъ на другихъ народовъ,—видно изъ преданія о томъ, какъ царь болгарскій обратился въ христіанство вслѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго на него картиною страшнаго суда. По русскому преданію, то же самое средство употребилъ и у насъ греческій проповѣдникъ и произвелъ также сильное впечатлѣніе на Владиміра. Послѣ разговора съ нимъ, Владиміръ созываетъ бояръ и городскихъ старцевъ, и говоритъ имъ, что приходили проповѣдники отъ разныхъ народовъ, каждый хвалилъ свою вѣру; напослѣдокъ пришли и греки,—хулятъ всѣ другіе законы, хвалятъ свой, много говорятъ о началѣ міра, о бытіи его, говорятъ хитро, любо ихъ слушать, и о другомъ свѣтѣ говорятъ: если кто въ ихъ вѣру вступитъ, то, умерши, воскреснетъ и не умретъ послѣ вовѣки; если же въ другой законъ вступитъ, то на томъ свѣтѣ будетъ въ огнѣ горѣть. Магометанскіе проповѣдники также говорили о будущей жизни; но самое чувственное представленіе ея уже подрывало довѣренность; въ душѣ самаго простого человѣка есть сознаніе, что тотъ свѣтъ не можетъ быть похожъ на этотъ; причемъ раздражало противорѣчіе, по которому одно наслажденіе допускается неограниченно, другія совершенно запрещались. Владиміру, по преданію, нравился рай магометовъ, но

онъ никакъ не соглашался отказаться отъ свиного мяса и отъ вина:

— Руси есть веселье пить,—говорилъ онъ,—не можетъ быть безъ того.

Владиміръ постоянно слышалъ о Греческой землѣ, сильной вѣрою, о величіи тамошняго богослуженія; бывальцы въ Константинополѣ и другихъ разновѣрныхъ странахъ могли именно говорить то, что, по преданію, у лѣтописца говорятъ бояре, которыхъ Владиміръ посылалъ для извѣдыванія вѣръ:

— Мы не можемъ забыть той красоты, которую видѣли въ Константинополѣ; всякій человѣкъ, какъ отвѣдаетъ разъ сладкаго, уже не будетъ послѣ принимать горькаго; такъ и мы здѣсь въ Кіевѣ больше не останемся.

Такимъ образомъ все было готово къ принятію новой вѣры, ждали только удобнаго случая. «Подожду еще немного», говорилъ Владиміръ, по свидѣтельству начальнаго лѣтописца кіевскаго. Удобный случай представился въ войнѣ съ греками; преданіе тѣсно соединяетъ походъ на грековъ съ принятіемъ христіанства. Владиміръ спросилъ у бояръ:

— Гдѣ принять намъ крещеніе?

Тѣ отвѣчали:

— Гдѣ тебѣ любо.

И, по прошествіи года, Владиміръ выступилъ съ войскомъ на Корсунь. Корсунцы затворились въ городѣ и крѣпко отбивались, несмотря на изнеможеніе; Владиміръ объявилъ имъ, что если они не сдадутся, то онъ

будетъ три года стоять подъ городомъ. Когда эта угроза не подѣйствовала, Владиміръ велѣлъ дѣлать валъ около города; но корсуняне подкопали городскую стѣну и уносили присыпаемую русскими землю къ себѣ въ городъ. Русскіе сыпали еще больше, и Владиміръ все стоялъ. Тогда одинъ корсунянинъ, именемъ Анастасъ, пустилъ въ русскій станъ ко Владиміру стрѣлу, на которой было написано: «За тобою, съ восточной стороны, лежатъ колодцы; отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ; перекопай и перейми ее».

Владиміръ, услыхавъ объ этомъ, взглянулъ на небо и сказалъ:

— Если это сбудется, я крещусь.

Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать противъ трубъ; вода была перенята. Корсунцы изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною и послалъ сказать греческимъ императорамъ Василію и Константину:

— Я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ сестра въ дѣвицахъ; если не отдадите ея за меня, то и съ вашимъ городомъ будетъ то же, что̀ съ Корсунемъ.

Испуганные и огорченные такимъ требованіемъ, императоры велѣли отвѣчать Владиміру:

— Не слѣдуетъ христіанамъ отдавать родственницъ своихъ за язычниковъ; но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать сестры своей за тебя.

Владиміръ отвѣчалъ на это царскимъ посланнымъ:

— Скажите царямъ, что я крещусь; я уже прежде испыталъ вашъ законъ, люба мнѣ ваша вѣра и служеніе, о которыхъ мнѣ разсказывали посланные нами мужи.

Цари обрадовались этимъ словамъ, умолили сестру свою Анну выйти за Владиміра, и послали сказать ему:

— Крестись,—и тогда пошлемъ къ тебѣ сестру.

Но Владиміръ велѣлъ отвѣчать:

— Пусть тѣ священники, которые придутъ съ сестрою вашею, крестятъ меня.

Цари послушались и послали сестру свою вмѣстѣ съ нѣкоторыми сановниками и пресвитерами. Аннѣ очень не хотѣлось итти.

— Иду точно въ полонъ,—говорила она,—лучше бы мнѣ здѣсь умереть!

Братья утѣшали ее:

— А что, если Богъ обратитъ тобою Русскую землю въ покаяніе, а Греческую землю избавитъ отъ лютой рати; видишь, сколько зла надѣлала Русь грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ то же.

И едва уговорили ее итти. Анна сѣла на корабль, простилась съ роднею и поплыла съ горемъ въ Корсунь, гдѣ была торжественно встрѣчена жителями. Въ это время Владиміръ разболѣлся глазами, ничего не могъ видѣть и сильно тужилъ. Тогда царевна велѣла сказать ему:

— Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣй; если же не крестишься, то и не вылѣчишься.

Владиміръ сказалъ на это:

— Если въ самомъ дѣлѣ такъ случится, то поистинѣ великъ будетъ Богъ христіанскій,—и объявилъ, что готовъ къ крещенію.

Епископъ корсунскій, съ царевниными священниками, огласивъ, крестили Владиміра, и когда возложили на него руки, то онъ вдругъ прозрѣлъ. Удивясь такому внезапному исцѣленію, Владиміръ сказалъ:

— Теперь только я узналъ истиннаго Бога!

Видя это, и изъ дружины его многіе крестились.

Послѣ крещенія совершенъ былъ бракъ Владиміра съ Анною.

Невская битва.

(Отрывокъ.)

Пользуясь несчастіями русскихъ и досадуя на нихъ за частыя опустошенія ими Финляндіи, король шведскій Эрикъ I послалъ большое войско, состоявшее изъ шведовъ, норвежцевъ и финновъ, на ладьяхъ въ рѣку Неву къ устью рѣки Ижоры,

чтобы „повоевать Новгородскую землю", а самихъ русскихъ обратить въ католическую вѣру; начальствовалъ надъ войскомъ этимъ Биргеръ, зять короля, вельможа, происходившій изъ знатной шведской фамиліи Фолькунговъ.

Гордый Биргеръ, опытный и доселѣ непобѣдимый вождь, думалъ легко завоевать Ладогу и самый Новгородъ, почему и прислалъ къ новгородскому князю Александру Ярославовичу пословъ своихъ съ слѣдующими надменными словами:

«Ратоборствуй со мною, если смѣешь: я уже стою на твоей землѣ».

Александръ не изъявилъ ни страха, ни гордости предъ послами шведскими, но поспѣшилъ въ новгородскую церковь св. Софіи и въ ней на колѣняхъ со слезами молился Богу объ избавленіи земли Русской отъ враговъ; затѣмъ, принявъ благословеніе отъ новгородскаго архіепископа Спиридона, вышелъ къ своей малочисленной дружинѣ и сказалъ:

— Насъ немного, а врагъ силенъ, но *Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ*: идите съ вашимъ княземъ.

Александръ Ярославовичъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ великаго князя владимірскаго Ярослава Всеволодовича, отца своего; даже не всѣ новгородскіе воины успѣли собраться подъ знамена Александра: онъ спѣшилъ выступленіемъ, и къ 15 іюля 1240 года приближался уже къ берегамъ Невы, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться со шведами.

Въ то время на рѣкѣ Невѣ не только не было такихъ большихъ городовъ, какъ Петербургъ, но даже

и большихъ селеній,—лишь изрѣдка попадались жалкія хижины *ижорянъ*, теперь извѣстныхъ подъ именемъ *чухонцевъ*. Толпа ихъ стояла при устьѣ рѣки Ижоры. Всѣ были плохо вооружены, за исключеніемъ одного, который былъ и съ копьемъ и съ мечомъ: это былъ знатный ижорянинъ Пелгуй *), назначенный со своимъ племенемъ охранять берега Финскаго залива и слѣдить за движеніями шведовъ. Онъ, повидимому, сильно безпокоился о чемъ-то, часто посматривалъ внизъ по рѣкѣ Невѣ, будто поджидая кого-то, и вдругъ задумался, будто вспоминая что-то.

Гдѣ-то недалеко раздался конскій топотъ, и вскорѣ показался отрядъ всадниковъ, а немного погодя и пѣшихъ. Всѣ были хорошо вооружены; многіе—въ панцыряхъ. Завидя ихъ, начальникъ ижорянъ, Пелгуй, обрадовался и набожно перекрестился: это было новгородское войско, во главѣ со своимъ княземъ Александромъ Ярославовичемъ. Увидя его, всѣ сняли шапки и почтительно поклонились.

— Здравствуйте, здравствуйте,—ласково отвѣчалъ Александръ на поклоны;—ну, что, Пелгуй, не видно еще враговъ?

— Всю ночь не смыкалъ глазъ, княже, а не видалъ ихъ,—отвѣчалъ Пелгуй.

— Спасибо тебѣ и всѣмъ вамъ за вѣрную службу, спасибо; а теперь, пока что, отдохните; моя дружина покараулитъ,—сказалъ Александръ.

*) Старѣйшина одного изъ небольшихъ финскихъ племенъ; онъ былъ христіанинъ православный, хотя родъ его исповѣдовалъ еще язычество, и въ христіанствѣ носилъ имя Филиппа.

Ижорянамъ сильно хотѣлось отдохнуть послѣ утомительно проведенной ночи; поэтому они не заставили себя долго просить и всѣ разошлись; остался подлѣ князя лишь одинъ Пелгуй.

— А ты, старина, почему не идешь отдыхать?—спросилъ его Александръ,—чай, больше всѣхъ умаялся?

— Да хотѣлъ бы я тебѣ, княже, слово молвить по тайности.

— Хорошо, говори, старина,—отвѣтилъ Александръ и сдѣлалъ знакъ своимъ дружинникамъ, чтобы тѣ удалились.

Князь остался наединѣ съ Пелгуемъ.

— Всю ночь я смотрѣлъ,—началъ Пелгуй,—не идутъ ли вороги; вездѣ стражу разставилъ, а самъ все посматриваю, какъ бы кто не проглядѣлъ, не заснулъ: вѣдь я старшой здѣсь,—за всѣхъ въ отвѣтѣ. Вотъ смотрю я, а чтобы не заснуть, молитвы про себя творю; но немного ихъ я знаю, хотя и сподобилъ меня Господь окреститься и, благодареніе Богу, я не въ такой теперь тьмѣ, какъ мои братья—ижоряне; ну, да Господь Богъ съ простого человѣка не взыщетъ; итакъ, какія знаю молитвы—тѣ и творю, а чаще всего «Отче нашъ» да «Богородицу» читаю. И такъ-то на душѣ сладко стало: все еще спитъ, ни одна пташка не чирикнетъ, рыбка не всплеснетъ водой, а я все твержу «Отче нашъ» да «Богородицу», а Онъ, Творецъ-то нашъ, все слышитъ, и такъ-то сладко на душѣ. Смотрю я, княже, и вдругъ вижу, что на рѣкѣ что-то зачернѣло; сначала будто точка махонькая, потомъ стало видно, что это—лодка,

только лодка небольшая: людей на ней немного, такъ что намъ неопасно. Если вороги, думаю, и мы вдругъ кинемся на нихъ, то живо сладимъ; поэтому я и не дѣлаю тревоги; поджидаю, когда лодка сравняется съ самой серединой нашей засады, значитъ, съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я стою. Наконецъ можно было уже разсмотрѣть, сколько людей въ лодкѣ. Точно, ихъ немного: четверо гребутъ, одинъ рулемъ правитъ; всѣ одѣты въ черное, а посреди лодки стоятъ два молодыхъ и красивыхъ витязя, на нихъ червленыя одежды такъ и блестятъ, и кажется мнѣ, будто ихъ лики мнѣ знакомы, какъ-будто я гдѣ-то ихъ видѣлъ. Только старшій и говоритъ младшему:

«*Братъ Глѣбъ, вели грести скорѣе: да поможемъ сроднику нашему Александру*».

— И какъ только услыхалъ я эти слова,—продолжалъ Пелгуй,—то будто завѣса съ очей моихъ спала: вспомнилось мнѣ, гдѣ я этихъ витязей видѣлъ,—въ святомъ храмѣ на иконѣ святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Всплеснулъ я руками, взглянулъ опять на рѣку, а на ней нѣтъ уже ни ладьи, ниже слѣда ея. Обуялъ меня ужасъ и трепетъ великій; слышу, какъ бьется сердце, дрожу весь и въ то же время сладость неописанную чувствую на душѣ, такую сладость, что, кажется, велика была бы благодать Господня, если бы я могъ умереть въ ту самую минуту. До самаго твоего пріѣзда не былъ я спокоенъ; теперь, какъ тебѣ повѣдалъ, будто легче стало на душѣ. Что велишь дѣлать, княже?

Князь размышлялъ нѣсколько минутъ, затѣмъ началъ говорить:

— Знаю я тебя, человѣкъ ты хорошій, благочестивый... Можетъ, дѣйствительно, сподобилъ тебя Господь Богъ узрѣть святыхъ Его страстотерпцевъ... Да, полны чудесами творенія Господни, но не намъ съ тобой судить, точно ли это отъ Бога: объ этомъ судить можетъ только одна святая церковь; поэтому умолчи пока о томъ, что̀ ты видѣлъ.

— Прости, княже, за мое худое слово: не лучше ли разсказать объ этомъ ратникамъ? По крайней мѣрѣ, они пріободрились бы и смѣлѣе стали бы биться, а Богъ даровалъ бы намъ побѣду...

Улыбка появилась на устахъ Александра, и лицо его засіяло чѣмъ-то неземнымъ; и показалось въ эту минуту старому Пелгую, что онъ видитъ что-то родственное представившимся ему ночью...

— А развѣ безъ разсказовъ не даруетъ, если восхощетъ?! Храбра моя дружина: молодцы всѣ на подборъ, но я надѣюсь на одного только Бога,—проговорилъ Александръ и отпустилъ Пелгуя отдыхать, а самъ долго стоялъ, то задумываясь, то улыбаясь...

Много старыхъ знакомыхъ нашелъ Пелгуй въ княжеской дружинѣ; тутъ были: и удалые слуги княжескіе—Савва и Ратмиръ; и ловчій княжескій Яковъ Полочанинъ, смѣлый и искусный какъ на охотѣ, такъ и на войнѣ; и новгородскіе витязи—Сбыславъ Якуно-

вичъ и Миша; первый славился своей богатырскою силой и ростомъ и выходилъ обыкновенно въ битву съ однимъ топоромъ,—но страшенъ былъ для враговъ этотъ топоръ! Былъ тутъ и неустрашимый витязь Гавріилъ Олексичъ.

Александръ, оставивъ небольшой отрядъ у берега рѣки для наблюденія за непріятелемъ, остальное войско свое скрылъ въ лѣсу; но присоединившіеся часовые донесли, что враги уже показались.

Издавна славились шведы своей храбростью и воинскимъ искусствомъ: когда еще они назывались *норманнами*, ихъ набѣговъ трепетала почти вся Европа, а во Франціи, Германіи и другихъ странахъ во время богослуженія въ церквахъ читали особую молитву объ избавленіи страны отъ ярости норманновъ.

Гордо плыли шведы на своихъ шнекахъ *); на первой стоялъ самъ военачальникъ ихъ—Биргеръ; рядомъ съ нимъ стояли: молодой, но уже сильный и прославленный въ бояхъ сынъ его, называемый королевичемъ **), и католическій епископъ Спиридонъ, который больше всѣхъ хлопоталъ о войнѣ, дѣлая это въ угоду папѣ.

Берегъ, повидимому, былъ пустъ: никто не мѣшалъ шведамъ высаживаться изъ шнекъ, почему они начали

*) Такъ назывались шведскіе корабли.

**) Такъ какъ король шведскій Эрикъ I былъ бездѣтенъ, то наслѣдникомъ его считался сынъ Биргера, приходившійся королю племянникомъ, и назывался поэтому королевичемъ.

Началось единоборство между обоими вождями.

выходить на берегъ, не принимая никакихъ предосторожностей: они знали, что войско новгородскаго князя небольшое, такъ что трудно было бы даже предположить, чтобъ онъ пошелъ имъ навстрѣчу; къ тому же имъ казалось, что самыя удобныя минуты для нападенія на нихъ были именно во время ихъ высадки, да они и не ждали еще, чтобы новгородское войско такъ скоро пришло сюда; ничего подобнаго и въ виду не было.

Шведы вышли на берегъ.

Для Биргера разбили великолѣпный золотоверхій шатеръ.

Все было тихо; погода стояла не жаркая; легкій вѣтерокъ едва шелестилъ листья и серебрилъ верхушки березъ; былъ одинъ изъ лучшихъ іюльскихъ дней, жаръ котораго смягчался свѣжимъ морскимъ вѣтеркомъ; поверхность Невы была гладка. Казалось, ничто не могло нарушить прелести подобной картины; даже не видно было ни одного хищника-ястреба: и тотъ, гдѣ-нибудь забившись, мирно отдыхалъ; кузнечики весело стрекотали въ травѣ; все дышало миромъ и посылало хвалу Творцу.

Но вдругъ раздались крики, и царствовавшая доселѣ тишина смѣнилась крикомъ, съ которымъ русское войско выскочило изъ лѣса и ударило на враговъ. Внезапность и стремительность нападенія привели шведовъ въ замѣшательство и разстроили ихъ ряды; часть ихъ дрогнула и, было, побѣжала, но большинство скоро оправилось, и завязался отчаянный бой; шведы съ русскими

смѣшались... Княжеская дружина дѣлала чудеса храбрости, но особенно выдѣлялись помянутые выше воины: въ одномъ мѣстѣ бился новгородскій витязь Миша; въ другомъ—товарищъ его, храбрый Сбыславъ Якуновичъ, своимъ страшнымъ топоромъ поражавшій враговъ направо и налѣво; княжескій слуга Ратмиръ оказывалъ чудеса храбрости и силы: бился онъ пѣшій, перебилъ много враговъ, но «умаялись руки молодецкія, иступился мечъ булатный, изнемогъ добрый молодецъ отъ ранъ вражескихъ и палъ на сыру-землю, чтобы заснуть сномъ вѣчнымъ»; Гавріилъ Олексичъ, поразивъ много враговъ, напалъ на самого королевича, сына Биргера. Не устоялъ молодой королевичъ противъ русскаго богатыря и побѣжалъ; Гавріилъ Олексичъ погнался за нимъ, поражая враговъ, попадавшихся ему навстрѣчу. Королевичъ успѣлъ однако проскакать по доскамъ, соединявшимъ шведскіе корабли съ берегомъ; не посчастливилось сдѣлать это Гавріилу Олексичу: добрый конь оступился и упалъ вмѣстѣ съ всадникомъ въ воду.

Вдругъ, въ самый разгаръ битвы, выскочилъ изъ засады Яковъ Полочанинъ, храбрый ловчій княжескій, со своими товарищами и погналъ цѣлый отрядъ шведскій. Александръ, бившій какъ простой воинъ, увидя это, закричалъ удалому Якову Полочанину:

— Молодецъ, Яковъ! Спасибо!

Самъ Александръ показывалъ собою примѣръ храбрости и мужества; Биргеръ, увидя его, догадался, что онъ и есть самъ новгородскій князь, и помчался на него.

Началось единоборство между обоими вождями; оба

были сильны и ловки; страшные удары наносили они другъ другу, но каждый ударъ одного отбивался ловкимъ ударомъ другого. Наконецъ, Александръ ранилъ Биргера и «*положилъ ему печать на лицо копіемъ своимъ*» *).

Гордый шведскій вождь побѣжалъ.

Вдругъ, при радостныхъ крикахъ русскихъ, золотоверхій шатеръ Биргера упалъ: это удалой слуга княжескій Савва пробился къ шатру и подрубилъ его.

Шведы повсюду обратились въ бѣгство, за исключеніемъ небольшой горсти храбрѣйшихъ изъ нихъ, бившихся у самаго берега и прикрывавшихъ бѣгство остальныхъ. Въ особенности выдѣлялись своею храбростію: католическій епископъ Спиридонъ и одинъ изъ шведскихъ воеводъ. Епископъ сражался какъ простой воинъ: въ тѣ времена въ Западной Европѣ это было самое обыкновенное явленіе.

Но вотъ на конѣ появился всадникъ: это былъ Гавріилъ Олексичъ, котораго добрый конь вынесъ изъ воды. Стремительно бросился онъ на шведскаго воеводу, и тотъ палъ мертвый; палъ въ битвѣ и епископъ Спиридонъ.

Пораженіе шведовъ было полное, и только наступившая темная ночь спасла ихъ отъ совершеннаго истребленія.

У шведовъ такъ много было убитыхъ, что трупами однихъ только знатныхъ воиновъ нагрузили они двѣ

*) Слова лѣтописца.

шнеки; трупы же простыхъ воиновъ зарыли въ яму, и до разсвѣта уплыли въ море. У русскихъ было убито, какъ считаютъ лѣтописцы, только человѣкъ двадцать.

Вотъ какъ повѣствуется объ этомъ сраженіи въ Новгородской лѣтописи: «Убіенъ бысть воевода ихъ, именемъ Спиридонъ; а иніи творяху (сказывали), яко и Пискупъ убіенъ туже... Новгородцевъ же ту паде: Костянтинъ Луготиницъ, Гюрята Пинещеничъ, Намѣстъ Дрочило, Нездѣловъ, сынъ кожевника, а всѣхъ 20 мужъ съ Ладожаны, или мнѣ (менѣе), Богъ вѣсть». Въ описаніи Александровыхъ дѣлъ прибавлено, что за рѣкою Ижорою, гдѣ совсѣмъ не было сраженія, нашлось множество мертвыхъ шведовъ, убитыхъ, безъ сомнѣнія, ангелами.

Трудно описать радость, охватившую новгородцевъ, когда они узнали о побѣдѣ; тѣмъ болѣе, что послѣ нея русскіе надолго могли быть спокойными, что шведы не будутъ ихъ тревожить.

За эту великую побѣду, спасшую Русскую землю отъ иноземной власти и латинства, Александръ получилъ прозваніе *Невскаго*.

Садко у морского царя *).

(Новгородская былина).

I.

Ѣдетъ Садко-купецъ на своихъ корабляхъ
По широкому, синему морю;
Расходилась вдругъ буря на синихъ волнахъ
Ко великому Садкину горю.

Ходитъ буря, реветъ, корабли на бокъ гнетъ,
Паруса рветъ на мелкія части,

*) Былинный богатый новгородскій купецъ является въ народномъ міросозерцаніи какъ бы олицетвореніемъ самого Великаго Новгорода, могучаго центра внутренней и внѣшней торговли древней Россіи.

За волною волна въ синемъ морѣ встаетъ,
И трещатъ корабельныя снасти.

Струсилъ Садко-купецъ предъ бѣдою такой
И поникъ головою въ кручинѣ:
Не придется, знать, Новгородъ видѣть родной,
А придется погибнуть въ пучинѣ.

Говоритъ онъ дружинѣ своей удалой:
«Много лѣтъ мы по морю ходили,
А морскому царю дани мы никакой
За проходъ кораблей не платили.

«Знать, за это на насъ разсердясь, царь морской,
Причинить хочетъ злое намъ горе.
Вы берите боченокъ съ казной золотой
И бросайте его въ сине море».

И дружина боченокъ съ казной золотой
Въ волны синяго моря кидаетъ...
Волны, пѣнясь, кипятъ надъ морской глубиной,
Корабли, точно щепки, швыряетъ...

Видитъ Садко, что море все больше бурлитъ,
Все сильнѣй и сильнѣе клокочетъ,
И дружинѣ своей удалой говоритъ:
«Видно, царь головы данью хочетъ.

«Такъ давайте же, братцы, кидать жеребья—
Кому жертвою быть синю морю;
Если вашъ, то быть вамъ, если мой—буду я,
И кидайте меня,—не поспорю».

Всѣ берутъ жеребья, Садкѣ въ шапку кладутъ;
Садко въ море съ своимъ ихъ кидаетъ.
Жеребья всей дружины не тонутъ—плывутъ,
Только Садкинъ ко дну упадаетъ.

«Выпалъ жеребій мой морю жертвою быть,
Заплатить дань своей головою;
Безъ меня къ Новугороду, братцы, вамъ плыть,
Увидаться съ сторонкой родною.

«Посадите меня на дубовой доскѣ,
Дайте гусли мои золотыя;
На дубовой доскѣ и съ гуслями въ рукѣ
Опустите на волны морскія».

На дубовой доскѣ посадили его
И на синее море спустили;
Не взялъ Садко съ собою добра ничего,
Съ нимъ однѣ его гусельки были.

И затихла вдругъ буря на синихъ волнахъ,
Улеглася морская пучина.
И безъ Садки-купца на его корабляхъ
Понеслася по морю дружина.

II.

На морской глубинѣ, въ свѣтломъ царскомъ дворцѣ,
Ходятъ рыбы-киты и дельфины
И сѣдые усы у царя на лицѣ
Очищаютъ отъ грязи и тины.

Съ неба солнца лучи свѣтятъ въ царскій дворецъ,
Зажигаютъ огни-изумруды;
Вотъ въ палаты царя входитъ Садко-купецъ,
За плечомъ у него звонкогуды.

«А! здорово, дружище! давно тебя ждемъ»,—
Молвилъ Садкѣ морской царь, зѣвая,
Ротъ широко раскрывъ и зубчатымъ жезломъ
Прочь придворныхъ своихъ отгоняя.

«Много лѣтъ ты возилъ на своихъ корабляхъ
Нашимъ моремъ безъ дани богатство;
Такъ за это потѣшь ты игрой на гусляхъ
Нашу царскую милость въ пріятство».

Садко кудри съ лица прочь рукою отвелъ,
Взялъ онъ гусли свои звонкогуды,
И придворныхъ царя смѣлымъ взглядомъ обвелъ
И подумалъ себѣ: «да, не худы!»

«Ладно!—молвилъ царю,—я потѣшить не прочь
Вашу царскую милость игрою».
И хватилъ по струнамъ во всю русскую мочь—
Моря гладь заходила волною.

Царь ладонями уши закрылъ и кричитъ:
«Что за чортъ за игра за такая!
Она царскій нашъ слухъ намъ совсѣмъ оглушитъ;
Эта штука для насъ, братъ, плохая!»

Садко руку отвелъ,—замираетъ струна,
Звуки тихіе чуть издавая;

Надъ морской глубиной улеглася волна,
Передъ солнцемъ горя и сверкая.

Точно муха, кружась, зацѣпляетъ струну,
Точно мошки, жужжа, гдѣ-то вьются,
Точно капли дождя тихо бьютъ о волну,
Звуки стройные, чудные льются.

Точно кто-то, рыдая, глубоко скорбитъ
О потерянномъ счастьѣ когда-то,
Точно тихая рѣчь чья-то грустно звучитъ
О погибшей любви безъ возврата.

И подъ звуки игры у морского царя
Голова наклонилась сѣдая;
Хороша, какъ по-утру на небѣ заря,
Загрустилась царица морская.

Ей припомнился Новгородъ вольный, родной,
Ея дѣвичья вышка-свѣтлица,
Что стояла надъ Волховомъ, быстрой рѣкой,
И рыдаетъ морская царица.

Загубилъ ея вѣкъ—золотые деньки
Сынъ боярскій, свѣнчавшись съ другою;
Она бросилась въ Волховъ-рѣку отъ тоски,
Да и стала царицей морскою.

И придворные всѣ, ротъ разинувъ, ревутъ,
Точно горе какое стряслося,
И изъ рыбьихъ ихъ глазъ слезы льются, текутъ:
Всласть впервой имъ поплакать пришлося.

Садко дернулъ плечомъ и кудрями тряхнулъ—
И забѣгали пальцы быстрѣе,
И отъ струнъ побѣжалъ одуряющій гулъ,
Звуки льются живѣй и живѣе.

Точно дождикъ шумитъ, точно скачетъ волна,
Ударяясь о берегъ скалистый,
Зазвенѣла морская кругомъ глубина,—
Понеслись гоготанье и свисты.

Ошалѣлъ царь морской, головою трясетъ,
Плечи сами собой такъ и ходятъ,
И руками вертитъ, и ногами толчетъ,
И, моргая, глазами поводитъ.

Скачетъ царь водяной, ходитъ фертомъ кругомъ
И полой своей шубы онъ машетъ,
По хрустальнымъ палатамъ вертится вьюномъ,
Присѣдаетъ и съ присвистомъ пляшетъ.

Садко день проигралъ, проигралъ и другой,—
Звуки прыгаютъ, скачутъ, дробятся;
Все сильнѣй и сильнѣй пляшетъ царь водяной,
Такъ что началъ дворецъ весь шататься.

Надъ морской глубиной волны, пѣнясь, кипятъ
И, свистя, другъ на друга несутся,
И трещатъ корабли, мачты въ воду летятъ,
Крики, стоны кругомъ раздаются.

Корабельщики всѣ предъ бѣдою такой
Затужились о ждущей ихъ долѣ,

Что придется погибнуть имъ въ глуби морской,
И взмолились святому Николѣ.

III.

Два дня Садко игралъ и играетъ еще,
На щекахъ разгорѣлся румянецъ...
Кто-то Садку рукой тихо дергъ за плечо...
Глядь—стоитъ передъ нимъ сѣдой старецъ.

«Перестань на звончатыхъ ты гусляхъ играть,—
Говоритъ ему старецъ сурово:
«Нечестно̀ православной душѣ потѣшать,
Непригоже—царя водяного».—

«Не моя, старче, власть на морской глубинѣ,—
Я въ водѣ здѣсь слуга подневольный,
И, играя, грущу о родной сторонѣ,
Человѣкъ Новагòрода вольный.

«Не охотой попалъ на морское я дно,
Съ водянымъ мнѣ не радость возиться;
Я и самъ пересталъ бы играть ужъ давно,
Да вѣдь какъ отъ игры мнѣ отбиться?»

«А ты вырви колки изъ гуслей золотыхъ,
Зашвырни ты ихъ въ море далече,
Возьми, струны порви и скажи: нѣтъ другихъ,
На чемъ стану играть, человѣче?

«Будетъ царь водяной тебя въ морѣ женить,
Будетъ дочекъ давать тебѣ въ жены,—

Не бери, а то въ морѣ останешься жить,
Не увидишь свѣтъ вольный, крещеный.

«Не прельщайся ты, Садко, морской красотой,
Хороши царя дочки на славу;
У царя водяного возьми ты женой
Некрасивую дѣвку Чернаву.

«А когда спать ты ляжешь въ палатахъ царя,
Отъ жены молодой отвернешься,
И какъ только по-утру займется заря,
Въ Новѣгородѣ вольномъ проснешься».

Старецъ сталъ невидимъ,—Садко струны рванулъ,—
На гусляхъ точно струнъ не бывало,
И замолкъ подъ водою рокочущій гулъ,
И въ палатахъ царя тихо стало.

Пересталъ царь морской и скакать, и плясать,
Говоритъ такъ онъ Садкѣ съ грозою:
«Что-жъ ты, Садко, умолкъ, или насъ потѣшать
Не желаешь ты больше игрою?»

«Я бы тѣшить не прочь,—да вѣдь какъ же мнѣ быть,
На губахъ наиграешь немного...
Царь, порвались всѣ струны,—другихъ захватить
Не пришло мнѣ въ умишко убогой».

«Дѣлать нечего, вижу, вина не твоя,
А хотѣлось еще поплясать бы,—
Ужъ утѣшилъ бы всѣхъ своей пляскою я,
А особенно въ день твоей свадьбы.

За игру твою, Садко, хочу наградить,
За большую услугу такую:
Я хочу тебя, Садко, на дочкѣ женить,
Изъ царевенъ облюбишь какую».

«Нѣтъ ужъ, батюшка-царь, не изволь награждать,
Награжденье твое—мнѣ кручина,
Мнѣ царевна морская женой неподстать,
Я простой новгородскій людина.

«Для простого людина мнѣ честь велика—
Взять женою царевну морскую.
Подопью иногда, раззудится рука,—
Ни за что̀ твою дочку отдую.

«За царевною нуженъ великій уходъ,
Обувать, одѣвать—нужны слуги,
А для этого скуденъ мой будетъ доходъ,—
Не возьму твою дочку въ супруги.

«Царь, мнѣ надо жену вотъ такую бы взять,
Чтобы съ ногъ сапоги мнѣ снимала,
Какъ побью иногда,—чтобы стала молчать,
Говорить предо мной не дерзала.

«Чтобы дѣлала то̀, что̀ ей дѣлать велю,
Моему-бъ не перечила нраву;
Дай ты въ жены мнѣ лучше прислугу твою,
Некрасивую дѣвку Чернаву».

И женилъ его царь на Чернавѣ рябой,
На нечесаной дѣвкѣ, косматой;

Сорокъ бочекъ казны за Чернавой женой
Далъ въ приданое царь тароватый.

Послѣ свадьбы легъ Садко въ палатахъ царя,
Отъ жены молодой отвернулся,
И, какъ только по-утру зажглася заря,
Въ Новѣгородѣ вольномъ проснулся,—

И надъ Волховомъ, быстрой рѣкою, стоитъ,
Недалеко отъ дома родного,
И предъ нимъ сорокъ бочекъ съ казною лежитъ,
Награжденье царя водяного.

Вотъ и Садки суда принеслись по волнамъ.
Удивленье дружинѣ—загадка,
Что за чудо такое? не вѣрятъ глазамъ,—
Какъ ни въ чемъ не бывалъ, стоитъ Садко.

Куликовская битва

Въ концѣ лѣта 1380 года Москва представляла необыкновенно оживленный видъ. Конные и пѣшіе отряды воиновъ одинъ за другимъ вступали съ разныхъ сторонъ въ городъ. Топотъ и ржаніе коней, бряцаніе оружія и гулъ смѣшанныхъ голосовъ не смолкали на улицахъ. Народъ толпился повсюду, гдѣ проходили отряды, любовался бодрымъ видомъ воиновъ и блестящимъ вооруженіемъ князей и бояръ—вождей отрядовъ. Войска шли по улицамъ не спѣша; воины смотрѣли бодро и спокойно; толпы народа глазѣли на нихъ подолгу и беззаботно; тревоги нигдѣ не было замѣтно: видно было, что городу не грозитъ близкая бѣда, и не для защиты его отъ врага собирается рать. А отряды ея все шли да шли въ Москву. «Для чего же собирается

такая сила? Ужъ не большое ли какое дѣло затѣвается?» говорили въ народѣ.

И вправду затѣвалось дѣло не малое.

Великій князь московскій, Димитрій Ивановичъ, задумалъ ударить всей русской силой на татаръ.

Полтораста лѣтъ тому назадъ нахлынули изъ Азіи дикія орды татаръ на Русскую землю. Два страшныя нашествія совершили они. Дымящійся пепелъ, груды развалинъ да истерзанныя тѣла обозначали путь татаръ. Запустѣла и обезлюдѣла надолго Русская земля повсюду, гдѣ проходили татары. Но этимъ бѣда не кончилась. Расположились орды на кочевье въ Прикаспійскихъ степяхъ, по сосѣдству съ русскими землями, обложили всѣ уцѣлѣвшія русскіе города и села страшной данью. Собирали эту дань съ безпощадною жестокостью, вымучивали ее у народа. Каждая поѣздка татарскихъ баскаковъ (чиновниковъ) съ вооруженными шайками для сбора дани была великимъ несчастіемъ для народа: всякія оскорбленія, насилія, грабежъ, мученія и убійства совершались при этомъ. Глубоко въ народную память залегла ненависть къ «злому татарину», который, по словамъ народной пѣсни:

Съ князей бралъ по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У кого дѣтей нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.

Самая наружность татаръ казалась русскимъ страшною. Росту татары были небольшого, но очень коренасты и плечисты. Огромныя головы ихъ были обыкновенно выбриты. Плоскія и смуглыя ихъ лица съ узкими глазами, съ огромными выдавшимися скулами, щетинистыми рѣдкими усами и бородами, казались отвратительными всѣмъ европейцамъ. По жизни своей татары совсѣмъ не походили на русскихъ: земледѣлія вовсе не знали, а занимались скотоводствомъ. Ѣли татары всякое мясо да жидкую кашу изъ проса. Любимымъ напиткомъ былъ у нихъ кумысъ. Постоянныхъ поселеній у нихъ не было. Гдѣ прикажетъ ханъ, тамъ и становилась орда станомъ. Каждая татарская семья ставила себѣ юрту, сдѣланную изъ нетолстыхъ длинныхъ палокъ и покрытую войлокомъ или кожами. Пожелаетъ ханъ перейти на другое мѣсто—и кочевой городъ снимался съ прежняго мѣста: юрты складывались на телѣги, пожитки вьючились на верблюдовъ, и громадный обозъ въ нѣсколько тысячъ возовъ, запряженныхъ волами и лошадьми, шелъ по степи, а за нимъ гнали огромные табуны лошадей, стада быковъ и овецъ.

Татары были племя полудикое и по своей жизни стояли гораздо ниже русскихъ. Въ одномъ только татары превосходили нашихъ предковъ,—въ военномъ дѣлѣ. Ведя постоянно войны и совершая набѣги, татары понаторѣли въ военномъ дѣлѣ. Наѣздники и стрѣлки они были превосходные. И не мудрено. Сызмала дѣти ихъ уже ѣздили верхомъ и учились пускать стрѣлы. Охота была ихъ любимой потѣхой. Дѣвушки и женщи-

ны у татаръ—и тѣ хорошо ѣздили верхомъ и владѣли лукомъ. Притомъ татары слушались безпрекословно своего хана: по одному знаку его каждый шелъ на вѣрную смерть. Но что̀ важнѣе всего—орда была страшно многочисленна. Вотъ почему Русь, раздробленная на удѣлы, разрозненными силами ничего не могла подѣлать съ татарами. Городъ за городомъ, рать за ратью гибли подъ ударами страшнаго врага, несмотря на свое мужество.

Запустѣла особенно Южная Русь. Въ близкомъ сосѣдствѣ съ татарами было не въ моготу жить. Потянулось населеніе изъ благодатныхъ хлѣбородныхъ южныхъ земель на сѣверъ. Сѣверные русскіе князья лучше, чѣмъ южные, поняли, что̀ нужно дѣлать; стали они всѣми силами задабривать хановъ, выказывали имъ полную покорность и преданность, получали отъ нихъ, какъ отъ своихъ государей, граматы (ярлыки) на владѣніе своими землями.

Особенно ловко дѣйствовали московскіе князья. Они мало-по-малу вкрались въ такое довѣріе хановъ, что тѣ, считая ихъ самыми преданными своими слугами, поручили имъ самимъ собирать дань съ Русской земли и отвозить въ орду. Разбогатѣли московскіе князья и сами, собирая эту дань. Стали они понемногу скупать у своихъ сосѣдей земли. Московская область все росла и богатѣла. Сюда переселялся изъ другихъ мѣстъ и народъ. За московскими князьями жилось льготнѣе и спокойнѣе, чѣмъ за другими русскими удѣльными князьями. Москва, наконецъ, вошла въ такую силу, что удѣльные

князья должны были волей-неволей подчиниться московскому великому князю. А въ то время какъ росла сила Москвы, орда начинала слабѣть. Одинъ ханъ свергалъ другого. Нѣкоторые мурзы (воеводы) стали выходить изъ повиновенія. Казалось, наступала пора для русскихъ попытаться покончить съ татарскимъ владычествомъ. Послѣ долгихъ смутъ въ ордѣ утвердился воевода Мамай. Онъ потребовалъ отъ Димитрія такой дани, какую платили встарину московскіе князья ханамъ. Димитрій Ивановичъ готовъ былъ платить, но не такъ много, какъ требовалъ Мамай. Для острастки Мамай сталъ высылать въ русскія земли отряды для грабежа. Одинъ такой отрядъ русскіе разбили на берегу рѣки Вожи. Мамай, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ ярость. Онъ видѣлъ, что надо нагнать на русскихъ такого страху, чтобъ имъ и въ мысль не входило бороться съ татарами; иначе скоро придетъ конецъ татарскому владычеству.

— Возьму русскую землю,—говорилъ Мамай своимъ сановникамъ, по словамъ одного сказанія,—разрушу церкви русскихъ, вѣру ихъ на свою переложу, прикажу имъ поклоняться Магомету. Гдѣ были христіанскія церкви, тамъ велю поставить мечети; посажу своихъ баскаковъ по всѣмъ русскимъ городамъ, а князей русскихъ перебью!

Лѣтомъ 1380 года узналъ Димитрій, какая гроза собирается надъ Русской землей, и, не медля, разослалъ гонцовъ по всѣмъ областямъ, чтобы скорѣе шли войска къ Москвѣ.

Вотъ почему собиралась русская рать въ Москву, и вотъ какое дѣло затѣвалъ великій князь Димитрій Ивановичъ.

По совѣту духовенства, великій князь послалъ къ Мамаю посла и снова предложилъ уплатить дань. Но Мамай требовалъ дани гораздо большей, чѣмъ предлагалъ князь. Войны нельзя было миновать.

Незадолго до выступленія въ походъ, Димитрій Ивановичъ отправился въ Троицкую обитель. Великій подвижникъ, основатель ея, св. Сергій, принялъ Димитрія очень радушно, устроилъ для князя трапезу. По просьбѣ великаго князя, преподобный Сергій отпустилъ съ нимъ въ походъ двухъ иноковъ. Одинъ звался Пересвѣтъ, другой Ослябя. Они были прежде ратными людьми и слыли богатырями. Сергій приказалъ имъ итти въ походъ, взялъ схимы съ нашитыми крестами, возложилъ имъ на головы:

— Носите ихъ вмѣсто шлемовъ,—сказалъ онъ,—это вашъ доспѣхъ нетлѣнный, вмѣсто тлѣннаго. Пострадайте, какъ доблестные воины Христовы.

Затѣмъ св. Сергій благословилъ князя и всѣхъ бывшихъ съ нимъ крестомъ, окропилъ святой водой и сказалъ князю:

— Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ! Онъ низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя.

Сильно обрадовали князя и его сподвижниковъ эти

слова. Сергія еще при жизни считали святымъ и вѣрили, что онъ обладаетъ пророческимъ даромъ.

Предъ выступленіемъ въ походъ усердно молился Димитрій въ Успенскомъ соборѣ у мощей св. Петра митрополита, главнаго заступника Москвы. Помолился Димитрій и въ Архангельскомъ соборѣ предъ гробницами своихъ предковъ.

Войску приказано было тронуться въ походъ. Тутъ начались проводы. Великая княгиня Евдокія, другія княгини и боярыни со слезами провожали своихъ мужей. Многія навзрыдъ плакали. Многимъ матерямъ и женамъ приходилось великую жертву приносить родной землѣ, провожая своихъ дѣтей и мужей въ этотъ достопамятный походъ.

28-го августа Димитрій съ многочисленными полками вступилъ въ Коломну. Сюда сошлись уже многія русскія ополченія изъ разныхъ мѣстъ. Воеводы этихъ отрядовъ вышли навстрѣчу великому князю. Въ городскихъ воротахъ встрѣтилъ его съ крестомъ коломенскій епископъ Герасимъ.

Димитрій распредѣлилъ начальство надъ полками и устроилъ смотръ всему войску. По счету оказалось всей рати пѣшей и конной до двухсотъ тысячъ. Никогда еще на Руси не собиралось такой большой воинской силы.

Тутъ Димитрій получилъ вѣсть, что Мамай съ огромнымъ полчищемъ стоитъ за Дономъ и давно уже ждетъ своего союзника, литовскаго князя. Провѣдалъ Димитрій съ печалью, что князь рязанскій Олегъ измѣнилъ русскому дѣлу, сталъ заодно съ ханомъ.

Хоть не всѣ еще русскіе полки собрались, но дольше ждать нельзя было. Надо было помѣшать Мамаю ворваться въ Русскую землю и сразиться съ нимъ прежде, чѣмъ успѣетъ подойти къ нему литовская помощь. Димитрій далъ приказъ своей рати немедля двигаться къ степи. Выбрали десять искусныхъ, бывалыхъ вожаковъ, знавшихъ хорошо дороги, и двинулись.

Осень въ тотъ годъ стояла прекрасная: было ясно, тепло и сухо. Русскія войска шли скоро и бодро. Рать подходила уже къ Дону, когда изъ передового отряда развѣдчики принесли важную вѣсть: «Мамай стоитъ на Дону, у Кузьминой гати, и ждетъ литовскаго князя и рязанскаго. А силы у Мамая столько, что и смѣты ей нѣтъ!».

Димитрій Ивановичъ созвалъ всѣхъ князей и воеводъ на совѣтъ. Надо было рѣшить, что̀ дѣлать: перейти ли русскимъ черезъ Донъ и ударить на врага, или не переходить и ждать нападенія татаръ?

Одни думали, что лучше не переходить.

— Врагъ силенъ,—говорили они,—лучше, если на всякій случай будетъ у насъ путь назадъ.

Другіе, болѣе смѣлые воеводы говорили не то:

— Лучше поскорѣе перейти Донъ. Пусть ни у кого и мысли не будетъ возвращаться назадъ! Нечего намъ смотрѣть на то, что сила у враговъ велика. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!..

Димитрій Ивановичъ колебался недолго: вспомнилъ онъ благословеніе и напутствіе преподобнаго Сергія, вспомнилъ его слова и рѣшился.

Затѣмъ Св. Сергій благословилъ князя.

— Братья! — сказалъ онъ, — честная смерть лучше дурной жизни. Коли уже пошли противъ татаръ, то нельзя итти назадъ, ничего не совершивъ. Нынче перейдемъ черезъ Донъ и тамъ положимъ свои головы за святыя церкви, за вѣру, за братьевъ нашихъ и за все христіанство!

Приказалъ онъ строить мосты для пѣшихъ и искать бродовъ для конницы.

Въ ночь съ 7-го на 8-ое сентября русскіе перешли чрезъ Донъ, и, по приказу великаго князя, разрушили мосты: никто не долженъ былъ и помышлять объ отступленіи.

Въ эту ночь къ Димитрію, по словамъ сказанія, явился Димитрій Боброкъ. Это былъ опытный воевода и человѣкъ бывалый. Онъ предложилъ великому князю погадать объ исходѣ битвы. Суевѣрны были тогда наши предки: вполнѣ вѣрили они разнымъ дурнымъ и хорошимъ примѣтамъ, предзнаменованіямъ и предсказаніямъ.

Тихо среди глубокой ночи выѣхали изъ стана великій князь и Боброкъ. Предъ ними разстилалось широкое поле. Называлось оно Куликово. Позади нихъ былъ Донъ; впереди рѣчка Непрядва, притокъ его. Ночная мгла скрывала оба стана. Всадники, выѣхавъ на середину поля, остановились.

— Оборотись, князь, къ татарской сторонѣ и слушай! — сказалъ Боброкъ.

Нѣсколько времени они прислушивались. До нихъ явственно доносились стукъ, звуки трубъ и крики. Слышались имъ также вдали за татарскимъ станомъ завы-

ванія волковъ, а съ правой стороны клектали орлы, каркали вороны. Гуси и лебеди плескались на рѣкѣ Непрядвѣ, предвѣщая грозу.

— Что ты, князь, слышалъ?—спросилъ Боброкъ.

— Слышалъ шумъ и грозу!—отвѣтилъ князь.

— Оберись, господинъ, теперь къ русскому стану!—сказалъ гадатель.

Димитрій послушалъ нѣсколько времени и сказалъ:

— Ничего не слышно. Тишина совершенная! Вижу только много огней и зарево отъ нихъ.

— Благодари Бога, господинъ князь,—сказалъ Боброкъ,—Пречистую Богородицу, великаго чудотворца Петра и всѣхъ святыхъ: огни—хорошая примѣта!

— Есть у меня еще одна примѣта,—прибавилъ онъ, слѣзъ съ коня, припалъ къ землѣ и долго къ чему-то прислушивался. Наконецъ, поднялся, постоялъ съ опущенной головой и молчалъ.

— Что же? какова примѣта?—спрашивалъ князь.

Боброкъ все молчалъ. Наконецъ онъ заплакалъ.

Заныло тяжелымъ предчувствіемъ сердце у князя.

— Братъ, Димитрій,—заговорилъ онъ съ тревогой,—прошу тебя, говори! сердце у меня щемитъ!

— Господинъ князь,—сказалъ наконецъ Боброкъ,—тебѣ одному разскажу я, но ты никому не говори объ этомъ. Слышалось мнѣ, будто земля горько плакала на два голоса. Съ татарской стороны казалось, будто мать оплакиваетъ дѣтей своихъ, причитаетъ по-татарски, голоситъ и слезами разливается. Съ другой стороны слышалось, будто дѣвица въ тяжкой скорби плачетъ го-

лосомъ нѣжнымъ и тонкимъ, словно свирѣль. Много битвъ и примѣтъ извѣдалъ я. Знаю я ихъ. Уповай, князь, на Божію милость. Ты татаръ одолѣешь; но многое множество христіанскаго воинства падетъ отъ вражьяго меча!

Услышавъ это, Димитрій Ивановичъ горько заплакалъ.

— Да будетъ воля Господня! — сказалъ онъ наконецъ.

Боброкъ снова просилъ князя никому не говорить о гаданіи, чтобы не навести уныніе на войско.

Всю эту ночь ужасно завывали волки. Чуяли они добычу. Вороны каркали... Жутко было всѣмъ въ эту страшную ночь!

Наступалъ достопамятный для русскихъ день 8-го сентября, праздникъ Рождества Богородицы. Съ утра густой туманъ покрывалъ землю. Это было для русскихъ кстати. Князю Владиміру Андреевичу Серпуховскому, двоюродному брату Димитрія, удалось незамѣтно для татаръ пробраться съ отрядомъ отборныхъ воиновъ вверхъ по Дону, въ лѣсъ. Съ этимъ отрядомъ отправился и воевода Димитрій Боброкъ.

Къ 9 часамъ утра туманъ разсѣялся. Засіяло солнце. Русская рать стояла уже на-готовѣ, въ боевомъ порядкѣ. Великій князь глядѣлъ съ холма на свои полки. Необозримые ряды воиновъ занимали громадное пространство. Знамена и значки развѣвались въ воздухѣ. Блистали на солнцѣ доспѣхи воиновъ. Еловцы (маленькіе красные флаги на шишакахъ) словно огонь пылали.

Долго великій князь не могъ оторвать взоровъ отъ своего воинства. Сердце сжалось тоскою у Димитрія, когда вспомнилъ онъ, что многое множество изъ красовавшихся предъ нимъ воиновъ сложитъ головы на этомъ полѣ.

Великій князь сталъ объѣзжать ряды своихъ войскъ. Предъ каждымъ полкомъ онъ останавливался и говорилъ:

— Возлюбленные отцы и братья! ради Господа и Пречистой Богородицы, подвизайтесь за православную вѣру и за братьевъ нашихъ! Умремъ за православную вѣру, за святыя церкви! Смерть сія не въ смерть, но въ жизнь вѣчную!

Ободривъ войско, Димитрій сталъ снова подъ свое черное знамя, снялъ съ себя княжескую приволоку (плащъ) и надѣлъ ее на своего боярина Михаила Бренка; ему же отдалъ своего богато-убраннаго коня. Хотѣлъ великій князь, какъ простой воинъ, биться въ первыхъ рядахъ. Бояре и воеводы упрашивали его, чтобы онъ не дѣлалъ этого, говорили, что ему, какъ главному военачальнику, слѣдуетъ стоять въ безопасномъ мѣстѣ и издали слѣдить за ходомъ битвы. Но Димитрій остался непреклоненъ.

— Я у васъ первый надъ всѣми,—говорилъ онъ,—я болѣе всѣхъ васъ получалъ всего добраго и теперь долженъ первый съ вами терпѣть...

Затѣмъ Димитрій вкусилъ благословеннаго хлѣба, присланнаго ему преподобнымъ Сергіемъ, прочелъ молитву, приложивъ руку къ кресту, висѣвшему на груди.

Послѣ этого великій князь велѣлъ своимъ полкамъ выступать.

Русская рать двинулась къ устью рѣки Непрядвы. Часу въ шестомъ дня увидѣли русскіе врага. Словно черная грозовая туча, двигалось полчище Мамая, сходя съ холма. Татары шли густыми рядами. У заднихъ рядовъ копья были длиннѣе, чѣмъ у переднихъ. Татары по большей части сверхъ доспѣховъ надѣвали кафтаны, сверхъ шлемовъ — мѣховые колпаки. Одежда была у нихъ темнаго цвѣта. Русскіе воины въ своихъ блестящихъ доспѣхахъ казались гораздо нарядиѣе. Враги стояли теперь лицомъ къ лицу.

Небольшое разстояніе было между русскими рядами и татарскимъ полчищемъ. Страшно было видѣть, говоритъ сказаніе, какъ двѣ огромныя силы шли на кровопролитіе и смерть.

Мамай остановился на холмѣ со своими мурзами (воеводами), чтобы съ высоты наблюдать за битвою. И вотъ, изъ татарскаго полчища выѣхалъ впередъ наѣздникъ громаднаго росту и силы. По обычаю татаръ, удальцы начинали битву и ободряли другихъ своимъ примѣромъ. Сталъ татарскій витязь громко выкликать себѣ противника изъ русскихъ. Не сразу нашелся храбрецъ, чтобы сразиться съ великаномъ. Тогда инокъ преподобнаго Сергія Пересвѣтъ сказалъ великому князю и другимъ воеводамъ:

— Хочу съ помощью Бога, Пречистой Его Матери, всѣхъ святыхъ и молитвъ преподобнаго Сергія переѣдаться съ нимъ.

Шлемъ Пересвѣта былъ покрытъ схимою. Онъ попросилъ благословенія у священника, сѣлъ на боевого коня и низко поклонился всѣмъ.

— Отцы и братья!—громко сказалъ онъ.—Простите меня, грѣшнаго! Братъ Ослябя, моли Бога за меня!

И со словами: «Преподобный Сергіе, помоги мнѣ твоею молитвою!» пустилъ Пересвѣтъ своего коня во всю прыть.

Съ другой стороны мчался татарскій богатырь. Съ налету они ударили другъ въ друга копьями. Ударъ былъ такъ силенъ, что ихъ кони едва устояли на ногахъ. Оба витязя мертвые грянулись наземь.

Вслѣдъ затѣмъ затрубили трубы, и начался бой. Такой лютой сѣчи еще не бывало на Руси. «Боже помоги намъ!» кричали русскіе. Татары призывали помощь Магомета. На огромномъ полѣ, на пространствѣ десяти верстъ кругомъ, столпилось нѣсколько сотъ тысячъ воиновъ, которые съ яростью бились. Ярые крики, стоны раненыхъ, лязгъ и трескъ оружія, конскій топотъ и ржаніе,—все это сливалось въ какой-то страшный гулъ. Кровь лилась какъ вода. Скоро все поле было завалено трупами, такъ что нельзя было пройти. Татары стали осиливать. Среди русскихъ было много новичковъ, никогда еще не видавшихъ боя,—не выдержали они новаго напора татаръ и побѣжали. Татары гнали ихъ и сѣкли своими кривыми саблями безпощадно. Прорубились татары до чернаго великокняжескаго знамени, приняли Бренка за великаго князя и убили. Много уже русскихъ воеводъ пало подъ ударами враговъ. Замѣтно

таяла русская сила. Ужасъ все сильнѣе и сильнѣе овладѣвалъ воинами. Наконецъ и самые отважные не выдержали новаго напора татаръ, дрогнули и пустились въ бѣгство. Пораженіе русскихъ, казалось, было полное.

Все это видѣлъ изъ лѣсу Владиміръ Андреевичъ. Сердце у него надрывалось; онъ рвался къ бою; но Боброкъ его удерживалъ, говоря, что еще не время.

— Какая же польза, что мы тутъ стоимъ?—говорилъ Владиміръ Андреевичъ, теряя терпѣніе,—кому и помогать мы будемъ? уже всѣ почти русскіе полки лежатъ мертвыми!..

— Велико бѣдствіе,—возразилъ Боброкъ,—да намъ еще не пришла пора. Кто не въ пору начинаетъ, тотъ бѣду себѣ принимаетъ. Потерпимъ еще немного, пока придетъ нашъ часъ воздать противнику. Молись Богу и жди восьмого часу. Будетъ намъ благодать и Христова помощь.

Слезами заливались воины, бывшіе въ засадѣ, видя, какъ татары гонятъ ихъ братьевъ и нещадно избиваютъ ихъ; рвались русскіе изъ засады, чтобъ ударить на татаръ и спасти своихъ; но Боброкъ удерживалъ ихъ. Воины роптали на него, сердились, но ослушаться не посмѣли: многіе вѣрили въ большую воинскую опытность Боброка; было не мало и такихъ, что смотрѣли на него съ суевѣрнымъ страхомъ, считали его знахаремъ.

Наступалъ уже назначенный восьмой часъ. Время наступало ударить изъ засады на врага. Вдругъ сильный вѣтеръ подулъ прямо въ лицо русскимъ.

— Пусть никто не вступаетъ въ битву!—сказалъ Боброкъ.—Господь воспрещаетъ намъ!

Всѣ стали плакать и молиться. Черезъ нѣсколько времени вѣтеръ измѣнился,—подулъ попутно русскимъ.

— Князь! приспѣлъ нашъ часъ,—воскликнулъ Боброкъ.—Братья и друзья!—обратился онъ къ воинамъ,—подвизайтесь! Да поможетъ намъ сила Св. Духа!

Отборный отрядъ воиновъ ринулся на татаръ изъ лѣсу, словно соколы на стаю журавлей.

Татары уже нестройною толпой гнались за бѣгущими остатками русской рати и не ждали никакой опасности; притомъ они очень утомились. Нежданный ударъ ошеломилъ враговъ. Страхъ обуялъ ихъ, и они заметались, какъ испуганное стадо.

— Бѣда намъ!—кричали татары,—христіане перехитрили насъ. Худыхъ мы побили, а лучшихъ и удалыхъ они укрыли. Они идутъ теперь на насъ бодрые, а наши руки и ноги изнемогли, оружіе наше притупилось. Не можемъ устоять... Горе тебѣ, великій Мамай!..

У страха глаза велики! Мамаю и всѣмъ татарамъ показалось, что изъ лѣсу выходитъ огромное войско, противъ котораго невозможно устоять... Русскіе воины, видя успѣхъ, смѣло разили татаръ, врубались въ средину ихъ полчища, рубили ихъ безпощадно. Многіе изъ бѣжавшихъ уже русскихъ воиновъ ободрились и снова напали на татаръ. Они кидали оружіе и бѣжали. Когда Мамай, уже увѣренный въ побѣдѣ, увидѣлъ нежданно-негаданно смятеніе своего полчища, то такъ растерялся, что и не подумалъ даже о томъ, чтобы послать на

помощь своимъ запасный отрядъ воиновъ, который былъ при немъ. Онъ и его воеводы искали спасенія только въ бѣгствѣ. Нестройными толпами бѣжали татары. Однѣ толпы бѣжали за Непрядву, множество татаръ потонуло въ рѣкѣ; другія бѣжали направо къ рѣкѣ Красивой Мечи. Русскіе гнались за ними, и страшное множество ихъ было избито. Татары бросали свои возы и имущество въ добычу побѣдителямъ.

Уже вечерѣло, когда князь Владиміръ Андреевичъ поѣхалъ верхомъ по кровавому полю. Велѣлъ онъ трубить сборъ. Съѣхались къ нему мало-по-малу всѣ уцѣлѣвшіе русскіе воеводы; собрались толпами и воины. Но великаго князя не было.

— Гдѣ же братъ мой Димитрій, великій князь? Кто изъ васъ его видѣлъ?—спрашивалъ съ тревогой Владиміръ Андреевичъ.

Одинъ изъ воиновъ сказалъ, что онъ видѣлъ, какъ въ седьмомъ часу великій князь крѣпко бился; другой видѣлъ, какъ на князя напирали четыре татарина; третій разсказывалъ, что онъ самъ пытался выручить великаго князя изъ бѣды. Но живъ ли князь, и гдѣ онъ находится,—объ этомъ никто не зналъ.

Княжьи отроки (оруженосцы) и многіе воины, по приказу Владиміра Андреевича, бросились во всѣ стороны по полю отыскивать великаго князя. Долго всѣ поиски были напрасны. Наконецъ двумъ ратникамъ удалось найти его. Лежалъ онъ подъ вѣтвями срубленной березы. Глаза его были закрыты, но онъ дышалъ.

— Живъ, живъ!— радостно закричалъ одинъ изъ

ратниковъ:—великій князь Димитрій Ивановичъ здравствуетъ!

Вѣсть объ этомъ скоро разнеслась по всей русской рати. Владиміръ Андреевичъ съ воеводами поскакали къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ великій князь. Доспѣхи его были изсѣчены татарскими саблями; но когда сняли съ князя вооруженія, то ранъ на тѣлѣ не оказалось. Димитрій Ивановичъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія, широкоплечъ и высокъ ростомъ, но весьма тученъ и тяжелъ. Страшно утомленный долгимъ боемъ, онъ вышелъ изъ боя и упалъ безъ чувствъ.

Владиміръ Андреевичъ сошелъ съ коня, наклонился къ Димитрію и громко проговорилъ:

— Братъ, Димитрій Ивановичъ, и великій князь! ты—нашъ древній Ярославъ, ты—новый Александръ! Побѣда, побѣда возвѣщается тебѣ!

— Кто это говоритъ? Что за рѣчи слышу я?—проговорилъ Димитрій, открывая глаза.

— Милостью Бога и Пречистой Матери Его, помощію сродниковъ твоихъ, страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, моленіемъ Св. Петра и преподобнаго Сергія, побѣждены супостаты: мы спасены!..

Мало-по-малу великій князь пришелъ совсѣмъ въ чувство. Когда онъ понялъ, въ чемъ дѣло, то прежде всего поблагодарилъ Бога. Когда же узналъ Димитрій подробности боя и дѣйствіе отряда, бывшаго въ засадѣ, то сказалъ Димитрію Боброку:

— Братъ Димитрій, истинно ты разумливъ. Не ложна твоя примѣта. Тебѣ должно быть всегда воеводою!

Великій князь со своими главными сподвижниками поѣхалъ по бранному полю.

Страшное это было поле! Устлано оно было убитыми, умирающими и ранеными. Все поле, казалось, тяжко стонало. Поникнувъ головою, съ тяжкой скорбью въ сердцѣ, со слезами на глазахъ, тихо подвигались впередъ Димитрій и его спутники. Давно ли солнце при своемъ восходѣ озаряло блестящіе ряды русскихъ воиновъ, бодрыхъ, полныхъ жизни и силы, давно ли лучи его весело играли на блестящихъ доспѣхахъ,—а теперь, на заходѣ, освѣщало оно груды окровавленныхъ тѣлъ, лица раненыхъ, искаженныя страданіями, лужи и потоки крови, избитые доспѣхи, обломки всякаго оружія! Все указывало на страшную лютость битвы: въ одномъ мѣстѣ трупъ убитаго русскаго лежалъ на тѣлѣ сраженнаго имъ татарина; въ другомъ убитый татаринъ лежалъ на русскомъ. Здѣсь, крѣпко сплетясь руками и ногами, лежали тѣла татарина и русскаго, боровшихся, очевидно, до послѣдняго издыханія; а тамъ лежала цѣлая груда русскихъ и татаръ, погибшихъ въ тѣсной свалкѣ. Русская и татарская кровь, смѣшиваясь, струилась потокомъ изъ-подъ груды тѣлъ...

Подлѣ нѣкоторыхъ убитыхъ Димитрій Ивановичъ останавливался.

— Вотъ, братья, нашъ починальникъ!—сказалъ онъ, останавливая коня у трупа Пересвѣта,—безъ него многимъ бы изъ насъ пришлось испить горькую чашу отъ руки татарскаго витязя.

Подлѣ Пересвѣта лежалъ и его противникъ, вели-

канъ-татаринъ. Многихъ храбрыхъ князей и воеводъ примѣтилъ великій князь межъ мертвыхъ. Онъ, по словамъ современника, «умывался слезами», видя множество погибшихъ.

— Теперь да похоронитъ каждый своего ближняго, да не будутъ въ снѣдь звѣрямъ тѣла христіанскія!— сказалъ онъ.

По приказу великаго князя, сосчитали, сколько осталось воиновъ въ строю.

— Господинъ князь,—сказалъ воевода, производившій счетъ:—осталось насъ всѣхъ сорокъ тысячъ, а было пѣшаго и коннаго войска болѣе двухсотъ тысячъ.

— Да будетъ воля Господня!—проговорилъ великій князь.

Велѣлъ онъ священникамъ служить панихиды надъ убитыми. Священники пропѣли вѣчную память всѣмъ православнымъ, избіеннымъ отъ татаръ на Куликовомъ полѣ. Самъ великій князь съ братомъ своимъ и всѣмъ оставшимся воинствомъ, заливаясь слезами, громко возгласилъ: «вѣчная память!».

Восемь дней послѣ битвы русскіе подавали помощь раненымъ, разбирали тѣла убитыхъ: своихъ хоронили, а татаръ оставляли въ добычу хищному звѣрю и птицѣ. Сильно скорбѣли русскіе, что не всѣхъ своихъ убитыхъ земляковъ могли отдѣлить отъ татарскихъ тѣлъ и похоронить съ честью.

— Это за наши грѣхи попустилъ намъ такъ Богъ!— говорили русскіе, вспоминая объ этомъ.

Димитрій установилъ обычай вѣчно праздновать па-

мять воиновъ, убитыхъ въ Куликовской битвѣ (Дмитріевская суббота).

Три дня Донъ, по словамъ одного сказанія, текъ кровью: такъ много пролито было ея на Куликовомъ полѣ. Страшно дорогою цѣною была куплена побѣда, не зато и громадно было значеніе ея.

Понеслись гонцы отъ Димитрія въ Москву и другіе русскіе города, разнося повсюду радостную вѣсть о побѣдѣ. Все встрепенулось и ожило. Димитрія прославляли, сравнивали его съ Александромъ Невскимъ, прозвали его «Донскимъ», а Владиміра Андреевича—«Храбрымъ». Думали, что пришелъ конецъ татарскому владычеству. Но радоваться было еще рано!

Два года спустя, ханъ Тохтамышъ съ новою ордою вышелъ изъ Средней Азіи, водворился въ прикаспійскихъ степяхъ, вмѣсто Мамая, нагрянулъ неожиданно на Москву, и снова принуждены были русскіе платить дань татарамъ. Цѣлое еще столѣтіе со времени Куликовской побѣды считались русскіе данниками татаръ, терпѣли отъ ихъ набѣговъ и грабежей. Только въ 1480 году великій князь Иванъ III покончилъ совсѣмъ съ позорнымъ для русскихъ татарскимъ игомъ. Но все-таки битва на Куликовомъ полѣ была великимъ и достопамятнымъ дѣломъ въ нашемъ прошломъ. Здѣсь впервые русскіе попытали свои соединенныя силы въ борьбѣ со страшнымъ врагомъ; здѣсь мечомъ и кровью своей они добыли себѣ свѣтлую надежду на освобожденіе отъ татаръ и твердую вѣру въ свою силу.

И современники, и потомки понимали великое значе-

ніе достопамятной побѣды. Лѣтописцы подробно повѣствовали о ней. Много сказаній книжные люди составляли о страшной битвѣ. Разсказы о Мамаевомъ побоищѣ ходили въ народѣ, и, какъ завѣтное преданіе, переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ.

Пиръ и судъ Грознаго.

(Изъ повѣсти „Князь Серебряный".)

(Молодой боярин, князь Никита Романовичъ Серебряный, пробывъ пять лѣтъ въ Литвѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1565 года возвращался въ Москву съ толпою ратниковъ и холопей. По пути натолкнулся онъ на отрядъ неистовствующихъ опричниковъ. Произошла жаркая схватка. Нѣсколько опричниковъ было перебито; другіе, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, были перевязаны, въ томъ числѣ и ихъ начальникъ Матвѣй Хомякъ. Узнавъ, однако, что опричники—не разбойники, а новая охранная стража царя Ивана Васильевича, Серебряный отправилъ плѣнниковъ къ ближайшему старостѣ, самъ же поѣхалъ далѣе, завернулъ къ опальному боярину Морозову, чтобы отдать ему письмо съ Литвы, а затѣмъ собрался въ мѣстопребываніе царя—Александровскую слободу. Здѣсь получилъ онъ приглашеніе къ царскому столу, къ которому, въ виду предстоявшаго отъѣзда царя на богомолье въ Суздаль, было звано 700 человѣкъ.)

I.

Пиръ.

Въ огромной двусвѣтной палатѣ, между узорчатыми расписными столбами, стояли длинные столы въ три

ряда. Въ каждомъ ряду было по десяти столовъ, на каждомъ столѣ по двадцати приборовъ. Для царя, царевича и ближайшихъ любимцевъ стояли особые столы въ концѣ палаты. Гостямъ были приготовлены длинныя скамьи, покрытыя парчею и бархатомъ: государю—высокія рѣзныя кресла, убранныя жемчужными и алмазными кистями. Два льва замѣняли ножки креселъ, а спинку образовалъ двуглавый орелъ съ подъятыми крыльями, золоченый и раскрашенный. Въ серединѣ палаты стоялъ огромный четыреугольный столъ, съ поставомъ изъ дубовыхъ досокъ. Крѣпки были толстыя доски, крѣпки точеные столбы, на коихъ покоился столъ: имъ надлежало поддерживать цѣлую гору серебряной и золотой посуды. Тутъ были и тазы литые, которые четыре человѣка съ трудомъ подняли бы за узорчатыя ручки, и тяжелые ковши, и кубки, усыпанные жемчугомъ, и блюда разныхъ величинъ съ чеканными узорами. Тутъ были и чары сердоликовыя, и кружки изъ строфокамиловыхъ яицъ, и турьи рога, оправленные въ золото. А между блюдами и ковшами стояли золотые кубки, страннаго вида, представлявшіе медвѣдей, львовъ, пѣтуховъ, павлиновъ, журавлей, единороговъ и строфокамиловъ. И всѣ эти тяжелыя блюда, суды, ковши, чары, черпала, звѣри и птицы громоздились кверху клинообразнымъ зданіемъ, котораго конецъ упирался почти въ самый потолокъ.

Чинно вошла въ палату блестящая толпа царедворцевъ и размѣстилась по скамьямъ. На столахъ въ это время, кромѣ солонокъ, перечницъ и уксусницъ, не было

никакой посуды, а изъ яствъ стояли только блюда холоднаго мяса на постномъ маслѣ, соленые огурцы, сливы и кислое молоко въ деревянныхъ чашахъ.

Опричники усѣлись, но не начинали обѣда, ожидая государя.

Вскорѣ стольники попарно вошли въ палату и стали у царскихъ креселъ; за стольниками шествовали дворецкій и кравчій.

Наконецъ загремѣли трубы, зазвенѣли дворцовые колокола, и медленнымъ шагомъ вошелъ самъ царь Иванъ Васильевичъ.

Онъ былъ высокъ, строенъ и широкоплечъ. Длинная парчевая одежда его, испещренная узорами, была окаймлена вдоль разрѣза и вокругъ подола жемчугомъ и дорогими каменьями. Драгоцѣнное перстяное ожерелье украшалось финифтевыми изображеніями Спасителя, Богоматери, апостоловъ и пророковъ. Большой узорный крестъ висѣлъ у него на шеѣ на золотой цѣпи. Высокіе каблуки красныхъ сафьянныхъ сапоговъ были окованы серебряными скобками. Страшную перемѣну увидѣлъ въ Іоаннѣ Никита Романовичъ. Правильное лицо все еще было прекрасно; но черты обозначались рѣзче; орлиный носъ сталъ какъ-то круче; глаза горѣли мрачнымъ огнемъ, и на челѣ явились морщины, которыхъ не было прежде. Всего болѣе поразили князя рѣдкіе волосы въ бородѣ и усахъ. Іоанну было отъ роду тридцать пять лѣтъ; но ему казалось далеко за сорокъ. Выраженіе лица его совершенно измѣнилось. Такъ измѣняется зданіе послѣ пожара. Еще стоятъ хоромы, но

украшенія упали, мрачныя окна глядятъ зловѣщимъ взоромъ, и въ пустыхъ покояхъ поселилось недоброе.

Со всѣмъ тѣмъ, когда Іоаннъ взиралъ милостиво, взглядъ его еще былъ привлекателенъ. Улыбка его очаровывала даже тѣхъ, которые хорошо его знали и гнушались его злодѣяніями. Съ такою счастливою наружностью Іоаннъ соединялъ необыкновенный даръ слова. Случалось, что люди добродѣтельные, слушая царя, убѣждались въ необходимости ужасныхъ его мѣръ и вѣрили, пока онъ говорилъ, справедливости его казней.

Съ появленіемъ Іоанна всѣ встали и низко поклонились ему.

Царь медленно прошелъ между рядами столовъ до своего мѣста, остановился и, окинувъ взоромъ собраніе, поклонился на всѣ стороны; потомъ прочиталъ вслухъ длинную молитву, перекрестился, благословилъ трапезу и опустился въ кресло. Всѣ, кромѣ кравчаго и шести стольниковъ, послѣдовали его примѣру.

Множество слугъ, въ бархатныхъ кафтанахъ фіалковаго цвѣта, съ золотымъ шитьемъ, стали передъ государемъ, поклонились ему въ поясъ и по два въ рядъ отправились за кушаньемъ. Вскорѣ они возвратились, неся сотни двѣ жареныхъ лебедей на золотыхъ блюдахъ.

Этимъ начался обѣдъ.

Серебряному пришлось сидѣть недалеко отъ царскаго стола, вмѣстѣ съ земскими боярами, то-есть съ такими, которые не принадлежали къ опричнинѣ, но, по высокому сану своему, удостоились на этотъ разъ обѣдать съ государемъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Серебряный

зналъ до отъѣзда своего въ Литву. Онъ могъ видѣть со своего мѣста и самого царя, и всѣхъ бывшихъ за его столомъ. Грустно сдѣлалось Никитѣ Романовичу, когда онъ сравнилъ Іоанна, оставленнаго имъ пять лѣтъ тому назадъ, съ Іоанномъ, сидящимъ нынѣ въ кругу новыхъ любимцевъ.

Никита Романовичъ обратился съ вопросомъ къ своему сосѣду, одному изъ тѣхъ, съ которыми онъ былъ знакомъ прежде.

— Кто этотъ отрокъ, что̀ сидитъ по правую руку царя, такой блѣдный и пасмурный?

— Это царевичъ Іоаннъ Іоанновичъ,—отвѣчалъ боярин и, оглянувшись по сторонамъ, прибавилъ шопотомъ:—помилуй насъ, Господи! Не въ дѣда онъ пошелъ, а въ батюшку, и не по младости исполнено его сердце свирѣпства; не будетъ намъ утѣхи отъ его царствованья!

— А этотъ молодой, черноглазый, въ концѣ стола, съ такимъ привѣтливымъ лицомъ? Черты его мнѣ знакомы, но не припомню, гдѣ я его видѣлъ?

— Ты видѣлъ его, князь, пять лѣтъ тому, рындою при дворѣ государя; только далеко ушелъ онъ съ тѣхъ поръ и далеко уйдетъ еще; это Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, любимый совѣтникъ царскій. Видишь,—продолжалъ боярин, понижая голосъ,—видишь возлѣ него этого широкоплечаго рыжаго, что̀ ни на кого не смотритъ, а убираетъ себѣ лебедя, нахмуря брови? Знаешь ли, кто это? Это Григорій Лукьяновичъ Скуратовъ-Бѣльскій, по прозванію Малюта. Онъ и другъ, и по-

плечникъ, и палачъ государевъ. Здѣсь же въ монастырѣ, онъ сдѣланъ, прости Господи, параклисіархомъ. Кажется, государь безъ него ни шагу; а скажи только слово Борисъ Ѳедоровичъ, такъ выйдетъ не по Малютиному, а по Борисову!

Когда съѣли лебедей, слуги вышли попарно изъ палаты и возвратились съ тремя сотнями жареныхъ павлиновъ, которыхъ распущенные хвосты качались надъ каждымъ блюдомъ въ видѣ опахала. За павлинами слѣдовали кулебяки, курники, пироги съ мясомъ и съ сыромъ, блины всѣхъ возможныхъ родовъ, кривые пирожки и оладьи. Пока гости кушали, слуги разносили ковши и кубки съ медами: вишневымъ, можжевеловымъ и черемховымъ. Другіе подавали разныя иностранныя вина: романею, рейнское и мушкатель. Особые стольники ходили взадъ и впередъ между рядами, чтобы смотрѣть и всказывать въ столы.

Напротивъ Серебрянаго сидѣлъ одинъ старый бояринъ, на котораго царь, какъ поговаривали, держалъ гнѣвъ. Бояринъ предвидѣлъ себѣ бѣду, но не зналъ— какую, и ожидалъ спокойно своей участи. Къ удивленію всѣхъ, кравчій Ѳедоръ Басмановъ изъ своихъ рукъ поднесъ ему чашу вина.

— Василій-су!—сказалъ Басмановъ:—великій государь жалуетъ тебя чашею!

Старикъ всталъ, поклонился Іоанну и выпилъ вино, а Басмановъ, возвратясь къ царю, донесъ ему:

— Василій-су выпилъ чашу, челомъ бьетъ!

Всѣ встали и поклонились старику: ожидали себѣ

и его поклона, но боярин стоялъ неподвижно. Дыханье его сперлось, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Внезапно глаза его налились кровью, лицо посинѣло, и онъ грянулся о-земь.

— Бояринъ пьянъ,—сказалъ Иванъ Васильевичъ:— вынести его вонъ!

Шопотъ пробѣжалъ по собранію, а земскіе бояре переглянулись и потупили очи въ свои тарелки, не смѣя вымолвить ни слова.

Серебряный содрогнулся. Еще недавно не вѣрилъ онъ разсказамъ о жестокости Іоанна, теперь же самъ сдѣлался свидѣтелемъ его ужасной мести.

«Ужъ не ожидаетъ ли и меня такая же участь?» подумалъ онъ. Между тѣмъ старика вынесли, и обѣдъ продолжался, какъ будто ничего не случилось. Гусли звучали, колокола гудѣли, царедворцы громко разговаривали и смѣялись. Слуги, бывшіе въ бархатной одеждѣ, явились теперь всѣ въ парчевыхъ доломанахъ. Эта перемѣна платья составляла одну изъ роскошей царскихъ обѣдовъ. На столы поставили сперва разные студени, потомъ журавлей съ пряным зельемъ, разсольныхъ пѣтуховъ съ инбиремъ, безкостныхъ куръ и утокъ съ огурцами. Потомъ принесли разныя похлебки и трехъ родовъ уху: курячью бѣлую, курячью черную и курячью шафранную. За ухою подали рябчиковъ со сливами, гусей со пшеномъ и тетерекъ съ шафраномъ.

Тутъ наступилъ прогулъ, въ продолженіе котораго разносили гостямъ меды: смородинный, княжій и боярскій, а изъ винъ: аликантъ, бастръ и малвазію.

Разговоры становились громче, хохотъ раздавался чаще, головы кружились. Серебряный, всматриваясь въ лица опричниковъ, увидѣлъ за отдаленнымъ столомъ молодого человѣка, который нѣсколько часовъ передъ тѣмъ спасъ его отъ медвѣдя. Князь спросилъ о немъ у сосѣдей, но никто изъ земскихъ не зналъ его. Молодой опричникъ, облокотясь на столъ и опустивъ голову на руки, сидѣлъ въ задумчивости и не участвовалъ въ общемъ весельѣ. Князь хотѣлъ-было обратиться съ вопросомъ къ проходившему слугѣ, но вдругъ услышалъ за собой:

— Никита - ста! Великій государь жалуетъ тебя чашею!

Серебряный вздрогнулъ. За нимъ стоялъ, съ наглою усмѣшкой, Ѳедоръ Басмановъ и подавалъ ему чашу.

Не колеблясь ни минуты, князь поклонился царю и осушилъ чашу до капли. Всѣ смотрѣли на него съ любопытствомъ; онъ самъ ожидалъ неминуемой смерти и удивился, что не чувствуетъ дѣйствія отравы. Вмѣсто дрожи и холода, благотворная теплота пробѣжала по его жиламъ и разогнала на лицѣ его невольную блѣдность. Напитокъ, присланный царемъ, былъ старый и чистый бастръ. Серебряному стало ясно, что царь или отпустилъ вину его, или не знаетъ еще объ обидѣ опричнины.

Наконецъ, Іоаннъ всталъ. Всѣ царедворцы зашумѣли, какъ пчелы, потревоженныя въ ульѣ. Кто только могъ, поднялся на ноги, и всѣ поочередно стали подходить къ царю, получать отъ него сушеныя сливы,

которыми онъ надѣлялъ братію изъ собственныхъ рукъ.

Въ это время сквозь толпу пробрался опричникъ, не бывшій въ числѣ пировавшихъ, и сталъ шептать что-то на ухо Малютѣ Скуратову. Малюта вспыхнулъ, и ярость изобразилась на лицѣ его. Она не скрылась отъ зоркаго глаза царя. Іоаннъ потребовалъ объясненія.

— Государь!—вскричалъ Малюта:—дѣло неслыханное! Измѣна, бунтъ на твою царскую милость!

При словѣ: измѣна, царь поблѣднѣлъ, и глаза его засверкали.

— Государь,—продолжалъ Малюта:—намедни послалъ я кругъ Москвы объѣздъ, для того, государь, такъ ли московскіе люди соблюдаютъ твой царскій указъ. Какъ вдругъ невѣдомый бояринъ съ холопами напалъ на объѣзжихъ людей. Многихъ убили до смерти и больно изувѣчили моего стремяннаго. Онъ самъ здѣсь, стоитъ за дверьми, жестоко избитый! Прикажешь призвать?

Іоаннъ окинулъ взоромъ опричниковъ и на всѣхъ лицахъ прочелъ гнѣвъ и негодованіе. Тогда черты его приняли выраженіе какого-то страннаго удовольствія, и онъ сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Позвать!

Вскорѣ разступилась толпа, и въ палату вошелъ Матвѣй Хомякъ, съ повязанной головой.

II.

Судъ.

Не смылъ Хомякъ крови съ лица, замаралъ ею нарочно и повязку, и одежду: пусть-де увидитъ царь, какъ избили слугу его!

Подойдя къ Іоанну, онъ упалъ ницъ и ожидалъ на колѣняхъ позволенія говорить.

Всѣ любопытно смотрѣли на Хомяка. Царь первый прервалъ молчаніе.

— На кого ты просишь?—спросилъ онъ:—какъ было дѣло? Разсказывай по ряду!

— На кого прошу и самъ не вѣдаю, надёжа православный царь! Не сказалъ онъ мнѣ, собака, своего роду-племени. А бью челомъ твоей царской милости въ бою моемъ и увѣчьѣ, что билъ меня своимъ великимъ огурствомъ незнаемый человѣкъ!

Общее вниманіе удвоилось. Всѣ притаили дыханіе. Хомякъ продолжалъ:

— Пріѣхали мы, государь, объѣздомъ въ деревню Медвѣдевку, какъ вдругъ они, окаянные, откуда ни возьмись, напустились на насъ напускомъ, грянули, какъ снѣгъ на голову, перекололи, перерубили человѣкъ съ десятеро, достальныхъ перевязали; а боярин-то ихъ, разбойникъ, хотѣлъ-было насъ всѣхъ перевѣшать, а двухъ станичниковъ, что̀ мы было объѣздомъ захватили, велѣлъ свободить и пустить на волю.

Замолчалъ Хомякъ и поправилъ на головѣ своей

кровавую повязку. Недовѣрчивый ропотъ пробѣжалъ между опричниками. Разсказъ казался невѣроятнымъ. Царь усомнился.

— Полно, правду ли ты говоришь, дѣтинушка,—сказалъ онъ, пронзая Хомяка насквозь орлинымъ окомъ:— не закачено-ль у тебя въ головѣ? Не у браги-ль ты добылъ увѣчья?

— Готовъ на своей правдѣ крестъ цѣловать, государь; кладу голову порукой въ рѣчахъ моихъ!

— А скажи, зачѣмъ не повѣсилъ тебя невѣдомый бояринъ?

— Должно быть, раздумалъ; никого не повѣсилъ; велѣлъ лишь всѣхъ насъ плетьми избить!

Ропотъ опять пробѣжалъ по собранію.

— А много-ль васъ было въ объѣздѣ?

— Пятьдесятъ человѣкъ, я пятьдесятъ первый.

— А много-ль ихнихъ было?

— Нечего грѣха таить, ихнихъ было поменѣе: примѣрно, человѣкъ двадцать или тридцать.

— И вы дали себя перевязать и пересѣчь, какъ бабы! Что за оторопь на васъ напала? Руки у васъ отсохли, аль душа ушла въ пяты? Право, смѣху достойно! И что это за боярин, средь бѣла дня напалъ на опричниковъ? Быть того не можетъ. Пожалуй, и хотѣли-бъ они извести опричнину, да жжется! И меня, пожалуй, съѣли-бъ, да зубъ нейметъ! Слушай: коли хочешь, чтобъ я взялъ тебѣ вѣру, назови того боярина, не то повинися во лжи своей. А не назовешь и не повинишься, не сдобровать тебѣ, дѣтинушка!

— Надёжа-государь!—отвѣчалъ стремянный съ твердостью:—видитъ Богъ, я говорю правду. А казнить меня твоя воля! Не боюся я смерти, боюся я кривды, и въ томъ шлюсь на цѣлую рать твою!

Тутъ онъ окинулъ глазами опричниковъ, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели. Внезапно взоръ его встрѣтился со взоромъ Серебрянаго.

Трудно описать, что̀ произошло въ душѣ Хомяка. Удивленіе, сомнѣніе и, наконецъ, злобная радость изобразились на чертахъ его.

— Государь,—сказалъ онъ, вставая:—коли хочешь вѣдать, кто напалъ на насъ, порубилъ товарищей и велѣлъ избить насъ плетьми, прикажи вотъ этому боярину назваться по имени, по изотчеству!

Всѣ глаза обратились на Серебрянаго. Царь сдвинулъ безволосыя брови и пристально въ него вглядывался, но не говорилъ ни слова. Никита Романовичъ стоялъ неподвижно, спокойный, но блѣдный.

— Никита,—сказалъ наконецъ царь, медленно выговаривая каждое слово,—подойди сюда. Становись къ отвѣту. Знаешь ты этого человѣка?

— Знаю, государь.

— Нападалъ ты на него съ товарищи?

— Государь, человѣкъ этотъ съ товарищи самъ напалъ на деревню...

Хомякъ прервалъ князя. Чтобы погубить врага, онъ рѣшился не щадить самого себя.

— Государь,—сказалъ онъ,—не слушай боярина! То онъ на меня соромъ лаетъ, затѣмъ, что я малый чело-

вѣкъ, и въ томъ промежъ насъ правды не будетъ, а прикажи снять допросъ съ товарищей, или, пожалуй, прикажи пытать насъ обоихъ накрѣпко, и въ томъ будетъ промежъ насъ правда.

Серебряный презрительно взглянулъ на Хомяка.

— Государь,—сказалъ онъ:—я не запираюсь въ своемъ дѣлѣ. Я напалъ на этого человѣка, велѣлъ его съ товарищи бить плетьми, затѣмъ велѣлъ бить...

— Довольно!—сказалъ строго Иванъ Васильевичъ.—Отвѣчай на допросъ мой. Вѣдалъ ли ты, когда напалъ на нихъ, что они мои опричники?

— Не вѣдалъ, государь.

— А когда хотѣлъ повѣсить ихъ, сказались они тебѣ?

— Сказались, государь.

— Зачѣмъ же ты раздумалъ ихъ вѣшать?

— Затѣмъ, государь, чтобы твои судьи сперва допросили ихъ.

— Отчего жъ ты съ самаго почину не отослалъ ихъ къ моимъ судьямъ?

Серебряный не нашелся отвѣчать.

Царь вперилъ въ него испытующій взоръ и старался проникнуть въ самую глубь души его.

— Не затѣмъ,—сказалъ онъ,—не затѣмъ раздумалъ ты вѣшать ихъ, чтобы передать ихъ судьямъ, а затѣмъ, что сказались они тебѣ людьми царскими. И ты,—продолжалъ царь съ возрастающимъ гнѣвомъ,—ты, вѣдая, что они мои люди, велѣлъ бить ихъ плетьми?

— Государь...

— Довольно!..—загремѣлъ Іоаннъ.—Допросъ окон-

ченъ.—Братія,—продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ любимцамъ,—говорите, что̀ заслужилъ себѣ бояринъ, князь Никита? Говорите, какъ мыслите; хочу знать, что̀ думаетъ каждый!

Голосъ Іоанна былъ умѣренъ, но взоръ его говорилъ, что онъ въ сердцѣ своемъ уже рѣшилъ участь князя и что бѣда ожидаетъ того, чей приговоръ окажется мягче его собственнаго.

— Говорите жъ, люди,—повторилъ онъ, возвышая голосъ:—что̀ заслужилъ себѣ Никита?

— Смерть!—отвѣчалъ царевичъ.

— Смерть!—повторили Скуратовъ, Грязной, отецъ Левкій и оба Басмановы.

— Такъ пусть же пріиметъ онъ смерть!—сказалъ Іоаннъ хладнокровно.—Писано бо: пріемшіе ножъ, ножемъ погибнутъ. Человѣки, возьмите его!

Серебряный молча поклонился Іоанну. Нѣсколько человѣкъ тотчасъ окружили его и вывели изъ палаты.

Многіе послѣдовали за ними посмотрѣть на казнь; другіе остались. Глухой говоръ раздавался въ палатѣ. Царь обратился къ опричникамъ. Видъ его былъ торжественъ.

— Братія!—сказалъ онъ:—правъ ли судъ мой?

— Правъ, правъ! — раздалось между ближними опричниками.

— Правъ, правъ!—повторили отдаленные.

— Не правъ!—сказалъ одинъ голосъ.

Опричники взволновались.

— Кто это сказалъ? Кто вымолвилъ это слово? Кто

говоритъ, что не правъ судъ государевъ?—послышалось отовсюду.

На всѣхъ лицахъ изобразилось удивленіе, всѣ глаза засверкали негодованіемъ. Лишь одинъ, самый свирѣпый, не показывалъ гнѣва. Малюта былъ блѣденъ какъ смерть.

— Кто говоритъ, что не правъ судъ мой?—спросилъ Іоаннъ, стараясь придать чертамъ своимъ самое спокойное выраженіе.—Пусть, кто говорилъ, выступитъ предъ лицо мое!

— Государь,—произнесъ Малюта въ сильномъ волненіи:—между добрыми слугами твоими теперь много пьяныхъ, много такихъ, которые говорятъ, не помня, не спрошаючи разума! Не вели искать этого бражника, государь! Протрезвится, самъ не повѣритъ, какую рѣчь пьянымъ дѣломъ держалъ!

Царь недовѣрчиво взглянулъ на Малюту.

— Отецъ параклисіархъ! — сказалъ онъ, усмѣхаясь:—давно-ль ты умилился сердцемъ?

— Государь!—продолжалъ Малюта:—не вели...

Но уже было поздно.

Сынъ Малюты выступилъ впередъ и стоялъ почтительно передъ Іоанномъ.

— Такъ это ты, Максимушка, охаиваешь судъ мой?—сказалъ Іоаннъ, посматривая съ недоброю улыбкой то на отца, то на сына.—Ну, говори, Максимушка, почему судъ мой тебѣ не по-сердцу?

— Потому, государь, что не выслушалъ ты Серебряна, не далъ ему очиститься передъ тобою и не спро-

силъ его даже, за что онъ хотѣлъ повѣсить Хомяка?

— Не слушай его, государь!—умолялъ Малюта:—онъ пьянъ, ты видишь, онъ пьянъ! Не слушай его! Пошелъ, бражникъ! вишь, какъ нарѣзался! Пошелъ, уноси свою голову!

— Максимъ не пилъ ни вина, ни меду,—замѣтилъ злобно царевичъ.—Я все время на него смотрѣлъ, онъ и усовъ не омочилъ!

Малюта взглянулъ на царевича такимъ взглядомъ, отъ котораго всякій задрожалъ бы. Но царевичъ считалъ себя недоступнымъ Малютиной мести.

— Да,—прибавилъ онъ, усмѣхаясь:—Максимъ не ѣлъ и не пилъ за обѣдомъ. Ему не по-сердцу наше житье. Онъ гнушается батюшкиной опричниной.

Въ продолженіе этого разговора Борисъ Годуновъ не спускалъ глазъ съ Іоанна. Онъ, казалось, изучалъ выраженіе лица его, и тихо, никѣмъ незамѣченный, вышелъ изъ столовой.

Малюта повалился государю въ ноги.

— Батюшка, государь Иванъ Васильевичъ!—проговорилъ онъ, хватаясь за полы царской одежды:—сего утра я, дуракъ глупый, деревенщина необтесанный, просилъ тебя пожаловать мнѣ боярство. Гдѣ былъ разумъ мой? Куда дѣвался смыслъ человѣческій? Мнѣ ли, смрадному рабу, носить шапку боярскую? Забудь, государь, дурацкія слова мои, вели снять съ меня кафтанъ золочёный, одѣнь въ рогожу, только отпусти Максиму вину его! Молодъ онъ, государь, глупъ, не смыслитъ, что говоритъ! А ужъ если казнить кого, такъ вели меня

Опричники ввели его со связанными руками.

казнить,—не давай я, дуракъ, напиваться сыну до-пьяна! Дозволь, государь, я снесу на плаху глупую голову! Прикажи, тотчасъ самъ на себя руки наложу!

Жалко было видѣть, какъ исказилось лицо Малюты, какъ отчаянье написалось на чертахъ, никогда не отражавшихъ ничего, кромѣ звѣрства.

Царь засмѣялся.

— Не за что̀ казнить ни тебя, ни сына твоего!—сказалъ онъ:—Максимъ правъ!

— Что̀ ты, государь?—вскричалъ Малюта:—какъ Максимъ правъ?—и радостное удивленіе его выразилось-было глупою улыбкой, но она тотчасъ исчезла, ибо ему представилось, что царь надъ нимъ издѣвается.

Эти быстрыя перемѣны на лицѣ Малюты были такъ необыкновенны, что царь, глядя на него, опять принялся смѣяться.

— Максимъ правъ,—повторилъ онъ наконецъ, принимая свой прежній степенный видъ:—я исторопился. Того быть не можетъ, чтобы Серебряный вольною волей что-либо учинилъ на меня. Помню я Никиту еще до литовской войны. Я всегда любилъ его. Онъ былъ мнѣ добрый слуга. Это вы, окаянные,—продолжалъ царь, обращаясь къ Грязному и къ Басмановымъ,—это вы всегда подбиваете меня кровь проливать! Мало еще было вамъ смертнаго убійства? Нужно было извести моего добраго боярина! Что̀ стоите, звѣри! Бѣгите, остановите казнь! Только нѣтъ, и не ходите! Поздно! Я чаю, ужъ слетѣла съ него голова! Вы всѣ заплатите мнѣ за кровь его!

— Не поздно, государь,—сказалъ Годуновъ, возвращаясь въ палату.—Я велѣлъ подождать казнить Серебрянаго. На милость образца нѣтъ, государь; а мнѣ вѣдомо, что ты милостивъ, что иной разъ и присудишь и простишь виноватаго. Только уже Серебряный положилъ голову на плаху; палачъ, снѣмши кафтанъ, засуча рукава, ждетъ твоего царскаго велѣнія!

Лицо Іоанна прояснилось.

— Борисъ,—сказалъ онъ,—подойди сюда, добрый слуга мой! Ты одинъ знаешь мое сердце. Ты одинъ вѣдаешь, что я кровь проливаю не ради потѣхи, а чтобъ измѣну вывести. Ты меня не считаешь за сыроядца. Подойди сюда, Ѳедорычъ, я обниму тебя!

Годуновъ наклонился. Царь поцѣловалъ его въ голову.

— Подойди и ты, Максимъ, я тебя къ рукѣ пожалую. Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь! Такъ и напредки чини. Выдать ему три сорока соболей на шубу!

Максимъ поклонился въ землю и поцѣловалъ царскую руку.

Царь велѣлъ позвать Серебрянаго.

Опричники ввели его со связанными руками, безъ кафтана, воротъ рубахи отстегнутъ. За княземъ вошелъ главный палачъ, Терёшка, засуча рукава, съ блестящимъ топоромъ въ рукахъ. Терёшка вошелъ, потому что не зналъ, прощаетъ ли царь Серебрянаго или хочетъ только измѣнить родъ его казни.

— Подойди сюда, князь!—сказалъ Іоаннъ.—Мои молодцы исторопились-было надъ тобой. Не прогнѣвайся.

У нихъ ужъ таковъ обычай: не посмотря въ святцы, да и бухъ въ колоколъ! Того не разочтутъ, что казнить человѣка всегда успѣешь, а слетитъ голова, не приставишь. Спасибо Борису. Безъ него отправили-бъ тебя на тотъ свѣтъ; не у кого было-бъ и про Хомяка спросить. Повѣдай-ка, за что ты напалъ на него?

— За то, государь, что самъ онъ напалъ на безвинныхъ людей среди деревни. Не зналъ я тогда, что онъ слуга твой, и не слыхивалъ до того про опричнину. Ѣхалъ я отъ Литвы къ Москвѣ обратнымъ путемъ, когда Хомякъ съ товарищи нагрянули на деревню и стали людей рѣзать!

— А кабы зналъ ты, что они мои слуги, побилъ бы ты ихъ тогда?

Царь пристально посмотрѣлъ на Серебрянаго. Князь на минуту задумался.

— И тогда побилъ бы, государь,—сказалъ онъ простодушно,—не повѣрилъ бы я, что они по твоему указу душегубствуютъ!

Іоаннъ вперилъ въ князя мрачный взоръ и долго не отвѣчалъ. Наконецъ онъ прервалъ молчаніе.

— Добрый твой отвѣтъ, Никита!—сказалъ онъ, одобрительно кивнувъ головой.—Не для того поставилъ я на Руси опричнину, чтобы слуги мои побивали безвинныхъ. Поставлены они, аки добрые псы, боронить отъ пыхающихъ волковъ овцы моя, дабы могъ сказать я на страшномъ судѣ Божіемъ по пророческому словеси: се азъ и дѣти, яже далъ ми Богъ! Добрый твой отвѣтъ. Скажу на весь міръ: ты да Борисъ—вы одни познали меня. Другіе не такъ мыслятъ: называютъ меня крово-

пійцею, а не вѣдаютъ того, что, проливая кровь, я заливаюсь слезами! Кровь видятъ всѣ: она красна, всякому бросается въ глаза; а сердечнаго плача моего никто не зритъ: слезы безцвѣтно падаютъ мнѣ на душу, но словно смола горячая проѣдаютъ, прожигаютъ ее насквозь по вся дни! (И царь при этихъ словахъ поднялъ взоръ свой кверху съ видомъ глубокой горести). Яко же древле Рахиль,—продолжалъ онъ (и глаза его закатились подъ самый лобъ),—яко же древле Рахиль плачуще о дѣтяхъ своихъ, такъ я, многогрѣшный, плачу о моихъ озорникахъ и злодѣяхъ. Добрый твой отвѣтъ, Никита. Отпускаю тебѣ вину твою. Развяжите ему руки. Убирайся, Терёшка, ты намъ не надобенъ... Или нѣтъ, погоди маленько!

Іоаннъ обратился къ Хомяку.

— Отвѣчай,—сказалъ онъ грозно:—что вы неистовымъ своимъ обычаемъ въ Медвѣдевкѣ чинили?

Хомякъ взглянулъ искоса на Терёшку, потомъ на Серебрянаго, потомъ почесалъ затылокъ.

— Потравились маленько съ мужиками!—отвѣчалъ онъ полухитро, полудерзко:—нечего грѣха таить; въ томъ виноваты, государь, что съ твоими съ опальниками потравились. Вѣдь деревня-то, государь, боярина Морозова.

Грозное выраженіе Іоанна смягчилось. Онъ усмѣхнулся.

— Что жъ,—сказалъ онъ,—удоволенъ ты княжескими шелепугами? Я, чай, будетъ съ тебя? Пожалуй, такъ ужъ и быть, и тебя прощу. Убирайся, Терёшка,—видно, ужъ день такой выпалъ! Ступайте всѣ, каждый къ своему

дѣлу! Земскимъ вѣдать приказы попрежнему, а опричникамъ, избраннымъ слугамъ и полчанамъ моимъ, помнить свое крестное цѣлованіе и не смущаться тѣмъ, что я сегодня простилъ Никиту: нѣсть бо въ сердцѣ моемъ лицепріятія ни къ ближнимъ, ни къ дальнимъ!

Стали расходиться. Каждый побрелъ домой, унося съ собою кто страхъ, кто печаль, кто злобу, кто разныя надежды, кто просто хмель въ головѣ. Слобода покрылась мракомъ; мѣсяцъ зарождался за лѣсомъ. Страшенъ казался темный дворецъ, съ своими главами, теремками и гребнями. Онъ издали походилъ на чудовище, свернувшееся клубомъ и готовое вспрянуть. Одно незакрытое окно свѣтилось словно око чудовища. То была царская опочивальня. Тамъ усердно молился царь.

Молился онъ о тишинѣ на святой Руси, молился о томъ, чтобы далъ ему Господь побороть измѣну и непокорство, чтобы благословилъ его окончить дѣло великаго поту, сравнять сильныхъ со слабыми, чтобы не было на Руси одного выше другого, чтобы всѣ были въ равенствѣ, а онъ бы стоялъ одинъ надо всѣми, аки дубъ во чистомъ полѣ!

Молится царь и кладетъ земные поклоны. Смотрятъ на него звѣзды въ окно косящатое, смотрятъ свѣтлыя, притуманившись,—притуманившись, будто думая: ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ! Ты затѣялъ дѣло не въ добрый часъ, ты затѣялъ, насъ не спрашиваючи: не расти двумъ колосьямъ въ уровень, не сравнять крутыхъ горъ со пригорками, не бывать на землѣ безбоярщинѣ!

Завоеваніе Сибири.

(Отрывокъ.)

Дѣдъ Ермака, по имени Аѳанасій Григорьевичъ Аленинъ, былъ посадскій человѣкъ города Суздаля; жилъ тамъ въ великой скудости, переѣхалъ потомъ во Владиміръ съ двумя сыновьями, Родіономъ и Тимофеемъ, и промышлялъ извозомъ; нанимался иногда возить и разбойниковъ въ Муромскихъ лѣсахъ, да вмѣстѣ съ ними и попалъ въ тюрьму; изъ тюрьмы потомъ бѣжалъ въ Юрьевъ Повольскій, гдѣ и умеръ, а дѣти его переѣхали жить на рѣку Чусовую, въ нынѣшнюю Пермскую губернію, въ вотчины именитыхъ людей Строгановыхъ.

Строгановы были важные и умные люди. Они выпросили себѣ у государя пустопорожнія земли между рѣками Камой и Чусовой, около Уральскихъ горъ, для того, что тамъ удобно варить соль и всякой руды много. Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобъ ужъ они сами тамъ всѣмъ распоряжались: и народъ селили-бъ, и го-

родки бы строили, и ружья и пушки имѣли бы, и ратныхъ людей, и сами бы оборонялись отъ сосѣднихъ дикихъ народцевъ.

И Строгановы начали устраивать этой край и вели дѣло умно, и за всякой своей нуждой сами переписывались съ царемъ. У нихъ-то и поселились сказанные выходцы, Родіонъ съ Тимофеемъ, и родились у нихъ дѣти; между прочими у Тимофея былъ сынъ Василій.

Этотъ Василій былъ удалой малый; красавецъ собой; роста средняго; волосы имѣлъ темные, бороду—черную; былъ силенъ и рѣчистъ. Онъ ходилъ на стругахъ по Волгѣ и Камѣ, и когда былъ еще кашеваромъ въ своей артели, товарищи придали ему прозвище *Ермакъ*, что̀ означаетъ таганъ артельный. Но не ужился Ермакъ у Строгановыхъ: тѣсно ему было жить въ работникахъ, захотѣлось поискать своей долюшки. Манила его жизнь удалая, Волга-матушка—широкое раздольице. Тамъ погуливаютъ люди вольные, казаки государевы, ходятъ—высоко держатъ голову, славой своей и казной похваляются, съ басурманами сражаются за вѣру христіанскую. Пошелъ къ нимъ Ермакъ, да скоро и въ атаманы попалъ.

Или не совсѣмъ воромъ и разбойникомъ считалъ себя Ермакъ, или, можетъ быть, хотѣлъ заслужить милость царскую,—только, когда разъ взбунтовалась черемиса и казанскіе татары, и царь посылалъ на нихъ воеводъ своихъ,—Ермакъ со своею шайкою ходилъ воеводамъ помочь, царю послужить. Угомонили бунтовщиковъ,—отплылъ онъ опять разгуливать по Волгѣ-матушкѣ, по морю Хвалынскому. Громче прежняго купцы

хивинскіе, бухарскіе, персидскіе и наши стали жаловаться, что на Волгѣ отъ воровства и шалостей способа нѣтъ. Строже прежняго стали грозить изъ Москвы. Наконецъ стряслась бѣда важная. Ѣхалъ въ Москву персидскій посланникъ. Ермаковы люди во хмелю и задрали людей посланниковыхъ. Вышла драка, руки расходились, самъ посланникъ былъ убитъ. Тутъ Грозный царь опалился, послалъ воеводъ наказать царскихъ ослушниковъ, очистить Волгу отъ разбоевъ. Пришлось волжскимъ удальцамъ противъ царя воевать. Воеводы разбили ихъ огромное скопище. Которыхъ разбойниковъ изловили, которыхъ загнали въ степь, въ море. Ермакъ же, чуть заслышалъ о приходѣ воеводъ, скрылся невѣдомо куда. Объявлено было, что гдѣ только окажутся главные атаманы, тѣхъ брать, вязать и вѣшать безъ всякаго разговора. Въ ихъ числѣ изъ самыхъ главныхъ поименованы и Ермакъ Тимофеевичъ, и товарищъ его Иванъ Кольцо.

Плохо пришлось Ермаку Тимофеевичу. Пробрался онъ въ мѣста прикамскія съ разбитой своей шайкою, съ худой своей славушкой. Напала на него лютая тоска. Вотъ она куда завела—воля вольная, удаль молодецкая: вышелъ на Волгу добрымъ молодцомъ, вернулся царскимъ ослушникомъ! Никуда показаться нельзя: по Волгѣ ходить—все ворами слыть, въ Казань, въ Астрахань пойти—быть повѣшену! Ужъ нашелъ же ты, Ермакъ, свою долюшку, шатался-мотался по чисту полю, да по синю морю, и выслужилъ награду царскую: всего два столбика съ перекладинкой, на ней петелька шелковая!

Все-то теперь Ермаку опротивѣло. Хотя бы все бросить, да въ монастырь пойти. Надо сказать, что Ермакъ не походилъ на другихъ атамановъ: церковь почиталъ и въ шайкѣ своей держалъ порядокъ, и злодѣйства не допускалъ, и за всякое дѣло нехристіанское виновныхъ въ мѣшокъ съ каменьями зашивалъ, да и въ воду опускалъ. Повѣдалъ, видно, свою кручину Ермакъ Тимофеевичъ своимъ родичамъ: тѣ поговорили Строгановымъ, а Строгановы были умные старики; руки имъ были надобны. Согласились они Ермаку въ бѣдѣ помочь. И послали къ нему ласковую грамату съ такими рѣчами:

«Чѣмъ мотаться тебѣ по бѣлу свѣту, ты бы, Ермакъ Тимофеевичъ, послужилъ честнымъ людямъ, а у насъ про тебя дѣло нашлось бы. Пожаловалъ намъ государь земли за Угорскимъ камнемъ, по рѣкамъ по Тагилю и по Тоболу, а мы бы тамъ острожки поставили, чтобы на государевы земли сибирскимъ народцамъ, остякамъ и вогуламъ, а тѣмъ паче сибирскому царю татарину Кучуму, путь перехватили; которые народцы царю покорность изъявятъ, съ тѣхъ бы мы дани принимали и къ царю бы отсылали; а какіе купцы пойдутъ, тѣхъ бы мы оберегали И ты бы, Ермакъ Тимофеевичъ, намъ это дѣло справлялъ; ты бы набралъ вольныхъ людей, охотниковъ, а мы бы тебѣ все нужное дали; послужилъ бы ты царю вѣрой-правдою, и заслужилъ бы прежніе грѣхи свои».

Какъ получилъ эту грамату Ермакъ Тимофеевичъ, созвалъ онъ казацкій кругъ и вышелъ къ нему со свѣтлымъ лицомъ, и велѣлъ передъ всѣми читать грамату:

— Кто хочетъ, братцы, со мной иди; кто не хочетъ—тому воля вольная. А ужъ я вамъ не товарищъ. Кто же со мной пойдетъ, тотъ на словѣ крѣпко стой, чтобъ ужъ воровства и пакости за нами не водилось.

И всѣ его любимые товарищи, храбрые есаулы — Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ—всѣ возрадовались:

— Намъ безъ тебя, Ермакъ Тимофеевичъ, все равно пропадать! Куда ты, туда и мы. За тебя головы свои положить согласны.

И набралось съ ними еще пятьсотъ сорокъ человѣкъ. И пошли они въ Чусовые городки, и приняли ихъ именитые люди Строгановы съ великою честью. И стали снаряжать за Угорскій камень; дали отъ себя еще триста человѣкъ ратныхъ людей, и литвы, и нѣмцевъ, и татаръ, и русскихъ; снабдили ихъ одежей, и запасами, и воинскими доспѣхами, и ружьями, и маленькими пушечками; свинцу и пороху дали вдоволь, да шесть поповъ, да вожаковъ и переводчиковъ, и проводили ихъ съ молебномъ на судахъ въ дальній путь, въ неизвѣстную землю Сибирскую.

Шелъ Ермакъ по рѣкѣ по Чусовой, потомъ по Серебряной, перетащился волокомъ въ Жаравлю-рѣку; тамъ построилъ легкія лодочки-коломенки, поплылъ Жаравлей-рѣкой въ Тагиль-рѣку; изъ Тагиля вошелъ въ Туру-рѣку... Сторона была пустынная, тишина глубокая, ясное время стояло, сентябрь мѣсяцъ. Шли казаки скоро и весело. По рѣкамъ птицы, по берегамъ звѣря—великое множество. Какъ выстрѣлятъ изъ ружья—все

Проводили ихъ съ молебномъ на судахъ въ дальній путь.

всполошится, выстрѣлъ-то по пустыннымъ мѣстамъ далеко перекатывается, чуть ли не на всю Сибирь. Лодочки идутъ, казаки пѣсни поютъ: эхъ, сторона-то богатая!.. Только рѣдко-рѣдко гдѣ пашенки попадутся; рѣдко-рѣдко гдѣ выглянутъ люди дикіе и прочь побѣгутъ. Только вотъ глядятъ казаки,—словно войско стоитъ. Войско зашевелилося: аль встрѣчать идетъ непрошенныхъ гостей? Вышли казаки на берегъ, да какъ грянули изъ ружей—все войско попадало. Засмѣялись казаки, пошли ходить между лежащими, стали искать ихъ набольшаго. Чуть начнутъ сибирцы подымать головы, опять кто-нибудь выстрѣлитъ—и тѣ опять носомъ уткнутся въ землю. Нашли наконецъ набольшаго; оказалось, что войско велъ сибирскаго царя Кучума мурза Таузакъ. Ермакъ обошелся съ нимъ ласково, угощалъ и выспрашивалъ про царя Кучума и про мурзъ его и улановъ, и гдѣ его столица, и сколько у него силы, и далеко ли и какъ итти туда,—отпустилъ его домой. Мурза прибѣжалъ къ Кучуму и на всѣхъ нагналъ страхъ своими разсказами:

— Такіе, молъ, идутъ люди, роду русскаго, какихъ и не видано; сами сильные, а когда стрѣльнутъ изъ луковъ своихъ, то изъ конца дымъ и огнь исходитъ и громко голкнетъ, аки громъ на небеси; стрѣлъ исходящихъ не видать, а уязвляютъ ранами и смертью побиваютъ, и защищаться отъ нихъ никакими ратными сбруями не можно; ни куяки, ни панцыри, ни кольчуги наши не держатъ, все пробиваетъ на вылетъ!

Царь Кучумъ переполошился, а съ нимъ и мурзы,

и муллы его, и князьки, и шаманы сибирскіе. Собрались на совѣтъ. Шаманы говорили, что съ этими людьми приходитъ гибель Кучумову царству; что въ воздухѣ, надъ самой Кучумовой столицей, всѣ видѣли городъ, а въ этомъ городѣ—каменныя башни, на башняхъ висятъ колокола, а наверху кресты; что, извѣстно, такіе города—русскіе, и показываются они теперь на небѣ, и, того гляди, сойдутъ на Сибирскую землю, и вся Сибирская страна наполнится русскими людьми и русскими городами. Кучумъ, будучи мусульманиномъ, хоть и презиралъ шамановъ, но побаивался ихъ; говорилъ, что они врутъ, а самъ разспрашивалъ объ огненной пальбѣ. Нашлись, которые видали ружье въ Перми и у Строгановыхъ, и говорили, что отъ грома его вреда не дѣлается никакого, а прошибаетъ только пулька,—что, все равно, и стрѣла вѣдь ранитъ смертельно. Понялъ ли, не понялъ ли Кучумъ, только тотчасъ повѣстилъ, чтобы самоскорѣйше подымались и шли къ нему всѣ подвластные ему мурзы и уланы, и татары, и остяки, и другіе сибирцы. Самъ онъ заперся въ главномъ своемъ юртѣ, въ городкѣ, называемомъ Сибирь или Искеръ; а сыну своему или племяннику, доподлинно неизвѣстно, по имени Мегметъ-Кулу, назначилъ итти съ большою ратью на Ермака, и чтобъ онъ старался уничтожить русскихъ:

— Если-жъ паче чаянія, не возьмешь силой, то тревожь и истребляй ихъ всѣми мѣрами, а главное старайся заманить ихъ на Иртышъ: тамъ же мы устроимъ засаду и всѣхъ перебьемъ ихъ навѣрное.

Мегметъ-Кулъ считался самымъ славнымъ сибирскихъ странъ богатыремъ: великанъ ростомъ, силы непомѣрной, онъ въ своихъ золотыхъ одеждахъ, отороченныхъ соболями, въ чешуйчатыхъ латахъ на груди и въ золотомъ шлемѣ съ орлиными крыльями, далеко видѣнъ былъ и между своею татарскою конницей, а тѣмъ паче надъ малорослыми сибирцами, съ головы до ногъ одѣтыми въ звѣриныя шкуры.

Мегметъ-Кулъ сталъ на Тоболѣ-рѣкѣ, между Тавдою и Иртышемъ, и дожидалъ нашихъ. Провѣдавъ, что казаки недалеко отъ него высадились, послалъ онъ на нихъ впередъ свою конницу, а вслѣдъ за ней и пѣшее войско съ копьями и стрѣлами. Казаки встрѣтили ихъ выстрѣлами изъ пушекъ и ружей. Тѣ было дрогнули, но скоро опомнились, особенно татары; да и сибирцы уже не падали отъ грома, а только разбѣгутся, да опять скучатся и стрѣляютъ изъ луковъ. Казаки кинулись на нихъ въ рукопашь; войска Мегметъ-Куловы не выдержали и побѣжали. Ермакъ поплылъ дальше, внизъ по Тоболу, спѣша на Иртышъ, гдѣ Кучумовъ юртъ. Дорогой былъ еще бой: разбили казаки Кучумова мурзу Карачу и взяли его юртъ и богатую добычу—золота, припасовъ, меду, и перетащили все на свои коломенки.

Разсказываютъ, что юртъ этотъ взяли они хитростью. Понадѣлали чучелъ изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки, и привязали въ лодкахъ, оставивъ при нихъ малое число людей, а сами тайно высадились на берегъ. Подошли лодки и стали противъ юрта. Высы-

пали татары на берегъ и стали пускать стрѣлы. Стрѣляютъ и дивуются, какіе это люди русскіе—крѣпкіе: стрѣлъ въ нихъ что̀ въ снопики налѣплено, а они всѣ невредимы стоятъ. Настоящіе же казаки тѣмъ временемъ зашли татарамъ въ тылъ и вдругъ голкнули изъ ружей! Такъ юртъ и взяли.

Мегметъ-Кулъ между тѣмъ не терялъ казаковъ изъ виду, по высокому берегу въ нѣкоторомъ разстояніи провожая ихъ своею конницею; гдѣ рѣка суживается между горъ, онъ засядетъ на горахъ за кустами и сыплетъ внизъ на плывущихъ стрѣлы и камни. При впаденіи Тобола въ Иртышъ, Ермакъ счелъ наконецъ за нужное отдѣлаться отъ своихъ провожатыхъ, причалилъ къ берегу, храбро напалъ на нихъ и заставилъ бѣжать. Убитыхъ тутъ у насъ не было, но почти всѣ казаки были уже ранены. Многіе стали призадумываться. Нужно было хоть гдѣ-нибудь остановиться отдохнуть; исходилъ второй мѣсяцъ ихъ похода, наступало 22-е октября. Войдя въ Иртышъ, Ермакъ повернулъ внизъ по рѣкѣ; казаки вскорѣ увидали какое-то старое городище, удобное для привала, и, не встрѣчая на всемъ Иртышѣ непріятеля, расположились въ городищѣ. Но это-то и была устроенная Кучумомъ засада. На это-то городище Кучумъ и разсчитывалъ. Онъ велѣлъ заблаговременно совсѣмъ его очистить и оставить пустымъ. Близъ него же стоитъ высокая гора Чувашева; на этой горѣ расположился самъ Кучумъ съ половиной своего войска; а другую половину, подъ начальствомъ Мегметъ-Кула укрылъ онъ съ другой стороны городища,

сдѣлавъ для того нарочно засѣку и обведя ее валомъ. Завидя казаковъ, татары притаились въ своихъ мѣстахъ. Казаки ужъ вечеромъ подплыли къ городищу, стали пищу варить и готовить себѣ ночлегъ, какъ вдругъ замѣчаютъ, что въ засѣкѣ людей видимо-невидимо; свѣдавъ, что и на Чувашевой горѣ стоитъ самъ Кучумъ и что они окружены всей его силой,—они, усталые и раненые, вдругъ впали въ страхъ и отчаяніе, собирались въ круги и требовали, чтобы ночью же садиться на суда и ѣхать назадъ. Есаулы стали было уговаривать, а имъ отвѣтили:

— Да вы посмотрите: ихъ, вѣдь, нехристей—тьмы, а мы всѣ наперечетъ. Сколько товарищей уже похоронили! Понесла насъ нелегкая по невѣдомымъ рѣкамъ,—ужли-жъ затѣмъ, чтобъ берега утыкать крестами надъ казацкими могилами? Погуляли, страху задали, добычи понабрали, пора и честь знать, домой поворотить; чего еще дожидаться?

Слыша такія рѣчи, пріуныли и есаулы, и старшіе по Ермакѣ атаманы, его помощники—Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза. Ермакъ одинъ сидѣлъ поодаль, поглядывалъ на засѣку Мегметъ-Кулову и на круги своихъ казаковъ—и очень хорошо зналъ, о чемъ тамъ дѣло идетъ. Приходятъ и говорятъ ему Иванъ Кольцо и Иванъ Гроза, что дѣло плохо, казаки бунтуются.

— Пусть наговорятся, натѣшатся,—отвѣчалъ Ермакъ. И давши имъ наговориться, позвалъ онъ всѣхъ въ большой кругъ; вышелъ, поклонился и началъ рѣчь:

— Что же, братцы,—сказалъ онъ,—аль ужъ и впрямь приходится намъ бѣжать?

— Да ужъ впередъ-то, кажись, некуды; всѣ пути перехвачены,—загуторили въ толпѣ.

— Одно худо,—продолжалъ Ермакъ:—время позднее, рѣки скоро станутъ, до дому не добредемъ, придется зимовать въ глуши—Богъ вѣсть гдѣ и Богъ вѣсть какъ! Пожалуй, въ такомъ мѣстѣ замерзнемъ, гдѣ ни татарва проклятая, ни сибирь ихъ немшоная, ни чудь заблудящая не подумали—теплыхъ хоромъ намъ не поставили и хлѣба не напахали... Одно только мѣсто для зимовки доброе я знаю, это—Кучумовъ юртъ, Сибирь городокъ... Стыдно вамъ, братцы,—продолжалъ онъ съ негодованіемъ,—а еще казаки, православные христіане! Какое помышленіе въ сердца свои попустили! усомнились въ помощи Господней! Что̀ на Перми да на Чусовой отъ этихъ поганыхъ нехристей церквей Божіихъ поругано да пожжено,—народу христіанскаго, русскаго, стариковъ и младенцевъ, помучено да побито! Того ради Всемогущій Богъ мститъ имъ, окаяннымъ, за кровь неповинную. Нешто мы воровать сюда пришли? Слава Тебѣ, Господи, отъ воровства великій обѣтъ дали отстать, царю и честнымъ людямъ, и всему христіанству послужить пошли, и крестъ цѣловали. Вспомните, какими слезами тогда плакали? Какіе обѣты выговаривали? Да всѣмъ намъ здѣсь помереть! А назадъ обратиться, страха ради и живота своего жалѣючи, намъ не можно: и срамъ и слова̀ своего преступленіе! Ужъ мы души свои Господу Богу заложили и Его волею идемъ; а что насъ

мало, непріятелей же множество,—то вѣдь не отъ многихъ воевъ побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ и безпомощнымъ Богъ помочь; и насъ не покинетъ Онъ, видя сердца наши—чисты и дерзновенны; уповайте на Него твердо и памятуйте, что дастъ Господь, постоимъ крѣпко,—то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ ней пойдетъ во-вѣки.

Не дали Ермаку дальше говорить; выходили впередъ атаманы и есаулы храбрые: Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза, Мещерякъ Матвѣй, Никита Панъ и другіе; всѣ говорили:

— Всѣ мы готовы умереть за святыя Божіи церкви, за вѣру православную пострадать, царю послужить! Постоимъ всѣ до единаго противъ поганыхъ, твердо до крови и до самой смерти. Всѣ на томъ и стоимъ за одну душу!

— Такъ, такъ,—заговорилъ казацкій кругъ,—ужъ во всемъ на тебя, Ермакъ Тимофеевичъ, полагаемся; ты, извѣстно, человѣкъ не намъ чета. Безъ тебя-бъ давно ужъ намъ всѣмъ пропасть.

Похвалилъ Ермакъ такія рѣчи и велѣлъ потомъ отслужить молебенокъ. И вынесли попы крестъ и Евангеліе, аналойчикъ поставили, засвѣтили свѣчечки... и ужъ ночь сіяла всѣми своими звѣздами, когда казаки сторожей разставили, а сами полегли соснуть, крѣпкіе духомъ на завтрашніе подвиги.

И на утро, какъ только отъ солнца освѣтило блистаніемъ свѣтлыя облака, вывелъ Ермакъ свою дружину изъ городища и указалъ на засѣку.

— Съ нами Богъ!—крикнули казаки яко едиными устами, дали залпъ и побѣжали на приступъ.

Татары выпустили тучу стрѣлъ. Многіе изъ нашихъ попадали; другіе замялися; видя то, татары въ трехъ мѣстахъ разломали сами засѣку и кинулись всей оравою, думая взять множествомъ и въ тѣснотѣ не дать стрѣлять изъ ружей. Тутъ-то проявилась сила богатырская, бой пошелъ на жизнь и смерть; топоры и сабли въ ходъ пошли; дрались въ рукопашную,—на одного казака приходилось по десяти, по двадцати, по тридцати человѣкъ. Ермака Богъ хранилъ, а съ нимъ у всѣхъ удесятерялась сила: вездѣ поспѣвалъ онъ во-время; отъ одного его вида толпа разбѣгалась... Но столбъ Кучумова царства, душа его войска—надломилась: палъ храбрый Мегметъ-Кулъ, раненый; едва успѣли отбить его, еле жива, и отвесть за Иртышъ. Разстроились его татары и побѣжали; остяцкіе князьки, стоявшіе у Кучума, вмѣсто того, чтобы поддержать татаръ, повернули коней и отвели войска во-свояси. Остался Кучумъ одинъ на горѣ съ немногими приближенными, стоялъ какъ ошеломленный, горько заплакалъ и побѣжалъ. Добѣжалъ онъ до столицы своей, гдѣ царствовалъ сорокъ лѣтъ, захватилъ кое-что изъ сокровищъ и устремился на старости лѣтъ въ скитальческій путь, съ сокрушеніемъ промолвивши:

— Нѣтъ такой радости, которая бы потомъ не сложилась на печаль!

Скитаясь по степямъ въ горѣ, онъ потомъ ослѣпъ.

Побѣда Ермака была полная, хотя досталась не де-

шево. Пятая часть всей дружины его, сто семь воиновъ, полегло въ этомъ бою. Но Ермакъ не хотѣлъ терять времени и дать врагамъ опомниться. На другой же день пошелъ къ Кучумовской столицѣ: она была отъ Чувашевой горы всего въ шестнадцати верстахъ. Шли безъ боязни, но, приблизясь къ городу и не слыша оттуда ни голоса, не видя ни лица человѣческаго, усомнились,—не кроется ли тутъ какое лукавство. Осторожно начали казаки входить въ городъ и увидѣли, что юртъ совсѣмъ пустъ. Видно было,—люди пометались изъ него въ переполохѣ: все ихъ богатство тутъ валялось, золото, серебро и каменья дорогіе, и ткани золотыя, и куньи и собольи мѣха, и всякія яства недоѣденныя. Увѣрясь, что лукавства никакого нѣтъ, Ермакъ велѣлъ служить благодарственный молебенъ, съ крестами и святой водою обошелъ вокругъ города, посвящая его истинному Богу, и поздравилъ товарищей съ доброй зимовкой.

Отдохнули наши молодцы, поустроились въ городѣ. Три дня прошли тихо и мирно. На четвертый день показались остяцкіе князьки, подъѣхали, выложили Ермаку богатые дары и запасы, и били челомъ принять отъ нихъ присягу на вѣрность. За ними стали приходить жители съ семьями своими, присягали Ермаку,—и онъ приглашалъ всѣхъ ихъ жить попрежнему въ городѣ. Городъ опять наполнился людьми. Ермакъ скоро всѣмъ полюбился, всѣмъ подъ нимъ житье было безобидное. Въ дружинѣ его сызначала заведенъ былъ порядокъ и послушаніе. Всякое дѣло студное наказывалось строго. Атаманы Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза были у него

помощниками. Все войско раздѣлялось на сотни; у каждой сотни было свое знамя, украшенное святыми образами; сотнями начальствовали есаулы. Подъ ними были пятидесятники и десятники. Туземцы стали даже радоваться, что избавились отъ Кучума. Изъ дальнихъ улусовъ всю зиму на оленяхъ и собакахъ пріѣзжали остяцкіе и вогульскіе, и всякіе другіе сибирскіе владѣтели къ Ермаку; и тоже вступали въ подданство. Самъ Мегметъ-Кулъ, выздоровѣвшій отъ ранъ, попался въ плѣнъ; Ермакъ держалъ его подъ крѣпкою стражею, но чествлъ и обходился съ нимъ дружески. Весною, какъ только прошли рѣки, Ермакъ пошелъ въ походъ внизъ по Иртышу до самой Оби, и гдѣ мирно, гдѣ боемъ привелъ всю страну подъ власть свою. Когда онъ возвращался назадъ, шествіе его было торжественно. На лодкахъ его играла музыка. У него были барабаны, сиповки, литавры и трубы. Казаки были одѣты въ праздничные кафтаны; все обшито было золотомъ. Жители выходили къ нему навстрѣчу, падали ницъ, выносили дары, куньи и собольи мѣха, просили его суда и славили его судъ... Обширныя земли были подвластны Ермаку; многіе народы несли ему дань; вѣнецъ Кучумовъ былъ въ его рукахъ... Ермакъ могъ бы возложить его себѣ на голову... Всякой вольницы изъ Россіи, съ Волги и съ Дону къ нему потянуло бы множество, и былъ бы онъ силенъ и славенъ, и повелѣвалъ бы народами... Такъ бы и сдѣлалъ иной,—только не русскій человѣкъ.

Принималъ Ермакъ эти почести, а думалъ о другомъ. Молча и подолгу поглядывалъ онъ въ ту сторонушку,

гдѣ Русь православная: все-то тамъ живетъ честной народъ... для него же тамъ, на великой Руси, поставлены, стоятъ-дожидаются—два столбика съ перекладинкой, на ней петелька шелковая... Хоть полсвѣтомъ завладѣй, все онъ тамъ—воровской казакъ, государевъ измѣнникъ! Такъ въ царскомъ указѣ объ немъ сказано, пятно на имячко его крестное положено: это-то пятно и прожигало его душу, а смыть его могло тоже только слово царское.

Воротился Ермакъ изъ похода, позвалъ попа, запрся въ своей земляночкѣ, караулъ поставилъ, чтобъ никто къ нему не входилъ, и велѣлъ попу писать. Самъ ходитъ по земляночкѣ, а попъ со словъ его пишетъ къ царю грамату—простую грамату, гдѣ о себѣ Ермакъ ни слова не говоритъ, и ничего не указываетъ, что̀ бы дѣлать государю:

«Всемилостиваго, въ Троицѣ славимаго Бога изволеніемъ, Пречистыя Его Матери и святыхъ угодниковъ и чудотворцевъ россійскихъ заступничествомъ, и тебя, государя, царя и великаго князя Іоанна Васильевича, ко всещедрому Богу праведною молитвою и твоимъ государевомъ счастіемъ, царство Сибирское взяли и царя Кучума съ воями его побѣдили; и подъ твою высокую руку покорили многихъ живущихъ въ Сибири инородцевъ, татаръ, остяковъ и вогуличей; и къ присягѣ ихъ привели, чтобы быть имъ подъ твоею государскою высокою рукою до вѣку, покамѣстъ Богъ изволитъ вселенной стояти; и чтобы имъ ясакъ давати тебѣ, великому государю, безпереводно. А на русскихъ людей имъ

зла никакого не мыслить; а которые похотятъ въ твою службу государскую, и тѣмъ служить прямо; недругамъ твоимъ государевымъ ни въ чемъ не спускать, и самимъ не измѣнять; къ царю Кучуму и въ иные орды и улусы не отъѣзжать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стоять».

Велѣлъ онъ написать и другую грамату—свои слова къ именитымъ людямъ Строгановымъ, увѣдомлялъ ихъ о дѣлахъ своихъ и просилъ переправить съ его граматой посланца къ самому царю въ Москву. Написавши граматы, позвалъ онъ атамановъ и есауловъ своихъ и спросилъ:

— Кому ѣхать въ Москву передъ Грознаго царя, за воровскія дѣла отвѣтъ держать и бить челомъ царствомъ Сибирскимъ?

— Кому же ѣхать, какъ не мнѣ,—вызвался Иванъ Кольцо, Ермаковъ ближайшій другъ,—имя мое великому государю свѣдомо; въ царскомъ указѣ написано; велѣлъ меня сыскать великій государь: самъ приду, свою голову принесу, а отъ тебя дорогой подарочекъ.

Поѣхалъ Иванъ Кольцо съ пятьюдесятью казаками. Остались Ермакъ съ товарищами дожидать, что̀ велитъ имъ сказать великій государь.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву въ самое печальное время. Только-что заключенъ былъ съ Польшею миръ. По этому миру царь потерялъ всѣ свои завоеванія въ Ливонской землѣ, берега Балтійскаго моря, столь для Россіи необходимые, и Полоцкъ, и другіе города. Мраченъ былъ Грозный царь.

И вдругъ докладываютъ царю, что пріѣхалъ гонецъ отъ Строгановыхъ и съ нимъ какіе-то казаки изъ Сибири.

Обыкновенно государь принималъ гонцовъ самъ, сидя въ креслахъ, а кругомъ его по лавкамъ—бояре. Вводятъ Ивана Кольцо съ товарищами. Они пали передъ государемъ на землю, какъ преступники; Иванъ Кольцо положилъ себѣ на голову грамату. Царь велѣлъ дьяку взять, распечатать и читать грамату. Дьякъ прочелъ. Государь велѣлъ Ивану Кольцо встать и все дѣло разсказать и что̀ они за люди. И повѣдалъ Кольцо, безъ утайки, всю правду истинную, что они тѣ самые воровскіе казаки, о которыхъ писано въ царскихъ указахъ, и какъ они пришли къ Строгановымъ, и какъ въ Сибирь пошли, и прочее. И объ Ермакѣ все доподлинно разсказалъ. Царь выспрашивалъ все до мелочи. Тутъ вышелъ ему поводъ сказать боярамъ:

— Вотъ вамъ примѣръ: и незнатнаго рода люди, простые казаки; я ихъ казнить велѣлъ, они же не побѣжали служить моимъ недругамъ, а пошли на меня же поработать, царство мнѣ покорили, чтобы я только снялъ съ нихъ вины ихъ старыя.

И, обратясь къ казакамъ, объявилъ, что всѣ вины ихъ онъ съ нихъ сымаетъ, и за службу жалуетъ великимъ своимъ государевымъ жалованьемъ.

— А храброму воеводѣ нашему,—заключилъ онъ,—князю Сибирскому Ермаку Тимофеевичу, помощь пошлю и велю отписать къ нему мою царскую грамату.

И допустилъ онъ казаковъ къ рукѣ, и одарилъ ихъ,

и велѣлъ ихъ продовольствовать съ царскаго стола. Потомъ всталъ съ креселъ и приказалъ тотчасъ же служить въ Успенскомъ соборѣ молебенъ, и по всей Москвѣ, и по всему царству звонить въ колокола и объявить народу, что Богъ въ милостяхъ своихъ къ нему не оскудѣваетъ, послалъ державѣ Россійской великое приращеніе: третье мусульманское царство—Сибирь покорилась скипетру христіанскаго царя. И великое было на Москвѣ ликованіе.

На помощь Ермаку отряженъ былъ князь Болховской и съ нимъ пятьсотъ стрѣльцовъ. Казакамъ царь послалъ денегъ, суконъ, камки; Ермаку—шубу съ своего плеча, двѣ брони, серебряный кубокъ, и въ милостивой граматѣ своей, назвавъ его княземъ Сибирскимъ, поручилъ ему главное распоряженіе и начальство надо всею покоренною страною. Плѣнаго Мегметъ-Кула велѣлъ прислать въ Москву.

Радость казаковъ была неописанная, когда воротилнѣ долго пришлось ими пользоваться. Онъ попалъ-таки ся Иванъ Кольцо съ царскими милостями. Но Ермаку въ засаду къ Кучуму. Кучумъ распустилъ слухъ, что къ казакамъ идутъ бухарскіе купцы. Ермакъ вышелъ съ пятьюдесятью казаками имъ для прикрытія. Купцовъ на сказанномъ мѣстѣ не нашли и расположились на островкѣ, на Иртышѣ, ночевать. Ночь была бурная, вѣтеръ вылъ, рѣка шумѣла. Казаки спали богатырскимъ сномъ. Кучумъ переправился черезъ рукавъ рѣки, напалъ—и сонныхъ перерѣзалъ казаковъ. Ермакъ вскочилъ было на крики, бросился къ судамъ своимъ, отма-

хиваясь саблей, перепрыгивалъ съ лодки на лодку, оступился и упалъ въ бурную и глубокую рѣку; тяжелая царская броня была на немъ и была причиной его гибели.

Но ужъ путь въ Сибирь былъ указанъ: царскія войска уже двигались туда. И слѣпой Кучумъ не долго процарствовалъ въ занятой имъ вновь столицѣ своей, на казацкихъ могилахъ. Какъ сказалъ когда-то Ермакъ взбунтовавшимся казакамъ: «Постоимъ крѣпко, и память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ насъ пойдетъ во вѣки»,—такъ и сбылось. Имя Ермака стоитъ надо всею Сибирскою страною, живетъ тамъ въ названіяхъ урочищъ, живетъ по всей Руси въ пѣсняхъ народныхъ.

Смерть Ермака приключилась въ одинъ годъ съ кончиною царя Ивана Васильевича Грознаго: въ 1584 году. Только царь скончался 18-го марта, а Ермакъ погибъ 5-го августа. Въ Тобольскомъ синодикѣ до сихъ поръ поминаются имена всѣхъ его казаковъ, первыхъ покорителей Сибири.

Димитрій Самозванецъ въ Москвѣ

(Изъ монографіи „Названый Димитрій".)

11 ноября 1604 года Димитрій подступилъ къ Новгороду-Сѣверску, но воевода Басмановъ, расторопный и храбрый, умѣлъ держать въ повиновеніи подчиненныхъ, заранѣе сжегъ посадъ, чтобы не дать непріятелю утвердиться въ немъ въ ненастное время, и нѣсколько разъ такъ отразилъ всѣ нападенія Димитрія, что поляки, бывшіе съ нимъ, начали уходить отъ него. Зато русскіе прибывали къ нему съ разныхъ сторонъ. Города: Рыльскъ, Путивль, Курскъ, Сѣвскъ, Кромы признали его власть; нѣкоторые воеводы сами добровольно объявляли себя за Димитрія; другихъ вязали подчи-

ненные и приводили къ царевичу; но связанные тотчасъ освобождались и присягали служить Димитрію. Такимъ образомъ, у Димитрія набралось до 15.000 человѣкъ. Посланное Борисомъ войско подъ начальствомъ Мстиславскаго потерпѣло пораженіе. Но поляки все-таки были недовольны Димитріемъ, потому что нечего было грабить, и расходились. Димитрій оставилъ осаду Новгорода-Сѣверска и перешелъ къ Сѣвску, гдѣ народонаселеніе заявляло ему свою преданность, но здѣсь, 21 января, присланное Борисомъ войско нанесло ему пораженіе; онъ убѣжалъ въ Путивль.

Неудача подъ Сѣвскомъ не испортила дѣла претендента. Русскіе города сдавались ему и измѣняли Борису одинъ за другимъ. Силы Димитрія увеличились. Три мѣсяца сидѣлъ онъ въ Путивлѣ, который принялъ тогда видъ многолюдной столицы. Димитрій приказалъ привезти изъ Курска чудотворную икону Божьей Матери и говорилъ, что отдаетъ себя и свое дѣло покрову св. Дѣвы. Между прочимъ, онъ приглашалъ къ себѣ на обѣды русскихъ и поляковъ, православныхъ священниковъ и ксендзовъ, старался сблизить между собою тѣхъ и другихъ. Самъ онъ былъ очень любознателенъ, много читалъ, бесѣдовалъ съ образованными поляками, сообщалъ имъ разныя замѣчанія, которыя удивляли ихъ своею мѣткостью, а русскимъ онъ внушалъ уваженіе къ просвѣщенію и стыдъ своего невѣжества.

— Какъ только съ Божьей помощью стану царемъ,— говорилъ онъ,—сейчасъ заведу школы, чтобы у меня во всемъ государствѣ выучились читать и писать; за-

ложу университетъ въ Москвѣ, стану посылать русскихъ въ чужіе края, а къ себѣ буду приглашать умныхъ и знающихъ иностранцевъ, чтобы ихъ примѣромъ побудить моихъ русскихъ учить своихъ дѣтей всякимъ наукамъ и искусствамъ.

Нѣсколько монаховъ, явившихся въ Путивль съ ядомъ, по приказанію Бориса, были схвачены и заключены въ тюрьму, но послѣ Димитрій простилъ ихъ. Названому царевичу помогало то обстоятельство, что когда въ Москвѣ его проклинали подъ именемъ Гришки Отрепьева, Димитрій всенародно показывалъ лицо, называвшее себя Григоріемъ Отрепьевымъ. Это обстоятельство еще болѣе увѣрило народъ, что Димитрій настоящій царевичъ. Наконецъ, въ маѣ, войско, которое стояло подъ Кромами и осаждало донскихъ казаковъ, запершихся въ этомъ городѣ, присягнуло Димитрію въ вѣрности, и воеводы явились къ нему съ повинною. Тогда Димитрій, 24 мая, прибылъ къ Кромамъ и, предводительствуя сдавшимся войскомъ, двинулся къ Орлу, гдѣ встрѣтили его выборные отъ всей рязанской земли съ поклономъ. Изъ Орла Димитрій отправился въ Тулу. Въ каждомъ селеніи его встрѣчали съ хлѣбомъ-солью. Люди сбѣгались на большую дорогу смотрѣть на своего царя. Изъ Тулы Димитрій послалъ въ Москву Гаврила Пушкина и Наума Плещеева съ граматою, а самъ, оставаясь въ Тулѣ, занимался, какъ царь, государственными дѣлами, разослалъ граматы, въ которыхъ возвѣщалъ о своемъ прибытіи, вмѣстѣ съ ними разослалъ форму присяги себѣ на вѣрность, приказалъ воротить англійскаго

посла Смита, уѣхавшаго съ письмами Бориса, принялъ его ласково и далъ ему письмо отъ своего имени, извѣщая англійскаго короля о своемъ воцареніи. Обѣщалъ англичанамъ дать такія выгоды, какія даровалъ его отецъ. Среди этихъ занятій прибыли къ нему московскіе бояре и въ ихъ числѣ трое братьевъ Шуйскихъ и Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій. Димитрій принялъ ихъ на первый разъ сухо, сдѣлалъ имъ замѣчаніе, что казаки и простой народъ предупредили ихъ въ вѣрности и ранѣе отторглись отъ крамольниковъ. Ихъ приводилъ къ присягѣ въ соборной церкви рязанскій архіепископъ грекъ Игнатій. Димитрій полюбилъ его и назначилъ патріархомъ, вмѣсто Іова: Игнатій былъ человѣкъ нрава веселаго, снисходительный къ себѣ и другимъ, раздѣлялъ съ Димитріемъ его вѣротерпимость и расположеніе къ западному просвѣщенію. Наконецъ, объявляя, что идетъ въ свою столицу, Димитрій послалъ въ Москву князя Василія Васильевича Голицына и князя Рубца-Масальскаго съ приказаніемъ устранить изъ Москвы всѣхъ его опасныхъ враговъ; а вслѣдъ за ними выступилъ самъ и медленно прибылъ въ Серпуховъ. Онъ безпрестанно останавливался, говорилъ съ народомъ, разспрашивалъ объ его житьѣ-бытьѣ и обѣщалъ льготы. Въ Серпуховѣ, на берегу Оки, на лугу ожидалъ его привезенный изъ Москвы огромный шатеръ, богато разукрашенный, въ которомъ можно было помѣстить нѣсколько сотъ человѣкъ. Одновременно съ шатромъ прибыла изъ Москвы царская кухня и множество прислуги. Въ этомъ шатрѣ Димитрій давалъ первый пиръ и

угощалъ бояръ, окольничихъ и думныхъ дьяковъ. Когда его извѣстили, что Годуновы отравили себя ядомъ, Димитрій изъявлялъ сожалѣніе, а относительно сосланныхъ изъ Москвы приверженцевъ Годуновыхъ говорилъ, что готовъ помиловать ихъ.

Изъ Серпухова Димитрій ѣхалъ уже въ богатой каретѣ, въ сопровожденіи знатныхъ особъ, и остановился въ селѣ Коломенскомъ. Здѣсь, на пространномъ лугу, окаймляющемъ Москву-рѣку, его ожидалъ новый шатеръ. Попы, монахи, гости, посадскіе люди, крестьяне приходили поклониться своему царю. То была, по старому обычаю, почетная встрѣча. Царю подносили подарки: ткани, мѣха, золото, серебро, жемчугъ, а бѣдняки—хлѣбъ-соль. Димитрій особенно ласково принималъ хлѣбъ-соль отъ бѣдняковъ.

— Я не царемъ у васъ буду,—говорилъ онъ,—а отцомъ; все прошлое забыто; и во вѣки не помяну того, что вы служили Борису и его дѣтямъ; буду любить васъ, буду жить для пользы и счастья моихъ любезныхъ подданныхъ.

Наконецъ, 20 іюня 1605 года, молодой царь торжественно въѣхалъ въ столицу при радостныхъ восклицаніяхъ безчисленнаго народа, столпившагося въ Москву съ разныхъ сторонъ. Онъ былъ статно сложенъ, но лицо его не было красиво, носъ широкій, рыжеватые волосы; зато у него былъ прекрасный лобъ и умные выразительные глаза *). Онъ ѣхалъ верхомъ, въ золотномъ

*) До насъ дошелъ его современный портретъ въ гравюрѣ Луки Килінка.

платьѣ, съ богатымъ ожерельемъ, на превосходномъ конѣ, убранномъ драгоцѣнной сбруей, посреди бояръ и думныхъ людей, которые старались перещеголять одинъ другого своими нарядами. На кремлевской площади ожидало его духовенство съ образами и хоругвями, но здѣсь русскимъ показалось кое-что не совсѣмъ ладнымъ: польскіе музыканты во время церковнаго пѣнія играли на трубахъ и били въ литавры; а монахи замѣтили, что молодой царь прикладывался къ образамъ не совсѣмъ такъ, какъ бы это дѣлалъ природный русскій человѣкъ. Народъ на этотъ разъ извинилъ своего новообрѣтеннаго царя.

— Что̀ дѣлать,—говорили русскіе,—онъ былъ долго въ чужой землѣ.

Въѣхавши въ Кремль, Димитрій молился сначала въ Успенскомъ соборѣ, а потомъ въ Архангельскомъ, гдѣ, припавши къ гробу Грознаго, такъ плакалъ, что никто не могъ допустить сомнѣнія въ томъ, что это не истинный сынъ Ивана. Строгимъ ревнителямъ православнаго благочестія тогда же не совсѣмъ понравилось то, что вслѣдъ за Димитріемъ входили въ церковь иноземцы.

Вступивши во дворецъ, Димитрій принималъ поздравленія съ новосельемъ; а Богданъ Бѣльскій вошелъ на лобное мѣсто, снялъ съ себя образъ, на которомъ былъ крестъ и изображеніе Николая Чудотворца, и сказалъ:

— Православные! Благодарите Бога за спасеніе нашего солнышка, государя царя, Димитрія Ивановича. Какъ бы васъ лихіе люди не смущали, ничему не вѣрьте. Это истинный сынъ царя Ивана Васильевича. Въ

увѣреніе я цѣлую передъ вами животворящій крестъ и св. Николу Чудотворца.

Народъ отвѣчалъ громкими восклицаніями:

— Боже, сохрани царя нашего, Димитрія Ивановича! Подай ему, Господи, здравія и долгоденственнаго житія! Покори подъ ноги его супостатовъ, которые не вѣрятъ ему!

Московскіе колокола безъ умолку гремѣли цѣлый день такъ сильно, что іезуиты, пріѣхавшіе съ Димитріемъ, думали, что оглохнутъ. Иноземцевъ особенно поражалъ огромный колоколъ въ 55 футовъ шириною и 15 вышиною.

Первымъ дѣломъ новаго царя было послать за матерью, инокинею Маѳою: выбранъ былъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, котораго Димитрій наименовалъ мечникомъ. Царь отложилъ свое царское вѣнчаніе до пріѣзда матери.

Едва только прошло нѣсколько дней послѣ пріѣзда Димитрія въ столицу, какъ Басмановъ, вошедшій въ милость новаго царя, поймалъ купца Ѳедора Конева и нѣсколько торговыхъ людей, которые показали, что князь Василій Шуйскій давалъ имъ наставленіе вооружить противъ царя народъ, указать на то, что царь дозволяетъ некрещеннымъ иноземцамъ входить въ церковь, что онъ подосланъ Сигизмундомъ и польскими панами, что царь не Димитрій, а Гришка Отрепьевъ, что онъ хочетъ разорить церкви, искоренить вѣру. Такія возбужденія приходились тогда отчасти кстати, потому что поляки, пришедшіе съ Димитріемъ, вели себя нагло, особенно въ

обращеніи съ женщинами. Царь отстранилъ себя отъ дѣла, касавшагося его чести и престола, и отдалъ Шуйскаго съ братьями суду, составленному изъ лицъ всѣхъ сословій. Ходъ этого суда намъ неизвѣстенъ; но судъ приговорилъ Василія Шуйскаго къ смерти, а братьевъ его къ ссылкѣ. Когда осужденнаго привели къ плахѣ на Красную площадь, прискакавшій изъ Кремля вѣстовой остановилъ казнь и объявилъ, что государь, не желая проливать крови даже важныхъ преступниковъ, замѣняетъ смертную казнь Василія Шуйскаго ссылкою въ Вятку. Народъ былъ въ восторгѣ отъ такого великодушія.

18 іюля прибыла царица, инокиня Марѳа. Царь встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ. Безчисленное множество народа побѣжало смотрѣть на такое зрѣлище. Когда карета, гдѣ сидѣла царица, остановилась, царь быстро соскочилъ съ лошади. Марѳа отдернула занавѣсъ, покрывавшій окно кареты. Димитрій бросился къ ней въ объятія. Оба рыдали. Такъ прошло нѣсколько минутъ въ виду всего народа.

Потомъ царь до самой Москвы шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты. Марѳа въѣзжала при звонѣ колоколовъ и при ликованіяхъ народа: тогда уже никто въ толпѣ не сомнѣвался въ томъ, что на московскомъ престолѣ истинный царевичъ; такое свиданіе могло быть только свиданіемъ сына съ матерью. Царица Марѳа была помѣщена въ Вознесенскомъ монастырѣ. Димитрій ежедневно посѣщалъ ее и, при началѣ каждаго важнаго дѣла, испрашивалъ ея благословенія.

30 іюля Димитрій вѣнчался царскимъ вѣнцомъ отъ новаго патріарха Игнатія. Посыпались милости. Возвращены всѣ опальные прежняго царствованія. Филаретъ Романовъ сдѣланъ митрополитомъ ростовскимъ. Димитрій возвратилъ изъ ссылки Шуйскихъ къ прежнимъ почестямъ. Всѣ Годуновы, ихъ свойственники и приверженцы, сосланные при началѣ царствованія, получили прощеніе.

— Есть два способа царствовать,—говорилъ Димитрій:—милосердіемъ и щедростью или суровостью и казнями; я избралъ первый способъ; я далъ Богу обѣтъ не проливать крови подданныхъ, и исполню его.

Когда кто-нибудь, желая подслужиться Димитрію, заговаривалъ дурно о Борисѣ, царь замѣчалъ:

— Вы ему кланялись, когда онъ былъ живъ, а теперь, когда онъ мертвый, вы хулите его. Другой бы кто говорилъ о немъ, а не вы, когда сами выбрали его.

Всѣмъ служилымъ удвоено было содержаніе; помѣщикамъ удвоили ихъ земельные надѣлы, все судопроизводство объявлено безплатнымъ; всѣмъ должностнымъ лицамъ удвоено содержаніе и строго запрещено брать посулы и поминки. Для того, чтобы при сборѣ податей не было злоупотребленій, обществамъ предоставлено самимъ доставлять свои подати въ казну. Димитрій воспретилъ давать потомственныя кабалы: холопъ могъ быть холопомъ тому, кому отдавался, и тѣмъ самымъ подходилъ къ наемнику, служившему господину по взаимному соглашенію. Помѣщики теряли свое право на крестьянъ, если не кормили ихъ во время голода; поста-

повлено было не давать суда на бѣглыхъ крестьянъ далѣе пяти лѣтъ. Всѣмъ предоставлено было свободно заниматься промыслами и торговлей; всякія стѣсненія къ выѣзду изъ государства, къ въѣзду въ государство, къ переѣздамъ внутри государства уничтожены.

— Я не хочу никого стѣснять,—говорилъ Димитрій,—пусть мои владѣнія будутъ во всемъ свободны. Я обогащу свободною торговлею свое государство. Пусть вездѣ разнесется добрая слава о моемъ царствованіи и моемъ государствѣ.

Англичане того времени замѣчаютъ, что это былъ первый государь въ Европѣ, который сдѣлалъ свое государство въ такой степени свободнымъ. Димитрій преобразовалъ боярскую думу и назвалъ ее *сенатомъ*. Каждый день онъ присутствовалъ въ сенатѣ, самъ разбиралъ дѣла, иногда самыя мелочныя и удивлялъ думныхъ людей быстротою своего соображенія. Два раза въ недѣлю, въ среду и въ субботу, царь лично принималъ челобитныя и всѣмъ предоставлялась возможность объясниться съ нимъ по своимъ дѣламъ. Вопреки обычаямъ прежнихъ царей, которые послѣ сытныхъ обѣдовъ укладывались спать, Димитрій, пообѣдавши, ходилъ пѣшкомъ по городу, заходилъ въ разныя мастерскія, толковалъ съ мастерами, говорилъ со встрѣчными на улицахъ. Прежніе цари, когда садились на лошадь, то имъ подставляли скамьи, подсаживали подъ руки, а Димитрію подведутъ ретиваго коня,—онъ быстро схватитъ одною рукою за поводъ, другою за сѣдло, вмигъ вскочитъ на него и заставитъ итти по своей волѣ. Никто лучше Ди-

митрія не ѣздилъ верхомъ. Любилъ онъ охоту, но не такъ, какъ прежніе цари. Прежде, бывало, наловятъ медвѣдей, держатъ въ подгородныхъ селахъ, а когда царю будетъ угодно, то подданные потѣшали его борьбою съ лютыми звѣрями, нерѣдко жертвуя собственной жизнью. Димитрій, напротивъ, лично ходилъ на медвѣдей и удивлялъ подданныхъ своею ловкостью. Онъ болѣе всего любилъ бесѣдовать со своими боярами о томъ, что нужно дать народу образованіе, убѣждалъ ихъ путешествовать по Европѣ, посылать дѣтей для образованія за границу, заохочивалъ ихъ къ чтенію и пріобрѣтенію свѣдѣній. Самъ Димитрій хорошо зналъ св. писаніе и любилъ приводить изъ него мѣста. Съ самаго прибытія въ Москву намѣреніе воевать съ турками и татарами не сходило съ языка у Димитрія. На пушечномъ дворѣ дѣлали новыя пушки, мортиры, ружья. Димитрій часто ѣздилъ туда, самъ пробовалъ оружіе и устраивалъ военные маневры, которые вмѣстѣ были и потѣхою и упражненіемъ въ военномъ дѣлѣ. Царь, забывая свой санъ, работалъ вмѣстѣ съ другими, не сердился, когда его въ давкѣ толкали или сбивали съ ногъ. Димитрій надѣялся на союзъ съ нѣмецкимъ императоромъ, съ Венеціей, съ французскимъ королемъ Генрихомъ IV, къ которому Димитрій чувствовалъ особое расположеніе.

Съ дѣятельностью Димитрій соединялъ любовь къ веселой жизни и забавамъ. Ему не по душѣ былъ старый дворецъ съ его мрачными воспоминаніями. Онъ приказалъ построить для себя и для будущей жены два

дворца деревянные. Его собственный дворецъ былъ невеликъ, хотя высокъ, и заключалъ всего четыре комнаты съ огромными сѣнями, уставленными шкафами съ серебряною посудою; комнаты были обиты персидскими тканями, окна занавѣшаны золототканными занавѣсами, изразцовыя печки съ серебряными рѣшетками, потолки кидались въ глаза превосходной рѣзной работою, а полъ былъ устланъ богатыми восточными коврами. Близъ этого дворца Димитрій приказалъ поставить мѣдное изваяніе Цербера *), устроенное такъ, что челюсти его, раздвигаясь и закрываясь, издавали звукъ. За обѣдомъ у Димитрія была музыка, чего не дѣлалось при прежнихъ царяхъ. Онъ не преслѣдовалъ народныхъ забавъ, какъ это бывало прежде: веселые «скоморохи» съ волынками, домрами и накрами свободно тѣшили народъ и представляли свои «дѣйства»; не преслѣдовались ни карты, ни шахматы, ни пляска, ни пѣсни. Димитрій говорилъ, что желаетъ, чтобы все кругомъ его веселилось. Свобода торговли и обращенія въ какихъ-нибудь полгода произвела то, что въ Москвѣ все подешевѣло и небогатымъ людямъ стали доступны такіе предметы житейскихъ удобствъ, какими прежде пользовались только богатые люди и бояре.

Исполняя обѣщаніе вступить въ бракъ съ Мариною Мнишекъ, Димитрій отправилъ въ Краковъ посломъ дьяка Аѳанасія Власова, который, представляя лицо своего государя, 12 ноября совершилъ за него актъ обру-

*) *Церберъ* — миѳологическій трехголовый адскій песъ, стороживщій входъ въ преисподнюю.

ченія въ присутствіи польскаго короля Сигизмунда. Послѣдній внутренно не совсѣмъ былъ доволенъ этимъ, такъ какъ по всему видно, что король надѣялся отдать за царя свою сестру.

Между тѣмъ въ Москвѣ враги уже вели подкопъ подъ своего царя. Во главѣ ихъ былъ прощенный имъ Василій Шуйскій. Бѣда научила его. Теперь онъ повелъ заговоръ осторожно. Шуйскій понялъ, что нельзя уже произвести переворота одними увѣреніями, что царь не настоящій Димитрій. На это всегда былъ готовый отвѣтъ: «Какъ же не настоящій, когда родная мать признала его?». Шуйскій возбуждалъ ропотъ тѣмъ, что царь любитъ иноземцевъ, ѣстъ, пьетъ съ ними, не наблюдаетъ постовъ, ходитъ въ иноземномъ платьѣ, завелъ музыку, хочетъ отъ монастырей отобрать достояніе, тратитъ безъ толку казну, затѣваетъ войну съ турками, раздражаетъ шведовъ въ угоду Сигизмунду и намѣренъ жениться на поганой полькѣ. Къ Шуйскому пристали: князь Василій Васильевичъ Голицынъ, князь Куракинъ, Михайло Татищевъ и кое-кто изъ духовныхъ сановниковъ. Сообщники Шуйскаго распространили неудовольствіе между стрѣльцами, и въ январѣ 1606 года составился умыселъ убить царя: убійцею вызвался быть тотъ самый Шерефединовъ, который вмѣстѣ съ Молчановымъ извелъ Ѳедора Борисовича съ матерью. 8 января они проникли было во дворецъ, но сдѣлался шумъ. Шерефединовъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. Семерыхъ схватили, и они повинились. Тогда Димитрій созвалъ всѣхъ стрѣльцовъ къ крыльцу и сказалъ:

— Мнѣ очень жаль васъ, вы грубы и нѣтъ въ васъ любви. Зачѣмъ вы заводите смуты? Бѣдная наша земля и такъ страдаетъ. Что же вы хотите ее довести до конечнаго разоренія? За что вы ищете меня погубить? Въ чемъ вы можете меня обвинить? спрашиваю я васъ. Вы говорите: я не истинный Димитрій. Обличите меня— и вы тогда вольны лишить меня жизни. Моя мать и бояре въ томъ свидѣтели. Я жизнь свою ставилъ въ опасность не ради своего возвышенія, а затѣмъ, чтобы избавить народъ, упавшій въ крайнюю нищету и неволю подъ гнетомъ гнусныхъ измѣнниковъ. Меня призвалъ къ этому Божій перстъ. Могучая рука помогла мнѣ овладѣть тѣмъ, что принадлежитъ мнѣ по праву. Говорите прямо, говорите свободно: за что вы меня не любите?

Толпа залилась слезами, упала на колѣни и говорила:

— Царь-государь, смилуйся, мы ничего не знаемъ! Покажи намъ тѣхъ, что насъ оговариваютъ.

Тогда Басмановъ, по царскому приказанію, вывелъ семерыхъ сознавшихся, и Димитрій сказалъ:

— Вотъ, они повинились и говорятъ, что всѣ вы на меня зло мыслите.

Съ этими словами онъ ушелъ во дворецъ, а стрѣльцы разорвали въ клочки преступниковъ.

Съ тѣхъ поръ страшно было заикнуться противъ царя. Народъ любилъ Димитрія и строже всякой верховной власти готовъ былъ наказывать его враговъ; въ особенности донскіе казаки, бывшіе тогда въ Москвѣ, свирѣпо наказывали за оскорбленіе царскаго имени. Самъ

царь никого не казнилъ, никого не преслѣдовалъ, а судъ народный и безъ него уничтожалъ его враговъ. Но, къ его несчастію, погибали менѣе опасные, а тѣ враги, отъ которыхъ все исходило, находились близъ него и пользовались его расположеніемъ. Услыхавши, что Сигизмундъ не любитъ Димитрія, бояре поручили гонцу Безобразову передать втайнѣ польскимъ панамъ, что они недовольны своимъ царемъ, думаютъ его свергнуть и желаютъ, чтобы въ московскомъ государствѣ государемъ былъ сынъ Сигизмунда, королевичъ Владиславъ. Тогда же черезъ какого-то шведа было сообщено польскимъ панамъ, будто мать Димитрія велѣла передать королю, что на московскомъ престолѣ царствуетъ не сынъ ея, а обманщикъ. Сигизмундъ, узнавши объ этомъ, приказалъ дать отвѣтъ, что онъ не загораживаетъ московскимъ боярамъ дороги, и они могутъ промышлять о себѣ; что же касается до королевича Владислава, то король не такой человѣкъ, чтобы увлекаться честолюбіемъ.

Царь всю зиму ждалъ своей невѣсты, а Мнишекъ медлилъ и безпрестанно требовалъ съ нареченнаго зятя денегъ. Уже Димитрій передалъ ему 300.000 злотыхъ, подарилъ его сыну 50.000 злотыхъ. Мнишекъ все еще водилъ царя, и царь переслалъ ему еще около 19.000 рублей. Этого мало, Мнишекъ безъ церемоніи забиралъ у московскихъ купцовъ товары, занималъ у нихъ деньги и все на счетъ царя. Когда Мнишекъ написалъ, что онъ пріѣдетъ только спустя нѣсколько дней послѣ Пасхи, Димитрій потерялъ терпѣніе и написалъ ему, что

если онъ такъ опоздаетъ, то не застанетъ его въ Москвѣ, потому что царь намѣренъ тотчасъ послѣ Пасхи выступить въ походъ. Это заставило Мнишка поторопиться.

Въ ожиданіи прибытія невѣсты, царь стягивалъ войско, назначая сборъ подъ Ельцомъ, чтобы тотчасъ послѣ свадьбы ударить на Крымъ. Онъ постоянно приглашалъ къ себѣ иноземцевъ и составилъ около себя стражу изъ французовъ и нѣмцевъ.

Приближенные русскіе все болѣе и болѣе оскорблялись предпочтеніемъ, которое царь оказывалъ иностранцамъ. Димитрій рѣзко говорилъ о превосходствѣ западныхъ европейцевъ передъ русскими, насмѣхался надъ русскими предразсудками, наряжался въ иноземное платье, даже умышленно старался показывать, что презираетъ русскіе обычаи. Такъ, напримѣръ, русскіе не ѣли телятины; Димитрій нарочно приказывалъ подавать ее къ столу, когда обѣдали у него бояре. Однажды Татищевъ сказалъ ему по этому поводу какую-то дерзость. Димитрій вспылилъ и отдалъ приказъ отправить его въ Вятку, но тотчасъ же опомнился и оставилъ при всѣхъ почестяхъ. Но Татищевъ былъ мстителенъ и утвердился въ мысли такъ или иначе погубить Димитрія.

24-го апрѣля прибылъ въ столицу Мнишекъ съ дочерью. Съ нимъ пріѣхали знатные паны: братья Адамъ и Константинъ Вишневецкіе, Стадницкіе, Тарлы, Казановскіе, съ толпою всякаго рода челяди и со множествомъ служившихъ у нихъ шляхтичей. Всѣхъ гостей

было болѣе 2.000 человѣкъ. Кромѣ того, въ Москву пріѣхали отъ Сигизмунда паны Олѣсницкій и Гонсѣвскій со своими свитами. Начались роскошные обѣды, балы, празднества. Димитрій, сохраняя свое достоинство, чуть было не поссорился съ польскими послами, требуя, чтобы Сигизмундъ называлъ его не иначе, какъ «цезаремъ», да еще «непобѣдимымъ». 8 мая Марина была предварительно коронована царицею, а потомъ совершилось бракосочетаніе. Съ тѣхъ поръ пиры слѣдовали за пирами. Царь въ упоеніи любви все забылъ, предавался удовольствіямъ, танцовалъ, не уступая полякамъ въ ловкости и раздражая чопорность русскихъ; а между тѣмъ шляхтичи и челядь, разставленные по домамъ московскихъ жителей, вели себя до крайности нагло и высокомѣрно. Получивъ, напримѣръ, отъ царя предложеніе вступить въ русскую службу, они хвастались этимъ и кричали:

— Вотъ вся ваша казна перейдетъ къ намъ въ руки!

Другіе, побрякивая саблями, говорили:

— Что вашъ царь! мы дали царя Москвѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что большая часть этихъ пришельцевъ только считались поляками, а были русскіе, даже православные, потому что въ то время въ южныхъ провинціяхъ Польши не только шляхта и простолюдины, но и многіе знатные паны не отступили еще отъ предковской вѣры. Сами, пріѣхавшіе тогда въ Москву, братья Вишневецкіе исповѣдывали православіе. Но московскіе люди съ трудомъ могли признать въ пріѣзжихъ гостяхъ единовѣрцевъ и русскихъ по разности обыча-

свъ, входившихъ по московскимъ понятіямъ въ область религіи. Притомъ же всѣ гости говорили или по-польски или по-малорусски. Благочестивыхъ москвичей, привыкшихъ жить со звономъ колоколовъ, замкнутой однообразной жизнью, соблазняло то, что въ Кремлѣ, между соборами, по цѣлымъ днямъ играли 68 музыкантовъ, а пришельцы скакали по улицамъ на лошадяхъ, стрѣляли изъ ружей на воздухъ, пѣли пѣсни, танцовали и безмѣрно хвастались своимъ превосходствомъ надъ москвичами.

«Крикъ, вопль, говоръ неподобный!—восклицаетъ лѣтописецъ.—О, какъ огнь не сойдетъ съ небеси и не попалитъ сихъ окаянныхъ!»

Но, какъ ни оскорбляла наглость пришельцевъ русскій народъ, онъ все-таки настолько любилъ своего царя, что не поднялся бы на него и извинилъ бы ему, ради его свадьбы. Погибель Димитрія была устроена путемъ заговора.

Въ ночь со вторника на среду, съ 12-го на 13-е мая, Василій Шуйскій собралъ къ себѣ заговорщиковъ, между которыми были и служилые и торговые люди, раздраженные поступками поляковъ, и положили сначала отмѣтить дома, въ которыхъ стоятъ поляки, а утромъ рано, въ субботу, ударить въ набатъ и закричать народу, будто поляки хотятъ убить царя и перебить думныхъ людей: народъ бросится бить поляковъ, а заговорщики покончатъ съ царемъ.

Въ четвергъ, 15-го мая, какіе-то русскіе донесли Басманову о заговорѣ. Басмановъ доложилъ царю.

— Я этого слышать не хочу,—сказалъ Димитрій,— не терплю доносчиковъ и буду наказывать ихъ самихъ.

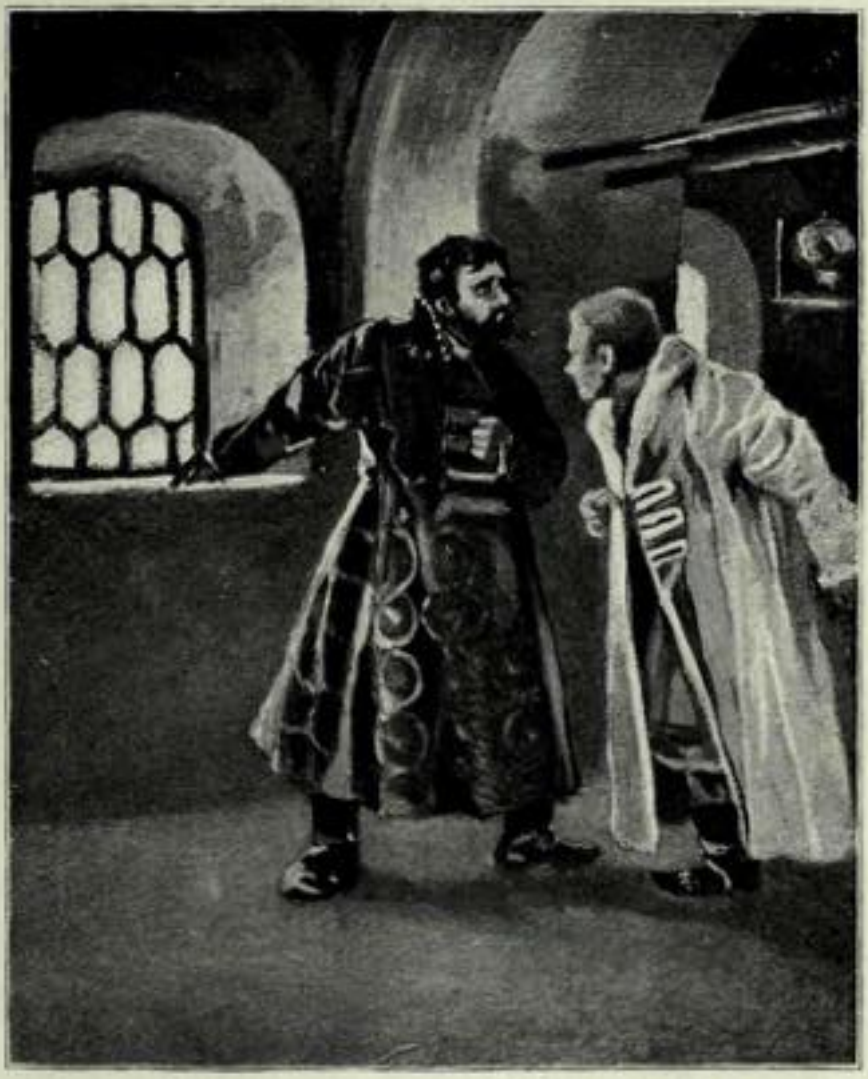
Царь продолжалъ веселиться; въ воскресенье готовили большой праздникъ. Царскій деревянный домъ, построенный самимъ Димитріемъ, и дворецъ обставляли лѣсами для иллюминаціи.

Въ пятницу, 16-го мая, нѣмцы подали Димитрію письменный извѣтъ о томъ, что въ столицѣ существуетъ измѣна и слѣдуетъ какъ можно скорѣе принять мѣры. Димитрій сказалъ:

— Это все вздоръ, я читать этого не хочу!

И Мнишекъ, и Басмановъ совѣтовали не пренебрегать предостереженіями. Димитрій ничему не вѣрилъ и вечеромъ созвалъ гостей въ свой новый, красиво убранный дворецъ. Заиграло сорокъ музыкантовъ, начались танцы; царь былъ особенно веселъ, танцовалъ и веселился; а между тѣмъ Шуйскій именемъ царя приказалъ изъ сотни нѣмецкихъ алебардщиковъ, державшихъ по обыкновенію караулъ у дворца, удалиться семидесяти человѣкамъ и оставилъ только тридцать. По окончаніи бала, Димитрій удалился къ женѣ въ ея новопостроенный и еще неоконченный дворецъ, соединенный съ царскимъ дворцомъ переходами, а въ сѣняхъ царскаго дворца расположилось нѣсколько человѣкъ прислуги и музыкантовъ.

На разсвѣтѣ Шуйскій приказалъ отворить тюрьмы, выпустить преступниковъ и раздать имъ топоры и мечи. Какъ только начало всходить солнце, ударили въ набатъ на Ильинкѣ, а потомъ во всѣхъ другихъ москов-

Спасайся, а я умру за тебя.

скихъ церквахъ стали также звонить, не зная, въ чемъ дѣло. Главные руководители заговора: Шуйскіе, Голицынъ, Татищевъ, выѣхали на Красную площадь верхомъ съ толпою около двухсотъ человѣкъ. Народъ, услышавши набатъ, сбѣгался со всѣхъ сторонъ, а Шуйскій кричалъ ему:

— Литва собирается убить царя и перебить бояръ; идите бить Литву!

Народъ съ яростными криками бросился бить поляковъ, многіе съ мыслью, что въ самомъ дѣлѣ защищаютъ царя; другіе—изъ ненависти къ полякамъ за своевольство; иные—просто изъ страсти къ грабежу. Василій Шуйскій, освободившись такою хитростью отъ народной толпы, въѣхалъ въ Кремль: въ одной рукѣ у него былъ мечъ, въ другой крестъ. За нимъ слѣдовали заговорщики, вооруженные топорами, бердышами, копьями, мечами и рогатинами.

Набатный звонъ разбудилъ царя. Онъ бѣжалъ въ свой дворецъ и встрѣтилъ тамъ Димитрія Шуйскаго, который сказалъ ему, что въ городѣ пожаръ. Димитрій отправился къ женѣ, чтобъ успокоить ее, а потомъ ѣхать на пожаръ; какъ вдругъ неистовые крики раздались у самаго дворца. Онъ снова поспѣшилъ въ свой дворецъ; тамъ былъ Басмановъ. Отворивши окно, Басмановъ спросилъ:

— Что вамъ надобно, что за тревога?

Ему отвѣчали:

— Отдай намъ своего вора, тогда поговоришь съ нами.

— Ахти, государь,—сказалъ Басмановъ царю:—не вѣрилъ ты своимъ вѣрнымъ слугамъ! Спасайся, а я умру за тебя.

Тридцать человѣкъ нѣмецкихъ алебардщиковъ стали было у входа, но по нимъ дали нѣсколько выстрѣловъ. Они увидали, что ничего не могутъ сдѣлать, и пропустили толпу. Царь искалъ своего меча, но меча не было. Царь схватилъ у одного алебардщика алебарду, подступилъ къ дверямъ и крикнулъ:

— Прочь! я вамъ не Борисъ.

Басмановъ выступилъ впередъ царя, сошелъ внизъ и сталъ уговаривать бояръ; но Татищевъ ударилъ его ножемъ въ сердце. Димитрій заперъ дверь. Заговорщики стали ломать ее. Тогда Димитрій бросилъ алебарду, бѣжалъ по переходамъ въ каменный дворецъ, но выхода не было; всѣ двери были заперты; онъ глянулъ въ окно, увидѣлъ вдали стрѣльцовъ и рѣшилъ выскочить въ окно, чтобы спуститься по лѣсамъ, приготовленнымъ для иллюминаціи, и отдаться подъ защиту народа. Бывшій въ то время въ Москвѣ голландецъ замѣчаетъ, что если бы Димитрію удалось спуститься благополучно внизъ, то онъ былъ бы спасенъ. Народъ любилъ его и непремѣнно бы растерзалъ заговорщиковъ. Но Димитрій споткнулся и упалъ на землю съ высоты 30 футовъ. Онъ разбилъ себѣ грудь, вывихнулъ ногу, зашибъ голову и на время лишился чувствъ.

Стрѣльцы, державшіе караулъ, подбѣжали къ нему, облили водой и положили на каменный фундаментъ сломаннаго Борисова дома. Пришедши въ чувство, Ди-

митрій упрашивалъ ихъ отнести его къ міру на площадь передъ Кремль, обѣщалъ отдать стрѣльцамъ все имущество мятежныхъ бояръ и даже семьи ихъ въ холопство. Стрѣльцы стали было защищать его, но заговорщики закричали, что они пойдутъ въ стрѣлецкую слободу и перебьютъ стрѣлецкихъ женъ и дѣтей. Стрѣльцы оставили Димитрія.

Заговорщики внесли его во дворецъ. Одинъ нѣмецъ вздумалъ было подать царю спирту, чтобъ поддержать въ немъ сознаніе, но заговорщики убили его за это.

Надъ Димитріемъ стали ругаться, приговаривая:

— Латинскихъ поповъ привелъ, нечестивую польку въ жены взялъ, казну московскую въ Польшу вывозилъ!

Сорвали съ него кафтанъ, надѣли какія-то лохмотья. Одинъ ударилъ его въ щеку и сказалъ:

— Говори такой-сякой, кто твой отецъ? какъ тебя зовутъ? Откуда ты?

Димитрій слабымъ голосомъ проговорилъ:

— Вы знаете, я—царь вашъ Димитрій. Вы меня признали и вѣнчали на царство. Если теперь не вѣрите, спросите мать мою; вынесите меня на лобное мѣсто и дайте говорить народу.

Но тутъ Иванъ Голицынъ крикнулъ:

— Сейчасъ царица Марѳа сказала, что это не ея сынъ!

— Винится ли злодѣй?—кричала толпа со двора.

— Винится!—отвѣчали изъ дворца.

— Бей, руби его!—заревѣла толпа со двора.

— Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна,—

сказалъ Григорій Валуевъ и застрѣлилъ Димитрія изъ короткаго ружья, бывшаго у него подъ армякомъ.

Тѣло обвязали веревками и потащили по землѣ изъ Кремля черезъ Фроловскія (Спасскія) ворота. У Вознесенскаго монастыря вызвали царицу Марѳу и закричали:

— Говори: твой ли это сынъ?

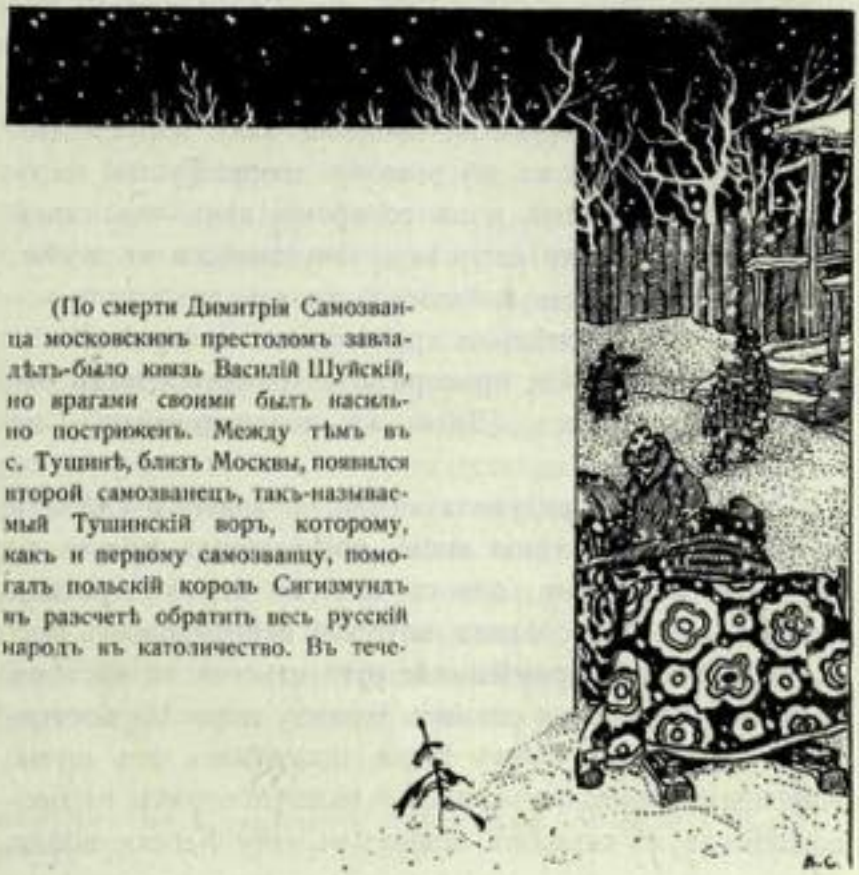
— Не мой,—отвѣчала Марѳа *).

Тѣло умерщвленнаго царя положили на Красной площади на маленькомъ столикѣ. Къ ногамъ его приволокли тѣло Басманова. На грудь мертвому Димитрію положили маску, а въ ротъ воткнули дудку. Въ продолженіе двухъ дней москвичи ругались надъ его тѣломъ, кололи и пачкали всякою дрянью, а въ понедѣльникъ свезли въ «убогій домъ» (кладбище для бѣдныхъ и безродныхъ) и бросили въ яму, куда складывали замерзшихъ и опившихся. Но вдругъ по Москвѣ сталъ ходить слухъ, что мертвый ходитъ; тогда снова вырыли тѣло, вывезли за Серпуховскія ворота, сожгли, пепелъ всыпали въ пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда названый Димитрій пришелъ въ Москву...

*) По другому, польскому, извѣстію она сказала: „Было бы меня спрашивать, когда онъ былъ живъ, а теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой"; но первое извѣстіе вѣроятнѣе.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ.

(Изъ романа того же названія.)

(По смерти Димитрія Самозванца московскимъ престоломъ завладѣлъ-было князь Василій Шуйскій, но врагами своими былъ насильно постриженъ. Между тѣмъ въ с. Тушинѣ, близъ Москвы, появился второй самозванецъ, такъ-называемый Тушинскій воръ, которому, какъ и первому самозванцу, помогалъ польскій король Сигизмундъ въ разсчетѣ обратить весь русскій народъ въ католичество. Въ тече-

ніе 16-ти мѣсяцевъ Тушинскій воръ осаждалъ Троице-Сергіевскую лавру, но въ концѣ-концовъ долженъ былъ отступить и бѣжалъ. Сигизмундъ же предложилъ русскимъ взять въ цари его сына, королевича Владислава. Молодой бояринъ Юрій Милославскій, по примѣру многихъ русскихъ, присягнулъ королевичу. Польскій вельможа Гонсѣвскій отправилъ его съ граматою къ приверженцу короля Сигизмунда, боярину Кручинѣ Шалонскому. По дорогѣ, во время метели, заблудившись, Милославскій, вмѣстѣ съ слугой своимъ Алексѣемъ и приставшимъ къ нимъ въ пути запорожцемъ Киршою, попалъ на постоялый дворъ.)

I.

Еще вторые пѣтухи не пропѣли, какъ вдругъ двѣ тройки примчались къ постоялому двору. Густой паръ валилъ отъ лошадей, и въ то время, какъ изъ саней вылѣзало нѣсколько человѣкъ, закутанныхъ въ шубы, усталые кони, чувствуя близость ночлега, взрывали копытами глубокій снѣгъ и храпѣли отъ нетерпѣнія.

— Гей! отпирайте проворнѣй!..—раздался подъ окномъ грубый голосъ.—Да ну-же, поворачивайтесь! не то ворота вонъ.

Пока хозяйка вздувала огонь, а хозяинъ слѣзалъ съ полатей, нетерпѣніе вновь пріѣхавшихъ дошло до высочайшей степени; они стучали въ ворота, бранили хозяина, а особливо одинъ, который, испорченнымъ русскимъ языкомъ, примѣшивая ругательства на чистомъ польскомъ, грозился сломить хозяину шею. На постояломъ дворѣ всѣ, кромѣ Юрія, проснулись отъ шума. Наконецъ, ворота отворились, и толстый полякъ, въ провожаніи двухъ казаковъ, вошелъ въ избу. Казаки, войдя,

перекрестились на иконы, а полякъ, не снимая шапки, закричалъ сиповатымъ басомъ:

— Гей! хозяинъ! что у тебя здѣсь за челядь? Вонъ всѣ отсюда!.. Ей, вы! оглохли, что-ль! Вонъ, говорятъ вамъ!

Молчаливый проѣзжій *) приподнялъ голову и, взглянувъ хладнокровно на поляка, опустилъ ее опять на изголовье. Алексѣй и Кирша вскочили; послѣдній, протирая глаза, глядѣлъ съ примѣтнымъ удивленіемъ на пана, который, сбросивъ шубу, остался въ одномъ куntушѣ, опоясанномъ богатымъ кушакомъ.

Если нужно было живописцу изобразить воплощенную — не гордость, которая, къ несчастію, бываетъ иногда порокомъ людей великихъ, но глупую спѣсь— неотъемлемую принадлежность душъ мелкихъ и ничтожныхъ,—то, списавъ самый вѣрный портретъ съ этого проѣзжаго, онъ достигъ бы совершенно своей цѣли. Представьте себѣ четвероугольное туловище, которое едва могло держаться въ равновѣсіи на двухъ коротkихъ и кривыхъ ногахъ; величественно закинутую назадъ голову въ превысокой косматой шапкѣ; широкое, багровое лицо; огромные, оловяннаго цвѣта, круглые глаза; вздернутый носъ, похожій на луковицу, и безконечные усы, которые не опускались къ низу и не подымались вверхъ, но въ прямомъ, горизонтальномъ направленіи, казалось, защищали надутыя щеки, разру-

*) Остановившійся на томъ же постояломъ дворѣ незнакомый проѣзжій оказался впослѣдствіи знаменитымъ нижегородскимъ гражданиномъ Козьмою Мининымъ.

мяненныя природою и частымъ употребленіемъ горѣлки. Спѣсь, чванство и глупость, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отражались въ каждой чертѣ лица его, въ каждомъ движеніи и даже въ самомъ голосѣ, который, переходя безпрестанно изъ охриплаго баса въ сиповатый дискантъ, изображалъ попеременно: то надменную волю знаменитаго вельможи, увѣреннаго въ безусловномъ повиновеніи, то неукротимый гнѣвъ грознаго повелителя, коего приказанія не исполняются съ должной покорностью.

Между тѣмъ, какъ этотъ проѣзжій отдавалъ казакамъ какія-то приказанія на польскомъ языкѣ, Кирша не переставалъ на него смотрѣть. На лицѣ запорожца изображались попеременно совершенно противуположныя чувства: сначала, казалось, онъ удивился и, смотря на странную фигуру поляка, старался что-то припомнить; потомъ презрѣніе изобразилось въ глазахъ его. Черезъ минуту они заблистали веселостью и почти въ то же время, при встрѣчѣ съ гордымъ взглядомъ поляка, изъявляли глубочайшую покорность, которую однакожъ трудно было согласить съ насмѣшливой улыбкою, едва замѣтною, но не менѣе того выразительною.

— Ну, что жъ вы стали?—сказалъ панъ грознымъ голосомъ, оборотясь снова къ Киршѣ.—Иль не слышали?.. Вонъ отсюда!

Повелительный голосъ поляка представлялъ такую странную противуположность съ наружностью, которая возбуждала чувство, совершенно противное страху, что Алексѣй, не думая повиноваться, стоялъ какъ вкопан-

ный, глядѣлъ во всѣ глаза на пана и кусалъ губы, чтобъ не лопнуть со смѣху.

— Цо то есть!—завизжалъ дискантомъ полякъ.— Ахъ вы, москали! да знаете ли, кто я?

— Не гнѣвайся, ясновельможный панъ! — сказалъ съ низкимъ поклономъ Кирша,—мы съ просонья не разсмотрѣли твоей милости. Дозволь намъ хотя въ уголку остаться. Вотъ лишь разсвѣнетъ, такъ мы и въ дорогу.

— А это что за неучъ растянулся на скамьѣ?—продолжалъ панъ, взглянувъ на молчаливаго прохожаго.— Гей ты, олухъ!

Незнакомый приподнялся, но, вмѣсто того, чтобы встать, сѣлъ на скамью и спросилъ хладнокровно у поляка, чего онъ требуетъ?

— Пошелъ вонъ изъ избы!

— Мнѣ и здѣсь хорошо.

— И ты еще смѣешь разсуждать! Вонъ, говорятъ тебѣ!

— Слушай, полякъ,—сказалъ незнакомый твердымъ голосомъ:—постоялый дворъ не для тебя одного выстроенъ, а если тебѣ тѣсно, такъ убирайся самъ отсюда.

— Цо то есть? — заревѣлъ полякъ. — Почекай, москаль, почекай. Гей, хлопцы! вытолкайте вонъ этого грубіяна.

— Вытолкать? меня?.. Попытайтесь!—отвѣчалъ незнакомый, приподымаясь медленно со скамьи. — Ну, что-жъ вы стали, молодцы?—продолжалъ онъ, обращаясь къ казакамъ, которые, не смѣя тронуться съ мѣста,

глядѣли съ изумленіемъ на колоссальныя формы проѣзжаго.—Что, ребята, видно я не по васъ?

— Рубите этого разбойника!—закричалъ полякъ, пятясь къ дверямъ.—Рубите въ мою голову!

— Нѣтъ, господа честные, прошу у меня не буянить,—сказалъ хозяинъ.—А ты, добрый человѣкъ, никакъ забылъ, что хотѣлъ чѣмъ-свѣтъ ѣхать? Слышишь, вторые пѣтухи поютъ!

— И впрямь пора запрягать,—сказалъ торопливо проѣзжій и, не обращая никакого вниманія на поляка и казаковъ, вышелъ вонъ изъ избы.

— Ага! догадался!—сказалъ полякъ, садясь въ передній уголъ.—Счастливъ ты, что унесъ ноги, а не тобы я съ тобою перевѣдался. Нѣхъ, ихъ вшисци дьябли везмо! Какіе здѣсь буяны! Видно, не были еще въ передѣлѣ у пана Лисовскаго.

— Пана Лисовскаго?—повторилъ Кирша.—А ваша милость его знаетъ?

— Какъ не знать!—отвѣчалъ полякъ, погладивъ съ важностью свои усы.—Мы съ нимъ пріятели: побратались на ратномъ полѣ, вмѣстѣ били москалей...

— И вѣрно подъ Троицкимъ монастыремъ?—прервалъ запорожецъ.

Полякъ поглядѣлъ пристально на Киршу и, поправляя свою шапку, продолжалъ важнымъ голосомъ:

— Да, да! подъ Троицкимъ монастыремъ, изъ котораго москали не смѣли днемъ и носу показывать.

— Прошу не погнѣваться,—возразилъ Кирша,—я самъ служилъ въ войскѣ гетмана Сапѣги, который сто-

ялъ подъ Троицею, и, помнится, русскіе колотили насъ порядкомъ; бывало, какъ случится, то днемъ, то ночью. Вотъ, напримѣръ, помнишь, ясновельможный панъ, какъ однажды поутру, на монастырскомъ капустномъ огородѣ?.. Что это ваша милость изволитъ вертѣться? Иль неловко сидѣть?

— Ничего, ничего...—отвѣчалъ полякъ, стараясь скрыть свое смущеніе.

— Какъ теперь гляжу,—продолжалъ Кирша:—на этомъ огородѣ лихая была схватка, и панъ Лисовскій одинъ за десятерыхъ работалъ.

— Да, да,—прервалъ полякъ,—онъ дрался какъ чортъ! Я смѣло это могу говорить потому, что не отставалъ отъ него ни на минуту.

— Такъ поэтому, ясновельможный, ты былъ свидѣтелемъ, какъ онъ наткнулся на одного молодца, который, во время драки, словно заяцъ, притаился между грядъ, и какъ панъ Лисовскій отпотчивалъ этого труса нагайкою?

Оловянные глаза поляка завертѣлись во всѣ стороны, а багровый носъ засверкалъ какъ уголь.

— Какъ нагайкой?—вскричалъ онъ.—Кого нагайкой?.. Это вздоръ!.. Этого никогда не было!

— Помилуй, какъ не было!—продолжалъ Кирша.—Да объ этомъ все войско Сапѣги знаетъ. Этотъ трусишка служилъ въ региментѣ Лисовскаго товарищемъ и, помнится, прозывался... да, точно такъ... паномъ Копычинскимъ.

— Неправда, не вѣрьте ему!—закричалъ полякъ,

обращаясь къ казакамъ.—Это клевета!... Копычинскаго не только Лисовскій, но и самъ чортъ не смѣлъ бы ударить нагайкою: онъ никого не боится!

— Да что жъ за нелегкая угораздила его завалиться между грядъ въ то время, какъ другіе дрались?

— Чтò? Какъ? чтò?.. Да кто тебѣ сказалъ, что я лежалъ между грядъ?

— Ага! такъ это ты, ясновельможный? Прошу покорно, чего злые люди не вздумаютъ! Вѣдь точно говорятъ, что Лисовскій тебя поколотилъ, и что если-бъ на другой день ты не бѣжалъ въ Москву, то онъ, для острастки другихъ, непремѣнно бы тебя повѣсилъ.

— Какой вздоръ, какой вздоръ!—прервалъ полякъ, стараясь казаться равнодушнымъ.—Да чтò съ тобою говорить! Гей, хозяинъ, чтò у тебя есть? Я хочу поужинать.

— Ахти, кормилецъ!—отвѣчалъ хозяинъ,—да у меня ничего, кромѣ хлѣба, не осталось.

— Какъ ничего?

— Видитъ Богъ, ничего!.. Была корчага каши, толокно и горшокъ щей, да все проѣзжіе поѣли.

— Быть не можетъ, чтобъ у тебя ничего не осталось. Гей, Нехорошко!—продолжалъ онъ, взглянувъ на одного изъ казаковъ,—пошарь-ка въ печи: не найдешь ли чего-нибудь.

Казакъ отодвинулъ заслонку и вытащилъ жаренаго гуся.

— Цо то есть?—закричалъ полякъ.—Ахъ ты, лайдакъ! какъ же ты говорилъ, что у тебя нѣтъ съѣстного?

— Да это чужое, родимый,—сказала хозяйка.—Этого гуся привезъ съ собою вотъ тотъ баринъ, что спитъ на печи.

— А кто онъ? полякъ?

— Нѣтъ, кормилецъ, кажись, русскій.

— Москаль?.. Такъ давай сюда!

Алексѣй хотѣлъ было вступиться за право собственности своего господина, но одинъ изъ казаковъ далъ ему такого толчка, что онъ едва устоялъ на ногахъ.

— Разбуди своего барина,—шепнулъ Кирша:—онъ лучше нашего управится съ этимъ буяномъ.

Пока Алексѣй будилъ Юрія и объявлялъ ему о насильственномъ завладѣніи гусемъ, полякъ, снявъ шапку, расположился спокойно ужинать. Юрій слѣзъ съ печи, спряталъ за пазуху пистолетъ и, отдавъ потихоньку приказаніе Алексѣю, который въ ту же минуту вышелъ изъ избы, подошелъ къ столу.

— Добраго здоровья!—сказалъ онъ, поклонясь вѣжливо пану.

Полякъ, не переставая ѣсть, кивнулъ головою и показалъ молча на скамью; Юрій сѣлъ на другомъ концѣ стола и, помолчавъ нѣсколько времени, спросилъ: по вкусу ли ему жареный гусь?

— Какъ проголодаешься, такъ все будетъ вкусно,—отвѣчалъ полякъ.—А что, это гусь твой?

— Мой, панъ.

— Нечего сказать, вы, москали, догадливѣе насъ, всегда съ запасомъ ѣздите. Правда, намъ это и не нужно, для насъ поляковъ, нѣтъ ничего завѣтнаго.

— Конечно, панъ, конечно. Да что-жъ ты пересталъ? Кушай на здоровье!

— Не хочу; я сытъ.

— Не совѣстись, покушай!

— Нѣтъ, ѣшь самъ, если хочешь.

— Спасибо! я не привыкъ кормиться ничьими объѣдками, да не люблю, чтобъ и другіе не доѣдали. Кушай, панъ.

— Я ужъ тебѣ сказалъ, что не хочу.

— Не прогнѣвайся: ты сейчасъ говорилъ, что для поляковъ нѣтъ ничего завѣтнаго, то-есть: у нихъ въ обычаѣ брать чужое, не спросясь хозяина... быть можетъ; а мы русскіе, хлѣбосолы, любимъ потчивать: у всякаго свой обычай. Кушай, панъ!

— Да что-жъ ты присталъ въ самомъ дѣлѣ...

— И не отстану до тѣхъ поръ, пока ты не съѣшь всего гуся.

— Какъ всего?

— Да, всего,—повторилъ Юрій, вынимая пистолетъ.—Прошу покорно: принялся ѣсть, такъ ѣшь!

— Цо то есть!—завизжалъ полякъ.—Гей, хлопцы!

Быстрымъ движеніемъ руки Юрій, подвинувъ впередъ столъ, притиснулъ къ стѣнѣ поляка и, обернувшись назадъ, закричалъ казакамъ:

— Стойте, ребята! ни съ мѣста!

Эти слова были произнесены такимъ повелительнымъ голосомъ, что казаки, которые хотѣли броситься на Юрія, остановились.

— Слушайте, товарищи!—продолжалъ Юрій:—если

— Позволь хоть отдохнуть!..— пропищалъ онъ, задыхаясь.

кто изъ васъ тронется съ мѣста, пошевелитъ однимъ пальцемъ, то я въ тотъ же мигъ размозжу ему голову. А ты, ясновельможный, прикажи имъ выйти вонъ, я угощаю одного тебя. Ну, что жъ ты молчишь? Слушай, полякъ! Я никогда не божился понапрасну, а теперь побожусь, что ты не успѣешь перекреститься, если они сейчасъ не выйдутъ. Долго-ль мнѣ дожидаться?—прибавилъ онъ, направляя дуло пистолета прямо въ лобъ поляку.

— Іезусъ, Марія!—закричалъ полякъ, стараясь спрятать подъ столъ свою обритую голову.—Ступайте вонъ!.. ступайте вонъ!..

— Эй, ребята, убирайтесь!—сказалъ Кирша,—а не то этотъ баринъ какъ разъ влѣпитъ ему пулю въ лобъ: онъ шутить не любитъ.

— Ступайте вонъ, злодѣи! ступайте вонъ!—продолжалъ кричать полякъ, закрывая руками глаза, чтобъ не видѣть конца пистолета, который въ эту минуту казался ему длиннѣе крѣпостной пищали. Казаки, выходя вонъ, повстрѣчались съ незнакомымъ проѣзжимъ, который, посмотрѣвъ съ удивленіемъ на это странное угощеніе, сталъ потихоньку разспрашивать хозяина.

— Теперь, Кирша,—сказалъ Юрій,—между тѣмъ какъ я стану угощать дорогого гостя, возьми свою винтовку и посматривай, чтобы эти молодцы не воротились. Ну, панъ, прошу покорно! Да поторапливайся: мнѣ некогда дожидаться.

Полякъ, не отвѣчая ни слова, принялся ѣсть, а Юрій не перемѣняя положенія, продолжалъ его потчи-

вать. Бѣдный панъ спѣшилъ глотать цѣлыми кусками, давился. Нѣсколько разъ принимался онъ просить помилованія, но Юрій оставался непреклоннымъ, и умоляющій взоръ поляка встрѣчалъ всякій разъ роковое дуло пистолета, взведенный курокъ и грозный взглядъ, въ которомъ онъ ясно читалъ свой смертный приговоръ.

— Позволь хоть отдохнуть!..—пропищалъ онъ, наконецъ, задыхаясь.

— И, полно, панъ! Мнѣ некогда дожидаться, доѣдай!..

— Смѣлѣй, панъ Копычинскій, смѣлѣе!—сказалъ Кирша:—ты видишь, немного осталось. Что робѣть, то хуже... Ну, вотъ и дѣло съ концомъ!—промолвилъ онъ, когда полякъ проглотилъ послѣдній кусокъ.

— И, кстати!—прервалъ Юрій.—Угощать, такъ угощать! Тамъ въ печи долженъ быть пирогъ. Кирша, подай-ка его сюда.

— Взмилуйся!—завопилъ полякъ отчаяннымъ голосомъ.—Не могу, якъ пана Бога кохамъ, не могу.

— Что, панъ, будешь ли впередъ непрошенный кушать за чужимъ столомъ?—сказалъ незнакомый проѣзжій.—Спасибо тебѣ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію,—спасибо, что проучилъ этого наглеца. Да будетъ съ него; брось этого негодяя! У насъ на Руси лежачихъ не бьютъ. Дай мнѣ свою руку, молодецъ! Авось ли Богъ приведетъ намъ еще встрѣтиться. Быть можетъ, ты поймешь тогда, что присяга, вынужденная обманомъ и силою, ничтожна предъ Господомъ, и что умереть за вѣру православную и святую Русь честнѣе,

чѣмъ жить подъ ярмомъ иновѣрца и носить позорное имя раба иноплеменныхъ. Прощай, хозяинъ! Вотъ тебѣ за постой,—примолвилъ онъ, бросивъ на столъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

— Не надо, кормилецъ!—сказалъ хозяинъ съ низкимъ поклономъ,—мы и такъ довольны.

Межъ тѣмъ полякъ успѣлъ выбраться изъ-за стола и пробирался къ дверямъ. Юрій остановилъ его.

— Не уходи панъ,—сказалъ онъ:—я сейчасъ ѣду, и ты можешь остаться буянить здѣсь на просторѣ, сколько хочешь. Впередъ знай, что не всѣ москали сносятъ спокойно обиды, и что есть много русскихъ, которые, уважая храбраго иноземца, не попустятъ никакому забіякѣ, хотя бы онъ былъ и полякъ, ругаться надъ собою. А всего лучше вспоминай почаще о жареномъ гусѣ. До зобаченья, ясновельможный панъ!

(На слѣдующій день Милославскій добрался до вотчины боярина Кручины Шалонскаго, который принялъ его, какъ посланца пана Гонсѣвскаго, вполнѣ дружелюбно. Вслѣдъ затѣмъ прибыли и другіе гости—панъ Тишкевичъ съ товарищами.)

II.

Дворецкій и нѣсколько слугъ встрѣтили гостей на крыльцѣ; неуклюжій и толстый полякъ, который ѣхалъ возлѣ пана Тишкевича, не доѣзжая до крыльца, спрыгнулъ, или, лучше сказать, свалился съ лошади и успѣлъ прежде всѣхъ помочь регименгарю сойти съ коня. Вѣроятно, каждый изъ читателей нашихъ знаетъ хотя по слуху извѣстнаго Санхо-Пансу; но если въ эту минуту услужливый полякъ весьма походилъ на этого знаменитаго конюшаго, то панъ Тишкевичъ ни мало не напоминалъ собою рыцаря Плачевнаго Образа. Онъ былъ средняго роста, плечистъ и сидѣлъ молодцомъ на конѣ. Быстрыя движенія, смѣлый взглядъ, смуглое откровенное лицо, все доказывало, что панъ Тишкевичъ провелъ большую часть своей жизни въ кругу безстрашныхъ воиновъ, живалъ подъ открытымъ небомъ и также беззаботно ходилъ на смертную драку, какъ на шумный и

веселый пиръ своихъ товарищей. Трое другихъ молодцеватыхъ поляковъ отличались огромными усами и надменнымъ видомъ, совершенно противоположнымъ добродушію, которое изображалось на открытомъ и благородномъ лицѣ ихъ начальника. Боярин Кручина встрѣтилъ гостей въ столовой комнатѣ. При видѣ портрета польскаго короля, съ извѣстной надписью, поляки взглянули съ гордой улыбкой другъ на друга, панъ Тишкевичъ также улыбнулся; но когда взоры его встрѣтились со взорами хозяина, то что-то весьма похожее на презрѣніе изобразилось въ глазахъ его: казалось, онъ съ трудомъ побѣдилъ это чувство и не очень торопился пожать протянутую къ нему руку боярина Кручины. Послѣ первыхъ привѣтствій Тишкевичъ представилъ хозяину сначала своихъ сослуживцевъ, а потомъ толстаго поляка, который исправлялъ при немъ съ такимъ усердіемъ должность конюшаго.

— Этотъ краснощекій весельчакъ,—сказалъ онъ,— панъ Копычинскій, который и безъ меня былъ бы твоимъ гостемъ, потому что отправленъ къ тебѣ гонцомъ изъ Москвы съ извѣстіемъ, что царикъ *) убитъ.

— Какъ!—вскричалъ Кручина.— Тушинскій воръ?

— Да! его убили въ Калугѣ, куда онъ всякій разъ прятался, какъ медвѣдь въ свою берлогу.

— Насилу-то калужане за умъ взялись!

— Не калужане, боярин, — сказалъ съ важнымъ видомъ Копычинскій: — спроси меня, я это дѣло знаю:

*) Такъ называли поляки второго самозванца.

его убилъ перекрещенный татаринъ Петръ Урусовъ; а калужкіе граждане, отомщая за него, перерѣзали всѣхъ татаръ и провозгласили новорожденнаго его сына, подъ именемъ Іоанна Дмитріевича, царемъ русскимъ.

— Безумные!—вскричалъ бояринъ.—Да неужели для нихъ честнѣе служить внуку Сандомирскаго воеводы, чѣмъ державному королю польскому?.. Я увѣренъ, что панъ Гонсѣвскій безъ труда усмиритъ этихъ крамольниковъ; теперь Сапѣга и Лисовскій не станутъ имъ помогать... Но милости просимъ, дорогіе гости! Не угодно ли выпить и закусить чего-нибудь?

Бояринъ ввелъ своихъ гостей въ другую комнату, въ которой большой круглый столъ уставленъ былъ блюдами съ холоднымъ кушаньемъ и различными водками. Когда гости закусили, разговоръ снова возобновился.

— Знаешь ли, бояринъ,—сказалъ панъ Тишкевичъ, обтирая свои усы,—что сегодня поутру мы охотились въ твоихъ дачахъ?

— Милости просимъ!—отвѣчалъ бояринъ.—Забавляйтесь, сколько душѣ вашей угодно.

— И чуть-чуть,—продолжалъ Тишкевичъ,—не заполевали краснаго звѣря.

— Такъ вамъ не удалось?

— Вотъ то-то и досадно! а такіе звѣрьки не часто попадаются.

— Такъ что жъ, панъ? Если хочешь, завтра мы поохотимся вмѣстѣ, и я ручаюсь тебѣ...

— Не ручайся, бояринъ: теперь этотъ звѣрь далеко.

Мы ловили сегодня одного молодца, который пробирается съ казною въ Нижній-Новгородъ.

— Въ Нижній?..—вскричалъ Кручина.

— Да, въ Нижній,—повторилъ Тишкевичъ.—Вотъ панъ Копычинскій лучше это разскажетъ: онъ совсѣмъ было подтенетилъ его.

— Да,—сказалъ Копычинскій, вытянувъ чарку водки.—Онъ у меня сквозь пальцевъ проскользнулъ. Я засталъ его съ двумя провожатыми на постояломъ дворѣ, верстахъ въ десяти отсюда; съ перваго взгляда онъ показался мнѣ подозрительнымъ; вотъ я и принялся допрашивать его порядкомъ; онъ забормоталъ, сбился въ рѣчахъ и занесъ такую околесную, что я тотъ-же часъ его и за воротъ. Мой парень сначала было расхрабрился, заговорилъ и то и се; да я не кто другой! прижалъ его къ стѣнѣ, приставилъ къ рожѣ пистолетъ, крикнулъ... трусишка испугался и покаялся мнѣ во всемъ.

— Да какъ же ты ихъ упустилъ?—спросилъ съ нетерпѣніемъ бояринъ.

— А вотъ какъ: я велѣлъ ихъ запереть въ холодную избу, поставилъ караулъ, а самъ легъ соснуть; казаки мои—нѣтъ ихъ вшисци дьябли везмо!—также вздремнули: такъ, видно, они вылѣзли въ окно, сѣли на своихъ коней, да и до лѣсу... Что-жъ ты, бояринъ, качаешь головой?—продолжалъ Копычинскій, ни мало не смущаясь.—Иль не вѣришь? Дали Букъ, такъ! спроси хоть пана регимептаря.

— На меня не ссылайся, панъ,—сказалъ Тишкевичъ,—я столько же знаю объ этомъ, какъ и бояринъ,

такъ въ свидѣтели не гожусь; а только мнѣ помнится, ты разсказывалъ, что заперъ ихъ не въ избу, а въ сѣни.

— Ну, да не все ли это равно!—прервалъ Копычинскій.—Дѣло въ томъ, что они ушли, а откуда: изъ сѣней или изъ избы, отъ этого намъ не легче. Какъ ты прибылъ съ своимъ регементомъ, то они не могли быть еще далеко, и не моя вина, если твои молодцы ихъ не изловили.

— У одного изъ нихъ убили коня,—сказалъ Тишкевичъ;—но зато и у меня лучшій налетъ въ регементѣ лежитъ теперь съ прострѣленнымъ плечомъ.

— Вылѣзли въ окно... и съ оружіемъ,—прошепталъ бояринъ.—А не въ примѣту ли тебѣ, каковы они собою?

— Одинъ изъ провожатыхъ—малый дородный, плотный...

— И также вылѣзъ въ окно?

— У страха очи велики, бояринъ! и въ щелку пролѣзешь, какъ смерть на носу. Другой похожъ на казака; а самый-то главный—дѣтина молодой, русоволосый, высокаго роста, лицомъ бѣлъ... или, можетъ статься, такъ мнѣ показалось: онъ больно струсилъ и поблѣднѣлъ, какъ смерть, когда я припугнулъ его пистолетомъ; одѣтъ очень чисто, въ малиновомъ суконномъ кафтанѣ...

— Однимъ словомъ,—прервалъ бояринъ,—точь въ точь, какъ этотъ молодецъ, что стоитъ позади тебя.

Копычинскій обернулся и, отпрыгнувъ назадъ, закричалъ съ ужасомъ:

— Вотъ онъ... держите! схватите его!.. у него за пазухою пистолетъ.

— Неправда, панъ,—сказалъ съ улыбкою Юрій.—Теперь со мною нѣтъ пистолета: я чужимъ добромъ никого не угощаю.

— Что все это значитъ?—спросилъ панъ Тишкевичъ,—растолкуйте мнѣ.

— Прежде всего прошу познакомиться,—сказалъ Кручина.—Это Юрій Дмитричъ Милославскій; онъ присланъ ко мнѣ изъ Москвы съ тайнымъ порученіемъ отъ пана Гонсѣвскаго.

Поляки отвѣчали довольно вѣжливо на поклонъ Милославскаго; а панъ Тишкевичъ, оборотясь къ Копычинскому, спросилъ сердитымъ голосомъ: какъ онъ смѣлъ сочинить ему такую сказку? Копычинскій не отвѣчалъ ни слова; устремя свои бездушные глаза на Юрія, онъ стоялъ какъ вкопанный, и только одна лихорадочная дрожь доказывала, что несчастный хвастунъ не совсѣмъ еще претворился въ истукана.

— Я вижу, отъ него толку не добьешься,—продолжалъ Тишкевичъ.—Потрудись, панъ Милославскій, разсказать намъ, какъ онъ допытался отъ тебя, что ты везешь казну въ Нижній-Новгородъ, какъ заперъ тебя и служителей твоихъ въ холодную избу, и какъ вы всѣ трое выскочили изъ окна, въ которое, чай, и курица не пролѣзетъ?

Юрій разсказалъ имъ всѣ подробности своей встрѣчи съ Копычинскимъ; разумѣется, угощеніе и жареный гусь не были забыты. Панъ Тишкевичъ хохоталъ отъ добраго сердца; но другіе поляки, казалось, не очень забавлялись разсказомъ Юрія; особливо одинъ, который,

закручивая свои безконечные усы, поглядывалъ исподлобья вовсе не ласково на Милославскаго.

— Чортъ возьми!—вскричалъ онъ наконецъ:—я не вѣрю, чтобъ какой ни есть полякъ допустилъ надъ собою такъ ругаться.

— И, панъ ротмистръ!—сказалъ Тишкевичъ.—Не всѣ поляки походятъ другъ на друга.

— Если-бъ я былъ на мѣстѣ этого мерзавца,—продолжалъ сердитый ротмистръ, бросивъ презрительный взглядъ на Копычинскаго, который пробирался потихоньку къ дверямъ комнаты,—то клянусь моими усами...

— Скорѣе далъ бы себѣ раздробить черепъ,—перервалъ регементарь,—чѣмъ съѣлъ бы гуся! Я въ этомъ увѣренъ, также какъ и въ томъ, что всякій правдивый полякъ порадуется, когда удалый москаль проучитъ хвастунишку и труса, хотя бы онъ носилъ кунтушъ и назывался полякомъ. Давай руку, панъ Милославскій! Будемъ друзьями! Ты не врагъ поляковъ; но если-бъ былъ и врагъ нашимъ, я сказалъ бы то же самое. Мы молодцовъ любимъ; съ ними и драться-то веселѣе! А ты, храбрый панъ Копычинскій... Ага, да онъ ужъ далъ тягу! Тѣмъ лучше... Надѣюсь, бояринъ, не заставишь насъ сидѣть за однимъ столомъ съ этимъ негодяемъ; онъ, я думаю, сытехонекъ, а если на бѣду опять проголодался, то прикажи его накормить въ застольнѣ; да потѣшь, Тимоѳей Ѳедоровичъ, вели его попотчивать жаренымъ гусемъ!..

Межъ тѣмъ число гостей значительно умножилось пріѣздомъ сосѣдей Шалонскаго; большая часть изъ нихъ

были: помѣстные дѣти боярскія, человѣкъ пять жильцовъ и только двое родословныхъ дворянъ.

Всѣ прошли въ столовую, въ которой, накрытый цвѣтною скатертью, столъ установленъ былъ множествомъ различныхъ кушаньевъ. Всѣ блюда, тарелки и чашки были оловянныя; но напротивъ стола въ открытомъ поставцѣ разставлены были весьма красиво серебряные ковши, кубки, стопы, чары и братины. Противъ каждыхъ двухъ приборовъ стояли также серебряные сосуды: одинъ съ солью, другой съ перцемъ, а третій, стекляный, съ уксусомъ. Лучшимъ и роскошнѣйшимъ блюдомъ былъ жареный павлинъ; имъ и начался обѣдъ; потомъ стали подавать лапшу съ курицею, лѣнивыя щи, разныя похлебки, пирогъ съ бараниной, курникъ, подсыпанный яйцами, сырники и различныя жаркія. Множество блюдъ составляло все великолѣпіе столовъ тогдашняго времени; впрочемъ, предки наши были неприхотливы и за столомъ любили только одно: наѣдаться досыта и напиваться до-упаду. Обѣдъ оканчивался обыкновенно закусками, между коими занимали первое мѣсто марципаны, цукаты, инбирь въ патокѣ, шептала и леденцы; пряники и коврижки, такъ же какъ и нынѣ, подавались послѣ обѣда у однихъ простолюдиновъ и бѣдныхъ дворянъ.

Когда къ концу обѣда всѣ гости порядкомъ подгуляли, бояринъ Кручина велѣлъ снова наполнить серебряныя стопы и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Кто любитъ Кручину Шалонскаго, тотъ за мной!.. За здравіе побѣдителей Смоленска!

— Виватъ!—закричали поляки.

— Да здравствуютъ всѣ неустрашимые воины!—промолвилъ Тишкевичъ, поднявъ къ верху свой кубокъ.

Всѣ гости, кромѣ Юрія, осушили свои стопы.

— Пей, Юрій Дмитричъ!—закричалъ бояринъ.

— Я пью на погибель враговъ, а смоляне русскіе и братья наши,—отвѣчалъ спокойно Юрій.

— Твои, а не мои,—возразилъ Кручина, бросивъ презрительный взглядъ на Юрія.—Бунтовщики и крамольники никогда не будутъ братьями Шалонскаго.

— Жаль, молодецъ,—сказалъ Тишкевичъ, пожавъ руку Юрія,—жаль, что ты не нашъ братъ полякъ!

Угрюмое чело боярина Кручины часъ-отъ-часу становилось мрачнѣе; нѣсколько минутъ продолжалось общее молчаніе: всѣ глядѣли съ удивленіемъ на дерзкаго юношу, который осмѣливался столь явно противорѣчить и не повиноваться грозному хозяину.

— Посмотримъ, какъ ты не выпьешь теперь!—прошепталъ наконецъ сквозь зубы бояринъ.

Онъ спросилъ позолоченный кубокъ и, вылivъ въ него полбутылки мальвуазіи, всталъ съ своего мѣста; всѣ послѣдовли его примѣру.

— Ну, дорогіе гости!—сказалъ онъ.—Этотъ кубокъ долженъ всѣхъ обойти. Кто пьетъ изъ него,—прибавилъ онъ, бросивъ грозный взглядъ на Юрія,—тотъ другъ нашъ, кто не пьетъ, тотъ врагъ и супостатъ! За здравіе свѣтлѣйшаго, державнѣйшаго Сигизмунда, короля польскаго и царя русскаго! Да здравствуетъ!

— Виватъ!—воскликнули поляки.

— Да здравствуетъ!—повторили всѣ русскіе, кромѣ Юрія.

Юрій едва могъ скрыть свое негодованіе: кровь кипѣла въ его жилахъ, онъ мѣнялся безпрестанно въ лицѣ; правая рука его невольно искала рукоятку сабли, а лѣвая, крѣпко прижатая къ груди, казалось, хотѣла удержать сердце, готовое вырваться наружу. Когда очередь дошла до него, глаза благороднаго юноши заблистали необыкновеннымъ огнемъ; онъ окинулъ бѣглымъ взоромъ всѣхъ пирующихъ и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Бояринъ, ты предлагаешь намъ пить за здравіе царя русскаго, итакъ, да здравствуетъ Владиславъ, законный царь русскій, и да погибнутъ всѣ измѣнники и враги отечества!

— Стой, Милославскій!—закричалъ хозяинъ.—Или пей, какъ указано, или кубокъ мимо!

— Подавай другимъ,—сказалъ Юрій, отдавая кубокъ дворецкому.

— Слушай, Юрій Дмитричъ!—продолжалъ бояринъ съ возрастающимъ бѣшенствомъ.—Мнѣ ужъ надоѣло твое упрямство; съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не заглядывай! Пей, какъ всѣ пьютъ.

— Я твой гость, а не рабъ,—отвѣчалъ Юрій.—Приказывай тому, кто не можетъ тебя ослушаться.

— Ты будешь пить, дерзкій мальчишка!—прошипѣлъ, какъ змѣй, дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ Кручина.—Да, клянусь честію, ты выпьешь, или захлебнешься! Подайте кубокъ!.. Гей, Томила, Удалой, сюда!

Двое огромнаго роста слугъ, съ звѣрскими лицами, подошли къ Юрію.

— Бояринъ!—сказалъ Милославскій, взглянувъ презрительно на служителей, которые, казалось, не слишкомъ охотно повиновались своему господину,—я безъ оружія, въ твоемъ домѣ... и если ты хочешь прослыть разбойникомъ, то можешь легко меня обидѣть; но не забудь бояринъ: обидѣвъ Милославскаго, берегись оставить его живого!

— Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя,—продолжалъ едва внятнымъ голосомъ Шалонскій:—хочешь ли ты волею пить за здравіе Сигизмунда такъ, какъ пьемъ мы всѣ?

— Нѣтъ.

— Пей, говорю я тебѣ!—повторилъ Кручина, устремивъ на Юрія, какъ раскаленный уголь, сверкающіе глаза.

— Милославскіе не измѣняли никогда ни присягѣ, ни слову своему. Не пью!

— Такъ влейте же ему весь кубокъ въ горло!—заревѣлъ неистовымъ голосомъ хозяинъ.

— Стойте!—вскричалъ панъ Тишкевичъ.—Стыдись, бояринъ! Онъ твой гость, дворянинъ; если ты позабылъ это, то я не допущу его обидѣть. Прочь, негодяи!—прибавилъ онъ, схватясь за свою саблю,—или, клянусь честію польскаго солдата, ваши дурацкія башки сей же часъ вылетятъ за окно!

Оробѣвшіе слуги отступили назадъ, а бояринъ, задыхаясь отъ злобы, впродолженіи нѣсколькихъ минутъ

не могъ вымолвить ни слова. Наконецъ, оборотясь къ поляку, сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Не погнѣвайся, панъ Тишкевичъ, если я напомню тебѣ, что ты здѣсь не у себя въ региментѣ, а въ моемъ дому, гдѣ, кромѣ меня, никто не воленъ хозяйничать.

— Не взыщи, бояринъ! я привыкъ хозяйничать вездѣ, гдѣ настоящій хозяинъ не помнитъ, что̀ дѣлаетъ. Мы, поляки, можемъ и должны желать, чтобъ нашъ король былъ царемъ русскимъ; мы присягали Сигизмунду, но Милославскій цѣловалъ крестъ не ему, а Владиславу. Что̀ будетъ, то̀ Богъ вѣсть, а теперь онъ дѣлаетъ то̀, что̀ сдѣлалъ бы и я на его мѣстѣ.

Казалось, бояринъ Кручина успѣлъ нѣсколько поразмыслить и догадаться, что зашелъ слишкомъ далеко; помолчавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ довольно спокойно Тишкевичу:

— Дивлюсь, панъ, какъ горячо ты защищаешь недруга твоего государя!

— Да, бояринъ, я грудью стану за друга и недруга, если онъ молодецъ и смѣло идетъ на неравный бой; а не заступлюсь за труса и подлеца, каковъ панъ Копычинскій, хотя бъ онъ былъ роднымъ моимъ братомъ.

— Но неужели ты повѣрилъ, что я въ самомъ дѣлѣ рѣшусь обидѣть моего гостя? И, панъ Тишкевичъ! Я хотѣлъ только попугать его, а по мнѣ, пожалуй, пусть пьетъ хоть за здравіе татарскаго хана; отъ его словъ никого не убудетъ. Подайте ему кубокъ!

Юрій взялъ кубокъ и, оборотясь къ хозяину, повторилъ снова:

— Да здравствуетъ законный царь русскій, и да погибнутъ всѣ враги и предатели отечества!

— Аминь!—раздался громкій голосъ за дверьми столовой.

— Что это значитъ?—закричалъ Кручина.—Кто осмѣлился?.. Подайте его сюда!

Двери отворились, и человѣкъ среднихъ лѣтъ, босикомъ, въ рубищѣ, подпоясанный веревкою, съ растрепанными волосами и всклокоченной бородою, въ два прыжка очутился посреди комнаты. Несмотря на нищенскую его одежду и странныя ухватки, сейчасъ можно было догадаться, что онъ не сумасшедшій: глаза его блистали умомъ, а на благообразномъ лицѣ выражалась необыкновенная кротость и спокойствіе души.

— Ба-ба-ба, Митя!—вскричалъ Замятня-Опалевъ, который вмѣстѣ съ Лесутой-Храпуновымъ, во все продолженіе предыдущей сцены, наблюдалъ осторожно молчаніе.—Какъ это Богъ тебя принесъ? Я думалъ, что ты въ Москвѣ.

— Нѣтъ, Гаврилычъ,—отвѣчалъ юродивый,—тамъ душно, а Митя любитъ просторъ. То ли дѣло въ чистомъ полѣ! Молись на всѣ четыре стороны, никто не помѣшаетъ.

— Зачѣмъ впустили этого дурака?—сказалъ Кручина.

— Кто онъ такой?—спросилъ Тишкевичъ.

— Тунеядецъ, міроѣдъ, который, Богъ знаетъ почему, прослылъ юродивымъ.

— Не выгоняй его бояринъ! Я никогда не видывалъ

вашихъ юродивыхъ: послушаемъ, что онъ будетъ говорить.

— Пожалуй; только у меня есть дураки гораздо его забавнѣе. Эй ты, блаженный! зачѣмъ ко мнѣ пожаловалъ?

— Соскучился по тебѣ, Ѳедорычъ,—отвѣчалъ Митя.—Эхъ, жаль мнѣ тебя, видитъ Богъ, жаль!.. Худо, Ѳедорычъ, худо!.. Митя шелъ селомъ да плакалъ: мужички испитые, церковь на боку... а ты себѣ на умѣ; попиваешь да бражничаешь съ пріятелями!.. А вотъ какъ все пріѣшь да выпьешь, чѣмъ-то станешь угощать нежданную гостью?.. Хвать, хвать,—анъ въ погребѣ и вина нѣтъ! Худо, Ѳедорычъ, худо!

— Что ты врешь, дуракъ?

— Такъ, Ѳедорычъ, Митя болтаетъ, что ему вздумается, а смерть придетъ, какъ Богъ велитъ... Ты думаешь со двора, а голубушка на дворъ: не успѣешь стола накрыть... Здравствуй, Дмитричъ,—продолжалъ онъ, подойдя къ Юрію.—И ты здѣсь попиваешь?.. Ай да молодецъ!.. Смотри не охмелѣй!

— Мнѣ помнится, Митя, я видалъ тебя у покойнаго батюшки?—сказалъ ласково Юрій.

— Да, да, Дмитричъ. Жаль тезку: раненько умеръ; при немъ не залетать бы къ коршунамъ ясному соколу. Жаль мнѣ тебя, голубчикъ, жаль! Связалъ себя по рукамъ, по ногамъ!.. Да Богъ милостивъ! не вѣкъ въ кандалахъ ходить!.. Побывай у Сергія—легче будетъ!

— Эй, ты, Митя,—сказалъ Тишкевичъ,—полно говорить съ другими. Поговори со мною.

— А что мнѣ говорить съ тобою? Вишь ты какой усатый!.. Боюсь!

— Не бойся!.. На-ка вотъ тебѣ!—продолжалъ полякъ, подавая ему серебряную монету.

— Спасибо!.. На что мнѣ?.. Я вѣдь на своей сторонѣ: съ голоду не умру; побереги для себя: ты человѣкъ заѣзжій.

— Возьми, у меня и безъ этой много.

— Ой ли! Смотри, чтобъ достало!.. Погостишь, погостишь, да надо же въ дорогу... Не близко мѣсто, не скоро до дому дойдешь... Да еще неравно и проводы будутъ... Береги денежку на черный день!

— Я черныхъ дней не боюсь, Митя.

— И я, братъ, въ тебя! Не боюсь ничего; пришелъ незваный, да и все тутъ!.. А какъ хозяинъ погонитъ, такъ давай Богъ ноги!

— И давно пора!—сказалъ Кручина, которому весьма не нравились двусмысленныя слова юродиваго.—Убирайся-ка вонъ, покуда цѣлъ!

— Пойду, пойду, Ѳедорычъ! Я не въ другихъ: не стану дожидаться, чтобъ меня въ шею протолкали. А жаль мнѣ тебя, голубчикъ, право, жаль! То-то вдовье дѣло!.. Некому тебя ни прибрать, ни прихолить!.. Смотри-ка, сердечный, какъ ты замаранъ!.. чернехонекъ!.. мѣстечка бѣленькаго не осталось!.. Эхъ, Ѳедорычъ, Ѳедорычъ!.. Не вѣкъ жить неумойкою! Пора прибраться!.. Захватитъ гостья немытаго, плохо будетъ!

— Я не хочу понимать дерзкихъ рѣчей твоихъ, безумный!.. Пошелъ вонъ!

— Послушай-ка, Гаврилычъ!—продолжалъ юродивый, обращаясь къ Замятнѣ.—Ты книжный человѣкъ; гдѣ, бишь, это говорится: «сѣявый злая, пожнетъ злая?»

— Въ притчахъ Соломоновыхъ,—отвѣчалъ важно Замятня;—онъ же премудрый Соломонъ глаголетъ: «не сѣй на браздахъ неправды, не имаши пожати ю съ седмерицею».

— Слышишь ли, Ѳедорычъ! что̀ говорятъ умные люди? А мы съ тобою, дураки, не понимаемъ, какъ не понимаемъ!

— Вонъ отсюда, бродяга! или я размозжу тебѣ голову!

— Бей, Ѳедорычъ, бей! А Митя все-таки свое будетъ говорить... Бѣдненькій охъ, а за бѣдненькихъ Богъ! А какъ Ѳедорычу придется охать, то-то худо будетъ!.. Онъ заохаетъ, а мужички его вдвое... Онъ закричитъ: «Господи, помилуй»... а въ тысячу голосовъ завопятъ: «онъ самъ никого не миловалъ»... Такъ знаешь ли что̀, Ѳедорычъ? изъ-за другихъ-то тебя вовсе не слышно будетъ!.. Жаль мнѣ тебя, жаль!

— Молчи, змѣя!—вскричалъ бояринъ, вскочивъ изъ-за стола.

Юродивый подбѣжалъ къ Юрію.

— Смотри, Дмитричъ!—сказалъ онъ,—крѣпись... Терпи!.. Прощай покамѣстъ!.. Митя будетъ молиться Богу, молись и ты!.. Онъ не въ насъ: хоть и высоко, а все слышитъ!.. А у Троицы-то, Дмитричъ! у Троицы... раздолье, есть гдѣ помолиться!.. Не забудь!..

Сказавъ сіи слова, онъ выбѣжалъ вонъ изъ комнаты.

— Ну, дорогіе гости,—возгласилъ бояринъ,—теперь

милости просимъ повеселиться. Гей, наливайте кубки! подносите взварецъ *), да пѣсенниковъ—живо!

Толпа дворовыхъ, одѣтыхъ по большей части въ охотничьи платья польскаго покроя, вошла въ комнату. Инструментальную часть хора составляли: гудокъ, балалайка, рожокъ, мѣдные тазы и сковороды. По знаку хозяина раздались удалыя волжскія пѣсни, и черезъ нѣсколько минутъ столовая комната превратилась въ настоящій цыганскій таборъ. Всѣ приличія были забыты: пьяные господа обнимали пьяныхъ слугъ; нѣкоторые гости ревѣли на разладъ вмѣстѣ съ пѣсенниками; другіе, у которыхъ ноги были тверже языка, приплясывали и кривлялись, какъ рыночные скоморохи. Панъ Тишкевичъ, хотя не принималъ участія въ сихъ отвратительныхъ забавахъ, но, казалось, не скучалъ и смѣялся отъ добраго сердца, смотря на безумныя потѣхи другихъ. Напротивъ, Юрій, привыкши съ младенчества къ благочестію въ домѣ отца своего, ожидалъ только удобной минуты, чтобы уйти въ свою комнату; ему отвели покой въ отдаленномъ домикѣ, на другомъ концѣ двора. Онъ нашелъ въ немъ своего слугу, который, повидимому, угощенъ былъ не хуже своего господина и едва стоялъ на ногахъ. Милославскій, помолясь Богу, раздѣлся безъ помощи Алексѣя и прилегъ на мягкую перину. Мало-помалу успокоилось волненіе въ крови его, воображеніе охладѣло, и Юрій наконецъ заснулъ крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ.

*) Горячій напитокъ, родъ пунша, въ составъ котораго входили: пиво, медъ, вино и пряные коренья. Въ Малороссіи и до сихъ поръ еще въ употребленіи сей національный пуншъ, подъ именемъ варенухи.

ПОДВИГЪ СУСАНИНА.

(Изъ повѣсти „Избранникъ Божій".)

(Смутному Времени наступалъ конецъ. Въ октябрѣ 1612 г., державшіеся еще въ московскомъ Кремлѣ поляки, доведенные голодомъ до крайности, сдались полководцу русскихъ, князю Пожарскому. Наканунѣ были выпущены оттуда томившіеся тамъ съ ними во время осады, русскіе люди, въ томъ числѣ также Романовы: боярин Иванъ Никитичъ и боярыня Марѳа Ивановна, жена его старшаго брата Ѳеодора—въ иночествѣ Филарета—Никитича, съ шестнадцатилѣтнимъ сыномъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Мать съ сыномъ тогда же удалились въ свою костромскую вотчину Домнино. Хотя польскій король Сигизмундъ, окончательно потерявъ надежду увидѣть своего сына, королевича Владислава, на московскомъ престолѣ, и повелѣлъ своимъ войскамъ возвратиться въ Польшу, но въ разныхъ

мѣстностяхъ Россіи бродили еще воровскія шайки поляковъ. Одна изъ такихъ-то шаекъ, рыскавшая, въ мартѣ 1613 года, въ Костромской губерніи, узнавъ, что соборомъ „лучшихъ" людей отъ всей земли Русской на престолъ московскій выбранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, замыслила извести юнаго царя).

Зима ужъ шла къ концу: морозы, послѣ Аѳанасьева дня, стали слабѣть, даже повѣяло тепломъ въ началѣ марта, такъ что и на дорогахъ стало подтаивать... И вдругъ опять, невѣдомо откуда, налетѣли вихри, закурила въ полѣ мятель, и дней пять подъ рядъ такая стояла погода, что свѣта Божьяго не видать стало; не было возможности отличить утро отъ вечера, и всюду въ деревняхъ намело сугробы около избъ вровень съ крышами.

Какъ разъ послѣ одной изъ такихъ-то мятелей по одному изъ лѣсныхъ проселковъ Костромского уѣзда пробиралась порядочная шайка литовско-польскихъ воровскихъ людей, числомъ съ полсотни или поболѣе. Шайка шла, видимо, не издалека, шла налегкѣ, безъ всякаго обоза, если не считать двухъ вьючныхъ клячъ, на которыхъ былъ нагруженъ небольшой дорожный запасъ.

Большая часть «воровъ» была весьма изрядно вооружена; у половины шайки за спину закинуты были фузеи и мушкеты, у другихъ въ рукахъ были рогатины и копья, а за кушакомъ пистоли; у большей части съ боку болтались кривыя сабли и прямые нѣмецкіе тесаки.

Двое передовыхъ, по всѣмъ признакамъ вожаки, ѣхали верхомъ на небольшихъ, но бойкихъ лошадкахъ, за-

кутанные въ толстые суконные кобеняки, съ надвинутыми на голову куколями, изъ-подъ которыхъ посвѣчивали небольшіе шеломцы. Одинъ изъ нихъ, худощавый, носастый и суровый на видъ, съ огромными рыжими усищами, былъ угрюмъ и не говорливъ, а другой, плотный и приземистый, румяный и круглолицый, съ живыми и быстрыми карими глазами и маленькими черными усиками, былъ большой говорунъ и весельчакъ, почти не умолкавшій ни на минуту.

— Вотъ сейчасъ, панъ Кобержицкій,—говорилъ онъ по-польски своему спутнику,—вотъ еще только немного проѣдемъ, тутъ и будетъ деревня.

— Я это отъ тебя уже не въ первый разъ слышу, панъ Клуня!—серьезно отозвался суровый молчальникъ.

— Такъ говорили мнѣ, такъ мнѣ указывали,—тараторилъ панъ Клуня.—Сказали, что до этой деревни пять верстъ еще осталось...

— А мы ужъ цѣлый десятокъ проѣхали, и все безъ толку!—проворчалъ панъ Кобержицкій.

— Да вѣдь самъ ты знаешь,—замѣтилъ панъ Клуня, понизивъ голосъ,—что очень-то не приходится распускать языкъ въ вопросахъ... Мы посланы съ тобою за такимъ дѣломъ, которое... которое...

— Которое нисколько не мѣшаетъ толковому разспросу о направленіи пути!—отрѣзалъ панъ Кобержицкій.

— Да я же тебѣ слово даю, что мнѣ такъ сказали: еще проѣдемъ пять верстъ и пріѣдемъ въ Домнино, гдѣ живетъ этотъ молодой бояринъ... съ матерью...

— Молодой, котораго на Москвѣ старые дураки бояре въ цари избрали,—злобно проговорилъ панъ Кобержицкій,—и котораго мы должны, во что̀ бы то ни стало, сцапать и отвезти въ Литву. А мы тутъ бродимъ, какъ слѣпые по дорогамъ, благодаря твоей милости, панъ Клуня!

— А это что̀?—съ торжествующимъ видомъ воскликнулъ панъ Клуня, указывая пальцемъ впередъ по дорогѣ на показавшіяся изъ-за деревьевъ крыши двухъ избъ.—Это что̀, панъ Хмурый? Это и есть Домнино Романовыхъ!

Панъ Кобержицкій насупилъ брови, приглядываясь, потомъ сдержалъ коня и махнулъ рукою своимъ, чтобы остановились. Шайка сбилась въ кучу около своихъ вожаковъ, и началось спѣшное совѣщаніе.

Тѣ избы, которыя завидѣлъ между деревьями панъ Клуня, принадлежали вовсе не къ боярскому селу Домнину, какъ онъ предполагалъ по слухамъ и указаніямъ, а къ небольшому поселку Деревищи, отъ котораго, дѣйствительно, было не дальше пяти-шести верстъ до усадьбы Романовыхъ. Въ этомъ поселкѣ, состоявшемъ изъ десятка избъ (между ними только одна была съ трубою, а остальныя всѣ черныя), въ ту пору, когда подходила шайка, были дома старухи да грудныя дѣти, а все остальное мужское и женское населеніе было на рубкѣ дровъ въ лѣсу, за много верстъ отъ Деревищъ.

Въ единственной избѣ съ трубою и крытымъ крылечкомъ лежалъ на печи и трясся подъ полушубкомъ отъ злой лихоманки домнинскій староста Иванъ Сусанинъ.

Наканунѣ пріѣхалъ онъ на побывку къ дочкѣ и къ зятю, который только-что вернулся изъ-подъ Москвы, и спозаранокъ въ тотъ же день выслалъ всю деревню въ лѣсъ на рубку дровъ для боярской усадьбы. И самъ хотѣлъ съ ними ѣхать, да подъ утро его стало такъ ломать, что онъ предпочелъ остаться дома съ внукомъ Васей и залегъ на печь, прикрывшись полушубкомъ.

Трясетъ и ломаетъ его лихоманка лютая, то жжетъ, то знобитъ на горячей печи; а онъ лежитъ подъ своимъ полушубкомъ и думаетъ все одну и ту же думу:

«Пришелъ изъ-подъ Москвы зять и диковинную вѣсть принесъ, будто собрались въ московскомъ Кремлѣ именитые бояре и воеводы, и духовныя лица, и всякихъ чиновъ люди на соборъ и стали царя выбирать. И прошелъ такой слухъ, будто не захотѣли избрать ни князей, ни бояръ, а избрали младого юношу, нашего боярина Михаила Ѳеодоровича. Будто искали его по всей Москвѣ, и выспрашивали, куда онъ укрылся, и посылать за нимъ хотѣли. Коли правда, такъ ужъ точно диво, точно дивны неисповѣдимые пути Господни!»

Яростный лай собаки подъ самыми окнами избы прервалъ нить его размышленій. Внукъ Вася, сидѣвшій на лавкѣ подъ окномъ, вдругъ метнулся къ печи:

— Дѣдушка, а, дѣдушка! Слышь! Какіе-то чужіе, незнамые люди и съ копьями по деревнѣ бродятъ!

На лицѣ Васи написанъ былъ испугъ и смущеніе.

— Незнамые люди? Съ копьями?—тревожно переспросилъ дѣдъ и однимъ махомъ, какъ молоденькій, спустился съ печи.

Глянулъ въ окно, и вдругъ, схвативъ Васю за плечи, прошепталъ ему скороговоркой:

— Мигомъ бѣги въ чуланъ, прихоронись за кадку съ крошевомъ и сиди, не пикни, пока къ тебѣ не выйду самъ.

Мальчикъ стремглавъ бросился исполнять приказаніе дѣда и скрылся за дверью, а Иванъ Сусанинъ опять полѣзъ на печку и прикрылся полушубкомъ.

Немного спустя раздался стукъ въ окошко.

— Гей! есть кто тутъ?—послышался чей-то грубый голосъ.

Старикъ лежитъ и съ мѣста не ворохнется.

Стукъ и окликъ повторились еще громче и грознѣе,—и то же молчаніе было имъ отвѣтомъ.

Вскорѣ раздались тяжелые шаги въ сѣняхъ; слышно было, что вошло разомъ нѣсколько человѣкъ, а вотъ и дверь въ избу распахнулась настежь, и двое какихъ-то «незнамыхъ», вооруженныхъ съ головы до ногъ, переступили черезъ порогъ въ избу.

— Гей! Кто тутъ есть, до тысенца дьябловъ!—крикнулъ громко одинъ изъ нихъ, высокій и усатый.

Сусанинъ подалъ голосъ, застонавъ на печкѣ.

— А! Вонъ гдѣ быдло лежѐ!—проговорилъ тотъ, что былъ помоложе.—Пойдь сюды!

Сусанинъ приподнялъ голову изъ-за-подъ полушубка и застоналъ еще громче.

— А! Самъ нейдешь, такъ плетью тебя, каналью!—крикнулъ панъ Клуня, взбираясь на печь.

Тогда Сусанинъ спустилъ ноги съ печи, откинулъ

полушубокъ и глянулъ прямо и спокойно на незваныхъ гостей.

— Чего вамъ надо?—спросилъ онъ ихъ сурово.

— Слѣзай, тогда и мувимы, цо намъ треба!—крикнулъ панъ Клуня, хватая старика за руку и пытаясь стащить его съ печи, но даже и сдвинуть его не могъ.

— Постой! Самъ слѣзу,—сказалъ Сусанинъ, прикидываясь равнодушнымъ.

И точно, спустился онъ съ печи и выпрямился во весь ростъ передъ поляками, сложивъ руки на своей богатырской груди и глядя имъ прямо въ очи.

— Чья то деревня?—спросилъ его панъ Клуня.

— Бояръ Романовыхъ вотчина.

— Домнино?

— Нѣтъ, не Домнино, а Деревищи.

Паны переглянулись въ недоумѣніи.

— Але же брешешь, пся крэвь! То Домнино!—топнувъ ногою, крикнулъ панъ Клуня.

— Ну, коли ты лучше меня знаешь, такъ чего же и спрашиваешь?—спокойно возразилъ Сусанинъ.

Паны перекинулись нѣсколькими польскими словами; между тѣмъ Сусанинъ не спускалъ съ нихъ своихъ умныхъ и острыхъ глазъ.

— А гдѣ же Домнино? Чи еще далеко?—спросилъ усатый панъ.

«Далось имъ Домнино, проклятымъ!—соображалъ тѣмъ временемъ Сусанинъ.—Видно, недоброе задумали».

— Далеко ли до Домнина? Слышишь ли, каналья?—нетерпѣливо крикнулъ панъ Клуня, топая ногою.

— До Домнина отсюда еще верстъ двадцать будетъ, коли этою дорогою итти,—прехладнокровно отвѣчалъ Сусанинъ, почесывая въ затылкѣ.

— А есть и другая дорога?—вступилъ опять панъ Кобержицкій.

— Какъ же не быть, есть... Только той дороги вамъ не найти.

— А ты ту дорогу знаешь?—допрашивалъ панъ Клуня.

— Какъ мнѣ ее не знать! Вѣстимо, знаю. Мы и всегда въ Домнино по той дорогѣ ѣздимъ и ходимъ. Той дорогой и всего-то будетъ пять, либо шесть верстъ.

— О!—многозначительно протянулъ панъ Кобержицкій и переглянулся съ товарищемъ.—Надо той дорогой итти,—шепнулъ онъ ему по-польски.

— Ну, такъ ты зàразъ одѣвайся, веди насъ тою дорогой,—заспѣшилъ панъ Клуня.

Сусанинъ посмотрѣлъ на него молча и смѣрилъ его глазами.

— Слышишь? Одѣвайся и показывай дорогу!—крикнулъ нетерпѣливый полякъ.

— Слышу, а показывать не стану,—спокойно отвѣчалъ Сусанинъ.

— Какъ ты смѣешь такъ отвѣчать мнѣ?—закричалъ Клуня.—Да знаешь ли ты, проклятый москаль, что я тебя...—И онъ разсыпался въ угрозахъ и ругательствахъ.

Сусанинъ стоялъ, какъ вкопанный, и молчалъ, не спуская глазъ съ Клуни. Тутъ ужъ и Кобержицкій не

выдержалъ: выхватилъ пистолю изъ-за пояса и приставилъ въ упоръ къ груди Сусанина.

— Ну, что жъ?—проговорилъ Сусанинъ.—Убей, коли любо! Кромѣ меня, никто здѣсь не знаетъ этой дороги... Во всей деревнѣ—однѣ старухи да грудныя дѣти...

Кобержицкій опустилъ пистолетъ и отошелъ на два шага отъ Сусанина, вмѣстѣ съ Клуней.

— Ничего съ этой скотиной не подѣлаешь!—сказалъ онъ по-польски товарищу.—Надо попробовать его со стороны денегъ... Нельзя ли подкупить...

Мысль понравилась Клунѣ, и тотъ подошелъ къ Сусанину, который попрежнему стоялъ неподвижно на мѣстѣ, скрестивъ на груди руки.

— Слушай ты,—сказалъ Сусанину Клуня полушутя, полусерьезно.—Ты въ нашихъ рукахъ... Насъ тутъ полсотни... Ежели не покажешь дороги, мы тебя забьемъ, и всѣхъ забьемъ, а фольварекъ вашъ запалимъ...

— Что жъ? Ваша воля!

— А ежели покажешь, то вотъ, погляди, цо у меня въ кишени?—И онъ вынулъ изъ кармана горсть серебряной мелкой монеты, среди которой сверкали два золотыхъ червонца.

— Вотъ это другое дѣло!—заговорилъ Сусанинъ, притворно улыбаясь.—Вотъ ты и давно бы такъ-то, панъ! Коли заплатишь хорошо, я покажу дорогу.

А у самого въ головѣ уже созрѣлъ весь планъ дѣйствій, и одна только мысль тревожила его: удастся ли ему хоть на мгновенье увернуться отъ проклятыхъ пановъ, чтобы шепнуть завѣтное словечко Васѣ.

— Деньги любишь, а пистоль не любишь?— вставилъ словечко и суровый Кобержицкій, покручивая рыжій усъ.

— Кто же денегъ-то не любитъ?—развязно заговорилъ Сусанинъ.—За деньги что̀ угодно. Все за деньги можно... Давай задатокъ, панъ; та̀къ не повѣрю.

Клуня сунулъ ему въ руку червонецъ.

— Ого-го! Какія деньги славныя! Давай, давай сюда!—заговорилъ Сусанинъ, перекидывая червонецъ изъ руки въ руку и какъ бы любуясь его блескомъ.—Ну, вотъ теперь сейчасъ и въ путь... Надо только на дорожку посѣдать чего-нибудь! Пожалуйте сюда къ столу... Въ печи есть щи да каша...

Онъ метнулся къ печи, осторожно вынулъ изъ нея ухватомъ два горшка и, поставивъ на столъ, сталъ кланяться панамъ.

Запахъ горячихъ щей и каши магически подѣйствовалъ на обоихъ вожаковъ шайки, порядочно прозябшихъ и проголодавшихся съ утра. Они не заставили себя долго просить, и, присѣвъ къ столу, тотчасъ принялись усердно за щи и за сукрои хлѣба, которые имъ отсадилъ Сусанинъ отъ коровая.

— Ахъ, батюшки!—спохватился вдругъ Сусанинъ.—Кашу-то вамъ подалъ, а маслице-то конопляное въ чуланѣ...—и повернулъ отъ стола къ дверямъ, въ сѣни.

— Куда? Куда ты?—вскричалъ панъ Кобержицкій, вскакивая изъ-за стола. Но панъ Клуня удержалъ его за рукавъ, шепнувъ ему по-польски:

— Не бойся, не уйдетъ! Всѣ входы и выходы за-

няты нашими молодцами. И домъ весь мы осмотрѣли: онъ здѣсь одинъ, куда жъ ему уйти? А кашу ѣсть безъ масла не годится.

Панъ Кобержицкій успокоился, а Сусанинъ вышелъ въ сѣни и чуть только притворилъ за собою дверь, какъ бросился въ чуланъ, нагнулся къ кадкѣ съ крошевомъ и шепнулъ:

— Здѣсь ты?

— Здѣсь, дѣдушка,—отвѣчалъ Вася шопотомъ.

— Сейчасъ я уведу злодѣевъ... И какъ уйдемъ, такъ становись на лыжи и въ Домнино бѣги. Скажи боярынѣ, чтобы немедля укрылась съ сыномъ въ Кострому... Чтобъ часу дома не оставалась... Понялъ?

— Все понялъ, дѣдушка.

— А этихъ я въ трущобу лѣсную заведу: не скоро оттуда вылѣзутъ!

И онъ попрежнему съ веселымъ видомъ вернулся въ избу, бережно неся въ рукахъ горлачъ со свѣжимъ конопляным масломъ.

— Вотъ съ этимъ маслицемъ кашица-то сама въ ротъ полѣзетъ!—проговорилъ онъ, посмѣиваясь.

Паны насытились и встали изъ-за стола. И Сусанинъ вмѣстѣ съ ними похлебалъ щей, отвѣдалъ каши и сунулъ себѣ горбушку хлѣба про запасъ за пазуху полушубка, который подтянулъ широкимъ кушакомъ.

— Ну, господа паны! Пора и въ путь, коли до темноты хотите добраться въ боярскую усадьбу... Пойдемъ,—сказалъ Сусанинъ, доставая съ печки суковатую палку и снимая шапку со спицы.

Паны поднялись, оправляя одежду и побрякивая оружіемъ.

— Помни, пся крэвь!—сказалъ Сусанину въ назиданіе панъ Клуня.—Ежели намъ не ту дорогу покажешь, пуля тебѣ въ лобъ! Убьемъ, какъ собаку! А ежели...

— Да полно, панъ. Я денежки люблю, а коли ихъ не пожалѣешь, будь спокоенъ. Какъ разъ доставлю къ мѣсту.

И въ то время, когда паны направились къ дверямъ, Сусанинъ обернулся къ иконамъ и осѣнилъ себя широкимъ крестомъ... Во взорѣ его, устремленномъ на божницу, горѣла непоколебимая рѣшимость: онъ твердо зналъ, куда идетъ, что̀ дѣлаетъ,—зналъ, что не вернется болѣе подъ свой родимый кровъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и Марѳа Ивановна, подъ охраною своихъ земляковъ-костромичей, вернулись въ Домнино и вступили въ свой старый боярскій домъ, имъ показалось, что они въ рай земной попали. Кругомъ тишина и покой, добрыя, давно знакомыя лица домашнихъ и слугъ, знакомыя стѣны хоро̀мъ, знакомые издавна виды на ближайшія окрестности усадьбы и мирная, послѣдовательная работа той хозяйственной среды, въ которую невольно вступалъ каждый, поселявшійся въ усадьбѣ и вынужденный утромъ и вечеромъ выслушивать доклады старосты о кормѣ, о скотѣ, о хлѣбныхъ запасахъ, о скопахъ и приплодѣ, о лѣсномъ задѣльи и домашнихъ работахъ.

Послѣ страшнаго года, проведеннаго въ тяжкомъ плѣну въ Кремлѣ, и мать и сынъ долгое время не могли привыкнуть къ окружавшему ихъ покою, довольству и безопасности, и нерѣдко случалось, что воображеніе, болѣзненно настроенное и изстрадавшееся, переносило ихъ въ ночныхъ сновидѣніяхъ къ тому нескончаемо-долгому кремлевскому сидѣнью, о которомъ они не могли вспомнить безъ содроганія... Имъ слышались во снѣ крики, вопли, стоны умирающихъ отъ ранъ, проклятія несчастныхъ,терзаемыхъ муками голода, и громъ, и трескъ выстрѣловъ, и призывный колоколъ тревоги, и рокотъ барабановъ, и кровь, кровь всюду, всюду кругомъ... И какъ было пріятно, какъ сладко имъ, послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, проснуться въ своей постели, въ старинныхъ родовыхъ хоромахъ, при свѣтѣ лампады около божницы, въ которой каждая икона знакома съ дѣтства! Первые проблески утра проникаютъ въ опочивальню сквозь слюдяныя оконницы съ мелкимъ свинцовымъ переплетомъ; пѣтухъ кричитъ подъ окномъ, гуси важно и степенно гогочутъ гдѣ-то поблизости...

«Господи! какъ здѣсь хорошо! Какъ мы счастливы, избавленные, по милости Божіей, отъ всего, всего, что̀ насъ окружало тамъ, въ пасти львиной!»—Вотъ съ какою мыслью просыпались и мать и сынъ въ теченіе первыхъ недѣль своего пребыванія въ Домнинѣ, убаюкиваемые царившею кругомъ, на сотню верстъ, безопасностью.

— Къ намъ, государыня-матушка, въ наши костромскіе лѣсищи не сунутся никакіе воры, никакіе лихіе люди,—такъ говорили Марѳѣ Ивановнѣ всѣ домашніе

и вся ея служня.—Тутъ и дороги-то непроходныя, и дебри дикія, и тянутся-то на десятки верстъ, а версты тѣ мѣрила бабка клюкой да махнула рукой... Кому сюда зайти, кому затесаться?

И вотъ, опираясь на эту увѣренность всѣхъ окружающихъ, Марѳа Ивановна рѣшилась даже посѣтить нѣкоторыя изъ сосѣднихъ обителей и ѣздила туда на богомолье съ сыномъ, въ сопровожденіи весьма небольшого количества челядинцевъ. Вернувшись изъ Макарьевской на Унжѣ обители, Марѳа Ивановна рѣшилась никуда изъ Домнина не выѣзжать и ждать тѣхъ извѣстій о московскихъ событіяхъ, которыя Иванъ Никитичъ обѣщалъ ей сообщить при первомъ удобномъ случаѣ.

Нѣсколько дней спустя, подъ вечеръ, пришелъ къ ней староста домнинскій Иванъ Сусанинъ и испросилъ у нея позволенія отлучиться въ Деревищи—дочку повидать да деревищенскихъ мужиковъ въ лѣсъ на задѣлье отправить.

— Самъ съ ними, матушка, въ лѣсъ пойду, такъ работа у насъ поскорѣе пойдетъ: въ пять дней на всю зимушку тебѣ дровъ запасемъ.

— Что жъ, ступай, Иванъ, да ворочайся скорѣе. Мнѣ при тебѣ спокойнѣе.

— Не замѣшкаюсь, матушка. А если что тебѣ занадобится, такъ тутъ вѣдь недалечко.

Съ тѣмъ онъ и ушелъ, и уже второй день подходилъ къ концу со времени его отлучки, когда подъ вечеръ хватились ключей отъ амбара и нигдѣ ихъ не

могли найти. Побиясь, поискали и рѣшили, что вѣрно Иванъ Сусанинъ ихъ куда-нибудь намѣренно припряталъ, и порѣшили завтра спозаранокъ за нимъ послать нарочнаго.

Всѣ эти толки и разговоры о ключахъ и объ Иванѣ Сусанинѣ, которые Михаилу Ѳеодоровичу пришлось въ тотъ вечеръ слышать, остались у него въ памяти, и когда пришлось ложиться спать послѣ ужина, онъ, быстро заснувъ, тотчасъ увидѣлъ Сусанина во снѣ. Всегда привѣтливый и ласковый къ нему старикъ протягивалъ ему руку, помогая перейти по узкой лавинкѣ черезъ бурливый и шумный потокъ.

— Не бойся, государь,—говорилъ Сусанинъ,—ступай смѣлѣе, а тамъ дальше лѣсомъ, тебя проводитъ Сенька... *)

И дѣйствительно, Михаилъ Ѳеодоровичъ увидѣлъ на противоположномъ берегу своего вѣрнаго, дорогого пѣстуна, который тоже протягивалъ къ нему руки.

— Сенюшка! Голубчикъ!—воскликнулъ юноша, со слезами радости бросаясь на шею къ старому и вѣрному слугѣ.

Вдругъ до слуха его долетѣлъ какой-то странный звукъ... Какъ-будто въ сѣняхъ кто-то въ дверь стучитъ и ломится, что̀ есть мочи. Но никто не отворяетъ: крѣпко спятъ холопы у его порога и въ сѣняхъ на залавкѣ. А стукъ сильнѣе и пуще... Наконецъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ не вытерпѣлъ, вскочилъ съ постели и разбудилъ

*) Уже погибшій слуга Михаила Ѳеодоровича.

старика Скобаря, который постоянно ложился у порога его опочивальни.

— Ступай, узнай, что̀ тамъ за стукъ?—сказалъ онъ.—Боюсь, какъ бы и матушку не разбудили.

Прислушиваясь, онъ разслышалъ, какъ отодвинули засовъ двери, какъ раздались потомъ чьи-то голоса, поспѣшные и тревожные шаги, потомъ даже суетливая бѣготня по всему дому. До слуха его долетѣли слова:

— Скорѣе, скорѣе!.. Не медлите!

И на порогѣ его комнаты явился Скобарь, ведя за руку мальчика, въ короткомъ тулупчикѣ, и съ ногъ до головы запорошеннаго инеемъ...

— Государь!—проговорилъ Скобарь тревожно,—къ тебѣ внукъ Сусанина съ недобрыми вѣстями...

— Что̀ такое? Говори скорѣе!—обратился Михаилъ Ѳеодоровичъ къ мальчику.

— Дѣдушка послалъ меня... Злодѣи къ намъ пришли—тебя ищутъ; онъ ихъ въ лѣсъ увелъ; говоритъ: не скоро ихъ изъ лѣсу выпуститъ... А тебѣ велѣлъ немедля укрыться въ Кострому... Немедля!

Мальчикъ все это выговорилъ однимъ духомъ, запыхавшійся и взволнованный.

— Я ужъ послалъ будить государыню и коней велѣлъ впрягать,—проговорилъ поспѣшно Скобарь.—Да всей дворнѣ вели садиться на конь съ запасомъ, для охраны поѣзда... Авось, еще успѣемъ уйти...

Михаилъ Ѳеодоровичъ, ничего ему не отвѣчая, подошелъ къ Васѣ, обнялъ его и поцѣловалъ.

— Спасибо за услугу,—проговорилъ онъ глубоко тронутый.—Я тебя не забуду!

А Марѳа Ивановна уже стояла на порогѣ и торопила сына со сборами, и отдавала приказанія, и распоряжалась ускореніемъ отъѣзда. Полчаса спустя широкія розвальни, запряженныя тройкою гусемъ, стояли у крыльца. За этими розвальнями стояло еще пятеро саней, въ которыхъ сидѣло по три и по четыре холопа, вооруженныхъ, чѣмъ попало. Впереди розвальней должны были скакать вооруженные вершники съ фонарями... Марѳа Ивановна съ сыномъ поспѣшно сѣла въ розвальни; Скобарь помѣстился съ боку, на облучкѣ, и по знаку, данному Марѳой Ивановной, весь поѣздъ двинулся со двора боярской усадьбы по лѣсной дорогѣ къ Костромѣ, до которой предстояло проѣхать около 70 верстъ.

«Господи! Гдѣ успокоимся? Гдѣ безъ страха приклонимъ наши горемычныя головы?» думала Марѳа Ивановна со вздохомъ.

Пріѣхавъ на другой день около полудня въ Кострому, Марѳа Ивановна не рѣшилась остановиться на житье въ самомъ городѣ; она предпочла вмѣстѣ съ сыномъ укрыться въ стѣнахъ Ипатьевской обители, которая отдѣляется отъ города рѣкою Костромою и лежитъ при самомъ впаденіи ея въ Волгу. Здѣсь, радушно принятые и обласканные игуменомъ обители, нашли скитальцы себѣ спокойный и безопасный пріютъ... Эти стѣны, эти башни могли выдержать продолжительную и упорную осаду.

Нѣсколько дней спустя, изъ Домнина получены были печальныя вѣсти: Иванъ Сусанинъ былъ варварски убитъ «ворами», которыхъ онъ завелъ въ непроходимыя лѣсныя трущобы, въ сторонѣ отъ всякихъ путей, пролегавшихъ отъ Деревищъ къ Домнину. Деревищенскіе и домнинскіе крестьяне, по темнымъ и смутнымъ указаніямъ Васи, разыскали шайку злодѣевъ въ лѣсу и истребили ихъ всѣхъ до единаго, мстя имъ за Ивана Сусанина. Получивъ это извѣстіе, Марѳа Ивановна и Михаилъ Ѳеодоровичъ отслужили въ Троицкомъ соборѣ Ипатьевской обители заупокойную обѣдню за рабовъ Божіихъ Іоанна и Симеона, вѣрныхъ слугъ, положившихъ животъ свой за спасеніе своихъ господъ.

Одновременно съ этою вѣстью, Марѳа Ивановна получила и присланное въ Домнино письмо отъ Ивана Никитича, который извѣщалъ ее, что всѣ участвующіе въ соборѣ, созванномъ въ Москвѣ для избранія царя, склоняются на сторону ея сына, Михаила Ѳеодоровича, какъ единственнаго отпрыска именитаго боярскаго рода, имѣющаго и «царское происхожденіе», какъ пострадавшаго болѣе всѣхъ другихъ отъ смуты, и, въ то же время, ни въ какомъ смыслѣ, смутою незапятнаннаго. Это письмо въ такой степени поразило Марѳу Ивановну своимъ содержаніемъ, что она даже не рѣшалась показать его сыну, и только вскользь сообщила ему о вѣстяхъ, полученныхъ изъ Москвы, и о соборѣ, занятомъ избраніемъ новаго московскаго царя; а сама она стала думать, напряженно и усиленно, какъ слѣдовало ей отнестись къ предстоящему избранію.

Изъ города къ обители двинулось многолюдное шествіе.

Ея нѣжное материнское сердце съ ужасомъ отвращалось отъ тревогъ и опасностей, которымъ должно было подвергнуться ея милое дѣтище, вступивъ на престолъ въ такую страшную эпоху, когда все расшатано, разорено, казна царская расхищена, и отовсюду грозятъ смуты, и войны, и бѣдствія народныя. Но ей вспомнился и завѣтъ Филаретовъ, и, рядомъ съ нимъ, вся дивная судьба этого юноши, прошедшаго черезъ тысячи превратностей, бѣдъ и опасностей, столько разъ бывшаго на краю гибели и все же сохраненнаго неисповѣдимымъ Промысломъ... Не онъ ли есть истинный избранникъ Божій, на которомъ почіетъ благодать Господня? Не ему ли суждено умиротворить и успокоить расходившіяся волны смутъ народныхъ и залѣчить раны, нанесенныя взаимною враждою и нескончаемыми войнами?

Эти думы не давали ей покоя ни днемъ, ни ночью, и вопросы, тревожившіе ее, требовали настоятельнаго и немедленнаго разрѣшенія: въ народѣ уже шелъ слухъ о томъ, что «великое посольство» отправлено изъ Москвы въ Кострому и, не сегодня-завтра, должно прибыть въ Ипатьевскій монастырь... И вотъ, 13 марта, подъ вечеръ, Скобарь донесъ госпожѣ своей, что посольство прибыло въ городъ и отдыхаетъ отъ пути.

Слѣдующій день былъ чисто весеннимъ днемъ. Солнце свѣтило ярко, небо было голубое и безоблачное; ручьи, звонко журча, бѣжали по двору обители, направляясь къ рѣкѣ, по откосу берега. Жаворонки, взвиваясь высоко-высоко надъ окрестными полями и лужайками, отчетливо и радостно выводили свою обычную

пѣсенку—свой гимнъ веснѣ, теплу и пробуждающейся природѣ. Откуда-то далеко-далеко, изъ-за Волги, доносилось чуть-чуть слышное турлыканье пролетной стаи журавлей. И вотъ, среди этой торжествующей и радостной природы, изъ города къ обители, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, двинулось многолюдное шествіе: предшествуемое хоругвями, крестами и образами, съ чудотворною иконою Ѳеодоровской Божіей Матери во главѣ, шло великое московское посольство съ соборнымъ наказомъ и грамотами объ избраніи Михаила Ѳеодоровича Романова на царство «всею землею Русскою». Позади посольства шли воеводы костромскіе, мѣстное духовенство, служилые люди и толпы народа.

Марѳа Ивановна и сынъ ея увидѣли приближающееся къ обители шествіе. Сынъ, ничего не знавшій о прибытіи посольства, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на чудное зрѣлище изъ окна своего монастырскаго терема, и, наконецъ, спросилъ у матери:

— Матушка, что̀ это за крестный ходъ? Я ничего о немъ не знаю... И почему онъ идетъ къ обители изъ города?

Марѳа Ивановна, пристально вперивъ взоры вдаль и не обращая ихъ на сына, проговорила чуть слышно:

— Эти люди идутъ сюда разлучить меня съ тобою...

— Какъ! Что̀ ты хочешь сказать?

— Они несутъ грамату объ избраніи тебя на царство.

— Меня?!—воскликнулъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ изумленіемъ и страхомъ.

— Да, тебя!—твердо отвѣчала ему мать.—И я долж-

на буду внять ихъ мольбамъ и исполнить ихъ просьбу и дать свое согласіе на твое избраніе, хотя сердце мое обливается кровью при одномъ помышленіи о томъ.

— Но, матушка, я не могу, не смѣю...

— Ты не можешь отказаться. Таковъ завѣтъ отца твоего... Иди, и исполни долгъ свой передъ избравшею тебя землей.

Сынъ, рыдая, упалъ передъ матерью на колѣни, а она благословила его и прижала къ своей груди...

21 февраля 1613 года, «избранникъ Божій», Михаилъ Ѳеодоровичъ, сталъ царемъ всея Россіи, положивъ начало благословенной династіи Романовыхъ.

Царскій сокольникъ.

(Изъ повѣсти того же названія **Н. Бицына** въ пересказѣ **В. Самойловичъ.**)

(Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, въ Москвѣ, близъ церкви Тихвинской Божьей Матери, проживалъ въ своихъ бѣлокаменныхъ палатахъ окольничій и думный дворянинъ Обрѣзковъ, а наискосокъ черезъ улицу—бояринъ Засѣкинъ-Рындинъ. *У перваго была дочь-невѣста* Софья, у второго—сынъ Левъ, царскій сокольникъ. Молодые люди полюбили другъ друга. Но Обрѣзковъ о выдачѣ дочери за сокольника и слышать не хотѣлъ, потому что высмотрѣлъ уже ей жениха въ князѣ Мартемьяновѣ-Руцкомъ; а затѣмъ, назначенный воеводой въ Тарханскъ, увезъ туда и дочь).

I.

Тихій, іюньскій вечеръ. Обширная Красная площадь давно опустѣла. Въ воздухѣ вѣетъ вечерней прохладой. Стрѣлецкая стража уже начинаетъ перекличку. Первый перекрестился сторожъ у Успенскаго собора и затянулъ протяжно и заунывно: «Пресвятая Богородица! спаси насъ!». У ближайшей церкви хриплымъ голосомъ отозвался другой: «Святые московскіе чудотворцы! молите Бога о насъ!». «Славенъ городъ Москва!» раздался громогласный возгласъ съ кремлевской стѣны и замеръ вдали. «Славенъ городъ Кіевъ!» откликнулся часовой съ другой башни. «Славенъ городъ Владиміръ!» слышалось дальше, и пошла перекличка. Слышны были названья Суздаля, Ростова, Ярославля и другихъ древнихъ русскихъ городовъ.

Засвѣтились уже звѣзды на небѣ, и при ихъ блѣдномъ свѣтѣ еще рѣзче выдавался огонь лампадъ, горѣвшихъ передъ иконами на кремлевскихъ воротахъ. На голубомъ небѣ все темнѣе рисовался очеркъ Кремля съ его несмѣтными крестами, двуглавыми золотыми орлами, верхами царскихъ теремовъ, бѣлою, зубчатою стѣною и башнями по угламъ.

Сонъ царилъ на весь Кремль.

Но вдали, за ходами и переходами боярскихъ домовъ, за святыми соборами, наверху, сквозь пунцовую занавѣску, ярко свѣтилъ огонекъ въ государевой опочивальнѣ.

Опочивальня царя Алексѣя Михайловича была крошечная комнатка, полъ которой былъ весь устланъ коврами. Коврами же были увѣшаны и стѣны. Она освѣщалась двумя восковыми свѣчами въ высокихъ шандалахъ, стоявшихъ на небольшомъ дубовомъ столикѣ около самаго окошка. Тутъ же была большая мѣдная чернильница, въ трубкахъ которой торчали чиненыя гусиныя перья. Это былъ любимый уголокъ царя Алексѣя Михайловича, мѣсто его отдыха. На этомъ самомъ столикѣ и изъ этой самой чернильницы писывалъ онъ своимъ пріятелямъ письма о своихъ охотахъ и о садоводствѣ, которое страстно любилъ. Въ небольшомъ дубовомъ шкапчикѣ, прислоненномъ къ самому косяку окна, хранились разныя рѣдкости, относящіяся большею частью также до охоты и садоводства: обдѣланная, какъ живая, черепаха, небольшой охотничій рогъ, разныя сушеныя травы, а въ книгахъ и тетрадкахъ разные выписки и секреты по части любимыхъ царскихъ удовольствій. Направо отъ окошка, на боковой лавкѣ, крытой до полу ковромъ, съ бѣлыми подушками въ углу, отдыхалъ царь Алексѣй Михайловичъ, а у шкапа, на низенькой скамеечкѣ, сидѣлъ сѣдой, девяностолѣтній старикъ, повидимому, слѣпой. Царь лежалъ съ закрытыми глазами. На немъ былъ синій халатъ и красные чулки. Сапогъ не было.

...«И было великое разоренье,—тянулъ старикъ свой безконечный разсказъ:—и градъ Ростовъ опустѣлъ... и соборъ сожгли...»

Онъ остановился и сталъ прислушиваться. По ровному

и тихому дыханію царя, казалось, что онъ спитъ. Во всемъ дворцѣ царила полнѣйшая тишина. Только былъ слышенъ стукъ маятника въ столовыхъ черепаховыхъ часахъ. Давнымъ давно уже спятъ дежурные спальники и стряпчіе государя, спятъ двое дворянъ на верхней ступени лѣсенки, ведущей въ опочивальню, спятъ двое на средней ея ступени, и еще двое внизу на полу, положивъ головы на ступеньки, какъ на подушку. Свѣчи въ спальнѣ царя нагораютъ. Черепаховые часы стучатъ все громче. Божій человѣкъ досказалъ свой длинный разсказъ, и только для того, чтобы не разбудить царя внезапнымъ переходомъ отъ говора къ молчанію, еле дотягивалъ съ разстановкою послѣднія слова... «и соборъ сожгли... И святителеву раку въ куски изрубили, и самого святого, изъ золота былъ вылитъ, къ себѣ въ полки увезли...»

Старикъ тихонько поднялся во весь ростъ и протянулъ руку къ свѣчамъ. Вдругъ ноги въ красныхъ чулкахъ зашевелились на лавкѣ.

— Вотъ разруха-то была, Кудинычъ!—молвилъ неожиданно царь, приподнявшись на лавкѣ и, притянувъ къ себѣ колѣна, охватилъ ихъ руками.

— Про что еще велишь разсказывать, государь?—спросилъ Божій человѣкъ, и, какъ ни въ чемъ не бывало, снявъ щипцами со свѣчей, опять усѣлся на скамеечкѣ.

— Да хоть о томъ, какъ царь Борисъ на Оку ходилъ. Давно ужъ ты мнѣ этого не разсказывалъ,—проговорилъ царь и прилегъ опять на лавку.

— Гм!—откашлянулся старикъ.—При убогомъ было Ѳеодорѣ... Онъ, божеская душа, на кремлевской стѣнѣ восплакалъ... Бишь, нѣтъ. Про кого велишь, кормилецъ? Ужъ онъ это царемъ сталъ, Борисъ-то... На Каму къ Окѣ выходилъ...

Онъ помолчалъ немного, затѣмъ опять откашлянулся въ руку и заговорилъ внятно и громогласно:

— Есть тому отъ сего сорокъ лѣтъ...

Царь вдругъ засмѣялся.

— Намъ съ тобой годовъ, видно, не прибываетъ,— сказалъ онъ, опять присаживаясь на лавкѣ.—Сколько тебѣ нонче лѣтъ, Кудинычъ? Я еще малымъ ребенкомъ былъ, при покойномъ родителѣ, все ты мнѣ свой разсказъ съ этихъ сорока лѣтъ начиналъ!

— Ну, запамятовалъ, не взыщи, кормилецъ,—началъ старикъ, видимо недовольный тѣмъ, что государь перебилъ его.—Оно, если велишь, можно и сызнова счетъ начать, соколикъ.

Царь вдругъ всталъ съ лавки и, какъ былъ въ чулкахъ, подошелъ къ окну. Онъ отодвинулъ свѣчи, стоявшія на столѣ, отдернулъ пунцовую занавѣску и растворилъ окно.

— Вотъ-то благодатная ночь!—проговорилъ онъ, обернувшись къ Кудинычу.—Скоро и пѣтухи запоютъ.

Въ комнатѣ повѣяло утренней свѣжестью. Алексѣй Михайловичъ захлопнулъ окно.

— Ну, спасибо тебѣ, старина, на разсказахъ,—сказалъ онъ.—Вотъ что̀, Кудинычъ: поди-ка ты теперь къ себѣ да по дорогѣ разбуди кого-нибудь изъ спальни-

ковъ, да вели имъ, чтобъ прислали ко мнѣ Еремку или, все равно, Степку стряпчаго, а второе, чтобъ духомъ позвали ко мнѣ Матюшкина.

— Ловчаго твоего, Афанасія Ивановича?

— Да, Кудинычъ.

И царь самъ пошелъ за старикомъ со свѣчой.

— Не свѣти, государь, на лѣстницѣ свѣтло, какъ днемъ,—проговорилъ Кудинычъ.

Явились Еремка и Степка. Государь приказалъ «заваривать чайникъ», и они духомъ бросились исполнять приказаніе.

Чай хотя и былъ уже извѣстенъ въ Россіи, но, даже при дворѣ, считался еще цѣннымъ лакомствомъ. Царь Алексѣй Михайловичъ пилъ его не постоянно, но по временамъ, и особливо тогда, когда былъ въ добромъ расположеніи духа. Окружающіе его знали это, и потому приказаніе «заварить чайникъ» всегда радовало ихъ. Вскорѣ принесли чайный приборъ, состоявшій изъ настоящихъ китайскихъ чашекъ, шарообразныхъ и такихъ тонкихъ, что онѣ казались полупрозрачными. Затѣмъ вошелъ Матюшкинъ. Государь обнялъ и поцѣловалъ въ самыя губы любимаго боярина.

— Догадался, зачѣмъ я тебя такъ рано кликнулъ?— сказалъ Алексѣй Михайловичъ. — Посмотри-ка, Ивановичъ!

Царь отодвинулъ пунцовую занавѣску и указалъ на брезжущій разсвѣтъ.

— Что и говорить!—весело махнулъ рукою бояринъ.—Такое вёдро стоитъ, думается, сто лѣтъ жди, не дождешься. Куда велишь собираться, государь?

Царь налилъ чай въ чашки и указалъ на одну изъ нихъ Матюшкину. Ловчій пророчилъ небывалую охоту. Онъ говорилъ, что посылалъ сокольниковъ для развѣдки за Яузу, въ Сокольники и подъ Угрѣшу, въ Острову, и въ Измайлово, и въ Коломенское, и вездѣ неисчислимое множество утокъ. Поговоривъ о любимыхъ соколахъ и кречетахъ и распорядясь охотой, царь вдругъ сказалъ ловчему:

— Славный сокольникъ у насъ Левка Засѣкинъ-Рындинъ: расторопный и смѣтливый. Хочу я его моею царскою милостью взыскать. Княжну Салманову за него посватаю... Да вотъ что... вели мою чалую тройку въ охотницкую заложить, да безъ шума, малымъ обычаемъ, къ заднему крылечку подать.

Афанасій Ивановичъ проворно сбѣжалъ съ лѣстницы внизъ къ себѣ въ сокольничью избу. Здѣсь уже множество сокольниковъ въ нарядныхъ кафтанахъ шумѣли и возились, гонялись другъ за другомъ, пробовали силу. При появленіи Матюшкина воцарилась мертвая тишина.

— Слушайте!—крикнулъ онъ.—Если кто изъ васъ, лѣшіе, у меня нынче не проворенъ будетъ да не веселъ, такъ знайте, что я изъ-за одного всѣхъ отодрать велю! слышите?

— Слышимъ, Афанасій Ивановичъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Чего не дружно кричите?—крикнулъ онъ опять, наступая на нихъ.—Рады, что-ль, будете для государя стараться?

— Рады, Афанасій Ивановичъ!—прогремѣло дружнымъ хоромъ по всей избѣ.

— Левка! иди за мной!—обратился Матюшкинъ къ статному молодцу съ темнорусыми кудрями.—Слушай, Левушка,—сказалъ бояринъ, остановясь съ нимъ въ своей пріемной комнатѣ.—Друженъ я съ твоимъ родителемъ, съ бояриномъ Григорьемъ Романовичемъ, и по нашей дружбѣ всякаго добра ему и его дѣтямъ желаю. Скажу тебѣ, что сегодня царь хвалилъ твою расторопность и проворство и готовитъ онъ тебѣ великую свою царскую милость. Хочетъ онъ посватать за тебя первую по богатству невѣсту въ Москвѣ, княжну Салманову, такъ ты ужъ смотри, сегодня на охотѣ постарайся такую царскую милость оправдать.

— Благодаримъ покорно, Афанасій Ивановичъ, за вашу ласку,—отвѣчалъ Левъ, кланяясь.

Но, къ удивленію Матюшкина, лицо молодого человѣка не только не выразило никакой радости, а напротивъ, вытянулось такъ, какъ будто онъ только-что похоронилъ отца или мать.

II.

Бѣлый, легкій туманъ поднимался надъ Москвой-рѣкой, а на небѣ загоралась утренняя заря. Росписныя ворота соборовъ выступали на свѣтъ золотыми разводами. Изъ царскаго сада пахло сѣномъ. Надъ чешуйчатыми, гонтовыми и тесовыми кровлями нигдѣ еще не вился дымокъ. Даже галки и вороны еще спали, но у

дворца уже начиналось движеніе; похаживали взадъ и впередъ, собираясь на охоту, молодые отроки, конюхи вели подъ уздцы богатыхъ, рослыхъ коней подъ дорогими турецкими сѣдлами. Около сокольничьей избы все больше и больше собиралось народа. Телѣги съ запасами для царской охоты уже потянулись изъ дворцовыхъ воротъ. За ними вышла въ походъ «черновая» прислуга. Но вотъ охотники выстроились, по уставу, въ ряды, вскакнули на коней и тронулись въ путь. На рукахъ у всадниковъ сидятъ сокола и кречеты. Впереди всѣхъ скачетъ на персидскомъ аргамакѣ боярин Матюшкинъ. За нимъ ѣдутъ ловчіе, младшіе его чиномъ, и, наконецъ, сокольничьи начальные.

Вдругъ въ заднихъ рядахъ грянулъ громогласный возгласъ. Это охотники здороваются съ царемъ, который обогналъ ихъ на тройкѣ своихъ чалыхъ въ простой телѣжкѣ. Въ ближайшемъ селѣ царская телѣжка остановилась у крайней, нарядной избы съ точенымъ перильчатымъ крылечкомъ, и царь сѣлъ верхомъ на бѣлаго коня съ великолѣпнымъ сѣдломъ, буквально усыпаннымъ драгоцѣнными каменьями. Вотъ охота уже за городомъ, и на охотниковъ пахнуло свѣжимъ и благоуханнымъ воздухомъ полей.

Въ болотѣ прокричали кулики, и пошли мелькать направо и налѣво сѣрыя утки. Стая турухтановъ взвилась въ синемъ воздухѣ и пропала изъ глазъ. Царь полюбовался, какъ его соколъ, Алмазъ, схватился съ длинноногой бѣлогрудой цаплей. Воздушная борьба продолжалась нѣсколько минутъ. Три раза цапля запрокиды-

валась на воздухѣ грудью вверхъ, и длиннымъ клювомъ и вытянутыми ногами отталкивала отъ себя сокола. Но лишь только она расправляла крылья, чтобъ летѣть, Алмазъ точно падалъ на нее изъ поднебесья, и наконецъ жертва его, распластавъ крылья и опустивъ длинную шею, широкими кругами пошла винтомъ внизъ. Алексѣй Михайловичъ подозвалъ сокольника Филетерку и взялъ отъ него своего любимаго сокола Гамаюна. Онъ подержалъ его на рукѣ, полюбовался имъ и собственноручно передалъ Льву Засѣкину, велѣвъ держать при себѣ до новаго приказа.

Охота переѣзжала съ одного болота къ другому. Государь уже ѣхалъ верхомъ со всѣми.

— Прямо на лугъ, Афанасій Ивановичъ!—сказалъ онъ Матюшкину.

— Мѣсто привольное, большое, государь,—отвѣчалъ бояринъ —Его до самаго полудня хватитъ.

— А въ жаръ оттуда и ко дворамъ въ Коломенское,—тихо молвилъ государь.

И охотники стали подвигаться ровнымъ шагомъ къ лугу. За поворотомъ Москвы-рѣки открылась долина версты на полторы въ ширину, вся усѣянная цвѣтами: голубыми колокольчиками, желтымъ цикоріемъ, какими-то еще бѣлыми цвѣточками, розовыми, лиловыми; запахло ландышами. Вдали вода блестѣла, какъ серебро. Навстрѣчу неслись бѣлыя чайки. Посреди болота извивалась рѣчка, окаймленная ивовымъ кустарникомъ и камышомъ. На поверхности водъ ея плавала кувшинка, выглядывалъ стебель морской спаржи, съ мелкими ро-

зоватыми цвѣтиками, виднѣлись другія водяныя растенія. Здѣсь, въ камышахъ, привольно было птицамъ, и онѣ водились въ этихъ мѣстахъ во множествѣ.

Весело было на сердцѣ у охотниковъ. Царь былъ въ духѣ. Чудное, ароматное утро будто вѣяло на нихъ избыткомъ жизни и силъ, а раздольная, зеленая ширь манила вдаль.

Не было весело на сердцѣ у одного только Льва Засѣкина. Ожидавшая его царская милость была для него не радостью, а тяжкимъ горемъ. Крѣпко помнилъ Левъ свою Софью Даниловну, и не нужно было ему богатства княжны Салмановой. Онъ задумался и далеко отсталъ отъ другихъ охотниковъ.

— Летитъ! Сшибъ! сшибъ!—раздались вдругъ по долинѣ громкіе крики.

Сокольники поскакали во всѣ стороны. Началась великая суматоха. Дѣло въ томъ, что охотники, не оглядѣвшись еще на новомъ мѣстѣ и не уставившись, какъ слѣдуетъ, спугнули какую-то рѣдкую птицу. Теперь имъ предстояло или непростительно оплошать, или сразу угодить царю на весь день. Птица эта была огромный, черный аистъ, встрѣчающійся подъ Москвою изъ годовъ въ годы, хотя довольно часто она попадается за Волгой. Аистъ медленно, тяжело подымался вверхъ широкими кругами, повышаясь съ каждымъ кругомъ не болѣе какъ на полсажени. Онъ былъ еще такъ низко, что можно было разглядѣть простыми глазами его черное оперенье, какъ у цапли. Царь, приставивъ ко лбу руку, въ видѣ зонтика, глядѣлъ вверхъ и кричалъ:

Гирей еще ударил.

— Спускай соколовъ!

За нимъ то же самое еще громче кричалъ Матюшкинъ. Соколъ князя Львова, Гирей, первый кинулся съ рукавицы и сталъ подыматься столбомъ надъ аистомъ. Въ догонку за нимъ слетѣли еще два сокола. Тяжелый, неуклюжій аистъ совсѣмъ оторопѣлъ. Пока онъ медленно дотягивалъ свой послѣдній кругъ кверху, три сокола все еще забирали вверхъ. Гирей виднѣлся уже въ синемъ пространствѣ, какъ черная точка. Лишь только аистъ взялъ въ сторону, соколъ князя Львова грянулся съ поднебесья внизъ, какъ молнія. Аистъ вдругъ покачнулся, какъ прострѣленный пулею. Гирей еще ударилъ; ударили и другіе два сокола, и аистъ камнемъ пошелъ книзу.

— Гирей взялъ! Гирей!—раздались отовсюду побѣдные крики сокольниковъ.

Алексѣй Михайловичъ сошелъ съ лошади. У его ногъ лежалъ распростертый, огромный, черный аистъ. Князь Львовъ, съ побѣдителемъ на рукѣ, стоялъ, сіяющій, прямо противъ государя, а вокругъ толпились всѣ охотники. Громкій говоръ не умолкалъ. Разсказывали мельчайшія подробности этого счастливаго дѣла, и самъ государь принималъ въ нихъ живое участіе. Налюбовавшись вдоволь чернымъ аистомъ и Гиреемъ, царь предъ лицомъ всей охоты поцѣловалъ князя Львова въ лобъ, затѣмъ опять сѣлъ на коня и тихимъ шагомъ поѣхалъ впереди всѣхъ. Вдалекѣ, съ края, пошли выситься ровной стѣной вѣковыя сосны, небо становилось все синѣе. Лѣсъ, вода и луга разгорались полной кра-

сотой лѣтняго знойнаго дня. Чаще стали мелькать надъ травой стрекозы и бабочки, и потянулось озеро, длинное и узкое, какъ рѣка. Изъ густыхъ камышей охотники погнали въ разныхъ мѣстахъ дичину. Въ разныхъ направленіяхъ замелькали утки цѣлыми стаями. Афанасій Ивановичъ скакалъ и туда, и сюда, разстанавливая по мѣстамъ сокольничьихъ начальниковъ. На двѣ версты, и больше, раскинулась царская охота. Стали опять спускать соколовъ. Алтабасъ, Стрѣлецъ, Алмазъ, Гирей, Дрягай, Айдаръ, Эсаулъ, Бѣляй, Змѣй, Яхонтъ,—всѣ полетѣли въ перегонку другъ передъ другомъ. По полю пошло движеніе отъ всадниковъ и пѣшихъ, а въ поднебесьѣ крутились, какъ ураганъ, воздушные бойцы. Одинъ только Левъ съ красавцемъ Гамаюномъ на рукѣ стоялъ, какъ вкопанный, на берегу рѣки, унесясь далеко мыслями. Вся охота подалась отъ него версты на три. Вдругъ видитъ Левъ, что къ нему скачетъ во весь опоръ одинъ изъ сокольниковъ.

— Стой, не сходи!—закричалъ сокольникъ, когда Левъ уже хотѣлъ двинуться впередъ.

Царь на своемъ бѣломъ конѣ, приложивъ руку зонтикомъ къ глазамъ, издали смотрѣлъ въ его сторону. Афанасій Ивановичъ, выдѣлившись изъ толпы, привсталъ на стременахъ во весь ростъ, и неистово махалъ по воздуху нагайкою. Левъ ударилъ коня и во весь опоръ подскакалъ къ государю. Вокругъ него происходила сильная суматоха. Всѣ что-то шумно объясняли и суетились. Матюшкинъ хлесталъ кого-то нагайкой. Государь былъ видимо взволнованъ.

— Этотъ самый селезень,—говорилъ онъ, обращаясь въ разныя стороны,—и въ тетрадкѣ у меня записанъ. Носъ желтъ, лимонный. Такія-жъ лапы, брюхо дымчато, грудь розова. Точно такой и вылетѣлъ теперь изъ травы.

И опять всѣ заголосили, каждый свое.

Оказалось, что въ самый разгаръ охоты, когда гонщики, обойдя озеро, спугнули съ береговъ его всѣхъ дикихъ птицъ, изъ травы выскочилъ какой-то чрезвычайно красивый селезень. Ястребовъ не было при охотѣ, а для соколовъ неудобно летѣть въ догонку низомъ за селезнемъ, такъ какъ соколы всегда взвиваются ввысь, и оттуда уже падаютъ на добычу. Царь велѣлъ гнать наудачу. Но изъ этого не вышло никакого толка. Селезень повернулъ прямо въ ту сторону, гдѣ былъ Левъ, и въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ отъ него засѣлъ на бугрѣ въ чемерику. Царь обрадовался.

— Сейчасъ его тамъ Гамаюнъ возьметъ,—сказалъ онъ.

Но Левъ, погруженный въ свои думы, не замѣтилъ ничего происходившаго вокругъ него, и далъ улетѣть селезню.

Вскорѣ послѣ того царь поблагодарилъ охотниковъ и велѣлъ собираться въ Коломенское. Начали скидывать нарядныя рукавицы, телѣги нагрузили цѣлыми ворохами дичи; соколà доклевывали головки добытыхъ ими птицъ.

— Погоди-жъ ты у меня!—погрозилъ государь Льву Засѣкину.—Дай только мнѣ въ Коломенское добраться...

III.

Коломенское было любимымъ селомъ царя Алексѣя Михайловича. Это было открытое, веселое мѣсто. Здѣсь зеленѣли березовыя рощи, привольно раскидывались поемные луга. Въ семи верстахъ была видна Москва съ ея колокольнями и монастырями, а подъ самыми окнами дворца протекала рѣка Москва.

Возвышавшійся среди зеленыхъ рощъ и полей потѣшный Коломенскій дворецъ со своими башнями, повалушами, съ длинными, крытыми переходами, съ висячими крыльцами по всѣмъ ярусамъ, съ разнообразными, пестрыми кровлями, то гонтовыми, съ крутыми откосами, то черепичными, съ отлогими откосами, то чешуйчатыми, съ причудливыми загибами,—казался какимъ-то волшебнымъ замкомъ, восьмымъ чудомъ свѣта, какъ выразился тогда Симеонъ Полоцкій. Онъ былъ обстроенъ кругомъ жилыми избами для сокольниковъ и для пріѣзжающихъ сюда бояръ. Между ними были разбросаны разныя службы, пристройки, сараи, клѣти и подклѣти. Далѣе винокуренный заводъ, птичный и скотный дворы, овчарникъ, аптекарскій садъ съ огромными теплицами и разныя другія затѣи. Въ особенности красили его семь живописныхъ церквей со своими блестящими куполами и крестами.

Алексѣй Михайловичъ, можно сказать, всю душу свою положилъ въ Коломенское. Въ здѣшнихъ прудахъ водились во множествѣ караси и лини, были еще поса-

жены украинскія карпіи и разная другая рыба, которою гордятся рыболовы-любители. Царь былъ страстный садоводъ, любилъ тутовыя деревья и разводилъ ихъ въ саду. Въ огородахъ, кромѣ грушъ, яблокъ, тыквъ, дынь, арбузовъ невиданной величины, росли еще всякія цѣлебныя травы, и красовались разныя рѣдкія растенія, любимыя государемъ. Каждая грядка была имъ самимъ обдумана и взлелѣяна.

Вступая во дворецъ, посторонній могъ на каждомъ шагу угадывать личный вкусъ и наклонности царя. Въ переднихъ сѣняхъ былъ выписанъ зодіакъ. Передъ сѣнями красовалась дутая «выставка» съ гербами всѣхъ россійскихъ государствъ. Надъ собственными комнатами царя на щитахъ были начертаны Европа, Азія и Африка. На потолкѣ царской опочивальни былъ нарисованъ Соломоновъ судъ.

Коломенское, казалось, имѣло какую-то счастливую способность навѣвать свѣтлое настроеніе духа на государя. Онъ заѣзжалъ сюда именно для «душевнаго спокоя». Сокольники его также любили этотъ раздольный, зеленый пріютъ. Въ нынѣшнее лѣто они прибыли сюда еще въ первый разъ, и послѣ обѣда, пока царь отдыхалъ, они, вмѣсто того, чтобъ спать, спѣшили оглядѣть всѣ знакомые уголки. Одни изъ сокольниковъ пошли купаться, другіе играли въ бабки и лапту. Въ ихъ отдѣленіи вездѣ были раскрыты окна, вездѣ слышался веселый говоръ и смѣхъ. Не было между ними только Льва Засѣкина. По пріѣздѣ въ Коломенское, онъ не сѣлъ обѣдать вмѣстѣ съ другими, а безцѣльно побрелъ по самому берегу рѣки. Отойдя версты на двѣ отъ

села, онъ увидалъ на берегу обрывъ и пріютился въ тѣни его, у самой воды. Вокругъ него все было тихо. За рѣкой разстилался необъятный просторъ зеленыхъ полей. На землѣ, на водѣ и въ воздухѣ стояла лѣнивая тишина. Былъ жаркій, знойный полдень. Надъ головой Льва сіяло синее, бездонное небо, а у самыхъ ногъ его свѣтлая рѣчка какъ будто манила въ свои прохладныя струи. Заглядѣлся Левъ въ ея тихую глубь и задумался о своей горькой долѣ. Вдругъ надъ головой его раздался голосъ:

— Вотъ куда ты запропастился, Левка!

То былъ одинъ изъ сокольниковъ.

— Всѣхъ за тобой разослали. Даже конюховъ послали верхомъ. Бѣги скорѣй къ государю. Проснулся,— тебя спрашиваетъ.

Левъ вышелъ изъ-подъ обрыва, поднялся по крутояру и, не говоря ни слова, пошелъ по направленію ко дворцу.

Царь Алексѣй Михайловичъ, въ лиловомъ халатѣ и крымскихъ туфляхъ, сидѣлъ въ саду на лавочкѣ въ своемъ любимомъ уголкѣ, называвшемся «Царскимъ холодкомъ», подъ зелеными липками и кленами. Передъ нимъ стоялъ дубовый столъ съ чистой, бѣлой скатертью, и на немъ—ендова меду. Серебряная стопа, только-что налитая, еще пѣнилась. Тутъ же на скатерти лежалъ огромный лопухъ, только-что сорванный, которымъ царь обмахивался по временамъ отъ мухъ, вмѣсто вѣера. Приближенные Алексѣя Михайловича давно замѣтили, что, когда онъ сидѣлъ въ своемъ «холодкѣ», то не любилъ отдавать никакихъ строгихъ приказовъ.

— Гдѣ пропадалъ?—спросилъ онъ, когда передъ нимъ предсталъ Левъ.

— Ходилъ на рѣку, государь,—отвѣчалъ Левъ и вдругъ упалъ на колѣна.—Вели меня казнить, а не велишь,—самъ въ рѣку брошусь!

Алексѣй Михайловичъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Что ты? съ ума сошелъ, что ли?—проговорилъ онъ наконецъ.—Съ чего мнѣ тебя казнить? Коли ты давеча на охотѣ оплошалъ, такъ за это еще не заслуживаешь казни. Слѣдовало бы тебя наказать—это правда, но я сегодня не расположенъ наказывать, а напротивъ, хочу простить тебя и взыскать моею царскою милостью.

— Благодарю, государь,—отвѣчалъ Левъ уныло, не вставая съ колѣнъ.—Прости ты меня, Христа ради, но ужъ лучше вели казнить!

Карiе глаза царя сверкнули, лицо выразило гнѣвъ.

— Ты и въ самомъ дѣлѣ рехнулся!—крикнулъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Наладилъ: казнить да казнить! Говорятъ тебѣ: хочу оказать тебѣ милость.

Левъ приподнялъ голову и робко взглянулъ въ глаза царю.

— Ты хочешь, государь, женить меня на княжнѣ Салмановой?

— Ну, да. Говорилъ я объ этомъ Матюшкину.

Левъ отрицательно помоталъ головою.

— Государь!—проговорилъ онъ,—тѣломъ я передъ твоимъ судомъ, а надъ душой моей властенъ Богъ. Вели меня казнить, только не вели на княжнѣ Салмановой же-

ниться. Одна только невѣста на всей Руси для меня и есть, и та невѣста—дочь Тарханскаго воеводы, Обрѣзкова. Далъ я зарокъ, государь, что, коли не на ней, такъ вѣкъ ни на комъ не женюсь. Не могу быть нарушникомъ моего слова. Краше ея нѣтъ для меня на свѣтѣ невѣсты... Прости, отецъ-государь...—и Левъ поклонился въ землю.

— Вотъ оно что!—протянулъ царь, и лицо его просвѣтлѣло.—А я и не зналъ, что у Обрѣзкова дочь есть. Коли эта красавица лучше Салмановой, такъ я и подавно радъ. А милость тебѣ мою царскую, какъ обѣщалъ, такъ и окажу. Буду самъ твоимъ сватомъ.

Левъ въ восторгѣ снова грянулся въ землю.

— Зови Матюшкина, да духомъ.

И Левъ со всѣхъ ногъ бросился исполнить приказаніе государя.

Алексѣй Михайловичъ приказалъ Матюшкину заготовить Обрѣзкову письмо и собственноручно сдѣлалъ въ немъ слѣдующую приписку: «И тебѣ бы, Данила Ивановичъ, спѣшить, какъ можно, а дочери своей, зовутъ Софья, безъ насъ замужъ ни за кого не выдать, а мы ей на Москвѣ жениха нашли». И подписалъ царь письмо своимъ полнымъ царскимъ титуломъ.

Нечего описывать радости Софьи Даниловны. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того весело растворились бѣлокаменныя московскія палаты Обрѣзкова для пріема хозяевъ, а спустя еще нѣсколько дней, Софью Даниловну обвѣнчали со Львомъ Григорьевичемъ Засѣкинымъ-Рындинымъ въ церкви Тихвинской Божьей Матери.

ДѢТСТВО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Изъ сочиненія „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго").

Царь Алексѣй Михайловичъ на сороковомъ году отъ роду, въ порѣ совершеннаго мужества, лишился первой супруги своей, изъ рода Милославскихъ, которая, въ продолженіе двадцатилѣтней супружеской жизни, при-

несла ему 13 человѣкъ дѣтей, почти погодковъ, пять сыновъ и восемь дочерей.

Царица скончалась въ 1669 году, марта 2-го.

Прошли скорбные дни. Царь по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ былъ вступить во второй бракъ, и родители взрослыхъ и подходящихъ дочерей, изъ бояръ и вообще служилаго сословія, уже начали думать про себя, не пощетъ ли Богъ кого-нибудь изъ нихъ милостью, и не падетъ ли счастливый жребій на ихъ безприданницъ, а съ этимъ жребіемъ отецъ, и мать, и все родство возвысятся, обогатятся, прославятся; они молились, и ворожили, и готовили своихъ красавицъ къ будущимъ смотринамъ, когда онѣ взяты будутъ на Верхъ, подвергнутся испытаніямъ довѣренныхъ людей, бояръ, боярынь и бабокъ и, наконецъ, самого царя, который подастъ избранницѣ платокъ и кольцо.

Другой ходъ дѣлу вздумалъ дать любимецъ и совѣтникъ царскій, начальникъ Посольскаго и Малороссійскаго приказовъ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Человѣкъ бывалый, заслуженный, расположенный къ иностранцамъ, онъ, хотя и не изъ знатнаго рода, сумѣлъ приблизиться и пріобрѣсть неограниченную довѣренность своего государя, который называлъ его не иначе, какъ Сергѣичемъ, и пріѣзжалъ къ нему часто запросто въ гости. Домъ Матвѣева, у Николы въ Столпахъ, между Покровкою и Мясницкою, сложенный, по преданію, изъ стрѣлецкихъ надгробныхъ камней, былъ украшенъ картинами, часами и всякими заморскими диковинками. Царь, охотникъ до развлеченій, любилъ здѣсь

мѣшать дѣло съ бездѣльемъ и тѣшиться комедіями, музыкою и другими забавами, которыя придумывалъ изобрѣтательный хозяинъ.

Дочерей у Матвѣева не было; но у его сверстника и друга, съ которымъ онъ служилъ долго вмѣстѣ, дѣлилъ труды и опасности военныхъ походовъ и происходилъ въ чины, Кирилла Полуектовича Нарышкина, тарусскаго помѣщика, была дочь красавица, чернобровая, черноглазая, бѣлая-румяная, высокая, стройная. Отецъ отдалъ ему дочь на воспитаніе.

Царь посѣтилъ однажды Матвѣева и остался ужинать по-семейному. Жена его съ молодою пріемною дочерью явились въ столовой; красавица поднесла, по обычаю, съ поклономъ царю передъ ужиномъ чару зелена-вина на серебряномъ блюдѣ. Въ верхней сорочкѣ изъ шелковой ткани яркаго цвѣта, вынизанной по швамъ мелкимъ жемчугомъ, съ длинными рукавами кисейными, вышитыми на плечахъ и у запястьевъ золотомъ, подпоясанная кушакомъ шемаханскимъ, съ распущенной по плечамъ длинной роскошной косою, она была вѣрно заглядѣньемъ, что̀ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Вдовецъ вечеромъ увидѣлъ ее неожиданно... и сердце у него защемило. За ужиномъ онъ развеселился, вступилъ въ разговоръ съ нею, услышалъ ея голось сладкій, привѣтливый, получилъ отвѣты разумные, и на прощанье сказалъ хозяевамъ, что найдетъ жениха для ихъ воспитанницы...

Между тѣмъ смотрины уже начались чрезъ восемь мѣсяцевъ съ небольшимъ по кончинѣ царицы: съ ноября

28-го по 18-е апрѣля собирались дѣвицы на Верхъ. Февраля 1-го явилась между ними, въ исполненіе обычая, и Наталья Кирилловна дочь Нарышкина. Собирались красавицы и изъ другихъ городовъ: Рязани, Суздаля, Владиміра, Костромы, Новгорода.

Вторыя смотрины, изъ отобранныхъ дѣвицъ, отмѣтныхъ соболей, начались 18-го апрѣля; между ними находилась, разумѣется, воспитанница Матвѣева, и слухъ прошелъ, что выборъ уже рѣшенъ и ей быть царицей.

На Верху произошелъ переполохъ. Зависть, ревность, а теперь уже и страхъ обуяли противную сторону. 22-го апрѣля найдены были два подметныхъ письма. Одно письмо поднялъ сторожъ предъ грановитою палатою въ сѣняхъ, а другое усмотрѣно прилѣпленное у дверей шатерной палаты, гдѣ ходятъ на постельное крыльцо.

Въ письмахъ возводилось подозрѣніе на Матвѣева въ колдовствѣ и употребленіи какихъ-то кореньевъ для приворота царя къ дочери его пріятеля.

Началось строгое слѣдствіе. По этой причинѣ, вѣроятно, задержалось и бракосочетаніе, которое совершилось уже черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ начатаго слѣдствія, января 22-го 1671 года.

Совершеніе обряда, обѣды, пиры, за нимъ слѣдовавшіе, отличались обычною торжественностію и великолѣпіемъ...

Молодые веселились въ сосѣднихъ селахъ: Измайловѣ, Коломенскомъ, Воробьевѣ, особенно въ селѣ Преображенскомъ, любимомъ пребываніи царя Алексѣя Ми-

хайловича, на берегу тихой, свѣтлой Яузы, среди долинъ и рощей, откуда ѣздилъ онъ часто въ Сокольники тѣшиться въ ближайшемъ сосновомъ лѣсу соколиною охотою. Обычныя богомолья отправлялись своимъ чередомъ...

30-го мая 1672 года, на память преподобнаго Исаакія Далматскаго, въ четвергъ, *въ отдачу часовъ ночныхъ* (по знаменательному выраженію современной записи), т.-е. передъ разсвѣтомъ, родился въ кремлевскомъ дворцѣ сынъ, нашъ великій Петръ.

Рожденіе его облеклось въ народѣ поэзіей: разсказывали, что Симеонъ Полоцкій, первый ученый мужъ своего времени, наблюдалъ движеніе свѣтилъ небесныхъ, и за девять мѣсяцевъ до рожденія Петрова замѣтилъ пресвѣтлую звѣзду близъ Марса. Онъ предрекъ царицѣ рожденіе славнаго сына...

Первые года Петровой жизни представляютъ совершенную противоположность съ послѣдующими: его держали, какъ говорятъ, въ хлопкахъ; на него не надохли; приближенные не знали, во что̀ нарядить его и чѣмъ забавить.

Ребенокъ росъ и развивался быстро, не по днямъ, а по часамъ, какъ говорится въ сказкахъ. На шестомъ мѣсяцѣ онъ началъ ходить. Игрушки всякаго рода приносились безпрестанно съ Верху въ его покой: черезъ годъ къ именинамъ сдѣлана потѣшная лошадка во всемъ уборѣ; сѣдло съ стременами было вызолочено и высеребрено; сдѣлано было нѣсколько мелкихъ игрушекъ противъ сахарныхъ образцовъ; устроенъ потѣшный сту-

лецъ на желѣзныхъ колесахъ, на которомъ царевичъ катался въ хоромахъ; клавикорды, струны мѣдныя и всякіе другіе струменты: гусли, цимбалы.

Не мало изготовлялось и военныхъ игрушекъ, которыя вызолачивались и расписывались красками: лучки, барабаны, бубны, топорки, чеканцы, пищали, пистоли, пушечки, булавы.

1675 года, въ маѣ, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ ударилъ челомъ царевичу Петру «карету маленькую, и въ ней четыре возника (лошадки) темнокаріе, а на возникахъ шлеи бархатныя, пряжки вызолочены, начельники и гривы и нахвостники шитые... вмѣсто желѣза кругъ колесъ мѣдь вызолочена, да кругъ кареты стекла хрустальныя, а на стеклахъ писаны цари и короли всѣхъ земель; въ той каретѣ убито бархатомъ жаркимъ, а въ ней рѣзи, а кругъ кареты бахромы золотыя».

Въ этой самой каретѣ царевичъ, уже трехлѣтній, слѣдовалъ въ царскомъ торжественномъ выѣздѣ въ Троицкій походъ, 19-го сентября 1675 года.

Любимое пребываніе царскаго семейства было въ селѣ Преображенскомъ. Тамъ, въ особо построенныхъ хоромахъ, наподобіе кремлевскихъ, по мысли Матвѣева и подъ его управленіемъ, начались представленія такъ-называемыхъ комедій. Онъ выписалъ нѣмецкихъ актеровъ, которымъ отдалъ въ ученіе нѣсколько своихъ дворовыхъ людей и мальчиковъ изъ подъяческихъ дѣтей съ Мѣщанскихъ улицъ, гдѣ были поселены выходцы изъ Бѣлоруссіи и другихъ западныхъ губерній.

Первая комедія представлена была, какъ Юдиѳь Олоферну голову отсѣкаетъ. Послѣ комедіи являлись выписанные нѣмцы, которые умѣли на высокихъ трубахъ танцы трубить; другіе играли на органахъ, фіоляхъ и разныхъ струментахъ, танцовали и всякими потѣхами разными тѣшили. Призывались разные фокусники въ дополненіе къ домашнимъ шутамъ и скоморохамъ, которые показывали разныя штуки. Комедіи продолжались по пяти, по семи часовъ сряду, а веселье вообще очень часто до разсвѣта.

Такъ прохладно проводили время родители Петровы, внѣ засѣданій Думы. На небѣ не показывалось ни единой тучки.

Старшій царевичъ Ѳедоръ въ началѣ еще новаго 1674 года былъ объявленъ, по обычаю, своимъ подданнымъ и иностранцамъ какъ совершенно-лѣтній, и, разумѣется, какъ наслѣдникъ; но это объявленіе не возбуждало никакихъ опасеній.

Какъ вдругъ царь Алексѣй Михайловичъ въ январѣ 1676 года занемогъ. Шестого еще числа, во всемъ убранствѣ, въ полномъ облаченіи, ходилъ онъ на Іордань; 12-го, въ день именинъ сестры, царевны Татьяны Михайловны, былъ у обѣдни и жаловалъ бояръ именинными пирогами; 19-го января была во дворцѣ комедія съ музыкою, но онъ почувствовалъ себя нездоровымъ и слегъ въ постель; черезъ десять дней онъ скончался, благословивъ на царство, какъ объявлено было народу, старшаго сына Ѳедора, которому было только четырнадцать лѣтъ отъ роду.

На Верху все вдругъ измѣнилось: Нарышкины пріуныли съ своими пріятелями, царевны расцвѣли, Милославскіе, ихъ родственники, восторжествовали и взяли въ свои руки правленіе, распоряжаясь именемъ новаго царя. Втайнѣ обдумывался предлежащій образъ дѣйствій, и чрезъ полгода ударъ разразился рѣшительнымъ дѣйствіемъ: ссылкою Матвѣева на воеводство въ самый сѣверный сибирскій городъ Верхотурье. Не успѣлъ Матвѣевъ доплыть Волгою до Ланшева, какъ былъ остановленъ, обвиненный въ намѣреніи извести молодого царя во время послѣдней его еще при отцѣ болѣзни, въ призываніи нечистыхъ духовъ, въ занятіяхъ волшебствомъ по какой-то черной книгѣ, лишенъ имѣнія и всѣхъ почестей и сосланъ, какъ государственный преступникъ, на житье въ отдаленный и дикій Пустозерскъ.

Дворъ царицы Натальи Кирилловны остался прежній, хоть нѣсколько и уменьшенный. Между дядьками, спальниками и стольниками царевича Петра, равно какъ и между родственниками, нашлись толковые, порядочные люди.

Грамотѣ началъ онъ учиться рано, еще при отцѣ. Часословъ, Псалтырь, Евангеліе были, разумѣется, первыми и главными предметами ученія. Мальчикъ, одаренный острой памятью, выучилъ ихъ, кажется, наизусть, среди своего курса, ибо въ продолженіе жизни часто на словахъ и на письмѣ приводилъ мѣста изъ Священнаго Писанія. Писать не могъ онъ выучиться порядочно, потому ли, что началъ учиться поздно, или потому, что не имѣлъ терпѣнія выводить черты, какъ требо-

валось по правиламъ, и слова не успѣвали у него слѣдовать за мыслями. Почерка его ничто не можетъ быть безобразнѣе, а правописаніе было ему совершенно чуждо.

Особенное удовольствіе, по врожденному любопытству, доставляло ему разсматриваніе картинокъ, которыя издавна употреблялись для потѣхи царскихъ дѣтей,—а Петру послужили, вѣроятно, первымъ источникомъ полезнаго образованія. *Фряжскіе*, такъ-называемые *потѣшные*, листы покупались въ большомъ количествѣ для царевича, потѣшныя книги и тетради раскрашивались и расцвѣчивались въ дворцовыхъ мастерскихъ шафраномъ, веницейской ярью и бѣлилами, сусальнымъ золотомъ. На этихъ листахъ изображены были «грады, палаты, великіе корабли, бои, взятіе городовъ, разныя исторіи въ лицахъ».

Въ 1679 году живописецъ Карпъ Ивановъ написалъ царевичу на александрійскомъ листѣ красками и золотомъ двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные противъ того, какъ въ столовой въ подволокахъ написано.

Посредствомъ картинокъ познакомился ребенокъ и съ отечественной исторіей. Царица Наталья Кирилловна велѣла тогда же отдать царевичу разныя книги съ куншатами. Любопытный ребенокъ хотѣлъ знать все, обо всемъ разспрашивалъ, всякія объясненія на-лету хваталъ, учители и дядьки не успѣвали отвѣчать на требованія, съ которыми онъ безпрестанно приставалъ къ нимъ. Грамота грамотою, ученье ученьемъ, а дѣтскія игры шли своимъ чередомъ.

Въ началѣ 1682 года у хоромъ царевича была устроена площадка, на которой поставленъ потѣшный деревянный шатеръ и потѣшная изба. Это было нѣчто въ родѣ воинскаго стана. На площадкѣ стояли рогатки и потѣшныя пушки, изъ которыхъ стрѣляли деревянными ядрами, обтянутыми кожей.

Участниковъ въ военныхъ играхъ было много, судя по количеству требуемаго оружія, сукна на ихъ кафтаны, тафты на кушаки, и мѣховъ бѣличьихъ и собачьихъ на шапки. Это такъ-называемые въ окладныхъ книгахъ *робятки*, *спальники* и *стольники*, изъ дѣтей боярскихъ и родственниковъ царицы.

Такъ въ продолженіи первыхъ четырехъ лѣтъ царствованія Ѳедорова проходило время въ Преображенскомъ, гдѣ жила большею частью царица съ царевичемъ Петромъ и его сестрою.

(Тутъ, 27-го апрѣля 1682 г., болѣзненный царь Ѳедоръ, на двадцатомъ году отъ рожденія, скончался. Патріархъ, стоявшій на сторонѣ Нарышкиныхъ, благословилъ на царство малолѣтняго царевича Петра).

Матвѣеву въ тотъ же день было возвращено боярство, и отряженъ почетный чиновникъ, стольникъ Алмазовъ, пригласить его немедленно въ Москву, гдѣ новое правительство надѣялось найти въ немъ опытнаго руководителя и надежную подпору. Всѣ сосланные Нарышкины были возвращены, братья царицы и нѣкоторые родственники осыпаны наградами и милостями.

(Между тѣмъ враждебная юному царю партія Милославскихъ распускала въ стрѣлецкихъ слободахъ тревожные слухи, предсказывала перемѣны къ худшему, и стрѣльцы распалялись на Нарышкиныхъ).

15-го мая, съ ранняго утра стрѣльцы, вооруженные съ ногъ до головы копьями, бердышами, ружьями, начали собираться у своихъ церквей одновременно во всѣхъ противоположныхъ частяхъ города: за Москвою-рѣкой, за Яузой у Серпуховскихъ воротъ, передъ Мѣщанскими слободами. Они какъ будто ожидали условленнаго знака. И вотъ въ девятомъ часу дня посланцы Милославскихъ скачутъ верхомъ на лошадяхъ и кричатъ:

— Царевича Ивана задушили Нарышкины! Въ Кремль! Нарышкины хотятъ извести весь царскій домъ! Къ оружію! Казнить измѣнниковъ! Спасайте царя!

По всѣмъ улицамъ проскакали они съ этими криками. Произошло общее смятеніе. Ударили въ набатъ, забили тревогу въ барабаны, зазвонили въ колокола, привезено нѣсколько полковыхъ пушекъ. Изготовясь, стрѣльцы со всѣхъ сторонъ бросились съ распущенными знаменами въ Кремль, какъ бы на непріятеля.

Встрѣчные недоумѣвали, видя ихъ буйное движеніе, съ шумомъ, гамомъ и дикими воплями, и спрашивали, дрожа отъ страха, что̀ случилось.

— Идемъ выводить измѣнниковъ и губителей царскаго рода!—кричали они по улицамъ.

Большинство вѣрило отъ души, что царскому роду угрожаетъ опасность, что Нарышкины съ своими друзьями хотятъ захватить власть въ свои руки, и стрѣльцы должны спѣшить въ Кремль спасать отечество и казнить измѣнниковъ, ненавистныхъ бояръ.

Бояре сидѣли спокойно въ приказахъ, не подозрѣвая, что̀ дѣлается въ городѣ, и какая громовая туча

несется въ Кремль. Кончивъ дѣла около полудня, они собирались уже разъѣзжаться по дворамъ къ обѣду. Матвѣевъ сходитъ съ постельнаго крыльца по лѣстницѣ; навстрѣчу ему, увидѣлъ онъ, спѣшитъ снизу князь Ѳедоръ Семеновичъ Урусовъ... они сблизились. Тотъ, впопыхахъ, едва можетъ вымолвить:

— Стрѣльцы взбунтовались... всѣ полки... въ полномъ вооруженіи... идутъ они съ барабаннымъ боемъ въ Кремль.

Удивленный Матвѣевъ оборачивается назадъ и, вмѣстѣ съ Урусовымъ, бѣжитъ къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ предупредить...

Не успѣли они вымолвить слова, вслѣдъ за ними являются другіе вѣстники съ вѣстями, одна другой страшнѣе. «Стрѣльцы уже въ Бѣломъ городѣ... Они грозятся».

На Верху произошло общее замѣшательство. Никакой защиты въ Кремлѣ не было, и обороняться нечѣмъ. Велятъ запереть всѣ кремлевскія ворота, посылаютъ за патріархомъ, чтобъ онъ пришелъ къ царю и царицѣ немедленно. Намѣренія стрѣльцовъ неизвѣстны, но, судя по наружности, должно ожидать только худого.

Караульный офицеръ Григорій Горюшкинъ прибѣгаетъ съ донесеніемъ, что воротъ запереть не успѣли, стрѣльцы ворвались и разсыпались по Кремлю. Всѣ колымаги боярскія согнаны на Ивановскую площадь, на иныхъ убиты возчики или перераненны, у другихъ зарублены лошади. Никому нельзя уже было выѣхать изъ Кремля, ни пріѣхать въ Кремль.

Перепуганные бояре собираются всѣ, одинъ за другимъ, въ Грановитую Палату.

Стрѣльцы окружаютъ ее и останавливаются предъ Краснымъ крыльцомъ. Шумъ и гамъ, крики и вопли; едва разобрать можно слова:

— Гдѣ царевичъ Іоаннъ? Подайте намъ Нарышкиныхъ, Матвѣева! Смерть измѣнникамъ!

На общемъ совѣтѣ въ Грановитой Палатѣ рѣшено выслать къ стрѣльцамъ бояръ, которые спросили бы ихъ, чего имъ надобно. Бояре: князь Черкасскій, Хованскій, Голицынъ, Шереметевъ, выходятъ къ стрѣльцамъ и спрашиваютъ о причинѣ ихъ буйнаго появленія.

— Мы хотимъ казнить измѣнниковъ! — кричатъ стрѣльцы въ отвѣтъ.—Они погубили царевича. Замышляютъ извести царскій родъ... Дайте намъ Нарышкиныхъ, Матвѣева, Долгорукаго, Языкова, Ромодановскаго!

Когда высланные бояре принесли этотъ отвѣтъ, то отецъ царицынъ, Матвѣевъ и другіе подали совѣтъ, чтобы царицѣ Наталіи Кирилловнѣ выйти на Красное крыльцо и показать стрѣльцамъ царя и царевича.

Царица, трепещущая отъ страха, взявъ за руки сына и пасынка, въ сопровожденіи патріарха, бояръ и прочихъ сановниковъ, выходитъ на Красное крыльцо.

— Вотъ царь Петръ Алексѣевичъ, вотъ царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ,—провозглашаютъ громко бояре, пришедшіе съ царицей, и указываютъ на нихъ стрѣльцамъ;—милостію Божіей они здравствуютъ. Измѣнни-

ковъ въ государевомъ дому нѣтъ. Успокойтесь. Васъ обманули.

Стрѣльцы подставляютъ лѣстницы, влѣзаютъ наверхъ, на площадку, гдѣ стояло царское семейство имъ на показъ.

Подступая къ царевичу Іоанну, стрѣльцы спрашиваютъ:

— Ты ли царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ?

— Я,—отвѣчаетъ почти обезпамятѣвшій слабый молодой человѣкъ.

— Ты ли?—повторяютъ вопросъ другіе.

— Я, я!

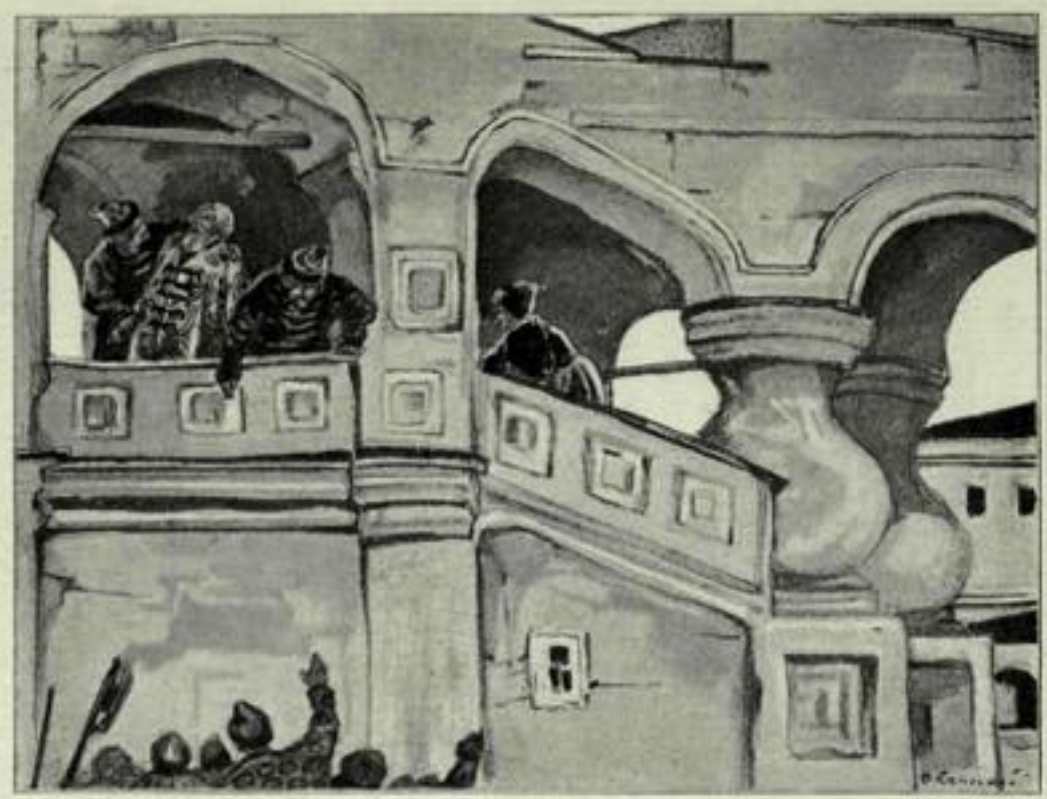
Русскіе послы разсказывали послѣ въ Голландіи, что ребенокъ Петръ во все это время нисколько не измѣнился въ лицѣ, не показывалъ страха.

Патріархъ хочетъ сойти внизъ съ крыльца для увѣщанія, но снизу раздается крикъ:

— Не надо намъ совѣтовъ, мы сами знаемъ, что намъ дѣлать!

Многіе бросились наверхъ мимо его.

Царица, видя ихъ «неуклонную дерзость и злое устремленіе», удалилась съ сыномъ и царевичемъ Иваномъ во внутренніе покои. Матвѣевъ, нѣкогда любимый начальникъ стрѣльцовъ, совѣтуетъ имъ повиниться и обѣщаетъ выпросить прощеніе у государя. Толковая, ласковая рѣчь подѣйствовала. Передніе стрѣльцы пріутихли. Видно было, что на нихъ находило раздумье. Въ серединѣ послышались толки, споры, переговоры; какъ будто водворялось лучшее настроеніе.

И болѣе дерзкіе схватили Долгорукаго за туловище.

Стало тише. Матвѣевъ поспѣшилъ наверхъ успокоить царицу. Между тѣмъ сверху выходитъ князь Михаилъ Алексѣевичъ Долгорукій, второй начальникъ стрѣлецкаго приказа. Полагая со словъ Матвѣева, что стрѣльцы смирились, онъ относится къ нимъ съ грубостію:

— Ступайте по домамъ! Здѣсь вамъ дѣлать нечего, полно буянить, все дѣло разберется безъ васъ.

Этими безвременными угрозами испорчено было хорошее впечатлѣніе, произведенное рѣчью Матвѣева во многихъ стрѣльцахъ, готовыхъ образумиться, а зачинщики сумѣли воспользоваться неудовольствіями.

— Вотъ слышите ли,—подхватили они,—что̀ ужъ говоритъ онъ; бояре всѣ такіе, надѣяться на нихъ нечего, они доканаютъ насъ. Надо раздѣлаться съ нимъ, братцы

И болѣе дерзкіе, пьяные, вскочили на крыльцо, другіе взбѣжали за ними, схватили Долгорукаго за туловище,—онъ былъ очень тученъ,—сбросили съ крыльца на площадь, восклицая: «любо ли?», а оставшіеся внизу стрѣльцы приняли его на копья, отвѣчая: «любо, любо!» и изрубили бердышами.

— Любо, любо!—раздалось въ толпѣ.

Это первое убійство послужило какъ будто знакомъ къ началу кровопролитія.

«И воздухъ въ тое время,—замѣчаетъ очевидецъ,—премѣнися тихости, и воздвижеся буря велія, и облака мрачныя народу вящшій страхъ дѣяша».

Убійцы, склоня копья, бросились въ покои, куда съ другой стороны набѣжали уже товарищи, подосланные

прежде зачинщиками справиться съ Матвѣевымъ. Онъ стоялъ въ сѣняхъ предъ Грановитой Палатой при царицѣ и ея сынѣ. Стрѣльцы кинулись на него. Царица хотѣла заслонить его собою, но напрасно. Они схватили старика; князь Черкасскій началъ отнимать у нихъ. Завязалась борьба. Кафтанъ на Черкасскомъ былъ весь изодранъ. Наконецъ вырвали они Матвѣева, несмотря на крики царицы, потащили на Красное крыльцо и съ кликами радости бросили на площадь противъ Благовѣщенскаго собора. Товарищи, стоявшіе внизу, приняли его на копья и разрубили на части.

Покончивъ съ Матвѣевымъ и Долгорукимъ, какъ бы не чувствуя ужъ никакой узды, разгорячаясь часъ отъ часу, стрѣльцы разсыпались по царскимъ покоямъ искать измѣнниковъ.

(Жертвами стрѣльцовъ въ этотъ и слѣдующіе два дня сдѣлались трое Нарышкиныхъ и еще нѣсколько бояръ, стольниковъ и другихъ приверженцевъ Петра).

Дѣтская душа Петрова въ продолженіе этихъ несчастныхъ трехъ дней получила такія глубокія впечатлѣнія, дѣтское сердце испытало такія сильныя ощущенія, прирожденныя страсти вызвались къ жизни съ такою силой, что онъ навсегда, кажется, остался подъ вліяніемъ этой грозы, пронесшейся надъ его головою, и многія позднѣйшія дѣйствія его носятъ явные слѣды потрясенія, произведеннаго ею во всемъ умственномъ и тѣлесномъ его организмѣ.

Мая 26-го, стрѣльцы, собравъ между собою подписку, предъявляютъ требованіе, чтобъ старшій царе-

вичъ Иванъ Алексѣевичъ царствовалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ Алексѣевичемъ, который долженъ при немъ считаться вторымъ, угрожая, если это не будетъ исполнено, прійти опять въ Кремль съ оружіемъ и учинить мятежъ велій. Бояре и дьяки, державшіе сторону Петра, присягаютъ поневолѣ второму царю, опасаясь возобновленія страшныхъ явленій 15-го мая. Еще чрезъ недѣлю стрѣльцы объявляютъ чрезъ своего новаго начальника, князя Хованскаго, чтобъ царевна Софія Алексѣевна приняла на себя управленіе государствомъ по причинѣ малолѣтства ея братьевъ. По усиленнымъ просьбамъ всѣхъ чиновъ, она изъявляетъ согласіе. Такимъ образомъ царевна Софія сдѣлалась правительницей государства.

Царица Наталія Кирилловна съ сыномъ, младшимъ царемъ, и дочерью, на первыхъ порахъ, оставлена была въ покоѣ. Десятилѣтній Петръ, находясь во все смутное время при матери, видѣлъ всякій день новое и необычайное, которое хватало за сердце его ближнихъ, а слѣдовательно и его самого. Между тѣмъ дѣтскій его почти возрастъ требовалъ свойственныхъ ему занятій.

Давно уже встосковался онъ по своимъ военнымъ потѣхамъ, задержаннымъ въ продолженіе несчастнаго 1682 года; душа его рвалась съ нетерпѣніемъ изъ противныхъ кремлевскихъ хоромъ на Преображенское поле, въ Сокольницкую рощу, къ своимъ любезнымъ робяткамъ—стрѣлять, бѣгать, маршировать, выкидывать артикулъ ружьемъ и бить въ барабанъ. И вотъ онъ начинаетъ заготовлять себѣ нужныя вещи для замышляемыхъ лѣтнихъ потѣхъ.

Въ день рожденія Петрова, мая 30-го, 1683 г., на Воробьевѣ сверкнулъ въ первый разъ и настоящій огонь: пушкарскаго приказа гранатнаго и огнестрѣльнаго дѣла русскими мастерами и учениками произведена была потѣшная огнестрѣльная стрѣльба подъ руководствомъ огнестрѣльнаго мастера Симона Зоммера.

Въ это время (въ іюлѣ) прибылъ въ Москву знаменитый путешественникъ Кемпферъ, имѣвшій почему-то царскую аудіенцію, и, благодаря ему, мы получаемъ нѣкоторое понятіе о наружности Петра въ его дѣтствѣ.

«Въ пріемной палатѣ,—разсказываетъ Кемпферъ,—обитой турецкими коврами, на двухъ серебряныхъ креслахъ, подъ святыми иконами, сидѣли оба царя, въ полномъ царскомъ одѣяніи, сіявшемъ драгоцѣнными каменьями. Старшій братъ, надвинувъ шапку на глаза, опустивъ глаза въ землю, никого не видя, сидѣлъ почти неподвижно; младшій смотрѣлъ на всѣхъ; лицо у него открытое, красивое, молодая кровь играла въ немъ, какъ только обращались къ нему съ рѣчью. Удивительная красота его поражала всѣхъ предстоявшихъ, а живость его приводила въ замѣшательство степенныхъ сановниковъ московскихъ. Когда посланникъ подалъ вѣрющую грамату, и оба царя должны были встать въ одно время, чтобы спросить о королевскомъ здоровьѣ, младшій Петръ не далъ времени дядькамъ приподнять себя и брата, какъ требовалось этикетомъ, стремительно вскочилъ съ своего мѣста, самъ приподнялъ царскую шапку и заговорилъ скороговоркой обычный привѣтъ:

«— Его королевское величество, братъ нашъ Каролусъ Свейскій, по здорову-ль?»

Петру было тогда съ небольшимъ одиннадцать лѣтъ; а Кемпферу онъ показался не менѣе, какъ шестнадцатилѣтнимъ.

Въ концѣ 1683 года, когда Петру пошелъ двѣнадцатый годъ уже на вторую половину, вздумалось ему составить себѣ въ Преображенскомъ особый полкъ, и, что̀ не менѣе затѣйливо и ново, вызвать охотниковъ для своей потѣшной службы. И вотъ, на зовъ его явился прежде всѣхъ, 30-го ноября 1683 года, придворный конюхъ, приставленный къ потѣшнымъ лошадямъ, Сергѣй Леонтьевъ Бухвостовъ, который и былъ записанъ первымъ солдатомъ будущаго полка.

Петръ такъ обрадовался первому своему солдату, что впослѣдствіи, ставъ императоромъ, велѣлъ славному художнику Растрелли вылить изъ металла его статую.

Примѣру Бухвостова послѣдовали другіе охотники изъ конюховъ и прочихъ придворныхъ служителей. Такимъ образомъ началъ мало-по-малу собираться потѣшный полкъ, Преображенскій, такъ называвшійся сперва въ нарицательномъ, какъ пребывавшій въ селѣ Преображенскомъ, а послѣ и въ собственномъ смыслѣ.

Петръ, потѣшаясь, задумалъ самъ служить, наравнѣ съ своими сверстниками въ этомъ любезномъ, родномъ своемъ полку: онъ принялъ на себя должность бомбардира.

1684 годъ долженъ былъ быть посвященъ солдатскому ученью. Число охотниковъ умножалось безпрерывно. Надо было завести порядокъ въ полку, учредить начальство, а кто же могъ пособить здѣсь, кромѣ

иностранцевъ, жителей сосѣдней Нѣмецкой слободы, съ которыми завелось знакомство и прежде.

И загремѣли въ Преображенскомъ барабаны, засвистѣли свистки, заиграли флейты, раздались клики: «слушай», «направо кругомъ», «лѣвое плечо впередъ», а Петръ слушалъ, сердце у него билось, и онъ, двѣнадцатилѣтній, видѣлъ уже въ себѣ полководца.

Въ 1685 году, когда Петру было уже тринадцать лѣтъ, явилась у него новая затѣя: построить въ Преображенскомъ, на берегу Яузы, большой потѣшный городокъ, чтобъ обучить вновь набранныхъ солдатъ осадному искусству, взятію приступомъ.

Закипѣла работа съ зимы, съ февраля мѣсяца наважи-вался лѣсъ, дубовый, сосновый, еловый, липовый, бревна, доски, тесницы, брусья, лубье, матеріалъ каменный и желѣзный.

Строеніе потѣшнаго городка, приспособленнаго къ осадѣ и оборонѣ, стрѣльба, пушечная и ружейная, разныя экзерциціи, нововымышляемыя иностранцами, подавали естественно поводъ Петру къ многоразличнымъ вопросамъ, и врожденное любопытство, отличительное его свойство, всегда живое, нетерпѣливое, горячее, возбуждалось безпрестанно и изощрялось. Оно замѣнило ему наставниковъ и руководителей, которыхъ по обстоятельствамъ имѣть онъ не могъ въ своей молодости, и сдѣлалось главнымъ источникомъ его образованія, обратясь со временемъ въ любознательность, всестороннюю и ненасытную...

[(Въ лѣто отъ перваго дни Адама 7211, по рождествѣ Іисуса] Христа 1703 *).

Мая 14-го. Царское величество изволилъ осматривать на взморьѣ устья Невы-рѣки и острововъ, и усмо-

*) Настоящее повѣствованіе неизвѣстнаго автора, очевидца, если не участника замѣчательнаго историческаго событія, извлечено Г. В. Есиповымъ изъ рукописи императорскаго Эрмитажа въ Петербургѣ и, помимо историческаго интереса, любопытно также какъ образецъ литературнаго слога начала XVIII столѣтія.

трѣлъ удобный островъ къ строенію города (оный островъ тогда былъ пустъ, обросши былъ лѣсомъ, а именовался Люистрандъ, т.-е. Веселый Островъ). Когда вшелъ на средину того острова, почувствовалъ шумъ въ воздухѣ,—усмотрѣлъ орла парящаго, и шумъ отъ паренія крылъ его былъ слышанъ; взявъ у солдата багинетъ *), вырѣзавъ два дерна, положилъ дерно на дерно крестообразно и сдѣлалъ крестъ изъ дерева и, водружая въ писанныя дерны, изволилъ говорить: «Во имя Іисуса Христа на семъ мѣстѣ будетъ церковь во имя верховныхъ апостоловъ Петра и Павла» (нынѣ на ономъ мѣстѣ каменная соборная церковь верховныхъ апостоловъ Петра и Павла). По довольно многомъ осмотрѣніи около острова, изволилъ перейти по плотамъ, стоящимъ въ протокѣ, который нынѣ межъ городомъ и кронверкомъ имѣетъ теченіе (въ ономъ протокѣ стояли въ плотахъ лѣса, заготовленные въ отпускъ въ Стокгольмъ); по прешествіи протока и сшествіи на островъ, который нынѣ именуется С.-Петербургомъ, изволилъ шествовать по берегу вверхъ Невы-рѣки и, взявъ топоръ, ссѣкъ кустъ ракитовый (на ономъ мѣстѣ нынѣ церковь Живоначальныя Троицы) и, мало отшедъ, ссѣкъ второй кустъ (нынѣ на ономъ мѣстѣ первый дворецъ), и, сѣвъ въ шлюпку, шествовалъ вверхъ Невою-рѣкою къ Канецкой **) крѣпости.

15-го. Изволилъ послать нѣсколько ротъ солдатъ,

*) *Багинетъ*—штыкъ.

**) *Канецкая* крѣпость, или *Канцы*,—взятая Петромъ шведская крѣпость *Ніеншанцъ* при сліяніи рѣчки Охты съ Невою.

повелѣвая берега онаго острова очистить, кусты вырубя, скласть въ кучи. При оной высѣчкѣ усмотрѣли гнѣздо орлово того острова въ деревѣ.

16-го. Т.-е. въ день Пятидесятницы, по Божественной литургіи, съ ликомъ святительскимъ, генералитетомъ и статскими чины, отъ Канецъ изволилъ шествовать на судахъ рѣкою Невою и, по прибытіи на островъ Люистрандъ, и по освященіи воды, и по прочтеніи молитвы на основаніе города, и по окропленіи святою водою, взялъ заступъ и первый началъ копать ровъ; тогда орелъ съ великимъ пареніемъ крылъ отъ высоты спустился и парилъ надъ онымъ островомъ. Царское величество, отшедъ мало, вырѣзалъ три дерна и изволилъ принести къ означенному мѣсту; въ то время зачатаго рва выкопано было земли около двухъ аршинъ глубиною, и въ немъ былъ поставленъ четыреугольный ящикъ, высѣченный изъ камня, и, по окропленіи того ящика святою водою, изволилъ поставить въ тотъ ящикъ ковчегъ золотой, въ немъ мощи святаго апостола Андрея Первозваннаго, и покрыть каменною покрышею, на которой вырѣзано было: «Отъ воплощенія Іисуса Христа 1703 Мая 16-го, основанъ царствующій градъ С.-Петербургъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, самодержцемъ Всероссійскимъ»; и изволилъ на покрышку того ящика полагать реченныя три дерна съ глаголомъ: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. Основанъ царствующій градъ С.-Петербургъ».

Тогда его царское величество отъ лика святитель-

скаго, генералитета и отъ всѣхъ тутъ бывшихъ поздравленъ былъ съ царствующимъ градомъ С.-Петербургомъ; царское величество всѣхъ поздравляющихъ изволилъ благодарить, при томъ была многая пушечная пальба. Орелъ видѣнъ былъ надъ онымъ островомъ парящій. Царское величество, отшедъ къ протоку, который теченіе имѣетъ между С.-Петербургомъ и кронверкомъ, по отслуженіи литургіи и окропленіи того мѣста святою водою, изволилъ обложить другой раскатъ; тогда была вторичная пушечная пальба, и между тѣми двумя раскатами изволилъ размѣрить, гдѣ быть воротамъ, велѣлъ пробить въ землѣ двѣ диры и вырубилъ двѣ березы тонкія, но длинныя, и вершины тѣхъ березъ свертѣлъ, а низы поставилъ въ пробитыя диры въ землю наподобіе воротъ, и когда первую березу въ землю утвердилъ, а другую поставилъ, тогда орелъ, спустясь отъ вышины, сѣлъ на оныхъ воротахъ; ефрейторомъ Одинцовымъ оный орелъ съ воротъ снятъ.

Царское величество о семъ добромъ предзнаменованіи весьма былъ обрадованъ: у орла перевязавъ ноги платкомъ и надѣвъ на руку перчатку, изволилъ посадить у себя на руку и повелѣлъ пѣть литію; по литіи и окропленіи воротъ святою водою была пушечная изъ пушекъ пальба, и изволилъ выдти въ оныя ворота, держа орла на рукѣ, и шедъ на яхту, шествовалъ въ домъ свой царской Канецкой; ликъ святительской и генералитетъ и статскіе чины были пожалованы столомъ; веселіе продолжалось до двухъ часовъ полуночи, при чемъ была многая пушечная пальба.

Оный орелъ былъ во дворцѣ по построеніи на Котлинѣ островѣ крѣпости святаго Александра, и отъ его царскаго величества въ оной Александровской крѣпости отданъ на гаубвахту съ назначеніемъ орлу комендантскаго званія (жители острова, который нынѣ именуется С.-Петербургскій, и близъ онаго по островамъ жившіе сказывали, будто оный орелъ былъ ручной, а житье его было на островѣ, на которомъ нынѣ С.-Петербургъ; выгружались по берегамъ рѣки Невы мачтовые и брусовые королевскіе лѣса, и караульными солдатами тѣхъ лѣсовъ оный орелъ былъ пріученъ къ рукамъ).

24-го. На острову, который нынѣ именуется С.-Петербургскій, царское величество повелѣлъ рубить лѣсъ и изволилъ обложить дворецъ. Генералъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ сынъ Меньшиковъ предлагалъ его царскому величеству въ Канецкихъ слободахъ отъ пожару многіе домы въ остаткѣ, строены по архитектурѣ изъ лѣсу брусоваго, не соизволитъ ли перевесть и построить дворецъ; царское величество изволилъ говорить: для того и велѣно на семъ мѣстѣ рубить лѣсъ, изъ того лѣсу строить дворецъ впредь для знанія, въ какой пустотѣ оный островъ былъ.

25-го. Около дворца по берегу рѣки Невы вверхъ и по Малой Невѣ внизъ повелѣлъ вырубить лѣсъ и мѣсто разровнять и прежнихъ служебъ боярамъ и прочимъ чинамъ поставить шатры и наметы, а С.-Петербургской крѣпости на обложенныхъ первыхъ двухъ раскатахъ поставить пушки, а свѣтлѣйшій князь Александръ Да-

ниловичъ Меньшиковъ на всѣхъ назначенныхъ мѣстахъ шести раскатовъ пушки поставилъ, и въ Шлюшенбургъ послалъ указъ, чтобъ 28-го числа двѣ шнявы и яхта въ 3-мъ часу пополудни подъ флагомъ и вымпеломъ пришли и С.-Петербургскую крѣпость пушечною пальбою поздравляли.

26-го. Дворца строеніе работа окончилась, и близъ онаго дворца поставлены были два великіе шатра персидской работы, изъ шелковыхъ богатыхъ матерій, полы были устланы коврами, и прочіе шатры и наметы были поставлены.

28-го. Царское величество съ ликомъ святительскимъ и съ генералитетомъ и статскими знатными чинами на 63-хъ судахъ изволилъ шествовать рѣкою Невою къ новопостроенному дворцу. По приближеніи къ крѣпости со всѣхъ шести раскатовъ поздравляемъ былъ пушечною пальбою; по вшествіи на островъ, на которомъ построенъ былъ дворецъ, изволилъ спрашивать свѣтлѣйшаго князя Меньшикова (оный князь Меньшиковъ былъ при ономъ дворцѣ) о пальбѣ съ шести раскатовъ С.-Петербургской крѣпости. Свѣтлѣйшій князь объявилъ, что въ прошедшей ночи на назначенныхъ всѣхъ раскатахъ С.-Петербургской крѣпости пушки поставлены; за сіе изволилъ благодарить. По вшествіи во дворецъ и освященіи водою, изволилъ наименовать островъ св. Петра, дворецъ Петергофъ (Петровъ домъ); отъ лика святительскаго въ благословеніе новаго дома поднесенъ былъ образъ Живоначальныя Троицы и хлѣбъ и соль, и отъ реченнаго свѣтлѣйшаго князя и прочихъ

хлѣбы и посуда золотая и серебряная, многія и дорогія вещи были принесены же. Царское величество изволилъ всѣхъ благодарить; тогда изъ С.-Петербургской крѣпости и стоящей при ономъ дворцѣ артиллеріи и со шнявы изъ пушекъ, и отъ гвардіи, стоящей въ парадѣ, изъ ружьевъ была троекратная пальба. Царское величество въ великомъ былъ обрадованіи, всѣхъ поздравляющихъ благодарилъ, жаловалъ къ рукѣ, а потомъ приказною водкою, и изволилъ сѣсть кушать съ ликомъ святительскимъ въ новомъ дворцѣ, потомъ изволилъ выдти и кушать въ шатрѣ съ генералитетомъ и статскими знатными чинами.

Пополудни, въ половинѣ 3-го часа, еще обѣдъ не отошелъ, двѣ шнявы и яхта шли Невою-рѣкою къ С.-Петербургу, украшенныя флагами и вымпелами, и, не дошедъ города, поздравляли С.-Петербургскую крѣпость пушечными выстрѣлами. Тогда свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ докладывалъ царскому величеству, что пришли отъ Шлиссельбурга двѣ шнявы и яхта и поздравляли его царское величество съ царствующимъ градомъ С.-Петербургомъ и новымъ домомъ; хотя царскому величеству и видимы были изъ шатра идущія двѣ шнявы и яхта, но изволилъ выдти на берегъ рѣки Невы и изволилъ говорить: «Генералъ-губернаторъ С.-Петербургскій, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ, много доволенъ я вашею службою», и, сѣвъ въ шлюпку, изволилъ шествовать на пришедшія шнявы и яхту, и съ двумя шнявами, которыя взяты были на взморьѣ 6-го мая; на ономъ флотѣ изволилъ шествовать мимо

С.-Петербургской крѣпости, съ которой поздравляемъ былъ многою пушечною пальбою; съ шнявъ и яхты благодарилъ пушечною же пальбою и, поставя флотъ на якорь, по вшествіи на берегъ, изволилъ войти въ шатеръ. Свѣтлѣйшій князь со всѣми бывшими тутъ поздравлялъ его царское величество съ новымъ флотомъ. Оное торжество продолжалось до 3-го часа пополуночи.

29-го. Оная С.-Петербургская крѣпость съ великимъ поспѣшеніемъ отправляема была работою, и въ 5 мѣсяцевъ земляная С.-Петербургская крѣпость работою окончена, и въ ней деревянная церковь во имя верховныхъ апостоловъ Петра и Павла построена и освящена, которая при окончаніи каменной Петропавловской церкви перенесена и поставлена при солдатской слободкѣ и нынѣ церковь во имя святаго апостола Матѳея.

Октября 1-го, то-есть въ день Покрова Богородицы, царское величество въ оную С.-Петербургскую крѣпость изволилъ имѣть торжественный входъ, и было освященіе града С.-Петербурга и хожденіе съ животворящими крестами по стѣнѣ города и кропленіе святою водою, и тотъ день изволилъ обложить и церковь Живоначальныя Троицы. По вшествіи царскаго величества въ С.-Петербургскую крѣпость и по освященіи града, была многая пушечная пальба, и изволилъ кушать въ оной крѣпости въ домѣ коменданта. Веселіе продолжалось до часу пополуночи, при чемъ была другая пушечная пальба съ крѣпости и изъ стоящихъ на Невѣ-рѣкѣ фрегата, 5-ти шнявъ и 8-ми яхтъ.

Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ или Всѣ заодно.

(Отрывокъ.)

(Четверо дворовыхъ людей костромской помѣщицы Варвары Сергѣевны Ландышевой: Иванъ, Ерема, Сергѣй и Андрюшка, не угодили ея баловню-сыну, недорослю Володѣ, и имъ „забрили лобъ". Вскорѣ, по указу царя Петра Алексѣевича, и самого Володю потребовали въ Питеръ для зачисленія на военную службу, но, какъ дворянина, въ гвардію. И Варвара Сергѣевна самолично повезла туда своего любимца, взявъ съ собой цѣлый штатъ прислуги обоего пола, въ томъ числѣ и горничную Домну, невѣсту сданнаго въ рекруты Ивана).

I.

На адмиралтейскую сторону по московской дорогѣ, или, лучше сказать, по новой просѣкѣ, составляющей нынѣ Гороховый проспектъ, тянулась вереница крытыхъ и некрытыхъ саней: лошади были всѣ рослыя, заводскія; но сбруя и одежда кучеровъ и сѣдоковъ представляли самый странный маскарадъ. У которой дѣвки была мѣховая шапка, у другой платокъ; иная сидѣла въ заячьей шубѣ, иная куталась въ одѣяло; на иномъ кучерѣ была большая шапка, съ смушками, а на рукахъ рукавицы, а у другого руки были въ онучьяхъ, а на головѣ оборвышъ-картузъ.

— Вотъ тебѣ и резиденція!—сказала Варвара Сергѣевна, приподымая войлочный пологъ на крытыхъ саняхъ свонхъ.—Чортъ знаетъ, что такое! Лѣсъ, а не улица!

И въ самомъ дѣлѣ, весьма въ немногихъ мѣстахъ по ту сторону Фонтанки торчали жилые дома: только однѣ палаты Шереметева да Аничкова слобода съ одной, а Калинкина съ другой стороны нѣсколько оживляли дикость береговъ знаменитой рѣчки.

— И куда ѣхать! Тутъ, я думаю, и постоялаго двора нигдѣ не отыщешь. Вотъ глушь! Господи прости! Архипъ, кликни казака Якима: на то его фискалъ приставилъ, чтобы дорогу указывалъ... Ну, указывай же, куда ѣхать,—прибавила Ландышева, обращаясь къ казаку.

— А я почемъ знаю. До Питера, чай, еще далеко;

Ну, указывай же, куда ехать.

а тутъ рѣка; спросить некого; вонъ тамъ что-то торчитъ; можетъ быть, и Питеръ; ступай на спускъ.

— Да какой же ты проводникъ, когда дороги не знаешь.

— Да я въ Питерѣ не бывалъ отродясь.

— А мнѣ какое дѣло. Указывай, да и полно!

— По мнѣ, пожалуй, ступай на спускъ!

Поѣхали; по сю сторону Фонтанки виды измѣнились. Во многихъ мѣстахъ, изъ-за деревьевъ, составлявшихъ перспективу, или по-нашему проспектъ, показывались красивые домики, голландской архитектуры, многіе и въ два жилья; навстрѣчу пріѣзжимъ гостямъ попадались безпрерывно разнаго рода мастеровые; чѣмъ ближе подъѣзжали къ адмиралтейству, тѣмъ больше встрѣчали людей и саней. А у нѣмецкихъ слободъ, что̀ нынѣ Морскія улицы, Варвара Сергѣевна съ удивленіемъ увидѣла три или четыре кареты, запряженныя цугомъ; кучера въ красныхъ, желтыхъ и голубыхъ кафтанахъ и треугольныхъ шляпахъ хлопали бичами; по всему лугу передъ адмиралтействомъ раскинуто было множество палатокъ, въ которыхъ торговцы продавали всякаго рода напитки и съѣстное.

— Ну, теперь, кажись, пріѣхали,—сказалъ казакъ.

— Да куда же мы пріѣхали!—неистово закричала Варвара Сергѣевна.—Вѣдь ты развѣ не видишь, что тутъ ярмарка стоитъ подъ крѣпостью, а Питербурхъ-то гдѣ? Ты, можетъ быть, насъ въ Свейское государство привезъ. Ни одного человѣческаго лица не видно. Все нѣмцы!

— А я почемъ знаю. Можетъ быть, и нѣмцы.

Варвара Сергѣевна не выдержала: отстегнула фартукъ, прикинула на спящаго Володю подушки, чтобы не простудился, и выскочила изъ саней.

— И спросить-то некого!—сказала Варвара Сергѣевна, оглядываясь.—Тутъ, я чай, и русскаго языка не слыхивали!

— Пироги горячіе!—закричалъ разносчикъ возлѣ.

— Ахъ, ты, Господи! Хоть одного земляка-то встрѣтила... и тотъ холопъ; дворянкѣ съ нимъ и говорить не приходится. Слышь ты, Архипъ, спроси-ка, далеко ли до Питербурха.

— Эй, малый!—зарычалъ кучеръ:—далеко ли до Питера?

— Да какова тебѣ еще Питера надо? А это развѣ не Питеръ?

— Ну, слава тебѣ, Господи! Архипъ, спроси, гдѣ тутъ постоялый дворъ!

Архипъ повторилъ вопросъ.

— Почтовый дворъ!

— Постоялый, Архипъ, слышишь, постоялый... Ужъ эти почты—смерть моя!

— Постоялый, говорятъ тебѣ.

— Ищи самъ, а мы не знаемъ.

— Грубіянъ! Вотъ какъ тутъ въ резиденціи за людьми смотрятъ! Не хочется будить Володю, а то бы онъ его изъ дѣтскихъ ручекъ да тросточкой. А энто, Архипъ, что̀ торчитъ такое направо?

— Не знаю.

— Дуракъ! Ты ничего не знаешь! Изъ ума и памяти выжилъ! Ефремычъ, ты чего сидишь, да въ кулаки дуешь! Твое дѣло разспрашивать.

— Энто что̀ такое?—спросилъ Ефремычъ у разносчика дрожащимъ голосомъ.

— Морская академія.

— Самъ ты морской тюлень!—сказала Варвара Сергѣевна, плюнувъ.—Видишь, какой! Вздумалъ меня дурачить! Скажи ему, Ефремычъ, пусть говоритъ толкомъ, а шутокъ я не люблю.

— Да кого тебѣ, сударыня, надо?—спросилъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, въ доброй шубѣ; народъ болѣе и болѣе скоплялся; гости возбудили любопытство почти всей площади.

— Какъ кого надо! Постоялаго двора, батюшка! Гдѣ же пристать? Слава Богу, мы, будетъ, тысячи двѣ верстъ проѣхали; двадцать ночей ночевали; мѣсяцъ въ дорогѣ, дитя у меня совсѣмъ истомилось: спитъ безъ просыпу! А еще резиденція! Что это, право! На смѣхъ дворянъ поднимаютъ! Поѣзжай да поѣзжай. Ну, вотъ мы и пріѣхали! Что̀ въ томъ толку? И пристать некуда!

— Помилуй, сударыня, да у насъ есть и почтовый дворъ, и австеріи.

— Нѣтъ ужъ, батюшка, лучше умру на морозѣ, а въ нѣмецкій домъ ни ногой!

— Есть у насъ и постоялые дворы, да для простого народа.

— Вотъ то-то и есть! Правду слухъ говоритъ: заморить хотятъ.

— Ну, а если не нравится, пристань, сударыня, на вольной квартирѣ.

— Это еще что за нѣмецкая выдумка! Нѣтъ дворовъ, подай мнѣ домъ; построй, коли нѣтъ.

— Есть у насъ и дома. Вотъ, примѣромъ сказать, я и свой въ наймы отпущу... Чай, помѣститесь.

— А что возьмешь на годъ?

— Сотни три.

— Дворянкѣ торговаться не приходится! Садись, батюшка, съ кучеромъ, да дорогу указывай.

— Пожалуй, да пусть только вотъ государь проѣдетъ съ масками... Эй, ты, кучеръ, поворотн къ сторонкѣ.

— Что ты городишь, батюшка? Самъ государь? И съ кѣмъ?

— Съ масками.

— А это что такое?

— Сама увидишь.

Не успѣлъ онъ сказать этого, какъ четыре непомѣрной толщины скорохода, медленно и съ натугой передвигая ноги, показались изъ-за угла морской академіи; народъ оставилъ маскарадный поѣздъ Варвары Сергѣевны и бросился къ адмиралтейской аллеѣ, расположенной вдоль всего вала отъ Кикинскихъ палатъ, или морской академіи, до Исаакіевской площади. За этими оригинальными скороходами показались одна за другою санныя линеи, то-есть сани, съ такимъ сидѣньемъ, на которомъ помѣщалось отъ десяти до пятнадцати персонъ въ рядъ. Въ первыхъ саняхъ сидѣлъ женихъ въ

полномъ кардинальскомъ костюмѣ. Народъ замахалъ шапками и закричалъ въ неистовомъ восторгѣ: «Князь Папа! Князь Папа!» За нимъ Кесарь Ромодановскій въ царедавыдовскомъ костюмѣ. Затѣмъ линея за линеей: государыня, обѣ царицы и царевна, кронъ-принцесса, принцессы, статсъ и гофъ-дамы въ разныхъ костюмахъ; потомъ всѣ придворные и государственные чины, иностранные послы, офицеры, доктора, секретари, дьяки и многіе другіе. Всѣ были въ разныхъ костюмахъ, какъ-то: въ китайскихъ, венецкихъ, скороходскихъ, арцибискупскихъ, турецкихъ, американскихъ, рыцарскихъ, докторскихъ красныхъ, матросскихъ, венгерскихъ, польскихъ, норвежскихъ, калмыцкихъ, китолововъ, шкиперскихъ, армянскихъ, японскихъ, прусскихъ почталіоновъ, егерскихъ, никонскихъ, тунгузскихъ, тиремарскихъ, гондулярскихъ, македонскихъ, бернардинскихъ и т. п. Нѣкоторые были одѣты въ золото, въ терлики, въ охабни, просто въ шубы, наконецъ въ шубы навыворотъ. Дамы держали въ рукахъ красныя дудочки, мужчины разно: барабаны, рылѣ (игра), дудочки, палки скороходовъ, удочки, рога, тарелки мѣдныя, цитры, скрыпицы, флейты, соловьевъ, урны, вилы, верхи отъ флейты, гудки, книги, трещотки, тулумбасы, набаты, сковороды, варганы, балалайки, тазы, перепелочныя дудочки, пикульки, собачьи свистки, почтовые и пастушьи рожки, гобои, трубы, колокольчики, ложки съ колокольчиками, свирѣли, пузыри съ горохомъ, хивинскіе горшки, сиповки, волынки, органныя трубы, литавры и проч. На всѣхъ этихъ инструментахъ произ-

водилась музыка, и если въ этомъ поѣздѣ былъ хотя одинъ музыкантъ, то, безъ сомнѣнія, въ тотъ день потерялъ вѣрную интонацію и навсегда оставилъ ремесло свое. Шумъ, стукъ и звонъ, какого ни съ чѣмъ сравнить невозможно. По милости скороходовъ, поѣздъ двигался чрезвычайно медленно. Варвара Сергѣевна совершенно забылась, крестилась, отплевывалась, закрывала то глаза, то уши, читала молитвы, словомъ, не знала, что̀ дѣлать, куда дѣваться. На бѣду, свадебная музыка, хотя не вдругъ, однако же разбудила Володю.

— Что̀ тамъ за чертовщина?—закричалъ онъ, разбрасывая подушки.

— Ничего, Володя, право, ничего; спи спокойно; это такъ въ ушахъ звенитъ.

Но увѣщанія Варвары Сергѣевны были напрасны; Володя уже выскочилъ изъ саней и помиралъ со смѣху, глядя на личины. Въ то же время передъ очами публики, стѣснившейся въ исходѣ перспективы, тогда, въ видѣ аллеи, доходившей до адмиралтейской дороги, медленно передвигались сани, или линеи, поѣзжанъ, также въ маскарадныхъ платьяхъ. Государь былъ одѣтъ матросомъ и, вѣроятно, изъ любопытства ѣхалъ стоя. Возлѣ саней, верхомъ, ѣхалъ Антонъ Самойловичъ Девіеръ, генералъ-полицмейстеръ, со многими нижними полицейскими чинами и казаками.

— Вотъ и государь,—сказалъ новый знакомецъ Ландышевой.

— Гдѣ, гдѣ? На лошади?

— Нѣтъ, въ саняхъ, что̀ стоитъ и народу кланяется.

Варвара Сергѣевна, схвативъ за руку Володю, упала наземь. Государь тотчасъ примѣтилъ это и сказалъ Девіеру:

— Поди, Антонъ, скажи тамъ пріѣзжимъ, чтобы указа держались. Когда я ихъ отучу отъ холопства!

Девіеръ протѣснился съ казаками и привѣтствовалъ Варвару Сергѣевну весьма грубо.

— Эй, ты, баба! чего ты въ снѣгъ повалилась? Государь приказалъ, *чтобы народъ ради его въ грязи не валялся*! Вставай!

— Ну, времячко!—сказала Варвара Сергѣевна:—на все про все неволя. И государю нельзя поклониться. Да гдѣ же ему и кланяться, коли не на улицѣ!

— Исполняй его волю,—сказалъ Девіеръ:—самый лучшій поклонъ; а ты наземь повалилась, а въ душонкѣ-то что...

— Да что ты, развѣ пророкъ!—оторопѣвъ, сказала Варвара Сергѣевна.

— Всѣ вы на одну стать; а кто ты, по одеждѣ да по дворнѣ узналъ. Здравствуй, Алексѣй Степанычъ,—продолжалъ Девіеръ, обратясь къ новому знакомцу Ландышевой.—Почему это ваше высокородіе не въ поѣздѣ?

— Не было наряду, ваше высокопревосходительство. Видно, государь забылъ.

— Такъ пожалуй, ваше высокородіе, ко второму часу въ Апраксинскія палаты къ обѣденному столу. А то мнѣ государь голову за тебя намоетъ.

— Да я не такъ-то здоровъ.

— И хорошо! У меня претекстъ будетъ, почему ты не въ явкѣ... Прощай, ваше высокородіе.

— Вашему высокопревосходительству всякаго веселія

Этотъ короткій разговоръ Девіера съ Алексѣемъ Степановичемъ привелъ въ новое недоумѣніе и замѣшательство Варвару Сергѣевну. Какъ же она такъ оплошала и не узнала, что этотъ человѣкъ такой высокой ранги и, по всему заключая, приближенный къ государю. Да еще его и на козлы съ кучеромъ сажала! Непростительно! И обычнымъ потокомъ полились извиненія.

— Батюшка, государь, не взыщи!—заключила Варвара Сергѣевна.—Вѣдь у тебя на лбу не написано, кто ты. Съ рожи я тебя приняла за купца аль богатаго мѣщанина, а ты Богъ знаетъ кто!

— Перестань, сударыня! У меня товаръ, у тебя деньги, вотъ и все тутъ. А церемоніи не наше дѣло. Мы люди служилые! занятые, сами отъ всего этого сторонимся. Садись, матушка, въ сани, а я по привычкѣ пѣшкомъ пойду; вотъ уже десятый годъ ѣзжу только на лодкѣ, а теперь зима, вездѣ путь... Поѣзжайте за мною.

Домъ Алексѣя Степановича Зыбина состоялъ на Васильевскомъ Острову, недалеко отъ Французской слободы. Построенный по новому образцу, въ два этажа, на каменномъ фундаментѣ, съ двумя флигелями (изъ коихъ въ одномъ жилъ холостой хозяинъ), онъ заключалъ въ себѣ всѣ удобства городской жизни. Несмотря на то, что по отстройкѣ онъ стоялъ еще впустѣ,

заботливый Зыбинъ тщательно его отапливалъ, и Варвара Сергѣевна бѣгала изъ комнаты въ комнату съ особеннымъ удовольствіемъ, распредѣляя, гдѣ быть большой палатѣ, гдѣ спальной, гдѣ образной и уборной, гдѣ Володѣ, гдѣ Ефремычу, гдѣ комнатнымъ дѣвкамъ. Кухня со всѣми принадлежностями была во флигелѣ. Между тѣмъ Володя ходилъ изъ комнаты въ комнату и дѣлалъ также распредѣленіе покоямъ по-своему. Изъ этого, какъ обыкновенно случалось, возникъ споръ, и, какъ обыкновенно, Володя остался побѣдителемъ. Между тѣмъ до поздняго вечера дѣвки и лакеи выгружали изъ саней всякую домашнюю рухлядь и разстанавливали по указаніямъ барыни и перестанавливали по приказаніямъ барина, который прежде всего повелѣлъ выгрузить погребецъ, копченые и соленые предметы и принялся обѣдать, на живую нитку...

II.

(Володю опредѣлили рядовымъ въ тотъ самый Ингерманландскій полкъ и въ ту же „артель", гдѣ состояли уже двое бывшихъ крѣпостныхъ его матери Иванъ и Ерема. За смертью ихъ „артельнаго" сержанта, солдаты должны были выбрать изъ своей среды баллотировкой новаго сержанта. Несмотря на то, что въ „артели" были два дворянина: Володя и нѣкій Конищинъ, выборъ палъ на Ивана).

...Полковникъ приказалъ его кликнуть и, собственноручно отдавъ ему сержантскую трость, приказалъ, не медля, вступить въ должность, не ожидая указа изъ коллегіи.

Можно себѣ представить, въ какую досаду приве-

дена была вся артель. Многіе плакали. Но Володя былъ совершенно счастливъ.

«То-то мнѣ пойдетъ житье!—думалъ онъ:—оно, правда, Коницынъ изъ дворянъ, да все-таки не покормишь, не напоишь, серчаетъ. А Ванька у меня держи ухо востро! Свой человѣкъ. Знатно!»

И, на радости, осушилъ послѣднюю флягу смородиновки. Въ это самое время вошелъ Иванъ.

— Смирно!—сказалъ онъ тихимъ, робкимъ голосомъ.

Всѣ засмѣялись. Иванъ смутился, взглянулъ на икону, перекрестился и сказалъ съ какою-то торжественностью:

— Богу и царю присягалъ я! Вы мнѣ не указъ! Смирно, говорю вамъ.

— Тише, Ванька!—закричалъ кто-то изъ солдатъ.—Мы тебя уймемъ.

— Вотъ я тебя уйму,—отвѣчалъ Иванъ, и палка обновилась и распространила ужасъ на всю артель.

— Въ пятомъ часу, на экзерциръ-плацъ, на ученіе!—сказалъ Иванъ и ушелъ...

Всѣ пристали къ Володѣ и просили его протекціи. Съ нахальнымъ смѣхомъ, лежа вверхъ брюхомъ, отвѣчалъ Володя кому: «хорошо», кому: «посмотримъ», кому: «что дашь?» и заснулъ въ чаду своего величія. Наступилъ и пятый часъ. Солдаты уходили на назначенное мѣсто; артель пустѣла. Послѣдній собрался на ученіе Коницынъ, взялъ ружье и сталъ будить Володю.

— Не замай,—закричалъ Володя:—спать хочу.

— Пора на ученіе!

— Такъ ступай, а за меня пусть Ванька ружьемъ артикулъ выбрасываетъ.

Перевернулся и заснулъ; Коницынъ ушелъ одинъ. Не прошло и пяти минутъ, Ерема разбудилъ Володю.

— Ступай, Володимеръ Степанычъ; сержантъ зоветъ.

— Ахъ, ты, лошадиная харя! Видно, я мало тебя въ конюхахъ билъ. Пошелъ!

Еремѣй пошелъ и воротился.

— Володимеръ Степанычъ, вставай! Сержантъ сердится.

— Смотри, чтобъ я не разсердился.

— Да онъ наказывалъ, чтобы я тебя, волей-неволей, на ученіе привелъ.

— Поди и скажи Ванькѣ, что я спать хочу.

— Баринъ! худо будетъ, какъ сержантъ самъ придетъ!

— Пускай попытается! Я ему рыло намозолю. Вонъ!

Пришелъ и сержантъ, и съ нимъ Ерема, да еще солдатъ.

— Володимеръ Степанычъ! Служба неволя—ступай.

— Ахъ, ты, холопъ окаянный! Съ кѣмъ ты разговариваешь?

— Съ тобою, баринъ! Прошу тебя, не доводи меня по артикулу поступить.

— Я тебѣ такой артикулъ задамъ, что за ушами затрещитъ!

— Видитъ Богъ, я не Иванъ, а сержантъ государевъ. По присягѣ пойду. Палкой подниму.

— Палкой!

Володя вскочилъ и размахнулся, по старой привычкѣ, весьма ловко, но сержантская трость — волшебный жезлъ!—такъ и пошла гулять по нѣжнымъ косточкамъ Володи. Сержантъ самъ зажмурился, а все бьетъ, да тузитъ, да приговариваетъ:

— Не могу, Володимеръ Степанычъ, видитъ Богъ, присягалъ! Не сердись, баринъ! Не я бью, служба бьетъ.

И трость продолжала ревностно нести службу. Стыдъ, униженіе и паче физическая боль одолѣла. Володя выскочилъ изъ артели и опрометью бросился бѣжать.

Варвара Сергѣевна только-что оздоровѣла и послѣ продолжительной болѣзни въ первый разъ вечеряла или полдничала,—не знаю, какъ правильнѣе назвать трапезу между обѣдомъ и ужиномъ. Передъ нею стояло большое блюдо оладій и кувшинъ квасу. Откусивъ лучшую по усмотрѣнію часть оладьи, остатки подавала она то карлицамъ, то собачонкѣ, въ очередь. Кошка сидѣла возлѣ Варвары Сергѣевны и весьма искусно лапой приближала къ себѣ какую-то отсталую оладью. Варвара Сергѣевна забавлялась. Вдругъ вбѣжалъ въ покой Володя безъ верхняго платья, даже безъ помочей, весь избитый, въ слезахъ, съ растрепанными волосами... Оладья выпала изъ рукъ Ландышевой; столъ, кошка, собачонка, карлицы,—все было опрокинуто.

— Что съ тобой, Володя!—закричала она.—Видно, морить уже стали! Разсказывай, разсказывай!

— Да зачѣмъ ты меня сюда привезла! Всему ты виновата. Не могла ты меня, гдѣ ни есть, спрятать? А еще мать! И не вступишься! Ванька, нашъ холопъ, меня бьетъ, а ты сидишь да оладьи убираешь. Коли ты ему глазъ не выцарапаешь, али на конюшнѣ не отдерешь, такъ я не сынъ тебѣ, слышишь—не сынъ! Я тебя изъ дому выгоню! Все мое! отцовское. Мнѣ твоего не нужно!

— Да какъ же это посмѣлъ Ванька?

— Да ужъ не умничай! Прибилъ! Погляди, синяки по всему тѣлу...

— Что ты, что ты, Володя? Красно маленько, да и полно... Да все-таки какъ онъ это на душу такой грѣхъ взялъ; вѣдь ему попъ на духу не отпуститъ!

— Да полно врать! Поди, жалуйся!

— Да кому я стану жаловаться? Видишь, тутъ *всѣ заодно* Развѣ къ государю?

— Ступай къ государю, куда хочешь, только мнѣ Ваньку уйми!

— Быть по-твоему! Пойду къ государю. Палашка, одѣваться!

Происшествіе, нами описанное, случилось на Вербной недѣлѣ Великаго поста. Государя не было въ резиденціи. Ожидали къ Страстной недѣлѣ. Затаивъ злобу, убѣжденная, что всѣ дѣйствуютъ заодно противу ея Володи, и потому скрывая свое намѣреніе, Варвара Сергѣевна приказала Ефремычу написать рапортъ въ полкъ, что Володя боленъ и потому остается у нея до выздоровленія. Но присланный для освидѣтельствованія полковой лѣкарь нашелъ больного весьма здоро-

вымъ и къ службѣ годнымъ и настоятельно требовалъ явки немедленно въ полкъ, угрожая судомъ и слѣдствіемъ. Нечего дѣлать! Ландышева отпустила сына со слезами, приговаривая:

— Что̀ будешь дѣлать съ этими разбойниками? Потерпи, Володя, до Страстной; только гляди, чтобы нехристи тебѣ какъ ни есть синяковъ не заговорили, а то и государю показать будетъ нечего.

III.

Государь пріѣхалъ. Скоро распространилась вѣсть о его прибытіи; Варвара Сергѣевна съ утра еще забралась на набережную Новаго Зимняго Дома и глядѣла пристально на второе съ угла окно, гдѣ была рабочая его величества. Кто-то поглядѣлъ въ окошко,—Ландышева отвѣсила земной поклонъ; привстала—никого не было. Опять кто-то показался ей у окна, и опять поклонъ Кланялась Ландышева, кланялась, да и выкланялась. Кто-то подошелъ къ ней сзади и, ударивъ по плечу, сказалъ ей ласково:

— Что̀ тебѣ нужно? Я здѣсь.

То былъ самъ государь. Онъ возвращался пѣшкомъ изъ адмиралтейства. Ландышева оторопѣла и бормотала несвязно:

— Ванька, государь, того, Володю изводитъ... дворянинъ...

— Успокойся,—сказалъ государь,—и разскажи толкомъ.

— Батюшка, надежа государь!—взвыла Ландышева:—не вели обижать моего Володю; мой же холопъ его бьетъ; я же тебѣ его на службу подарила, а онъ своего вотчинника до полусмерти убилъ.

— Да за что?

— Какъ за что, батюшка, надежа государь! А за то, что его, холопа, сержантомъ сдѣлали.

— А сынъ твой кто?

— Солдатомъ въ Гермалайскомъ полку! такъ фискалы указали.

— А какъ зовутъ твоего сына?

— Володей, батюшка, надежа государь, Володей.

— Фамилія?

— Не знаю, батюшка, надежа государь, не знаю.

— Прозвище?

— Ландышевъ. Только дай мнѣ съ окаяннымъ сержантомъ управу.

— Дамъ, дамъ!—сказалъ государь:—ступай за мной.

Ободренная ласкою государя, Варвара Сергѣевна шла бодро позади и говорила безъ умолку о нанесенной ей обидѣ. Государь вошелъ на крыльцо и оглянулся.

— Погода что-то хмурится,—сказалъ царь.

— Хмурится, надежа государь. Дождикъ будетъ, да, чай, къ празднику разгуляется. Еще недѣля съ днемъ; много воды уйдетъ; время будто на лыжахъ, не успѣешь коровай испечь, а ужъ и къ заутрени звонятъ. Такъ на свѣтѣ все, надежа государь.

Государь вошелъ въ сѣни. Ландышева за нимъ.

— Обожди здѣсь!—сказалъ государь и пошелъ наверхъ по дубовой лѣстницѣ.

Въ сѣняхъ швейцаръ его величества указалъ ей на скамью, но Ландышева отвѣчала:

— Ничего, батюшка, постоимъ, ноги у меня свои, лишь бы Ваньку мнѣ позволилъ государь на конюшнѣ отодрать.

Долго прождала Варвара Сергѣевна въ сѣняхъ царскихъ. Кого она тутъ не видала! И генералы, и статсъ- и гофъ-дамы, и царицы, и принцессы, какъ тѣни, мелькали предъ обаянною Ландышевой... Наконецъ и ноги и вниманіе Варвары Сергѣевны утомились.

— Послушай,—сказала она швейцару:—не знаю, какъ тебя величать, генераломъ или полковникомъ. Видно, государь про меня забылъ. Сходи-ка да напомни. Стоять прискучилось.

Швейцаръ въ отвѣтъ протянулъ табакерку и сказалъ:

— Пожалуй, понюхай! Новой выдѣлки табакъ.

Варвара Сергѣевна перекрестилась, отплюнулась и такъ громко чихнула, что швейцаръ сказалъ ей:

— Этакъ ты сама про себя докладываешь.

«Всѣ заодно!» подумала Ландышева и невольно пріунылa.

Вдругъ двери со двора отворились и вошли въ полной формѣ сержантъ Ивановъ и солдатъ Ландышевъ. Съ лѣстницы сбѣжалъ денщикъ и позвалъ всѣхъ троихъ къ государю.

Кабинетъ его величества былъ весь изъ дуба; столъ, полки, оконныя рамы, полъ, двери—все было дубовое.

На полкахъ много книгъ и бумагъ; на столѣ глобусъ и также книги и бумаги. Государь стоялъ у окна и читалъ какое-то письмо. Когда вошли наши знакомые, государь тотчасъ къ нимъ обратился и сказалъ ласково:

— А! это ты Ивановъ? За что̀ ты изволилъ бить этого Володю?

— За ослушаніе твоего указа!

— Какого?

Сержантъ разсказалъ все дѣло слово отъ слова. Простосердечіе, доброта и уваженіе къ службѣ весьма понравились Петру.

— Какъ же ты билъ его?—спросилъ государь.

— Какъ ты указалъ, государь...

— Да какъ же это; я что-то не помню!—сказалъ государь, улыбаясь, и кивнулъ Ивану рукой.

— Да вотъ ни дать, ни взять, такъ, ваше величество̀,—отвѣчалъ смѣтливый сержантъ, и палка возобновила свои похожденія по спинѣ Владиміра Степановича.

Государь разсмѣялся и сказалъ:

— А что же ты билъ, да не приговаривалъ?

— Приговаривалъ, ваше величество,—и снова принялся бить Володю, приговаривая:—Не ослушайся, Володимеръ Степанычъ. Прости, баринъ, не я бью, служба бьетъ. Вотъ такъ я билъ его, государь!

Володя въ ужасѣ пятился, но Варвара Сергѣевна завизжала на сто голосовъ.

— *Видишь, старуха,*—сказалъ государь,—*какой Ванька-то твой озорникъ: въ моемъ присутствіи не*

унимается; я совѣтую тебѣ поскорѣе отойти, дабы и тебѣ чего отъ него не досталось. За непослушаніе вездѣ бьютъ.

Государь ушелъ во внутренніе покои. Ландышева схватила сына и потащила вонъ изъ кабинета.

— Всѣ, всѣ заодно!—съ плачемъ говорила она, спускаясь съ лѣстницы.

Иванъ почтительно шелъ сзади, и когда всѣ трое очутились на улицѣ, Иванъ подошелъ къ Ландышевой и, поклонясь низко, сказалъ:

— Матушка барыня, госпожа моя милостивая, заставь вѣчно Богу за себя молить: отдай Домну!

— А не будешь бить Володю?

— Буду, матушка. Не я бью, служба бьетъ!

— Такъ не видать же тебѣ Домны, до смерти засѣку... Не будешь бить Володи...

— Буду, матушка. Не могу не бить. Онъ лѣнтяй, пьяница, игрокъ и ослушникъ. Буду бить, пока не исправлю: Богу и государю присягалъ... Прости, матушка, худо будетъ на томъ свѣтѣ намъ повстрѣчаться...

Сказавъ это, Ивановъ пошелъ своей дорогой.

— Ахъ, онъ холопъ!—сказала Ландышева, всплеснувъ руками.—Какъ будто и его на тотъ свѣтъ пустятъ. Видишь, въ сержанты попалъ, такъ ужъ и въ дворяне лѣзетъ!.. Постой же, за все про все вымещу на Домнѣ.

Варвара Сергѣевна застала у себя гостя. Алексѣй Степановичъ Зыбинъ ожидалъ ее съ царскимъ указомъ. Отвелъ хозяйку въ образную, сказалъ ей что-то, вы-

шелъ оттуда съ бумагой, кликнулъ Домну и сказалъ ей сухо:

— Вотъ тебѣ вольная! Живи у меня, пока Иванъ все къ свадьбѣ исправитъ!

Домна бросилась благодарить барыню, но Варвара Сергѣевна собственноручно вытолкала ее за двери, приговаривая:

— Вонъ, негодная! Не хочу держать тебя; языкъ у тебя отсохнетъ, сплетница! Ты моего сына въ солдаты отдала! Вонъ! вонъ! Знаю васъ! *Всѣ вы заодно*!.. *).

*) Еще о Петрѣ Великомъ см. въ разсказахъ: „Принцесса-узница" и „Два Демидова".

За наукой.

(Изъ повѣсти „М. В. Ломоносовъ").

Зима 1728 года на Руси была жестокая. Путешественники отмораживали себѣ лица, а волки безбоязненно приходили въ дерев-

ни распѣвать свои жалобы на голодъ. Замѣтливые люди увѣряли даже, что въ эту зиму птицы на-лету падали мертвыя и что ласточки густыми клубками скрывались на самомъ днѣ рѣкъ, гдѣ, видно, искали онѣ пріюта отъ холода. А рѣки? О, рѣки задымились рано, и скоро толстая кора льду покрыла ихъ. Русскіе люди, однакожъ, не боялись этого: они какъ будто рады были своей обычной гостьѣ, которая на полгода превращаетъ въ камень все окружающее ихъ. Русскій человѣкъ безъ зимы, точно какъ итальянецъ безъ огненнаго лѣта. Русскіе сѣверяне особенно любовались бѣлыми равнинами и проложили по нимъ свои любимыя зимнія дороги. По этому естественному шоссе они дѣятельно летали въ легкихъ кибиткахъ и терпѣливо двигались длинными обозами.

Въ одну лунную ночь, когда утренняя заря уже боролась со свѣтомъ потухавшаго спутника нашей старой земли, обозъ съ рыбою тянулся верстахъ въ семидесяти отъ Холмогоръ къ Москвѣ. Подлѣ одного изъ возовъ шелъ, припрыгивая и постукивая руками, закутанный въ овчинный тулупъ и въ поярковый армякъ обозный приказчикъ. Сдѣлавъ еще одно выразительное антраша, онъ повернулся къ шедшему подлѣ него извозчику и промолвилъ:

— Ну, братъ Тереха: жарко!

— Да, Пименъ Никитичъ, благодаренье Богу: морозецъ!

— Кажись, ужъ и деревня на виду?

— Версты три осталось еще, родимый.

— Видно, много нашего брата ѣдетъ этою зимой; смотри, сколько полозьевъ проѣхало послѣ вчерашняго снѣгу: разъ, два, три... Да что̀ это? Аль кто изъ вашихъ отсталъ?

— А что̀? кажись, кому быть!

— Да, видишь, позади насъ: такъ кто-то рысью и улепетываетъ.

— Нѣтъ, родимый, наши всѣ тутъ; не вѣдаю кто, а только не нашъ. Ванькъ! А что, яго того, ктой-тъ?

— Ай-та? — закричалъ вопросительно другой мужикъ, шедшій подлѣ задняго воза.—А что̀-йтъ?

— А вишь яго: кто-йта догоняйтъ?

— А Христосъ его зная!

Въ это время, то бѣгомъ, то шагомъ, приблизился къ самому обозу парень, лѣтъ семнадцати, пріятный наружностью, высокій, стройный и полуокоченѣвшій отъ холода, потому что онъ былъ одѣтъ въ одинъ нагольный тулупъ, совсѣмъ не по-дорожному. На головѣ его была ветхая шапка; на ногахъ, сверхъ онучъ, надѣты коты; онъ былъ даже не опоясанъ. Поравнявшись съ заднимъ возомъ, онъ пошелъ обыкновеннымъ шагомъ, и, какъ гусь въ чужомъ стадѣ, казалось, не смѣлъ ни къ кому обратиться. Пименъ Никитичъ оглянулся раза два, но видя, что отъ этого любопытству его не легче и что молодой человѣкъ не говоритъ ничего ни съ кѣмъ, остановился, и, дождавшись того воза, подлѣ котораго шелъ новый спутникъ, пошелъ съ нимъ рядомъ.

— А что̀, братъ, тебѣ надобно?—спросилъ онъ у молодого человѣка.

— Мнѣ? ничего.

— Какъ ничего! Да куда ты идешь?

— Коли ваша милость позволитъ, такъ иду въ Москву...

— Въ Москву! Да кто ты таковъ? откуда?

— Я—Денисовскій крестьянинъ. Вы, чай, и батюшку моего знаете.

— Денисовскій крестьянинъ? Мы третьяго дни изъ Денисовскаго. А какъ зовутъ отца твоего?

— Василій Ломоносовъ. Я видѣлъ, какъ вы нагружали рыбу въ нашей деревнѣ и съ батюшкой моимъ говорили.

— Ну, Василья Ломоносова я знаю. Да зачѣмъ же ты идешь въ Москву? и какъ дойдешь туда?

— Ваша милость! позвольте мнѣ итти подлѣ вашего обоза! Я вамъ буду служить дорогой и въ Москвѣ готовъ работать; только позвольте итти съ вами!

— Да ты, братъ, не рехнулся ли? Что тебѣ за надобность въ Москву? Отецъ, что-ли, послалъ? Только этому быть нельзя. Говори правду: зачѣмъ ты идешь въ Москву?

— Да... такъ... мнѣ хочется посмотрѣть Москву...

— Э, э, братъ! такъ ты, видно, безъ отцовскаго позволенія махнулъ? Ты убѣжалъ отъ отца?

— Сказать правду, такъ убѣжалъ... Но, право, я не за худымъ дѣломъ иду въ Москву.

— А кто тебя знаетъ! Безъ отцовскаго позволенія на добрыя дѣла не ходятъ. Вижу, братъ, я, что ты малый шалунъ, забулдыга. Дѣлать тебѣ въ Москвѣ нечего;

есть тамъ много вашей братьи. Воротись-ка добромъ къ отцу, а не то я тебя шурну инымъ порядкомъ.

— Ваша милость... не гоните меня! право, я заслужу вамъ!

— Пошелъ ты, негодяй, со своими услугами! Да что я за сумасшедшій, что возьму съ собой въ Москву бѣглаго мальчишку! Пошелъ!

— Ахъ, господинъ купецъ! право, я не какой-нибудь негодникъ!

Тутъ грозный приказчикъ хотѣлъ поворотить бѣднаго мальчика назадъ толчками, но, замѣтивъ у него подъ мышкой узелокъ, спросилъ:

— А это что у тебя подъ мышкой?

— Это?.. Да это я взялъ съ собой...

— Вижу, что ты это взялъ съ собой, а попросту сказать—укралъ!.. Да говори: что у тебя въ узелкѣ?

— Господинъ купецъ! Я не укралъ этого, потому что это столько же мое, какъ моя голова. Только голову дастъ человѣку Богъ, а это мнѣ отдали добрые люди.

— Ахъ ты, краснобай деревенскій! Видно, у тебя голова-то начинена такъ же, какъ этотъ узелъ. Да что въ немъ? Чья казна? Или изъ отцовскаго сундучка мошна?

У незнакомаго парня сверкнули въ глазахъ слезы. Видно было, что ихъ не морозъ выжалъ; горе стѣснило его дыханіе. Онъ остановился и былъ такъ изумленъ словами приказчика, что въ недоумѣніи глядѣлъ на него и не говорилъ ни слова.

Съ этими словами онъ зарыдалъ.

Казалось, это сдѣлало впечатлѣніе на допросчика, но, какъ человѣкъ опытный, Пименъ Никитичъ скрылъ свою тайную мысль и, также остановившись, вскричалъ на парня:

— Ну, не правду ли я говорилъ, что ты воришка? Что же ты оторопѣлъ?

— Не оторопѣлъ, а одурѣлъ отъ твоихъ словъ, господинъ купецъ... Я—воръ? Я укралъ деньги, казну?.. Господи Боже мой!

Съ этими словами онъ зарыдалъ и, бросивъ свой узелокъ къ ногамъ приказчика, сказалъ сквозь слезы:

— На, смотри, что я несу, и Богъ съ тобой! Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ: дойду и безъ тебя до Москвы.

Желая вполнѣ выдержать роль человѣка осторожнаго, Пименъ Никитичъ поднялъ узелокъ и, развернувъ его, пробормоталъ съ удивленіемъ:

— Что это? книги! Да на какой прахъ ты несешь въ Москву такую дрянь? Тамъ, братъ, не дадутъ гроша за это.

— Да я и не возьму за нихъ тысячи рублей! Эти книги мнѣ дороже всего твоего обоза... Тебѣ чудно это, господинъ купецъ? Видно, что милы онѣ мнѣ, когда я для нихъ-то оставилъ отца и родимую сторону...

— Чудно!—сказалъ Пименъ Никитичъ.—Ну, пойдемъ до первой упряжки, а тамъ увидимъ.

Хотя вся эта схватка приказчика съ незнакомымъ юношею кончилась въ немного минутъ, однакожъ возы ушли довольно далеко впередъ. Приказчикъ пошелъ за ними скорымъ шагомъ въ догонку, а молодой человѣкъ

сталъ завертывать въ узелокъ свои книги и невольно отсталъ отъ него. Вскорѣ однакожъ они опять поровнялись. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе; наконецъ приказчикъ заговорилъ снова:

— Теперь вижу я, что ты не таковъ, какъ думалъ я сначала; но я все-таки не догадаюсь: зачѣмъ ты идешь въ Москву?

Въ глазахъ юноши стало свѣтло, хоть и не весело.

— Не знаю и самъ,—отвѣчалъ онъ,—что со мной станется въ Москвѣ; но мнѣ тошно стало жить въ нашей нелюдной сторонѣ, гдѣ не съ кѣмъ поговорить, какъ бы мнѣ хотѣлось, и не у кого спросить, о чемъ бы подумалось. По этимъ книгамъ, которыя видѣла ваша милость, выучился я грамотѣ да ариѳметикѣ; хочется знать еще больше, а отъ кого и какъ узнаешь? Вотъ я и рѣшился итти въ Москву: тамъ, говорятъ, много людей ученыхъ, и есть училища для всякаго, кто вздумаетъ учиться. Заговаривалъ я объ этомъ отцу своему, да онъ никакъ не могъ смекнуть, чего я хочу, и еще началъ поносить книги и книгочіевъ. Я рѣшился убѣжать, когда увидѣлъ, что съ нимъ не сговоришь. Хочу въ Москвѣ учиться

— Я, дружокъ, самъ человѣкъ, не хвастовски сказать, грамотный,—отвѣчалъ Пименъ Никитичъ.—Спросилъ бы ты у меня, такъ я бы тебѣ далъ толкъ. Ну, да ужъ теперь поздно; видно, такова твоя часть. Все Богъ!

— Богъ меня и не оставитъ!—промолвилъ юноша съ робкою увѣренностью.—Позвольте же спросить вашу милость: гдѣ вы обучались?

— Какъ гдѣ?.. у людей... у духовныхъ. Гдѣ же еще нашему брату учиться? Да вѣдь и въ вашемъ селѣ есть дьячокъ; что же ты не учился у него?

— Я у него учился, да онъ, кромѣ церковной грамоты, ничего не знаетъ.

— А что же еще тебѣ надобно? Развѣ ты въ попы хочешь? или хочешь читать на нѣмецкихъ языкахъ?

— Да, мнѣ бы хотѣлось этого.

— О, о, дружище! такъ вотъ какой ты гусь!.. Взялъ бы тебя да отвалялъ хорошенько лозами, такъ дурь-то изъ головы и вышла бы. Въ нѣмецкіе языки пускаться!..

Послѣ такого объясненія, у молодого человѣка отпала охота разговаривать съ ученымъ его спутникомъ. Мальчикъ зналъ по опыту, до чего доводятъ съ подобными грамотѣями разговоры объ ученьи. Однакожъ спутникъ вызвалъ его на отвѣтъ, воскликнувъ:

— Вѣдь заберется же въ голову такая блажь, прости меня Господи! Мужикъ, охреянъ, задумалъ, въ ученые!..

— Я думаю, господинъ купецъ,—отвѣчалъ юноша,—что ученымъ никто не родится, а кто учится, да хорошо, такъ тотъ и будетъ ученый.

— Да тебѣ-то что до ученья? На то есть дворянскія дѣтки да поповичи. Однимъ надо быть грамотнымъ, чтобы читать приказныя бумаги да толковать государскіе законы, а другимъ, чтобы говорить проповѣди да знать, что поютъ и читаютъ. А тебѣ на что такая ученость?

— Да я не такой учености хочу...

Молодой человѣкъ не зналъ, какъ выразить свою

мысль, хотя очень понималъ, о чемъ говоритъ. Онъ поневолѣ остановился на неконченной рѣчи.

— Ну, что? то-то, братъ! зналъ бы ты отцовскій неводъ да счетъ въ рыбѣ! А деньгу-то сосчитать можно и безъ московскаго ученья.

Приказчикъ думалъ, что онъ своимъ сужденіемъ какъ громомъ поразилъ бѣднаго парня. Тотъ молчалъ и тѣмъ больше заставлялъ своего сопутника вѣрить, что въ словахъ его заключалась вся премудрость опытности.

Въ это время одинъ изъ возовъ закатился въ глубокій ухабъ: лошадь затаращилась съ нимъ, и вся эта нестройная громада съ трескомъ остановилась.

— Та-та, ай-та!—закричало нѣсколько голосовъ мужицкихъ со всѣхъ сторонъ.—Э-а-та, Терёхъ! Ванькъ!

Всѣ бросились подымать лошадь и вытаскивать возъ.

Пименъ Никитичъ, какъ человѣкъ, который хочетъ доказать свою философію на дѣлѣ, бросился, впрочемъ безъ всякой нужды, помогать другимъ, и тутъ же, крякхтя и крича, терся около воза. Онъ думалъ найти въ этомъ доказательство, какъ должно сохранять возы и заботиться о рыбѣ, и практически пояснить молодому безумцу, въ чемъ заключается мудрость жизни. Когда порядокъ былъ возстановленъ и возы пошли впередъ, онъ обернулся къ юношѣ, также помогавшему другимъ во время суматохи, и, отряхивая снѣгъ съ своего армяка, сказалъ:

— Вотъ, братъ! не пойдетъ на умъ ученость. А?

— Да, правда!—отвѣчалъ тотъ.

Безъ дальнѣйшихъ событій пріѣхали на мѣсто роздыха. Сѣверное нарѣчіе зашумѣло, когда извозчики, а съ ними и обозный приказчикъ, сѣли за столъ и начали работать за горячими щами. Новый сопутникъ ихъ, удалившись въ уголъ и вынувъ изъ кармана кусокъ самаго нероскошнаго хлѣба, хотѣлъ имъ пообѣдать. Добрая Русь не вытерпѣла этого. Одинъ изъ мужиковъ, котораго лицо уже горѣло, какъ на огнѣ, отъ множества проглоченныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ:

— А что жъ ты, родимый, не поѣшь съ нами? Садись-ко, благословясь!

Молодой человѣкъ раздумывалъ.

— Садись, голубчикъ, садись! Отъ хлѣба-соли не отнѣкиваются,—промолвилъ Пименъ Никитичъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоединился къ другимъ и не отсталъ отъ нихъ.

— Ну, вотъ, оно-тко и повеселѣе!—сказалъ одинъ изъ извозчиковъ, помолясь Богу и раскланиваясь со всѣми сѣнами.

— Да, вотъ, ребята!—началъ Пименъ Никитичъ.— Малый идетъ въ Москву, Христосъ его знаетъ зачѣмъ, а ѣсть у него нечего. Возьмемъ, что ли, его?

— Почто нѣтъ?—отвѣчалъ одинъ извозчикъ.

— Вѣстимо! пускай себѣ идетъ! — примолвилъ другой.

— Да я одинъ платить за него не буду,—поспѣшилъ сказать Пименъ Никитичъ.

— Ну, съ-обча заплатимъ!—проговорилъ еще одинъ извозчикъ.

— Съ артели заплатимъ!—примолвилъ другой.—Пожалуй, ты хоть и не плати.

— Нѣтъ, и я съ вами,—сказалъ приказчикъ.—Ну, вотъ... какъ тебя зовутъ, пріятель?..—продолжалъ онъ.

— Михайломъ,—отвѣчалъ юноша.

— Ну, вотъ, Михайло, теперь, пожалуй, иди съ нами. Только уговоръ лучше денегъ: въ Москвѣ, братъ, все дорого; тамъ ищи себѣ хлѣба, гдѣ хочешь. Мы тамъ за тебя не плательщики.

Михайло благодарилъ своихъ сопутниковъ, какъ умѣлъ... за благодѣяніе! Надобно знать, что деревенскій обѣдъ на десятерыхъ стоилъ тогда нѣсколько копеекъ; слѣдовательно, Михайло Ломоносовъ не могъ стоить сопутникамъ своимъ до Москвы болѣе немногихъ копеекъ. Но какъ важно было это въ его положеніи! Онъ, беззащитный, безпріютный бѣглецъ отеческаго дома, уже два дни не зналъ, до этой минуты, чѣмъ будетъ утолять свой голодъ. До Москвы надобно было итти мѣсяцъ! Денегъ не было у него нисколько. Кусокъ хлѣба, взятый имъ изъ дому и возбудившій въ его сопутникахъ состраданіе, былъ у него единственнымъ запасомъ. А теперь! Какъ ободрился онъ! Какія надежды и мечты заиграли въ его пламенной головѣ! Онъ воображалъ Москву раемъ, а людей, живущихъ въ ней, какими-то ангелами, которые примутъ его съ распростертыми объятіями, погладятъ по головкѣ за любовь къ ученью, или, по крайней мѣрѣ, не станутъ преслѣдовать, какъ грубые архангельскіе земляки.

Однообразное путешествіе нашихъ странствователей

не представляло больше ничего замѣчательнаго. Иногда, правда, падали возы, сбивались съ ногъ лошади, а провожатые ихъ часто отмораживали себѣ то щеки, то носы, однако, все это было въ томъ порядкѣ вещей, который и нынѣ, черезъ сто лѣтъ, повторяется безпрестанно въ сѣверныхъ сторонахъ. Обозные ѣхали, шумѣли, уставали, пили, ѣли такъ же, какъ и нынѣ дѣлаютъ все это другіе люди. Бѣглецъ юноша раздѣлялъ ихъ труды, заботы и успѣлъ заслужить пріязнь почти всѣхъ своихъ товарищей. Время шло по сказанному, какъ по писанному; день наставалъ и оканчивался. Напослѣдокъ, въ одно утро, солнце освѣтило для глазъ Михайлы Ломоносова златые верхи московскихъ церквей.

(Въ Москвѣ приказчикъ Пименъ Никитичъ познакомилъ Ломоносова со своимъ давнишнимъ знакомцемъ, монахомъ отцомъ Порфиріемъ).

Монахъ, задобренный пивомъ и медомъ и въ самомъ дѣлѣ склонный къ добру, невольно увлекся въ обѣщаніе стараться о помѣщеніи Ломоносова въ Заиконоспасское училище, одно изъ немногихъ учебныхъ заведеній, существовавшихъ тогда въ Москвѣ, находившееся въ зданіяхъ монастыря, къ которому принадлежалъ отецъ Порфирій.

...Монахъ повелъ Ломоносова черезъ монастырскій дворъ, въ комнаты ректора. Вступивши въ нихъ, онъ оставилъ молодого человѣка въ передней комнатѣ, а самъ пошелъ доложить о немъ.

Михайло былъ въ неизъяснимомъ восторгѣ, котораго даже нельзя назвать радостью: это было какое-то безотчетное, тревожное состояніе духа, когда человѣкъ

не знаетъ, что̀ именно ждетъ его, но чувствуетъ, что въ немного минутъ должна рѣшиться судьба его и рѣшиться къ лучшему. Онъ не замѣчалъ окружавшихъ его предметовъ, не имѣлъ никакого понятія объ училищѣ, о ректорѣ, и радовался только мыслію, что, наконецъ, онъ близко желанной мѣты своихъ давнихъ, безпрерывныхъ помышленій.

Скорыми шагами возвратился отецъ Порфирій и далъ ему знакъ слѣдовать за собой.

Прошедши еще одну комнату, они были передъ лицомъ ректора. Почтенный видомъ, пожилой человѣкъ сидѣлъ на софѣ, передъ раскрытою книгою, которую, повидимому, читалъ онъ незадолго. Поглядѣвъ съ минуту на Ломоносова, онъ началъ говорить:

— Ты пришелъ сюда учиться, какъ мнѣ сказывалъ отецъ Порфирій. Намѣреніе доброе, и я готовъ помочь тебѣ выполнить его. Но напередъ должно знать, изъ какого ты званія?

— Я—крестьянинъ...

— Ну, вотъ первое препятствіе!—сказалъ ректоръ, обратившись къ отцу Порфирію.

— Да, это правда,—отвѣчалъ тотъ.

— Скажи же, пожалуйста, ка̀къ это пришла тебѣ мысль приняться за ученіе? Кто внушилъ тебѣ охоту къ книгамъ?

— Этого я и сказать не умѣю,—отвѣчалъ Михайло.—Съ малыхъ лѣтъ выучился я церковной грамотѣ; перечиталъ всѣ книги, какія были у нашихъ духовныхъ; искалъ и старался добыть новыхъ, да нашелъ только

славянскую грамматику и ариѳметику; выучилъ и тѣ наизусть; да мнѣ еще хотѣлось знать...

Тутъ онъ остановился.

— Ну, что же?—спросилъ ректоръ.

Юноша не могъ продолжать далѣе: глаза его наполнились слезами, онъ задыхался отъ удерживаемыхъ рыданій.

— Что̀ съ тобой сдѣлалось? — спросилъ снова ректоръ.

Оправившись нѣсколько, Михайло продолжалъ:

— Я рѣшился бѣжать отъ отца... но, право, я ужъ много разъ послѣ видѣлъ самъ, что сдѣлалъ нехорошо... Можетъ быть, и ваше высокопреподобіе станете гнѣваться на меня... и потому я рѣшился прежде всего сказать вамъ объ этомъ. Накажите меня, но не отсылайте назадъ и позвольте учиться здѣсь!

Ректоръ не измѣнялъ своего важнаго вида; но опытный мужъ этотъ понялъ, изъ немногихъ словъ, и доброе сердце, добрыя правила бѣглеца, и жаркое стремленіе его къ наукѣ. Къ тому же, открытый, пріятный видъ и умные глаза молодого человѣка понравились ему. Онъ рѣшился принять его непремѣнно и хотѣлъ только не дать вида одобренія тому, чего въ самомъ дѣлѣ нельзя было похвалить.

— Послушай, молодой человѣкъ: не было ли другой какой-нибудь причины, которая заставила тебя уйти изъ отеческаго дома? Не сдѣлалъ ли ты какой-нибудь шалости?

— Ей-Богу, нѣтъ, ваше высокопреподобіе!—отвѣ-

чалъ простодушно Ломоносовъ, и страхъ лишиться благорасположенія ректора развязалъ ему языкъ.—Если было что-нибудь еще, такъ это моя мачеха, которая била меня за то, что я читалъ книги, наводила отца на разныя строгости и хотѣла, чтобы я женился; а я умеръ бы отъ этого! Мнѣ всегда хотѣлось знать и вѣдать то, что̀ вижу. Да у насъ же такая сторона, что чудеса на всякомъ шагу: и море, и зимы безъ солнца, а свѣтлыя, и лѣса непроходимые, а въ лѣсахъ сколько дивнаго!.. Человѣкъ не звѣрь, который живетъ только для того, чтобы пропитать себя. Ему надобно знать, что̀ для чего создано... А гдѣ я могъ научиться всему этому и узнать многое другое?.. Судите меня сами!..

— Ну, а если бы я велѣлъ тебѣ воротиться домой?..

— Ваше высокопреподобіе! неужели вы сдѣлаете это? А если сдѣлаете, такъ я убѣгу въ другой разъ и въ Холмогорахъ не останусь! Особливо теперь мнѣ тамъ и житья не будетъ.

— Но ты видишь, что мнѣ трудно принять тебя въ наше училище: во-первыхъ, потому, что ты бѣглецъ, а во-вторыхъ, потому, что у насъ не принимаютъ въ ученье крестьянскихъ дѣтей.

Ломоносовъ задумался. Не обращаясь ни къ кому, онъ произнесъ какъ будто невольно:

— Такъ неужели потому, что я родился крестьянскимъ сыномъ, мнѣ уже нельзя и учиться?

— Да, почти такъ,—примолвилъ ректоръ.—Однакожъ, я возьму тебя на свою отвѣтственность, если ты будешь уменъ, добръ, послушливъ. Въ тебѣ видна из-

лишняя горячка, молодой человѣкъ! А ты будешь подчиненъ людямъ, которые выше всего почитаютъ смиреніе.

— Я буду повиноваться всякому; только позвольте мнѣ учиться, ваше высокопреподобіе!

— Ну, скажи же мнѣ: ты знаешь церковную грамоту?

— Знаю и гражданскую.

— И гражданскую? А что еще знаешь ты?

— Службу церковную, уставы церковные, знаю еще ариѳметику Магницкаго.

— О, братецъ, да ты преученый человѣкъ!—сказалъ ректоръ, улыбнувшись.—Однакожъ у насъ не вѣрятъ сказанному; надо доказать слова свои на дѣлѣ. Ты долженъ выдержать экзаменъ.

— Не знаю, о чемъ вы говорите; но я готовъ на все.

— Отецъ Порфирій!—сказалъ ректоръ, обращаясь къ монаху:—ты можешь самъ сдѣлать это: проэкзаменуй его и потомъ передай Модесту Ипполитовичу.

Смиреннымъ поклономъ отвѣчалъ монахъ. А Ломоносовъ? Онъ не зналъ, къ Богу ли обратиться съ первымъ благодареніемъ, или къ покровительному ректору. Онъ не умѣлъ выразить восторга своего ни словами, ни движеніями; но если ректоръ умѣлъ читать языкъ души, выражаемый лицомъ, то, конечно, благодарность Ломоносова показалась ему краснорѣчивѣе всѣхъ благодарственныхъ рѣчей, читанныхъ имъ на латинскомъ языкѣ схоластиковъ.

На другой день, утромъ, отецъ Порфирій явился къ ректору и послѣ обычнаго привѣтствія сказалъ:

— Почитаю долгомъ извѣстить ваше высокопрепо-

добіе, что мальчикъ, мною представленный, оказался отлично-хорошимъ чтецомъ и во всѣхъ отвѣтахъ своихъ показалъ смѣтливость большую. Ариѳметику Магницкаго знаетъ онъ наизусть; грамматику Смотрицкаго тоже.

— Право?—съ довольнымъ видомъ произнесъ ректоръ.—Стало быть, видъ его не обманулъ меня. Да отчего же онъ знаетъ и грамматику и ариѳметику наизусть?

— Онъ говоритъ, что это были у него единственныя книги. Онъ все читалъ ихъ, до того, что наконецъ знаетъ наизусть.

— Чудно̀е дѣло!.. Надобно же пристроить его. Не знаю только ка̀къ... Поговорю съ префектомъ. А между тѣмъ, пусть онъ ходитъ въ латинскій классъ къ Модесту Ипполитовичу.

— А куда же прикажете помѣстить его? то-есть, въ какое отдѣленіе?

— Вотъ это опять вопросъ. Въ малолѣтные—странно, а съ большими будетъ обидно тѣмъ: вѣдь онъ еще ничего не знаетъ. Пусть однако живетъ съ малолѣтными.

— Онъ скоро догонитъ большихъ!

— Видно, что ты заступникъ за него, братъ Порфирій.

— Не отъ того слова мои. Вижу, что это младой орелъ, Богъ знаетъ какъ воскормленный между сѣверскими воронами; надобно только дать ему расправить крылья.

— У тебя всегда охота къ фигурѣ сравненія. Дай

же и мнѣ сказать, что орлу надобно высокое летаніе, а Богъ-вѣсть куда полетитъ этотъ орелъ, когда подрастутъ у него крылья! Намъ не орлы надобны, а домашнія птицы. Онѣ полезнѣе. Надобенъ и присмотръ за нимъ.

— Я беру это на себя,—сказалъ отецъ Порфирій.— Богъ не далъ мнѣ быть великимъ ученымъ, но зато далъ охоту къ добру. Я беру на себя присмотръ за Ломоносовымъ.

— Благословляю на доброе дѣло!—сказалъ ректоръ.

Итакъ, пламенный сынъ рыбака уже въ училищѣ!..

ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ.

(Изъ романа того же названія.)

(Въ послѣдній годъ царствованія императрицы Анны Іоанновны, страдавшей уже смертельною болѣзнью, на тогдашняго временщика, герцога Бирона, былъ поданъ доносъ. Доносчика, малоросса Горденко, герцогскіе конюхи обливали передъ манежемъ на морозѣ водой до тѣхъ поръ, пока несчастный весь не покрылся ледяной корой. На вопросъ подъѣхавшаго къ манежу, вмѣстѣ съ императрицей, Бирона: „что это такое?“—распоряжавшійся ужасной пыткой адъютантъ герцога Гросноръ отвѣчалъ, что конюхи-де для забавы вылили ледяную статую. Повѣривъ этому, Анна Іоанновна возымѣла мысль соорудить на Невѣ ледяной дворецъ съ ледяными же фигурами,—выполненіе чего и возложила на кабинетъ-министра Волынскаго, заклятаго врага Бирона. Гросноръ же, терзаемый угрызеніями совѣсти, лишилъ себя жизни).

Между адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, встало въ нѣсколько дней дивное зданіе, какого ни одна страна, кромѣ Россіи, не производила, и какое могъ только про-

известь суровый Сѣверъ нашъ съ помощью жестокой зимы 1740 года. Все зданіе было изъ воды. Фундаментъ клался изъ воды; стѣны, кровля, стекла, украшенія выводились изъ нея же; все спаивалось водою; вода принимала всѣ формы, какія угодно было затѣйливому воображенію дать ей. И когда солнце развернуло свои лучи на этомъ ледяномъ домѣ, онъ казался высѣченнымъ изъ одного куска сапфира, убраннаго фигурами изъ опала.

Современникъ этихъ ледовитыхъ затѣй, Крафтъ, оставилъ *для охотниковъ до натуральной науки* подробное описаніе дома. Не желая лишить Крафта достойной славы, предоставляю ему самому говорить на нѣмецкій ладъ о способѣ постройки, расположеніи и украшеніяхъ любопытнаго зданія.

«Самый чистый ледъ, наподобіе большихъ квадратныхъ плитъ, разрубали, архитектурными украшеніями убирали, циркулемъ и линейкою размѣривали; рычагами одну ледяную плиту на другую клали и каждый рядъ водою поливали, которая тотчасъ замерзала и вмѣсто крѣпкаго цементу служила. Такимъ образомъ чрезъ краткое время построенъ былъ домъ, который былъ длиною въ восемь саженъ, шириною въ двѣ сажени съ половиною, а вышиною вмѣстѣ съ кровлею въ три сажени.

«Напереди передъ домомъ стояло шесть ледяныхъ точеныхъ пушекъ, которыя имѣли колеса и станки ледяные жъ, что̀ и о всемъ послѣдующемъ разумѣть должно, развѣ что не ледяное случится, о чемъ именно упомянуто будетъ. Пушки величиною и размѣромъ противъ

мѣдныхъ трехфунтовыхъ сдѣланы и высверлены были. Изъ оныхъ пушекъ неоднократно стрѣляли; въ каковомъ случаѣ кладено въ нихъ пороху по четыре фунта, и притомъ посконное или желѣзное ядро заколачивали. (Такое ядро нѣкогда въ присутствіи всего императорскаго придворнаго штата въ разстояніи шестидесяти шаговъ доску толщиною въ два дюйма насквозь пробило.) Еще жъ стояли въ томъ же ряду съ пушками двѣ мортиры. Оныя сдѣланы были по размѣру мѣдныхъ мортиръ противъ двухпудовой бомбы *). Напослѣдокъ въ томъ же ряду у воротъ стояли два дельфина. Сіи дельфины помощію насосовъ огонь отъ зажженной нефти изъ челюстей выбрасывали, что̀ ночью пріятную потѣху представляло. Позади помянутаго ряду пушекъ и мортиръ сдѣланы были около всего дому изъ ледяныхъ балясъ изрядныя перила, между которыми, въ равномъ разстояніи, четвероугольные столбы стояли. Когда на оный домъ изъ близи смотрѣли, то съ удивленіемъ видна была вверху на кровлѣ четвероугольными столбами и точеными статуями украшенная галлерея, а надъ входомъ преизрядный фронтишпицъ, въ разныхъ мѣстахъ статуями украшенный. Самый домъ имѣлъ дверные и оконишные косяки, также и пилястры, выкрашенные краскою наподобіе зеленаго мрамора. Въ ономъ же домѣ находились крыльцо и двои двери; при входѣ были сѣни, а по обѣимъ сторонамъ покои безъ потолоку съ одною только крышею. Въ сѣняхъ было четыре окна, а въ каждомъ

*) Изъ которыхъ многократно бомбы бросали, при чемъ на зарядъ въ гнѣздо $^1/_4$ фунта пороху кладено.

покоѣ по пяти оконъ, въ которыхъ какъ рамки, такъ и стекла сдѣланы были изъ тонкаго чистаго льду. Ночью въ оныхъ окнахъ много свѣчъ горѣло, и почти на каждомъ окнѣ видны были на полотнѣ писанныя смѣшныя картины, при чемъ сіяніе, сквозь окна и стѣны проницающее, преизрядный и весьма удивительный видъ показывало. Въ перилахъ, кромѣ главнаго входа, находились еще двои стороннія ворота и на нихъ горшки съ цвѣтами и померанцовыми деревьями, а подлѣ нихъ простыя ледяныя деревья, имѣющія листья и вѣтви ледяныя-жъ, на которыхъ сидѣли птицы, что̀ все изрядным мастерствомъ сдѣлано было.

«Наружное, прочее сего дому украшеніе состояло въ слѣдующихъ вещахъ. На всякой сторонѣ, на пьедесталѣ съ фронтишпицомъ поставлено было по четырехугольной пирамидѣ. Помянутыя пирамиды внутри были пусты, которыя сзади отъ дому входъ имѣли. На каждой оныхъ сторонѣ высѣчено было по круглому окну, около которыхъ снаружи размалеванныя часовыя доски находились, а внутри осьмнугольный бумажный фонарь (со множествомъ зажженыхъ свѣчей) висѣлъ, у котораго на каждой сторонѣ всякія смѣшныя фигуры намалеваны были. Оный фонарь находившійся внутри потаенный человѣкъ вкругъ оборачивалъ, дабы сквозь каждое окно изъ помянутыхъ фигуръ одну за другою смотрѣли, видѣть могли. По правую сторону дома изображенъ былъ слонъ въ надлежащей его величинѣ, на которомъ сидѣлъ персіянинъ съ чеканомъ въ рукѣ, а подлѣ его два персіянина въ обыкновенной человѣческой величинѣ

стояли. Сей слонъ внутри былъ пустъ и такъ хитро сдѣланъ, что днемъ воду, вышиною въ двадцать четыре фута, пускалъ, которая изъ близъ находившагося канала адмиралтейской крѣпости трубами проведена была; а ночью, съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смотрящихъ, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того, могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, каковый голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ. Третіе, на лѣвой сторонѣ дома, по обыкновенію сѣверныхъ странъ, изольду построена была баня, которая, казалось, будто бы изъ простыхъ бревенъ сдѣлана была, и которую нѣсколько разъ топили, и дѣйствительно въ ней парились.

«Теперь посмотримъ, какимъ образомъ убраны были покои. Въ одномъ изъ нихъ, на одной половинѣ стоялъ уборный столъ, на которомъ находилось зеркало, нѣсколько шандаловъ со свѣчами, которыя, по ночамъ, будучи нефтью намазаны, горѣли, карманные часы и всякая посуда, а на стѣнѣ висѣло зеркало. На другой половинѣ видны были: преизрядная кровать съ завѣсомъ, постелью, подушками и одѣяломъ, двои туфли, два колпака, табуретъ и рѣзной работы комель, въ которомъ лежащія ледяныя дрова, нефтью намазанныя, многократно горѣли. Въ другомъ покоѣ, по лѣвую руку, стоялъ столъ, а на немъ лежали столовые часы, въ которыхъ находящіяся колеса сквозь свѣтлый ледъ видны были. Сверхъ сего, на столѣ въ разныхъ мѣстахъ лежали для игранія приморожденныя карты. Подлѣ стола по обѣимъ сторонамъ стояли рѣзной работы два долгіе стула, а въ углахъ двѣ статуи. По правую руку стоялъ рѣзной уголь-

ной поставецъ съ разными небольшими фигурами, а внутри онаго стояла точеная посуда, стаканы, рюмки и блюда съ кушаньемъ. Всѣ оныя вещи изо льду сдѣланы и приличными натуральными красками выкрашены были».

Назначенъ былъ государынею день для осмотра ледяного дому; ей пріятно было видѣть, какъ исполнили ея мысль, и—вмѣстѣ забыться хотя на нѣсколько минутъ отъ душевной и тѣлесной болѣзней, ее осаждавшихъ. А чтобы очарованіе зрѣлища было сильнѣе, положено было смотрѣть домъ ночью, при освѣщеніи.

Весь Петербургъ поднялся на ноги, или заставилъ двигаться ноги своихъ лошадей; со всѣхъ концовъ его тянулись нити пѣшеходовъ и ряды экипажей. Старики будто умылись живою водой, и, схвативъ въ охапку, бѣжали къ фокусу общаго любопытства; дѣти, вцѣпившись въ полу отцовскаго кафтана, влеклись за толпою. Оставались въ домахъ недвижный больной подъ прикладомъ смерти, или мать съ грудным младенцемъ, боявшаяся подвергнуть его опасностямъ народной тѣсноты, или слѣпецъ, которому воображеніе замѣняло и зодчихъ, и живописцевъ, и самыя чудеса природы; но и тѣ съ нетерпѣніемъ ожидали разсказовъ о чудномъ ледяномъ домѣ. Забыты нужды, голодъ, страхъ Бироновскаго имени и казни.

Выступивъ изъ мрака ночи съ своими огнями, ледяной домъ сіялъ металлическимъ блескомъ и далеко бросалъ отъ себя свѣтъ на луговую линію, очертивши имъ пестрый полукругъ лицъ и ногъ; площадь казалась вымощенною верхушками головъ. Нерѣдко усиленный

крикъ ледяного слона, или огненный фонтанъ, бившій изъ хобота его, или новая смѣшная фигура на окнахъ заставляли зрителей вторгаться за черту, заказанную слободскими десятскими и сотскими. Русскія остроты сыпались часто подъ русскою палкою.

— Посмотри, братецъ,—говорилъ одинъ:—на первой картинѣ нѣмецъ въ треугольной шляпенкѣ, въ изодранномъ кафтанишкѣ, худой, какъ спичка, бредетъ со скребницей и щеткой въ рукѣ, а на послѣдней картинѣ разжирѣлъ, аки боровъ; щеки у него словно пышки съ очага; ѣдетъ на бурой кобылкѣ, на золотомъ чепракѣ, и бьетъ всѣхъ направо и налѣво обухомъ.

— Эка простота!—возражалъ другой.—Тамъ входилъ онъ на Русь пѣшкомъ, а тутъ гуляетъ по ней верхомъ; тамъ, вишь, онъ чистилъ лошадку, а здѣсь ѣдетъ на чищенной.

— Ванька, а Ванька! это что за изба?—спрашивалъ одинъ.

— Баня,—былъ отвѣтъ.

— Для нашихъ парильщиковъ не тѣсненька ли, Семенъ Кондратьевичъ?—спрашивалъ третій.

— Напрасно и строить трудились,—примолвилъ четвертый:—у насъ въ Питерѣ на всякомъ мѣстѣ готова баня.

— Э, господинъ десятскій! поберегите для переду свой вѣничекъ; здѣсь, на морозѣ, не гоже поддавать пару...

— Ступайте мимо, господинъ сотской! видишь, мы-ста сами стоимъ впереди тысячи.

— Слышь? ледяной слонъ кричитъ!

— И камни вопіютъ во времена тяжкія,—произнесъ какой-то книжникъ важнымъ, поучительнымъ тономъ.

— Государыня, государыня!—закричали сотскіе,—и все замолкло благоговѣйною тишиной.

Заскрипѣлъ снѣгъ, тиснутый сотнями подковъ, зашипѣлъ онъ отъ множества подрѣзовъ; показался эскадронъ гусаръ и вслѣдъ за тѣмъ сани государынины, за коими тянулся рядъ экипажей. Изъ ледяного дома выступило нѣсколько придворныхъ на крыльцо, и впереди всѣхъ Волынскій. Когда сани поравнялись съ нимъ, онъ былъ подозванъ къ ея величеству. Она изволила милостиво разспрашивать его объ устройствѣ дома и смѣялась очень карикатурнымъ изображеніямъ, часто перемѣнявшимся на окнахъ. Кабинетъ-министръ давалъ замысловатыя объясненія. Вдругъ, при одной перемѣнѣ, кто-то за санями государыни вскричалъ съ сердцемъ:

— Глупость, достойная своего творца!.. Чрезвычайно глупо!..

Голосъ, произнесшій эти слова, былъ Бироновъ; нельзя было въ томъ ошибиться ни императрицѣ, ни окружавшимъ ее. Она вздрогнула отъ неожиданности ихъ, нахмурила брови и съ гнѣвомъ сказала:

— Не знаю, на чьей сторонѣ глупость!..

Это было первое важное, немилостивое обращеніе къ Бирону, которое она позволила себѣ съ тѣхъ поръ, какъ его знала. При этомъ обращеніи она взглянула назадъ; пылающій взоръ ея любимца, стоявшаго у ней на запяткахъ, дерзко встрѣтилъ ея взглядъ.

Задыхаясь отъ досады, государыня продолжала относиться къ кабинетъ-министру:

— Растолкуйте мнѣ, мой любезный Артемій Петровичъ, что̀ бы такое значили эти картины?

Онѣ не могли быть загадкою для посвященныхъ въ таинства Бироновыхъ продѣлокъ. На картинахъ представлено было: 1-е) сцена замораживанія Горденки, снятая какъ бы съ натуры; 2-е) сцена на Невѣ, гдѣ является привидѣніе, чтобы отнять ледяной трупъ у конюховъ; 3-е) маскарадные герои на Волковомъ полѣ, и 4-е) самоубійство Гроснота.

— Ваше величество,—отвѣчалъ Волынскій,—изволите, конечно, помнить, что, выѣзжая изъ манежа герцогскаго, замѣтили ледяную статую на маленькомъ дворѣ у конюшенъ его свѣтлости.

— Помню.

— Именно эта статуя подала вашему величеству мысль сдѣлать ледяной домъ, котораго быть строителемъ я удостоенъ вами. И потому я хотѣлъ сохранить въ картинѣ происшествіе, давшее ему начало. Настоящую ледяную статую я постарался достать и перенесъ въ одну изъ комнатъ, которыя буду имѣть счастіе вамъ показывать. Прочія картины—вымыселъ живописца.

— Очень благодарна за ваше намѣреніе, и если вы сдѣлали глупость, какъ угодно сказать *иному*, то я первая подала вамъ къ ней поводъ. Раздѣляю вмѣстѣ съ вами силу гнѣва его свѣтлости, хотя, впрочемъ, не понимаю причины ея.

Иронія замѣтна была въ самомъ голосѣ государыни.

— Время, конечно, объяснитъ, почему такъ не нравится его свѣтлости эта ледяная игрушка,—отвѣчалъ торжествующій Волынскій.

— Да, время!..—произнесъ Бирономъ, въ замѣшательствѣ не зная самъ, что̀ говоритъ. Онъ бормоталъ еще невнятныя слова, когда почувствовалъ, что кто-то сзади дергаетъ его за рукавъ шубы, и—остановился, чтобы посмотрѣть, кто осмѣлился быть такъ дерзкимъ. Блѣдное, вытянутое лицо, взоры, бросавшіе отъ себя фосфорическій блескъ, двигающіяся взадъ и впередъ орангутанговыя уши, поразили его. Это былъ Липманъ *). Осторожный Липманъ не придетъ безъ важной нужды тормошить его за санями государыни. Это подтверждаетъ и отчаяніе, выражающееся во всей его наружности, судорожно исковерканной. Бирономъ соскочилъ съ запятокъ и, на топотъ своего клеврета, исчезъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ будто потонулъ въ камскомъ мохѣ.

Государыня слышала, что герцогъ соскочилъ съ запятокъ... вздрогнула, испуганная и смущенная этимъ движеніемъ, предвѣщавшимъ что-то необыкновенное; склонила взоры и глубоко задумалась... Наступило мертвое молчаніе. Самый слонъ замолкъ. Сани ея не двигались; у саней—Волынскій, вокругъ—придворные кавалеры, впереди—эскадронъ гусаръ, сзади—множество экипажей, вдали толпы народныя стояли на одномъ мѣстѣ. Волшебное зрѣлище представляли тогда этотъ ледяной дворецъ, одинъ, посреди ночи, потѣшающій

*) Придворный банкиръ и шпіонъ-совѣтникъ Бирона.

огнями своими, эта царица, казалось, на вѣки усыпленная въ зимнемъ экипажѣ, эти кони, воины, дворъ, народъ около нея, на снѣжномъ полотнѣ, убѣленные морозомъ,—все это будто въ саванахъ, неподвижное, нѣмое, мертвое,—и вдали кругомъ мрачныя зданія, выглядывающія съ своими снѣжными лысинами изъ-за ограды этой сцены! Къ довершенію очарованія, стали носиться по воздуху полосы тумана, какъ бы невидимые духи устраивали надъ царицей дымчатый пологъ.

Но слонъ вскрикнулъ,—государыня встрепенулась, и все вновь ожило. Она велѣла тронуть сани, а Артемію Петровичу стать позади себя. Изволили разъ проѣхать мимо слона, возвратились назадъ и пожелали видѣть внутренность дома.

Между тѣмъ Бирон, разъяренный, рыскалъ въ немъ, предшествуемый однимъ Липманомъ.

— Не можетъ быть,—говорилъ онъ, пыхтя отъ злобы:—неужели они эту поганую штуку сыграли?.. Правда ли?.. Кто тебѣ далъ знать?

— Племянникъ!—отвѣчалъ Липманъ:—племянникъ не солжетъ... вы сами знаете...

— Гдѣ жъ?..

— Вотъ здѣсь...

Съ этимъ словомъ вошли они въ комнату, гдѣ стояли часы и лежали карты на столѣ. Съ одной стороны въ углу купидонъ, съ дубинкою на плечѣ, вытянулся какъ-бы на караулъ; съ другой стороны другой ледяной купидонъ, прислонясь къ окну, держалъ палецъ правой руки на губахъ, а лѣвой рукою предлагалъ рогъ

изобилія, желая, конечно, дать знать, что скромность доставляетъ богатство и прочіе дары фортуны. Тутъ, до сихъ поръ, не было ничего, что могло возбудить гнѣвъ его свѣтлости. Но въ переднемъ углубленіи, сдѣланномъ наподобіе стоячаго гроба, позади стола, выступилъ... человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ мертвеца, съ обледенѣлымъ хохломъ на темени, въ обледенѣлой рубашкѣ, босой... Онъ держалъ бумагу въ дрожащей рукѣ. Казалось, только-что облили его на морозѣ: струи еще слегка спадали съ ледяныхъ сборовъ его рубашки; по лицу его выступали капли предсмертнаго пота.

— Опять онъ!.. И вездѣ онъ!..—вскричалъ съ ужасомъ Бирономъ.

Какъ не ужасаться было ему! По сотнѣ душъ отправлялъ онъ ежегодно въ Елисейскія поля, и ни одинъ мученикъ не возвращался съ того свѣта, чтобы преслѣдовать его. А тутъ вездѣ за нимъ неотступно проклятый малороссіянинъ! Да дастъ ли онъ ему, въ самомъ дѣлѣ, покой? Странно! никого столько не боится Биронъ; на этомъ предметѣ скоро сведутъ его съ ума.

Онъ замахнулся тростью, чтобы ударить ненавистную фигуру, но та погрозила на него... Трость невольно опустилась, и ледяной потъ выступилъ на челѣ самого временщика. Съ минуту стоялъ онъ, дрожа отъ страха и гнѣва; потомъ, одумавшись, захохоталъ, вновь замахнулся въ ярости на мертвеца и... разбилъ ледяную статую вдребезги. Упали передъ нимъ маска и рука; эта, зацѣпившись за его шубу, казалось, не хотѣла пу-

стить его отъ себя. Липманъ съ трудомъ отодралъ ее; загнувшіеся концы проволоки, которая была въ нее вдѣлана, впились крѣпко въ бархатъ шубы. На мѣстѣ, откуда рука приводилась въ движеніе, осталось небольшое отверстіе съ Невской набережной.

Пока Бирономъ сбивалъ съ своей шубы куски льду, ее облѣпившіе, какъ-бы стиралъ брызги крови, наперсникъ его вырвалъ бумагу, подалъ ее, торопливо сталъ рыться въ кускахъ по полу, боясь, не скрывалось ли еще какой въ нихъ штуки. Бѣгло взглянулъ герцогъ на бумагу, на которой и прочелъ:

«Государыня! я, малороссійскій дворянинъ Горденко, живой замороженъ за то, что осмѣлился говорить правду; тысячи, подобно мнѣ, за нее измучены, и все по волѣ Бирона. Народъ твой страдаетъ. Допроси обо всемъ кабинетъ-министра Волынскаго, и облегчи тяжкую участь твоей Россіи, удаливъ отъ себя злодѣя и лицемѣра, всѣмъ ненавистнаго.»

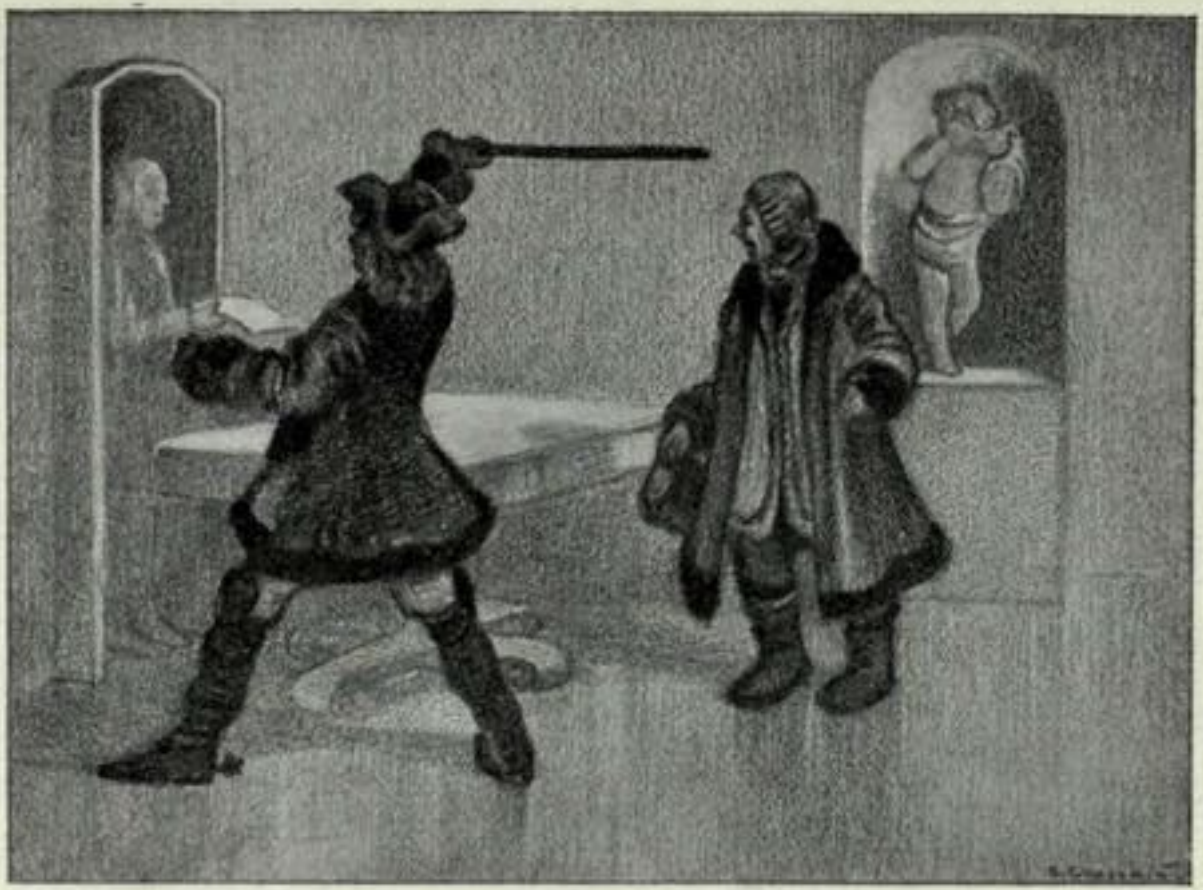
Судорожно скомкавъ бумагу—за пазуху ее, потомъ спросилъ торопливо:

— Куда мы это все?

Послышался шумъ позади ихъ... оба вздрогнули. Кто-то вошелъ,—это былъ Кульковскій *). Будто по чутью, онъ угадалъ, что нуженъ первому человѣку въ имперіи, и явился при немъ.

— Кстати, любезный!—сказалъ Бирономъ, обратясь къ пажику:—убери съ Липманомъ все это поскорѣе... куда

*) Преданный Бирону шутъ.

Онъ замахнулся палкой, чтобы ударить ненавистную фигуру.

хочешь... хоть въ свои карманы. По одной милости за каждый кусокъ!

Не дожидаясь окончанія рѣчи своего патрона, Кульковскій ну—убирать куски льду, то въ карманы, то за пазуху, то въ ротъ... Послѣднее дѣлалъ онъ единственно, чтобы показать, до какой степени онъ приверженъ къ первому человѣку въ имперіи. Онъ успѣлъ вынести въ два раза кучки льду за уголъ дома, спугнуть стоявшаго тамъ недоброжелателя, приводившаго въ движеніе статую, очистить мѣсто, гдѣ разбросанъ былъ ледъ, и, мокрый, прохваченный морозомъ, непримѣтно вмѣшаться въ свиту государыни, входившей въ ледяной домъ.

Государыня обошла весь домъ, во всѣхъ отдѣленіяхъ останавливалась и изволила разсматривать каждую вещь съ большимъ вниманіемъ (но не спрашивала уже объ ледяной статуѣ, какъ-будто боялась черезъ нее новаго оскорбленія...). За все благодарила Артемія Петровича въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и не только на немъ, но и на друзьяхъ его старалась показать свое отличное къ нему благоволеніе. Партія Волынскаго торжествовала.

Когда императрица вышла изъ дому, густой туманъ налегъ на землю такъ, что за нѣсколько шаговъ нельзя было ничего видѣть. По временамъ мелькали—то голова лошадиная, то хвостъ, то воинъ, плывущій будто по воздуху, то сани безъ коней, несущіяся какъ бы волшебною силою, то палашъ, мгновенно змѣйкою блеснувшій. Большія огненныя пятна (отъ свѣту изъ до-

мовъ), какъ страшныя очи привидѣнія, стояли въ воздухѣ; по разнымъ мѣстамъ мелькали блудящіе огоньки (отъ ходившихъ съ фонарями). Невидимыя лошади фыркали и ржали; невидимые бичи хлопали. Подаваемыя къ разъѣзду сани во мглѣ тумана сцѣплялись съ санями; несли лошади, испуганныя и застоявшіяся на морозѣ. Суета полиціи, крикъ кучеровъ, стонъ задавленныхъ, трескъ экипажей представляли совершенный хаосъ.

— Боже! что это?.. Господи помилуй!—сказала испуганная императрица, крестясь; обратилась назадъ, искала кого-то смутными глазами, силилась закричать: «Артемій Петровичъ, вырвите меня изъ этого ада!», но произнесла эти слова осипшимъ отъ страха голосомъ...

Переворотъ 25 ноября 1741 года.

(Изъ повѣсти „Два регентства".)

(Императрица Анна Іоанновна, не имѣя прямыхъ потомковъ, вызвала къ себѣ изъ-за границы свою малолѣтнюю родную племянницу, принцессу Анну Леопольдовну, дочь своей старшей сестры, Екатерины Іоанновны, герцогини мекленбургъ-шверинской, а восемь лѣтъ спустя, 3-го іюля 1739 г., насильно выдала ее замужъ за принца брауншвейгскаго Антона-Ульриха, недалекаго, некрасиваго и косноязычнаго. Родившійся отъ этого брака, 12-го августа 1740 г., сынъ Іоаннъ Антоновичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ россійскаго престола, а по кончинѣ Анны Іоанновны, 18-го октября того же года, былъ провозглашенъ и императоромъ. За его малолѣтствомъ регентство захватилъ-было временщикъ герцогъ Биронъ.

Но уже три недѣли спустя онъ былъ устраненъ, и правительницей сдѣлалась Анна Леопольдовна именемъ ея сына. Добросердечная, но мечтательная и слабовольная, принцесса эта ни мало не была приготовлена для своего отвѣтственнаго положенія. Чуждаясь государственныхъ дѣлъ, она цѣлые дни проводила, лежа на диванѣ, за чтеніемъ рыцарскихъ романовъ и въ романтическихъ бесѣдахъ съ своей неразлучной фрейлиной баронессой Юліаной Менгденъ. Идеальнымъ „рыцаремъ" представлялся ей саксонскій посланникъ, графъ Морицъ Линаръ. Чтобы прикрѣпить его къ своему Двору, она рѣшилась женить его на своей любимицѣ Юліанѣ. Но, еще до осуществленія этого плана, совершился государственный переворотъ: при ближайшемъ содѣйствіи своихъ приверженцевъ: камеръ-юнкеровъ Воронцова, двухъ братьевъ Шуваловыхъ и лейбъ-хирурга Лестока, дочь Петра Великаго, молодая цесаревна Елисавета Петровна, 25-го ноября 1741 года, провозгласила себя императрицей).

Въ 12-мъ часу ночи (на 25-ое ноября) во дворецъ цесаревны явились посвященные въ дѣло Воронцовымъ семь человѣкъ преображенцевъ изъ гренадерской роты, т.-е. самыхъ рослыхъ молодцовъ цѣлаго полка. Выйдя къ нимъ, Елисавета обратилась къ выступившему впередъ сержанту:

— А! это ты, Грюнштейнъ? *) Что же вамъ, дѣти мои, нужно?

— А мы за тобой, матушка,—отвѣчалъ Грюнштейнъ.—Собирайся! Время дорого.

Несмотря на принятое уже раньше рѣшеніе, цесаревну взяло опять какъ-будто раздумье.

— Чего тутъ, матушка, еще раздумывать!—настаи-

*) Грюнштейнъ, саксонскій уроженецъ, сынъ крещенаго еврея, прибылъ въ Россію восемнадцатилѣтнимъ юношей, нажилъ себѣ торговлей нѣкоторый капиталъ и отправился торговать въ Персію. Спустя одиннадцать лѣтъ, возвращаясь въ Россію, онъ по-пути былъ дочиста ограбленъ; поступилъ тогда рядовымъ въ Преображенскій полкъ, принялъ православіе и дослужился до сержанта.

валъ бравый сержантъ.—Не пойдешь доброй волей, такъ вѣдь мы уведемъ тебя силой!

— Да что-то страшно мнѣ...

— Съ нами тебѣ чего страшиться? Мы за тебя, матушка, рады наши головы сложить!—въ одинъ голосъ увѣрили всѣ семь человѣкъ.

Цесаревна была растрогана.

— Обождите тутъ минутку,—сказала она и вышла вонъ, чтобы помолиться у себя передъ образомъ Спасителя.

Какъ узнали впослѣдствіи ея приближенные, она дала себѣ при этомъ клятвенное обѣщаніе никогда въ жизни не подписывать смертнаго приговора.

Окончивъ молитву, она взяла крестъ и вышла опять къ ожидавшимъ ее гренадерамъ.

— Поклянитесь мнѣ, дѣти мои, на семъ крестѣ, что будете служить мнѣ вѣрой и правдой.

Тѣ поочередно приложились ко кресту, повторяя одинъ за другимъ:

— Клянусь!

— Когда Богъ явитъ Свою милость намъ и всей Россіи, я не забуду вашей вѣрности,—сказала Елисавета.—А теперь ступайте и соберите роту во всей готовности и тихости, чтобы не было алярма. Сама я немѣшкотно за вами пріѣду.

Во второмъ часу ночи, къ елисаветинскому дворцу на Милліонной изъ-за угла, со стороны Царицына луга, подъѣхали парныя сани, въ которыхъ сидѣлъ Воронцовъ. У подъѣзда ожидали уже другія парныя сани.

Воронцовъ вошелъ во дворецъ, а немного погодя оттуда показалась цесаревна съ немногими приближенными. Въ первыя сани сѣла сама Елисавета вмѣстѣ съ Лестокомъ; на запятки вскочили Воронцовъ и одинъ изъ братьевъ Шуваловыхъ.

— На Кирочную къ Преображенскимъ казармамъ!— вполголоса приказалъ Воронцовъ кучеру,—и сани полетѣли.

Другія сани съ остальной свитой понеслись за ними.

Вотъ и Преображенскія казармы, состоявшія тогда изъ нѣсколькихъ деревянныхъ строеній. У главнаго зданія, въ ожиданіи своей «матушки», стояла толпа гренадеръ. Въ числѣ ихъ былъ и барабанщикъ. Завидѣвъ «матушку», онъ забилъ-было тревогу. Лестокъ выскочилъ изъ саней и кинжаломъ перерѣзалъ кожу на его барабанѣ. Часть гренадеровъ разбѣжалась по сосѣднимъ домамъ сзывать товарищей, а остальные, ликуя, проводили цесаревну къ себѣ въ казармы.

Офицерство Преображенскаго полка, не имѣя казенныхъ квартиръ, жило по частнымъ домамъ въ центрѣ города, въ казармахъ же дежурило по очереди. Въ эту ночь единственный дежурный офицеръ спалъ въ дежурной комнатѣ главнаго зданія сюмъ праведныхъ, ничего не чая, почему въ столовую этого зданія, куда вошла цесаревна, стеклись одни нижніе чины.

Когда съ нея сняли шубу, она оказалась въ латахъ, а рука ея опиралась на трость, какъ на саблю. Поводя кругомъ орлинымъ взоромъ, она спросила:

— Ребята! вы знаете, чья я дочь?

— Ребята! вы знаете, чья я дочь?

Въ отвѣтъ загудѣлъ хоръ голосовъ:

— Какъ не знать, матушка! Ты—родная дочь незабвеннаго царя Петра Алексѣевича.

— Такъ вы всѣ идете со мною?

— Всѣ идемъ, матушка! Веди насъ противъ твоихъ недруговъ,—мы всѣхъ ихъ перебьемъ!

Въ голосѣ и чертахъ лица воспламененныхъ воиновъ было столько неистоваго звѣрства, что въ искренности ихъ намѣренія «перебить недруговъ» нельзя было сомнѣваться.

— Если вы такъ жестоки, то я не пойду съ вами,— объявила цесаревна.—Убивать я никого не позволю. Но буде вамъ самимъ пришлось бы умереть, готовы ли вы отдать жизнь за меня?

— Готовы, матушка, всѣ готовы!

— Помолимся же вмѣстѣ Богу, чтобы Онъ не отвернулся отъ насъ.

Всѣ, по ея примѣру, опустились на колѣни. Поцѣловавъ бывшій у нея крестъ, она дала торжественную клятву:

— Клянусь передъ Всевышнимъ Богомъ умереть за васъ! Клянетесь ли вы точно такъ же умереть за меня?

— Клянемся!—былъ единодушный отвѣтъ.

— Идемъ же, и пусть каждый изъ насъ думаетъ лишь о томъ, что дѣлаетъ это для счастья своего отечества.

Поднялся такой шумный радостный гомонъ, что проснулся, наконецъ, и безмятежно-спавшій рядомъ въ дежурной комнатѣ молодой офицеръ. Протеревъ глаза,

онъ вбѣжалъ къ своимъ подчиненнымъ съ обнаженной шпагой. Но, при видѣ цесаревны, онъ остановился какъ вкопанный.

— Вы, сударь, арестованы,—объявилъ ему Воронцовъ, отнимая у него шпагу.—Извольте возвратиться въ дежурную и не выходите оттуда, пока васъ не выпустятъ изъ-подъ ареста.

Цесаревна, приказавъ, на всякій случай, разрѣзать кожу на всѣхъ барабанахъ, вышла со своими спутниками опять на улицу и сѣла въ сани.

— На Невскую першпективу и къ Зимнему дворцу!—крикнулъ Воронцовъ кучеру, вскакивая самъ на запятки.

— Только потише, братецъ, потише,—добавила отъ себя Елисавета:—а то мои молодцы-гренадеры за мною не поспѣютъ.

— Не бойсь, матушка,—весело отозвались окружающіе сани гренадеры:—бѣгомъ за тобой поспѣемъ, хоть на край свѣта!

Еще въ казармахъ Воронцовъ отдалъ необходимыя приказанія унтеръ-офицерамъ, и теперь дорогою отъ роты въ триста гренадеръ отдѣлялись небольшіе отряды въ двадцать, въ тридцать человѣкъ, чтобы произвести на дому аресты «главарей» нѣмецкой партіи: Остермана, Головкина, Лёвенвольде, а также старика Миниха, который въ силу присяги, данной имъ правительницѣ, чего добраго, помѣшалъ бы еще успѣшному окончанію предпріятія.

Когда сани цесаревны съ Невской першпективы выѣхали на Дворцовую площадь, площадь эта оказалась

совершенно пустынной, и покрывавшая ее снѣжная пелена едва освѣщалась мерцавшими въ отдаленіи масляными фонарями около Зимняго дворца. Чтобы не возбудить подозрѣнія дворцовой стражи, Елисавета вышла изъ саней и пошла пѣшкомъ. Но глубокій снѣгъ и женское платье замедляли ея шаги.

— Такъ, матушка, мы не скоро доберемся,—замѣтили ей гренадеры.—Поторопись маненько!

Когда же она, при всемъ стараніи, не могла приноровиться къ размашистому шагу рослыхъ молодцовъ, двое подняли ее на руки и донесли такъ до дворца. Четверо караульныхъ у главнаго входа, окоченѣвъ на морозѣ, не успѣли прійти въ себя, какъ были обезоружены. Въ самой же караульнѣ какъ солдаты, такъ и ихъ начальники поголовно спали. Когда тутъ гренадеры растолкали спящихъ и объяснили, что вотъ-де передъ ними матушка-цесаревна, тѣ спросонокъ не могли вначалѣ даже сообразить, въ чемъ дѣло.

— Не бойтесь, друзья мои,—заговорила Елисавета:—хотите ли служить мнѣ, какъ отцу моему и вашему служили? Вамъ вѣдомо, какихъ я нуждъ натерпѣлась и еще терплю отъ нѣмцевъ, сколько терпитъ отъ нихъ и весь нашъ русскій народъ. Освободимся отъ нашихъ мучителей!

Тутъ солдаты ее поняли и отвѣчали единогласно:

— Давно мы этого дожидались, матушка, и что̀ повелишь, то и сдѣлаемъ!

Офицеры же нерѣшительно переглядывались, а одинъ, изъ нѣмцевъ, вздумалъ-было призывать подчи-

ненныхъ къ долгу службы. Но ему не дали договорить. Одинъ гренадеръ повалилъ его на полъ и тутъ же прикололъ бы штыкомъ, не отклони сама цесаревна штыкъ его въ сторону.

— Замкнуть этихъ господъ въ ихъ комнатѣ!—приказала она,—занять всѣ лѣстницы и выходы, а принца и оберъ-гофмейстера принцессы, Миниха-сына, взять подъ стражу! Сама я иду къ принцессѣ. Десять человѣкъ за мной!

И, впереди десяти гренадеръ, будущая императрица поднялась во второй этажъ, гдѣ находились собственные аппартаменты правительницы. Подойдя къ двери спальни, Елисавета нашла ее только притворенною; дверь растворилась безъ всякаго шума. Погруженныя въ мирный сонъ, Анна Леопольдовна и Юліана Менгденъ, спавшая въ послѣднее время при ней, очнулись только тогда, когда надъ ними раздался голосъ цесаревны:

— Пора вставать, принцесса!

Та въ первую минуту была только озадачена:

— Какъ! это вы, тетя Лиза?

Но тутъ взоръ ея упалъ на стоящихъ на порогѣ гренадеръ,—и вдругъ все ей стало ясно. Глаза ея наполнились слезами, и, сложивъ руки, она начала умолять не дѣлать зла ея малюткамъ.

— Ни имъ, ни вамъ самимъ ничего не будетъ,—увѣрила ее цесаревна.

— Такъ вы не разлучите меня съ ними?

— Нѣтъ, они останутся при васъ.

— А Юліана? Я безъ нея жить не могу!.. Пожалѣйте меня!.. оставьте ее тоже мнѣ...

— Хорошо. Теперь вставайте только поскорѣе. Я беру васъ къ себѣ.

Сама Елисавета, вмѣстѣ съ принцессой, сѣла въ однѣ сани; двое другихъ саней были поданы для арестованныхъ между тѣмъ принца Антона-Ульриха и Миниха-сына и для Юліаны съ двумя младенцами принцессы. По прибытіи всѣхъ въ елисаветинскій дворецъ, маленькій Іоаннъ Антоновичъ, проснувшись, расплакался. Цесаревна взяла его на руки и стала цѣловать.

— Бѣдняжечка! Ты-то ни въ чемъ не виновенъ; виноваты во всемъ твои родители.

Аресты указанныхъ Воронцовымъ главныхъ приверженцевъ принцессы и принца состоялись не безъ протестовъ со стороны арестуемыхъ. Памятуя требованіе своей матушки-цесаревны—не проливать ни капли крови, гренадеры, дѣйствительно, не прибѣгли къ своему воинскому оружію, но сочли себя въ правѣ убѣдить сопротивляющихся логикою своихъ дюжихъ гренадерскихъ кулаковъ.

Самъ Воронцовъ, Лестокъ и старый учитель музыки цесаревны Шварцъ разъѣзжали между тѣмъ по городу, чтобы оповѣстить о случившемся знатнѣйшихъ безобидныхъ вельможъ и сановниковъ, съ приглашеніемъ незамедлительно пожаловать къ цесаревнѣ.

Въ то же время двадцать гренадеръ, осѣдлавъ себѣ

въ дворцовыхъ конюшняхъ верховыхъ коней, помчались къ казармамъ другихъ гвардейцевъ съ приказомъ двинуться со знаменами къ елисаветинскому дворцу, а по пути кричали всѣмъ случайнымъ встрѣчнымъ о счастливомъ исходѣ переворота. Не прошло и часу времени, какъ пустынныя въ глухую ночную пору улицы невской столицы стали все болѣе оживляться гвардейскими полками, экипажами царедворцевъ и пѣшеходами изъ простыхъ обывателей...

Въ восемь часовъ утра состоялся Высочайшій выходъ. Новая императрица, въ голубой Андреевской лентѣ и радостно взволнованная, при входѣ своемъ милостиво наклоняла голову направо и налѣво, озаряя всѣхъ и каждаго своей сіяющей улыбкой, а затѣмъ стала принимать поздравленія, допуская поздравителей по очереди къ своей рукѣ.

— Теперь ваше величество не покажетесь ли и народу?—тихонько напомнилъ ей Воронцовъ.

— Правда!—согласилась она и вышла на открытый балконъ.

Появленіе молодой царицы было встрѣчено восторженными кликами толпившагося внизу народа и выстроеннаго вокругъ дворца войска. Елисавета не уставала кланяться въ отвѣтъ на всѣ стороны, пока Воронцовъ не замѣтилъ ей опять, что при такомъ морозѣ ей легко и простудиться.

— Я вся огнемъ горю, такъ гдѣ ужъ тутъ простудиться!—отвѣчала она.—Надо мнѣ поблагодарить еще и моихъ гвардейцевъ.

И, спустившись внизъ къ кирасирамъ, конной гвардіи и тремъ гвардейскимъ пѣхотнымъ полкамъ, она прошлась по ихъ рядамъ, привѣтствуемая оглушительнымъ «ура!». Когда же она объявила, что принимаетъ на себя званіе полковника ихъ полковъ, восторгъ гвардейцевъ не зналъ уже предѣла.

По возвращеніи въ свои покои, новая императрица приняла знатныхъ дамъ, послѣ чего приказала собираться всѣмъ въ Зимній дворецъ. Когда она съ ближайшей свитой садилась въ большую открытую линейку, изъ стоявшей тутъ же гренадерской роты выступилъ опять сержантъ Грюнштейнъ:

— Матушка государыня! а мы, гренадеры, къ тебѣ еще съ просьбицей.

— Если могу, то непремѣнно ее исполню,—отвѣчала Елисавета.—Въ чемъ ваша просьба?

— Не откажи намъ, матушка, въ милости: объяви себя капитаномъ нашей роты!

— Съ удовольствіемъ, дѣти мои.

— Ура! ура! ура!

— А теперь,—продолжала она,—за мной въ мой императорскій дворецъ отслужить благодарственный молебенъ и принять присягу въ вѣрности.

Молебенъ въ придворной церкви Зимняго дворца, а затѣмъ и присяга совершились съ требуемою торжественностью при громогласной пальбѣ орудій съ Петропавловской крѣпости. Все закончилось въ пятомъ часу дня

Еще, однако, до общаго разъѣзда, государыня ве-

лѣла привести къ себѣ взятаго въ плѣнъ подъ Вильманстрандомъ адъютанта главнокомандующаго шведскою арміей капитана Дидерона, который, къ немалому недоумѣнію придворныхъ, былъ вызванъ ко Двору еще съ ранняго утра.

— Вотъ, г-нъ, капитанъ, ваше оружіе,—обратилась она къ нему по-французски, вручая ему отнятую у него шпагу.—Вы свободны и можете ѣхать къ себѣ домой во всякое время. На путевыя издержки вамъ будетъ выдано отъ насъ пятьсотъ червонцевъ. Какъ очевидецъ, вы можете съ полною достовѣрностью разсказать вашему главнокомандующему о нашемъ благополучномъ воцареніи. Надѣюсь, что онъ теперь же прекратитъ непріязненныя дѣйствія, дабы дать намъ время войти вновь въ дружественныя отношенія съ его королевскимъ величествомъ.

Принцесса-узница.

(Изъ романа „Любовь и корона".)

(Съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы Петровны, бывшая правительница, принцесса Анна Леопольдовна, вмѣстѣ съ принцемъ-супругомъ Антономъ-Ульрихомъ, младенцемъ-сыномъ Іоанномъ Антоновичемъ, новорожденной дочкой Екатериной и подругой-фрейлиной, баронессой Юліаной Менгденъ, была отправлена въ ссылку—сперва въ Ригу, потомъ въ Динаминде—нынѣшній Усть-Двинскъ, оттуда въ г. Раненбургъ, Рязанской губ., и, наконецъ, два года спустя, съ супругомъ и дѣтьми, но безъ любимой фрейлины, въ г. Холмогоры, Архангельской губ., откуда имѣлось въ виду заслать ихъ еще далѣе—въ Соловецкій монастырь,—что, однако, такъ и не состоялось. Первенецъ принцессы, Іоаннъ, содержался въ Холмогорахъ отдѣльно отъ родителей и даже безъ ихъ вѣдома, и принцесса неутѣшно по немъ тосковала, хотя потомъ у нея были еще дочь и два сына.)

Въ землѣ двинской, этомъ древнемъ достояніи когда-то вольнаго и могущественнаго Великаго Новгорода, главнымъ городомъ были Холмогоры. Пріѣзжавшіе на далекій Сѣверъ, для торговли съ русскими, англійскіе купцы завели здѣсь свои конторы и товарные склады, и въ концѣ XVII вѣка въ Холмогорахъ была учреждена архіерейская каѳедра. При Петрѣ Великомъ занималъ ее епископъ Аѳанасій, усердно боровшійся съ расколомъ; такое усердіе не обошлось ему, однако, даромъ. Въ горячемъ богословскомъ спорѣ одинъ изъ раскольниковъ, для вящшаго доказательства правоты своихъ словъ, дернулъ Аѳанасія за бороду, да дернулъ такъ, что половина бороды осталась на лицѣ у преосвященнаго, а другая очутилась въ рукѣ изувѣра. Вырванная часть бороды не росла болѣе, и тогда Аѳанасій, для соблюденія единообразія въ своемъ святительскомъ ликѣ, сталъ брить уцѣлѣвшую половину бороды и, вслѣдствіе этого, онъ былъ единственный безбородый іерархъ въ нашей православной церкви. Зато же и любилъ царь Петръ Алексѣевичъ—ненавистникъ бородъ—потрепать ласковою рукою холмогорскаго владыку по его гладко выбритому подбородку. Съ особеннымъ удовольствіемъ сдѣлалъ онъ это въ свой пріѣздъ въ Холмогоры, гдѣ обзаводился и обстроивался преосвященный. Рядомъ со Спасо-Преображенскимъ, только что отдѣланнымъ соборомъ, самою великолѣпною въ ту пору церковью во всемъ Сѣверномъ краѣ, Аѳанасій, вдалекѣ отъ городскихъ жилищъ, построилъ архіерейскій каменный двухъэтажный домъ въ двадцать комнатъ. Загля-

нулъ царь въ епископскія палаты и понравилось ему, что Аѳанасій хочетъ жить, какъ подобаетъ при его высокомъ духовномъ санѣ.

— Хорошо, вельми хорошо, владыко, въ твоемъ обиталищѣ, а покажи-ко мнѣ твое хозяйство,—сказалъ царь.

— Изволь, государь,—отвѣчалъ архіерей и повелъ Петра по всему своему подворью.

Здѣсь все оказалось въ порядкѣ: передъ домомъ былъ выкопанъ глубокій прудъ, и Аѳанасій доложилъ царю, что въ этомъ прудѣ онъ разведетъ разную рыбицу. Увидѣлъ царь и огородъ, заведенный епископомъ; огородъ былъ хорошъ: на грядахъ были посажены и разсада, и морковь, и горохъ, и огурцы, и брюква.

— Дѣльно,—сказалъ ласковымъ голосомъ царь, обращаясь къ Аѳанасію:—ты, преосвященный, ни въ чемъ нуждаться не будешь! Разводи злаки во славу Божію и на пользу человѣка. Посмотритъ людъ православный на своего пастыря и станетъ перенимать отъ него хорошее.

Всю архіерейскую усадьбу осмотрѣлъ государь съ обыкновеннымъ своимъ вниманіемъ. Заглянулъ царь и въ погреба и амбары, и въ кузницу, и на мельницу, которая, весело помахивая крыльями, вертѣла большіе жернова. Всѣмъ царь остался какъ нельзя болѣе доволенъ. Онъ отслушалъ обѣдню въ крестовой архіерейской церкви и громкимъ голосомъ прочиталъ «апостола» и, закусивъ послѣ обѣдни, самымъ дружелюбнымъ образомъ разстался съ Аѳанасіемъ.

— Молись, преосвященный, усердно Богу,—сказалъ

ему царь:—на то ты и монахъ; да только и по хозяйству не плошай и веди свое хозяйское дѣло и впередъ такъ же исправно,—сказалъ государь архіерею на прощанье.

Вскорѣ послѣ смерти Петра, епископская каѳедра была перенесена изъ Холмогоръ въ Архангельскъ и построенный Аѳанасіемъ въ Холмогорахъ домъ остался необитаемымъ, подъ надзоромъ одного монаха. Жившій въ этомъ домѣ, въ полномъ привольѣ, монахъ былъ позднею осенней ночью разбуженъ нагхавшимъ внезапно въ Холмогоры гвардіи капитаномъ Чертовымъ, съ собственноручнымъ указомъ императрицы. Въ ту пору капитанъ гвардіи было лицо куда какое важное, и крѣпко заспавшійся монахъ сильно струсилъ при видѣ такой персоны, да притомъ и съ прозваніемъ, особенно страшноватымъ въ ночную пору. Прежде чѣмъ входить въ какія-нибудь объясненія съ оторопѣвшимъ инокомъ, капитанъ досталъ дорожную чернильницу, перо и, прочитавъ ему бумагу, потребовалъ подъ написаннымъ его рукоприкладства. Между тѣмъ, слѣдомъ за капитаномъ въѣхала во дворъ архіерейскаго дома прибывшая съ нимъ военная команда. Старикъ, не понимая хорошенько, въ чемъ дѣло, взялъ перо и дрожащею рукою учинилъ подъ предъявленною ему бумагою требуемое отъ него рукоприкладство. Въ бумагѣ же этой значилось, что подписавшій ее, подъ страхомъ лишенія священства, монашества, чести и живота, обязуется никому никогда не говорить ни слова о томъ, что онъ будетъ видѣть и слышать. Затѣмъ капитанъ Чертовъ, остававшійся съ

глазу на глазъ съ преподобнымъ отцомъ, объявилъ ему, что, по указу ея императорскаго величества, онъ, капитанъ, долженъ будетъ занять со своею командою архіерейскій домъ и произвести немедленно въ немъ нѣкоторыя постройки, такъ какъ домъ этотъ предназначенъ государынею для помѣщенія въ немъ «извѣстныхъ персонъ».

Черезъ нѣсколько дней закипѣла здѣсь дѣятельная работа: въ архіерейскомъ домѣ были сдѣланы кое-какія поправки, а отъ двора отдѣлили нѣкоторое пространство, которое и обнесли высокимъ и толстымъ заборомъ, такъ что ни съ одной стороны нельзя было посмотрѣть, что происходитъ на огороженномъ мѣстѣ.

Работа эта была окончена спѣшно, и въ глухую полночь, на 6-ое ноября *), въ ворота вновь построеннаго забора въѣхало нѣсколько повозокъ; изъ нихъ одна была закрыта наглухо. Жалобно застонали на своихъ петляхъ крѣпкія ворота и глухо застучали надежные желѣзные затворы за въѣхавшими во дворъ повозками. Бывшіе уже въ архіерейскомъ домѣ съ Чертовымъ солдаты стали съ заряженными ружьями у входа до самыхъ воротъ. Тогда изъ закрытой повозки вышелъ солдатъ съ небольшою тщательно обернутою ношею на рукахъ и быстро, по приказанію Чертова, ожидавшаго прибытія поѣзда, вбѣжалъ по указанной ему лѣстницѣ. Слѣдомъ за солдатомъ пошелъ прибывшій съ поѣздомъ офицеръ. Началось размѣщеніе служивыхъ, и на другой

*) 1744 г.

день еще болѣе была усилена въ архіерейскомъ домѣ строгость военнаго караула.

Спустя три дня, въ такую же позднюю пору, въѣхалъ во дворъ архіерейскаго дома другой поѣздъ; онъ состоялъ изъ бо̀льшаго числа повозокъ, нежели первый. Этотъ второй поѣздъ былъ принятъ съ такими же предосторожностями, какъ и первый. Въ немъ, кромѣ главнаго начальника, двухъ офицеровъ и военной команды, были двѣ молодыя женщины и не старый еще мужчина, которыхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ солдатами, быстро повели въ архіерейскія палаты.

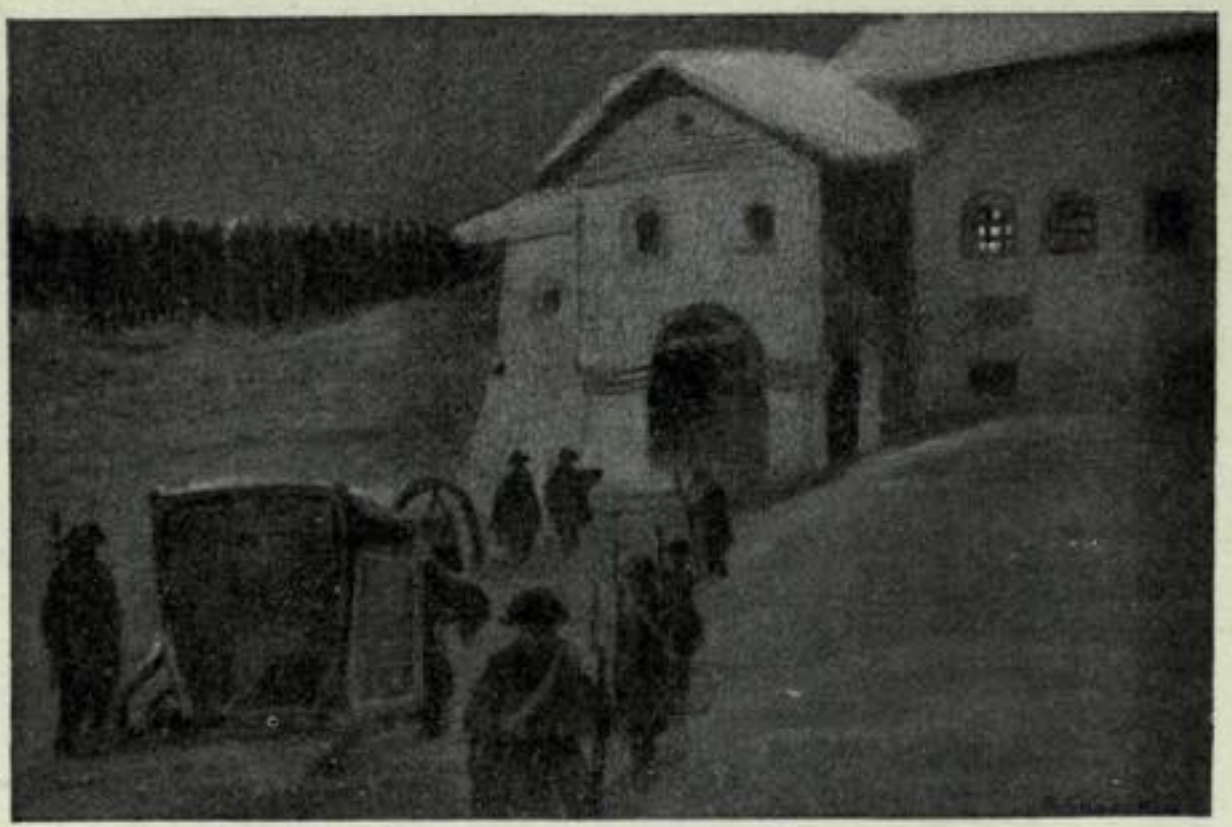
— Такъ вотъ куда мы попали!—съ грустью проговорила одна изъ женщинъ:—что̀ это такое?.. какой-нибудь городъ или монастырь?—вопросительно добавила она, торопливо оглядываясь вокругъ.

Никто не далъ ей на этотъ вопросъ никакого отвѣта.

— Сегодня ровно четыре года, какъ я, на мое несчастье, сдѣлалась правительницею!.. Боже мой! когда-то кончатся мои страданія!—подумала вновь привезенная узница:—А гдѣ же Юліана, гдѣ Иванушка?—спросила она, обращаясь къ сопровождавшимъ ее лицамъ.

Но и на этотъ вопросъ, высказанный и съ безпокойствомъ и съ волненіемъ, не было получено ею никакого отвѣта.

Печально и сурово выглядывало новое жилище бывшей правительницы, отличавшееся и такъ непривѣтливостью старинныхъ монастырскихъ построекъ, а теперь еще и обращенное въ мѣсто строгаго заточенія. Такъ-называвшаяся «гостиная» Анны Леопольдовны была са-

Изъ закрытой повозки вышелъ солдатъ.

мая большая архіерейская палата. Въ ней было два окна; ихъ глубокія амбразуры и вдѣланныя въ нихъ толстыя желѣзныя рѣшетки слабо пропускали тусклый свѣтъ короткаго сѣвернаго дня, и тяжело висѣли въ этой комнатѣ большіе стрѣльчатые своды. Эта продолговатая комната была раздѣлена деревянною перегородкою, за которою была спальня принцессы. Все убранство «гостиной», имѣвшей и въ ширину и въ длину по тринадцати шаговъ, состояло изъ простого дивана, обитаго кожею, и такихъ же четырехъ стульевъ. Въ переднемъ углу, а также и по стѣнамъ, примыкавшимъ къ окнамъ, висѣли старинныя иконы съ теплившимися передъ ними лампадками, а надъ диваномъ былъ портретъ Петра Великаго, напоминавшій безпрестанно узницѣ объ ея счастливой соперницѣ. Какъ все это было противоположно той роскоши и тому блеску, которые когда-то окружали Анну въ ея петербургскихъ дворцахъ! Богатая ея уборная замѣнена была теперь маленькою, въ которой только и было что большой дубовый комодъ, съ испорченными замками и массивными мѣдными ручками, да маленькое зеркальце на одной сломанной ножкѣ, перевязанной веревочкою. Въ другихъ комнатахъ, съ такимъ же и даже еще болѣе плохимъ убранствомъ, размѣстились принцъ Антонъ, дочери принцессы и пріѣхавшая съ ними въ заточеніе сестра Юліаны, Бина Менгденъ, бывшая фрейлиною правительницы, молодая дѣвушка строптиваго и порывистаго нрава.

Но если такъ печально было новое жилище Анны Леопольдовны, то и представлявшіеся изъ оконъ его виды

нагоняли неодолимую тоску. Рѣшетчатыя окна выходили на небольшое пространство, огороженное высокимъ заборомъ; изъ нихъ были видны: небольшой прудъ, съ его мертвенно-сонною поверхностью, нѣсколько деревъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, и хозяйственныя постройки. Вновь построенный соборъ, представлявшій какъ бы отдѣльное внутреннее укрѣпленіе, опоясывала въ нѣкоторомъ разстояніи каменная стѣна, съ четырьмя по угламъ ея башнями. За заборомъ и за стѣною, изъ оконъ второго этажа архіерейскаго дома, открывалась пустынная, нескончаемая даль, съ извивавшеюся по ней петербургскою дорогою. Горизонтъ окаймляли холмы и пригорки.

Даже и въ лѣтнюю пору унылы были здѣшнія окрестности, но все-таки зелень весны и лѣта хотя нѣсколько оживляла ихъ; зимою же онѣ, подъ бѣлымъ покровомъ снѣга, становились еще печальнѣе. Не высоко и не надолго поднималось надъ ними зимою холодное солнце, но зато и долго и ярко обливалъ ихъ въ ту пору года мѣсяцъ своимъ блѣднымъ свѣтомъ. Лѣтомъ, наоборотъ, солнце не сходило съ неба, и его свѣтъ сливался съ негаснувшею во всю ночь зарею, и казалось, что томительному дню не будетъ конца. Кругомъ все было пустынно и молчаливо, изрѣдка только, да и то вдалекѣ, лѣниво тянулся мимошедшій изъ Архангельска обозъ, да доносился благовѣстъ и трезвонъ съ колоколенъ городскихъ церквей.

На милосердіе и состраданіе восторжествовавшей Елисаветы нечего было и надѣяться. Императрица все

суровѣе и суровѣе относилась къ своей плѣнницѣ, и положеніе правительницы становилось все тяжелѣе и тяжелѣе; очевидно стало, что ей не будетъ оказано никакой пощады, никакого снисхожденія. Не любя никогда шумнаго и многолюднаго общества, Анна, на высотѣ окружавшаго ее царственнаго величія, мечтала постоянно о тихой и покойной жизни. Но не такая жизнь, полная всевозможныхъ лишеній и униженій, грезилась ей. Часто, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, по нѣсколько часовъ сряду сидѣла теперь бывшая правительница на одномъ мѣстѣ, и въ воображеніи ея такъ живо являлись безвозвратно минувшіе для нея дни. Тогда прежнее равнодушіе къ власти смѣнялось въ ней властолюбивыми порывами, и жестоко укоряла она себя за свою снисходительность и довѣрчивость къ Елисаветѣ. Но не надолго поддавалась такому чувству молодая женщина, такъ какъ она быстро приходила къ сознанію своего настоящаго безсилія.

— Не нужно мнѣ ни власти, ни почестей, ни богатства,—повторяла она себѣ самой:—мнѣ нужна только свобода; дайте ее мнѣ!..—Но и свобода была отнята у нея навѣки.

Не одни только блестящіе дни своей жизни хотѣла бы теперь вернуть бывшая правительница. Въ сравненіи съ настоящимъ заточеніемъ даже пребываніе ея въ Ригѣ и заключеніе, сперва въ дюнаминдской крѣпости, потомъ въ Раненбургѣ, казались ей счастливою порою. Тогда ее не покидала еще надежда на перемѣну къ лучшему; она мечтала о возможности выѣхать изъ Рос-

сіи и провести жизнь спокойно, вдалекѣ отъ бурь и тревогъ. Всѣмъ этимъ ожиданіямъ не суждено было, однако, исполниться. Изъ временной узницы, которую на первыхъ порахъ окружали и довольствомъ и соотвѣтственнымъ ея сану почетомъ, она обратилась теперь въ вѣчную невольницу, которой все сильнѣе давали чувствовать тягость ея ужаснаго положенія; ее завезли въ глухую даль и разлучили съ тѣми, кто былъ для нея дороже всего на свѣтѣ...

Съ тревогою въ душѣ обращалась Анна Леопольдовна къ окружавшимъ ее съ вопросами о сынѣ и объ Юліанѣ, дружескія бесѣды съ которою такъ живительно облегчали ей тоску изгнанія. Вопросы эти выслушивались сурово и ихъ или проходили совершеннымъ молчаніемъ, или же на нихъ давали уклончивые отвѣты, которые еще сильнѣе волновали и раздражали молодую женщину.

Между тѣмъ придирчивость Елисаветы къ бывшей правительницѣ усиливалась все болѣе и болѣе. Еще во время содержанія правительницы въ Ригѣ, до императрицы дошло извѣстіе, что брауншвейгское семейство не оказываетъ приставленному къ нему В. Ѳ. Салтыкову должнаго уваженія. По поводу этого императрица потребовала отъ Салтыкова объясненія, пригрозивши, что въ случаѣ если этотъ слухъ справедливъ, она приметъ другія мѣры. «Вамъ надлежитъ,—писала ему Елисавета,—того смотрѣть, чтобы они васъ въ почтеніи имѣли и боялись васъ». Спустя немного времени послѣ этого, Елисавета прислала въ Ригу къ правительницѣ запросъ

о ненайденныхъ въ «золотомъ нахтинѣ (шкатулкѣ) бриллiантахъ» и о томъ опахалѣ съ рубинами и алмазами, которое былъ въ рукахъ правительницы въ тотъ вечеръ, когда Шетарди *) на балѣ возбуждалъ зависть Елисаветы противъ Анны.

Печально и невыносимо-медленно тянулся для Анны Леопольдовны каждый день заточенiя. Она знала, что завтра будетъ то же самое, что̀ было сегодня и вчера. Какъ растерянная, бродила она по комнатамъ своего угрюмаго жилища; даже прогулка внѣ его дозволялась ей только лѣтомъ, на короткое время и притомъ на небольшомъ, со всѣхъ сторонъ огороженномъ пространствѣ. Она не могла даже развлечься чтенiемъ, такъ какъ ей дозволено было давать книги только духовнаго содержанiя. Всѣ сношенiя ея съ кѣмъ бы то ни было изъ постороннихъ, кромѣ находившейся при ней прислужницы, были пресѣчены, и она не знала не только о томъ, что̀ происходило за оградою ея тюрьмы, но даже и о томъ, что̀ дѣлалось за стѣнами ея собственнаго тѣснаго жилища. Видъ ея мужа, къ которому она стала теперь чувствовать привязанность, какъ къ единственному близкому ей человѣку, преданному ей и покорному передъ нею, увеличивалъ еще болѣе ея страданiя. Дѣти не утѣшали ее, напротивъ, они нагоняли на нее самыя тяжелыя, неотвязчивыя думы; смотря на своихъ несчастныхъ малютокъ, она вдавалась въ отчаяніе, предвидя ихъ печальный жребій. Но всего болѣе мучила

*) Маркизъ де ла Шетарди, французскій посланникъ.

принцессу судьба похищеннаго у нея и неизвѣстно куда сокрытаго старшаго сына и безслѣдно исчезнувшей Юліаны.

Не только дѣйствительность, окружавшая молодую страдалицу, но и страшныя сновидѣнія безпрестанно возмущали ее. Часто, въ тревожномъ забытьѣ, замѣнявшемъ теперь для нея спокойный, подкрѣпляющій сонъ, ей грезился ея несчастный «Иванушка». То представлялся онъ ей въ томъ царственномъ величіи, которое должно было бы быть его удѣломъ, и тогда сердце матери начинало биться радостнымъ трепетомъ. То являлся онъ ей жалкимъ бѣдняжкою, въ лохмотьяхъ и рубищахъ, съ испитымъ лицомъ; тоскливо смотрѣлъ онъ на свою мать, какъ будто желая сказать ей что-то. Анна кидалась къ малюткѣ, но сновидѣніе быстро исчезало. То видѣлся онъ ей въ какомъ-то безпредѣльномъ пространствѣ, въ сонмѣ ангеловъ и херувимовъ, и, уносясь въ свѣтлую даль съ веселымъ личикомъ, манилъ ее къ себѣ своею ручонкою. Анна тщетно рвалась къ нему, болѣзненно замирало у нея сердце, и она пробуждалась съ громкимъ, отчаяннымъ плачемъ. Но самымъ мучительнымъ для Анны сновидѣніемъ было повтореніе ея прощанія съ сыномъ. Въ это потрясавшее ее мгновеніе передъ нею оживала дѣйствительная разлука со всѣми ужасами отчаянія и томленія... Грезилась ей и Юліана, то въ видѣ веселой, беззаботной дѣвушки, какою она была когда-то, то въ видѣ страдалицы, убитой горемъ. Всѣ эти грезы принимали какіе-то фантастическіе образы, при которыхъ печальная дѣй-

ствительность смѣшивалась съ причудливою игрою разстроеннаго воображенія.

Встревоженная сновидѣніемъ, Анна Леопольдовна быстро вскакивала съ постели и выбѣгала за перегородку своей спальни. Тамъ, какъ обезумѣвшая, долго рыдала она или при бѣлесоватомъ свѣтѣ зари, не гаснувшей на ночномъ лѣтнемъ небѣ, или при яркомъ свѣтѣ мѣсяца, проникавшемъ въ долгія зимнія ночи въ окна ея жилища. Тоска и отчаяніе щемили ея сердце, и она чувствовала, что скоро не станетъ у нея силъ, чтобы переносить истомившее ее горе. Между тѣмъ, прибавилась еще и новая скорбь: 8-го февраля 1746 года въ холмогорскомъ заточеніи появился на свѣтъ Божій новый узникъ, окрещенный именемъ Алексѣя.

Измученная тяжелою жизнью и болѣзнью, лежала Анна Леопольдовна въ постелѣ въ полузабытьѣ, когда въ сосѣдней комнатѣ послышался сдержанный шопотъ между хлопотавшимъ около нея врачомъ Манзеемъ и приставленнымъ къ ней для надзора маіоромъ Гурьевымъ.

— Мнѣ необходимо видѣть сейчасъ же принцессу, чтобы лично вручить эту бумагу,—настоятельно шепталъ маіоръ доктору.

— Принцесса такъ слаба, что я опасаюсь за ея жизнь; она можетъ умереть каждую минуту,—прошепталъ Манзей.

— Поэтому-то мнѣ еще необходимѣе видѣть ее безотлагательно. Я самъ буду въ отвѣтѣ, если не исполню, какъ слѣдуетъ, даннаго мнѣ повелѣнія,—возразилъ маіоръ.

— Передайте мнѣ эту бумагу, я улучу минуту и предъявлю ее принцессѣ,—проговорилъ докторъ.

— Я никому не могу передать ее и долженъ самъ объясниться по поводу ея съ принцессою съ глазу на глазъ,—рѣшительнымъ и уже нѣсколько возвышеннымъ голосомъ сказалъ Гурьевъ.

Манзей увидѣлъ безполезность дальнѣйшаго сопротивленія и осторожнымъ шагомъ вошелъ въ комнату принцессы, чтобы предупредить ее о полученной изъ Петербурга бумагѣ.

— Быть можетъ, наконецъ, я буду свободна,— проговорила слабымъ голосомъ Анна:—Зови его скорѣе.

Гурьевъ, получивъ позволеніе войти къ принцессѣ, попросилъ Манзея уйти изъ ея комнаты. Затѣмъ онъ удалилъ изъ другой комнаты какъ доктора, такъ и прислугу, заперъ двери на замокъ и, убѣдившись, что никто ничего не можетъ подслушать, вошелъ къ принцессѣ. Анна Леопольдовна не могла приподняться и только ласковымъ взглядомъ встрѣтила Гурьева.

— Я безпокою вашу свѣтлость по чрезвычайно важному дѣлу... Я никакъ не могъ медлить вручеміемъ вамъ этого указа,—сказалъ онъ, подавая принцессѣ бумагу, которую она взяла отъ него дрожащими руками.

Онъ помогъ ей приподнять немного голову на подушкѣ и поднесъ къ ея глазамъ стоявшую на столѣ свѣчку.

Съ трудомъ начала читать Анна поданный ей указъ. Сильная дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу, и вдругъ

она съ пронзительнымъ крикомъ выпустила изъ рукъ бумагу.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. этого не можетъ быть... Пощади ее, Лиза!.. Умоляю тебя, пощади ее... она не виновата...—кричала въ безпамятствѣ Анна Леопольдовна.

Гурьевъ кинулся опрометью за докторомъ, надѣясь при его помощи добиться отъ принцессы какого-нибудь отвѣта, но ожиданіе его не исполнилось. Въ сильно горячечномъ бреду она что-то безсвязно шептала, какъ будто разговаривая сама съ собою.

— Мнѣ кажется, что на выздоровленіе ея нѣтъ никакой надежды, и вы только напрасно будете мучить ее вашими разспросами,—сказалъ докторъ маіору.

Постоявъ нѣкоторое время у постели больной, Гурьевъ удалился, приказавъ доктору немедленно извѣстить его, какъ только у принцессы проявится сознаніе.

Бумага, содержаніе которой такъ сильно поразило Анну Леопольдовну, былъ указъ императрицы, предписывавшій Гурьеву допросить принцессу объ алмазахъ. Подобнаго содержанія указы получались уже нѣсколько разъ, и принцесса отзывалась, что она не брала алмазовъ и никому ихъ не передавала. Такимъ отвѣтомъ, повидимому, довольствовались прежде въ Петербургѣ, но на теперешнемъ указѣ была слѣдующая приписка, сдѣланная собственноручно императрицею: «а ежели Анна запираться станетъ, что не отдавала никому никакихъ алмазовъ, то скажи, что я принуждена буду Жульку (Юліану) пытать; то ежели ее жаль, то она ее до такого случая не допустила бы».

Послѣ этого потрясенія болѣзнь Анны Леопольдовны пошла быстрыми, неудержимыми шагами. Тщетно Манзей заготовлялъ микстуры, пилюли и разныя другія снадобья и напрягалъ свои медицинскія знанія, чтобы пособить принцессѣ: ясно было, что молодая жизнь угасала и что страданія Анны были свыше ея силъ.

Приближался ея послѣдній часъ и кончина ея была кончина праведницы. Приходя не надолго въ сознаніе, она шопотомъ молилась за сдѣлавшихъ ей зло, за своихъ преслѣдователей, за клянувшихъ и ненавидѣвшихъ ее, и только при воспоминаніи объ Елисаветѣ она вздрагивала, и молитвенный лепетъ замиралъ на мгновеніе на ея изсохшихъ губахъ; но Елисаветѣ Анна готова была простить все, если бы только были пощажены ея малютки. Въ минуты сознанія Анна силилась схватить ослабѣвшими руками руки мужа и цѣловала ихъ.

— Я много виновата передъ тобою,—говорила она ему:—прости меня...—и при этихъ словахъ крупныя слезы выступали на ея потухшихъ глазахъ.

Сознаніе, однако, скоро терялось, и тогда умирающею овладѣвалъ горячечный бредъ. Въ это время то радостная улыбка проявлялась на ея блѣдномъ лицѣ, и она тихимъ голосомъ повторяла имя Морица, какъ будто припоминая что-то давно забытое, то она начинала метаться, какъ будто желая вскочить съ постели.

— Не уводите отъ меня Юліану, вы станете мучить ее, она ни въ чемъ не виновата; виновата я, возьмите и мучьте меня... я все вынесу...—При этомъ лицо ея иска-

жалось отъ ужаса, и она протягивала впередъ исхудавшія руки, какъ будто стараясь удержать кого-то.

Принцъ сидѣлъ на постели въ ногахъ жены, закрывъ ладонями лицо. Онъ глоталъ слезы и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Монахъ и докторъ стояли молча въ изголовьѣ отходившей, сознавая свое безсиліе подать ей духовную и тѣлесную помощь.

— Гдѣ мои дѣти?.. Гдѣ мой Иванушка?.. Отдайте мнѣ его...—то громко, то шопотомъ повторяла она:—Гдѣ онъ?—вдругъ вскрикнула она пронзительнымъ голосомъ, схвативъ себя въ отчаяніи за голову и заскрежетавъ плотно стиснутыми зубами. Это было послѣднее усиліе умирающей. Ея колыхавшаяся отъ волненія грудь стала подниматься все слабѣе, дыханіе становилось труднѣе, и она, обводя безсознательно кругомъ глазами, шептала только:—Иванушка... Иванушка!..

Но напрасно звала она къ себѣ своего малютку, хотя одна стѣна только отдѣляла ее отъ существа, на которое ей такъ хотѣлось взглянуть въ предсмертную минуту. Она не знала, гдѣ ея сынъ, а между тѣмъ, пронесенная за три дня до ея пріѣзда въ Холмогоры таинственная ноша—былъ ея малютка, содержавшійся теперь въ заточеніи рядомъ съ нею...

Бывшей правительницы не стало 7-го марта 1746 года. Она скончалась двадцати семи лѣтъ отъ роду...

Утро Екатерины Великой.

(Изъ разсказа „Одинъ изъ давно минувшихъ дней".)

Только-что пробило шесть часовъ утра; зимой въ комнатахъ Зимняго дворца тишина; все спитъ, начиная съ лицъ, приближенныхъ къ императрицѣ Екатеринѣ, и кончая прислугой высшаго полета. Только поднявшіеся

спозаранку истопники и другіе чернорабочіе, позѣвывая, принимаются за свою работу, завидуя высшей челяди, не поднимающей головы съ подушекъ до седьмого часа утра. Среди этой полной тишины слышится легкій шорохъ въ одной изъ внутреннихъ комнатъ императрицы. Государыня только-что оставила свою теплую постель и, накинувъ на себя широкій и длинный гродетуровый бѣлый капотъ и всунувъ ноги въ отороченныя мѣхомъ туфли, направляется къ едва мерцающему ночнику. Въ описываемую нами эпоху, сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ, ночникъ былъ однимъ изъ самыхъ необходимыхъ удобствъ каждой спальни. Тогда еще не были изобрѣтены фосфорныя спички, и стоило ночнику погаснуть, чтобы поставить человѣка въ самое затруднительное положеніе, если у него не хватало силы или умѣнья добыть искру посредствомъ кремня и огнива. Правда, тогда во всякой спальнѣ теплилась лампада передъ образами, и въ описываемой нами спальнѣ она освѣщала большой тяжелый кіотъ, краснаго дерева, наполненный образами въ дорогихъ окладахъ, но кіотъ этотъ былъ такъ высокъ, что добраться до серебряной лампады было весьма нелегко. Государыня подошла къ ночнику, осторожно зажгла близстоявшую восковую свѣчу и направилась въ смежную комнату. Левретка, спавшая подлѣ ея постели, подняла голову, зѣвнула, лѣниво поднялась съ своего тюфячка и, потягиваясь съ лапки-на-лапку, пошла за госпожей, волоча свое атласное одѣяльце. Ступая неслышно по обитому персидскимъ ковромъ полу, государыня прошла мимо умывальнаго сто-

ла уборной и, подойдя къ окну, отворила нижнюю внутреннюю раму, внимательно ища чего-то. Левретка молча усѣлась у печи и, слегка щурясь, слѣдила за быстрыми, но плавными движеніями своей госпожи. Не найдя повидимому того, что̀ искала, императрица закрыла осторожно раму и обратилась съ жалобой къ собачкѣ:

— Бѣда, Тезей! Снова провинилась наша Екатерина Ивановна, не приготовила мнѣ льду!

При звукѣ ласкающаго голоса, левретка вскочила, въ нѣсколько прыжковъ очутилась подлѣ своей госпожи и съ визгомъ стала ласкаться къ ней.

— Не стыдно ли тебѣ такъ визжать, Тезей,—говорила императрица, лаская прыгавшую левретку.—Эдакъ мы съ тобою не только Екатерину Ивановну, но и самую Марью Савишну разбудимъ.

И, погрозивъ пальцемъ разыгравшейся собачкѣ, она направилась въ противоположный уголъ, къ печкѣ.

Императрица Екатерина всегда вставала подобнымъ образомъ, чтобы не безпокоить не только любимую свою камерфрау Марью Савишну Перекусихину, но и камчадалку Екатерину Ивановну, которая была простой ея горничной. У печки императрица принялась за новые поиски и вынула кружку съ согрѣтой водой.

— Ну, хоть въ этомъ исправна!—сказала она, улыбнувшись и принимаясь полоскать себѣ горло.

Умывшись, она сбросила съ головы шелковый платокъ, которымъ была повязана, и каштановые густые волосы длинными прядями окаймили ея бѣлое, доволь-

но полное лицо, съ свѣтлымъ, ярко разлитымъ по щекамъ румянцемъ. Подобравъ кое-какъ волосы подъ чепецъ съ оборкой въ видѣ маленькой низкой коронки, она обулась, надѣла цвѣтную шелковую косынку подъ вырѣзной воротъ капота, сдѣлала нѣсколько поклоновъ передъ образами и прошла въ кабинетъ.

Кабинетъ этотъ былъ просто большая рабочая комната, все украшеніе которой состояло изъ высокихъ шкафовъ, наполненныхъ книгами, и географическихъ картъ и дорогихъ эстамповъ, развѣшенныхъ по стѣнамъ. Посредине этого рабочаго кабинета стоялъ длинный столъ съ кипами бумагъ и разными письменными принадлежностями; два выпуклыхъ столика, въ родѣ небольшихъ конторокъ, стояли невдалекѣ отъ окна, а въ противоположномъ имъ углу, у входа, находился каминъ, съ тяжелой бронзой во вкусѣ Людовика XV.

Вошедши, Екатерина поставила свѣчу на близстоявшій маленькій столикъ, привычной рукой поправила дрова въ каминѣ, подняла съ полу нѣсколько щепокъ, зажгла ихъ на свѣчкѣ и осторожно опустила между плотными полѣньями березовыхъ дровъ. Затѣмъ подошла къ большому столу, зажгла четыре восковыхъ свѣчки, опустилась на небольшой, съ прямой спинкой, стулъ и принялась разбирать бумаги и письма. Левретка улеглась подлѣ, плотно приложивъ носъ къ хвосту и вздрагивая по временамъ отъ холода. Прошло нѣсколько минутъ полной тишины. Вдругъ раздался изъ камина пронзительный крикъ:

— Тушите скорѣе огонь!

Левретка съ визгомъ бросилась къ камину. Екатерина вздрогнула, но, тотчасъ овладѣвъ собою, спросила:

— Кто тамъ?

— Я, трубочистъ,—кричалъ голосъ.

Екатерина, схвативъ близстоявшій графинъ, быстро направилась къ камину, но, по свойственному ей расположенію къ шуткѣ, не утерпѣла, чтобы не спросить, заливая огонь:

— Съ кѣмъ ты разговариваешь?

— Охъ, знаю, что съ императрицей,—отвѣтилъ голосъ изъ трубы,—гаси, матушка, скорѣе, больно горячо ужъ мнѣ.

Избавивъ трубочиста отъ непріятнаго положенія и оставшись вслѣдствіе этого въ нетопленной комнатѣ, Екатерина плотнѣе застегнула шелковый платокъ на шеѣ и, покрывъ полою дрожавшаго Тезея, принялась опять за свою работу. Долго она перечитывала разныя бумаги, дѣлала отмѣтки карандашомъ на поляхъ заготовленныхъ дѣлъ и писала на отдѣльныхъ листахъ свои замѣчанія и рѣшенія.

Когда совсѣмъ разсвѣло, Екатерина потушила свѣчи, подняла темныя занавѣски и шторы и, пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, сѣла опять за работу. Взявъ какое-то большое, старательно переписанное дѣло, она сосредоточила все свое вниманіе на немъ. Чѣмъ больше читала она его, тѣмъ лицо ея становилось серьезнѣе и озабоченнѣе; наконецъ она порывисто поднялась со стула и стала ходить по комнатѣ, судорожнымъ движеніемъ рукъ приподнимая и слегка засучивая то тотъ,

то другой рукавъ. Подойдя къ графину, она взялась за него, но видя, что онъ пустъ, нетерпѣливо позвонила въ маленькій серебряный колокольчикъ. Вошелъ дежурный камердинеръ Поповъ.

— Попроси ко мнѣ, Алексѣй Семеновичъ, князя Александра Алексѣевича,—сказала она, не переставая ходить,—да вели мнѣ подать графинъ воды.

Не успѣлъ раскланяться вызванный ею генералъ-прокуроръ Вяземскій, какъ Екатерина, взволнованнымъ голосомъ обратилась къ нему:

— Только-что я успѣла просмотрѣть подробности дѣла Жуковыхъ,—сказала она.—Дѣло ведено отвратительно, три человѣка умерло отъ плетей. Вотъ до чего доводятъ ваши пытки!

— Но, какъ извѣстно вашему величеству,—объяснилъ Вяземскій,—дѣлали по необходимости строгіе допросы, потому что въ дѣлѣ Жуковыхъ многія лица замѣшаны: онъ, жена его и теща, двѣ горничныя дѣвки и много другой прислуги.

— Но умершій отъ пытки старикъ не участвовалъ въ убійствѣ, а былъ заподозрѣнъ только въ томъ, что впослѣдствіи узналъ объ этомъ страшномъ дѣлѣ и не донесъ на своего племянника. И этого бѣднаго старика, можетъ быть оговореннаго невинно, замучили пыткой!.. Положимъ еще, Жуковъ съ женой заслужилъ свое наказаніе. Онъ совершилъ ужасное злодѣяніе, подкупивъ слугъ задушить мать и сестру. Страшная безсердечность: ждать спокойно въ каретѣ, пока убійцы покончатъ съ матерью и вынесутъ ему ея сундукъ съ день-

гами! Но если есть такія жестокія сердца, какъ у Жукова, то законъ не долженъ подражать имъ. Кротость всегда дѣйствуетъ лучше истязанія. Съ тѣхъ поръ, какъ отмѣнена смертная казнь въ Россіи, сознайтесь, князь, совершается гораздо меньше злодѣяній, чѣмъ прежде.

— Но, государыня, для раскрытія преступленія строгій допросъ необходимъ.

— Развѣ пытка можетъ помочь раскрытію дѣла? Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собою. Можно ли больше вѣрить человѣку, когда онъ бредитъ въ горячкѣ, нежели когда онъ говоритъ съ здравымъ разсудкомъ и въ добромъ здоровьѣ? Что же вы молчите, князь? Вы со мною въ душѣ согласны, а?

— Ваше величество изволите знать, что я не стою за пытку, но многіе сенаторы не хотятъ ее отмѣнить, находятъ, что страхъ ея удерживаетъ многихъ отъ преступленій, что безъ нея и дома, на постели, не будетъ никто безопасенъ отъ злодѣевъ.

— Это, съ ихъ стороны, одинъ закоренѣлый предразсудокъ. Неужели нельзя дѣйствовать на душу человѣка болѣе мягкимъ способомъ, напримѣръ, нравственнымъ наказаніемъ: велите водить преступниковъ по городу, босоногихъ, въ посконныхъ свитахъ, въ оковахъ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Пусть они останавливаются въ притворахъ церквей, выслушиваютъ увѣщаваніе священниковъ и читаютъ вслухъ молитвы покаянія. Пусть они, кланяясь въ землю, просятъ прощенія у народа, который они опозорили своимъ гнуснымъ злодѣйствомъ. Мнѣ кажется, что подобное нака-

заніе подѣйствуетъ болѣе на окружающихъ, чѣмъ свистъ плетей и видъ палача. Заявите объ этомъ сенаторамъ, пусть они обсудятъ хорошенько слова мои. Я долго говорила съ Сиверсомъ объ этихъ напрасныхъ истязаніяхъ; онъ и многіе другіе вполнѣ согласны со мной. Пытка скоро будетъ оффиціально мною отмѣнена. Не могу я выносить мысли объ истязаніяхъ,—продолжала Екатерина послѣ минутнаго молчанія, и, при этихъ словахъ, такая доброта выразилась на ея красивомъ лицѣ, что оно говорило краснорѣчивѣе всѣхъ словъ ея.—Какъ хотите, не могу я подписать вотъ и этого приговора.—И она указала на отложенную бумагу.—Скажите коммерцъ-коллегіи, чтобы, вмѣсто наказанія плетьми осташковскаго купца, она предложила ему внести за свою провинность пятьсотъ рублей штрафу въ воспитательный домъ. Ну, а если онъ на то не согласится, тогда ужъ и высѣчь можно!

Съ послѣдними словами она двинула такъ быстро рукой, что дотронулась до колокольчика, и онъ зазвонилъ. Показался Поповъ.

— Хоть и не звала, а пришелъ ты, Алексѣй Семеновичъ, кстати; вели мнѣ подать кофе; теперь, должно быть, уже девять часовъ.

— Да, ваше величество, безъ нѣсколькихъ минутъ девять.

— Ну, князь, принимайтесь теперь за вашъ докладъ, а я за кофе; сегодня я еще ничего не ѣла.

Она пересѣла на стулъ къ конторкѣ; передъ нею у другой конторки помѣстился князь Вяземскій и при-

нялся читать докладъ. Екатерина слушала его весьма внимательно и только изрѣдка перебивала его какимъ-нибудь вопросомъ, касающимся до читаемаго.

Когда докладъ былъ оконченъ, Екатерина поблагодарила Вяземскаго ласковымъ наклоненіемъ головы; тотъ раскланялся и пошелъ было къ двери, но императрица остановила его словами:

— Я чуть было не забыла, князь, передать вамъ письмо, которое я сегодня написала. Вручите его лично митрополиту и объяснитесь съ нимъ насчетъ недоразумѣнія о раскольникахъ. По моему мнѣнію, всѣ расколы черезъ шестьдесятъ лѣтъ исчезнутъ. Коль скоро заведутся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ насилія не надобно.

По уходѣ Вяземскаго, Екатерина занялась левреткой, дала ей гренковъ и сахару, и подошла къ окну посмотрѣть, какъ кормятъ голубей, которыхъ, по ея приказанію, сзывали звонкомъ. Не простояла она спокойно и нѣсколькихъ секундъ, какъ показался въ дверяхъ Поповъ и *доложилъ, что въ пріемной ждутъ: оберъ-полиціймейстеръ* Лопухинъ, генералъ-рекетъ-мейстеръ Масловъ, оберъ-провіантмейстеръ Замятинъ, статсъ-секретарь Олсуфьевъ и графъ Браунъ.

— Пусть войдетъ, Владиміръ Ивановичъ,—сказала ему въ отвѣтъ Екатерина.

Вошелъ оберъ-полиціймейстеръ съ пасмурнымъ и озабоченнымъ видомъ.

— Что случилось?—спросила Екатерина съ безпокойствомъ.

Какъ хотите, не могу я подписать вотъ и этого приговора.

— Опять пасквиль,—отвѣчалъ тихо Лопухинъ.

— На меня? Дайте его сюда.

Лопухинъ не рѣшался подать пасквиль и уговаривалъ Екатерину не читать его, вслѣдствіе непристойныхъ выраженій. Екатерина вытребовала однако бумагу, прочла и обратилась къ Лопухину съ вопросомъ:

— Отыскали того, кто писалъ?

— Да, государыня; зовутъ его...

— Не хочу знать имени клеветника; вотъ ему мой отвѣтъ!—И бумага полетѣла въ каминъ.

Нѣсколько минутъ прошло въ полномъ молчаніи. По блестящимъ глазамъ Екатерины и по усилившемуся румянцу видно было, что она сильно взволнована, но привычка владѣть собой рѣдко ее покидала, и она спросила совершенно спокойнымъ голосомъ: «Что новаго?» Начался докладъ о разныхъ городскихъ происшествіяхъ, объ установленной таксѣ на хлѣбъ, соль; о полицейскихъ мѣрахъ и тому подобное.

Отпустивъ оберъ-полиціймейстера, Екатерина вызвала Маслова...

Доклады и разныя распоряженія продолжались до двѣнадцати часовъ. Сановникъ за сановникомъ являлись къ Екатеринѣ поперемѣнно, каждый съ рапортомъ по своей части. Отпустивъ всѣхъ докладчиковъ, императрица направилась въ уборную. Въ залѣ, черезъ которую ей пришлось проходить, ждалъ ее графъ Орловъ.

— Здравствуй, Григорій Григорьевичъ,—обратилась она къ нему, протягивая ему руку, которую тотъ поцѣловалъ.—Что, каково впечатлѣніе произвелъ твой пакетъ

на присутствовавшихъ въ вольно-экономическомъ обществѣ *)?

— Кто радуется, а кто ворчитъ; находятъ несвоевременнымъ.

— Пусть ворчатъ! Если слушать каждаго, то въ вѣкъ не придется освободить крестьянъ. Толкуютъ: нельзя освободить неразвитой народъ. Да какъ же онъ разовьется, не имѣя собственности, не имѣя времени вздохнуть свободно. Съ тобой однимъ, графъ, я могу говорить вполнѣ откровенно объ этомъ; тебѣ, какъ и мнѣ, близокъ русскій народъ. Но отчего ты здѣсь, графъ? тебѣ надо что-нибудь передать мнѣ?

— Пришелъ доложить вамъ, государыня, что механикъ-самоучка, тотъ, который...

— А! Нижегородскій мѣщанинъ, которому ты покровительствуешь? Что-жъ, окончилъ онъ часы?

— Онъ привезъ ихъ вашему величеству.

— Вотъ отличный будетъ сюрпризъ для Пунюшки, онъ съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ видѣть. Скажите, графъ, Кулибину, чтобы онъ стоялъ наготовѣ у входныхъ дверей моей уборной.

Въ уборной собралась цѣлая толпа знатныхъ особъ. Попасть въ эту уборную или смежную съ ней брилліантовую **) комнату считалось особенною милостью и честью. Даже коронованныя особы, посѣщавшія Россію, считали за честь присутствовать при туалетѣ импе-

*) Орловъ посылалъ, отъ неизвѣстнаго, тысячу рублей, какъ премію тому, кто напишетъ дѣльнѣе проектъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного права.

**) Въ брилліантовой комнатѣ хранились большая и малая царскія короны и другіе царскіе брилліанты, весьма рѣдкіе и дорогой цѣны.

ратрицы. Между всѣми этими блестящими мундирами и камзолами, высокими напудренными париками модниковъ и безобразными корнетами *) старухъ странно было видѣть тоненькаго шаловливаго отрока, съ слегка вздернутымъ носикомъ и порывистыми нервными движеніями. Не слушаясь увѣщаній своихъ дядекъ, онъ безцеремонно прервалъ серьезный разговоръ двухъ вельможъ, чтобы спросить одного изъ нихъ о предстоящемъ парадѣ, и все это сходило ему съ рукъ. Всѣ съ удовольствіемъ отвѣчали ему, улыбались его шаловливымъ выходкамъ и только слегка пожимали плечами, когда онъ безцеремонно перебиралъ дорогія бездѣлушки на золотомъ туалетѣ государыни или выбѣгалъ въ смежную залу дразнить молодого Куракина. Это былъ сынъ Екатерины, великій князь Павелъ Петровичъ.

Онъ подбѣжалъ къ окну, ухватился руками за мраморный подоконникъ и, повиснувъ на рукахъ, сталъ глядѣть на площадь, разстилавшуюся съ этой стороны дворца.

— Ваше высочество, ваше высочество!—сказалъ ему тревожнымъ шопотомъ одинъ изъ его приближенныхъ,— графъ Никита Ивановичъ...

Цесаревичъ мигомъ отскочилъ отъ окна, проворно оправился и, съ притворной серьезностью, пошелъ навстрѣчу своему гофмейстеру и главному воспитателю Никитѣ Ивановичу Панину. Вскорѣ по приходѣ Панина, вошла Екатерина и привѣтствовала всѣхъ общимъ ласъ-

*) Корнетомъ называлось въ то время нѣчто въ родѣ громаднаго чепца съ безчисленнымъ множествомъ плоенаго газа, лентъ и перьевъ.

ковымъ поклономъ. Павелъ Петровичъ поспѣшно подошелъ къ ней и поцѣловалъ у нея руку. Она внимательно посмотрѣла на сына, потрепала его по щекѣ и сказала:

— Сегодня у тебя лицо свѣжѣе, Пунюшка; видно, что у тебя голова не болѣла. Ну, что, какъ идетъ у тебя исторія?

— Остервальдъ остался сегодня доволенъ мною.

— Объ урокахъ математики спрашивать тебя нечего: я знаю, ты всегда охотно занимаешься у Семена Андреевича (Порошина).—Какъ доволенъ тобой отецъ Платонъ?

— Урокъ ему я зналъ хорошо.

— Ты порадовалъ меня своимъ ученьемъ, а я порадую тебя пріятной новостью.—Велите, графъ, войти Кулибину,—обратилась она къ Орлову.

Павелъ Петровичъ радостно захлопалъ въ ладоши, когда въ дверяхъ показался механикъ Кулибинъ. Вошедшій былъ одѣтъ по-мѣщански, въ длиннополый, тонкаго синяго сукна, кафтанъ и держалъ въ рукахъ небольшой футляръ.

— Здравствуй, старый знакомый,—сказала ему Екатерина.

Кулибинъ поклонился ей до земли и, стоя на колѣняхъ, подалъ свою работу. Екатерина ласково приказала ему тотчасъ встать, взяла изъ рукъ его футляръ и, раскрывъ его, вынула оттуда большіе серебряные часы, въ видѣ крупнаго гусинаго яйца.

— Показывай намъ свою диковинку,—сказала она

Кулибину, смотрѣвшему на нее съ какимъ-то радостнымъ благоговѣніемъ.

Механикъ слегка дрожавшими руками дотронулся до пружинки. Пробило двѣнадцать часовъ, и раздался изъ яйца гимнъ, сочиненный въ честь Екатерины. Затѣмъ яйцо раскрылось. Павелъ Петровичъ ахнулъ отъ удивленія. Въ яйцѣ былъ изображенъ храмъ съ гробомъ Господнимъ. У дверей гроба, заваленнаго камнемъ, стояли два сторожа. Не успѣли смотрѣвшіе налюбоваться мелкой отдѣлкой этой работы, какъ появился въ храмѣ ангелъ, въ бѣлой, какъ снѣгъ, ризѣ, съ золотымъ сіяніемъ вокругъ головы. При его появленіи камень отъ гроба отвалился, часы заиграли «Христосъ Воскресе». Двѣ жены мироносицы подошли къ ангелу.

Павелъ Петровичъ замеръ отъ восторга. Быстрые глазки его такъ и забѣгали отъ золотыхъ фигуръ мироносицъ къ серебряному ангелу. Пухлыя красныя губки его раскрылись, и онъ весь обратился во вниманіе. Но онъ все-таки не успѣлъ разсмотрѣть всего, какъ часы, проигравъ три раза «Христосъ Воскресе», сами собой захлопнулись.

Павелъ Петровичъ съ мольбой въ глазахъ обратился къ матери.

— Вижу,—сказала ему Екатерина,—что тебѣ еще разъ хочется видѣть диковинку, да не знаю, можно ли повторить, не испортивъ механизма часовъ.

Орловъ поспѣшилъ заявить императрицѣ, что отъ этого механизмъ часовъ не испортится, и Кулибинъ, пожавъ еще разъ пружинку, показалъ снова хитропридуманный имъ механизмъ.

— Каждый часъ они выдѣлываютъ такія штуки?— спросилъ великій князь, несовсѣмъ еще пришедшій въ себя отъ удивленія.

— Открываются они, ваше высочество,—отвѣчалъ Кулибинъ,—только восемь разъ въ сутки: отъ осьми часовъ утра до четырехъ пополудни. Въ остальное время они играютъ только каждый часъ: «*Воскресъ Іисусъ изъ гроба*», и только одинъ разъ въ сутки, въ полдень, играютъ ту пѣснь, которую я, недостойный, сложилъ для матушки императрицы. Вотъ она,—и онъ подалъ императрицѣ написанную имъ оду.

— Спасибо тебѣ за подарки,—сказала императрица.—Диковинны твои часы, Кулибинъ, но еще лучше тѣ открытія, которыя ты сдѣлалъ по части механики и химіи. Жалую тебѣ и твоему помощнику по тысячѣ рублей и опредѣляю тебя механикомъ при Академіи Наукъ, съ жалованьемъ по триста *) рублей въ годъ. Завтра получишь объ этомъ указъ.

Кулибинъ поклонился въ ноги императрицѣ; та милостиво подала ему руку, поцѣловавъ которую, механикъ удалился.

— Велите отнести часы въ кунсткамеру,—обратилась императрица къ дежурному флигель-адъютанту,— пусть они останутся потомству на память; пусть удивляются иностранцы искусству нашихъ русскихъ самоучекъ...

*) Въ то время это было большое жалованье, потому что все было тогда дешево: мука ржаная стоила 2 руб. куль, фунтъ говядины 2 к., курица 10 к., полтеленка 50 и 80 к., 1 дес. яицъ 5 к., сажень березовыхъ дровъ 1 р. 20 к., пудъ сѣна 10 к.

ДВА ДЕМИДОВА.

(Изъ разсказа „Русскій чудакъ XVIII столѣтія".)

Въ 1696 году, Петръ Великій, проѣзжая въ Воронежъ, остановился въ Тулѣ и приказалъ спросить тульскихъ кузнецовъ, не возьмутся ли они сдѣлать въ теченіе мѣсяца триста аллебардъ по привезенному имъ съ собою образцу. На вызовъ государя явился только одинъ желающій—крестьянинъ Никита Демидовичъ Демидовъ *).

*) Настоящая фамилія Никиты Демидовича была *Антуфьевъ*, однако онъ и потомки его писались и пишутся *Демидовыми*.

Когда онъ былъ представленъ царю, Петръ, пораженный его высокимъ ростомъ, мужественнымъ лицомъ и стройностью, сказалъ находившимся при этомъ вельможамъ:

— Вотъ молодецъ! Годится въ Преображенскій полкъ, въ гренадеры!

Никита Демидовичъ, сочтя слова государя за повелѣніе поступить въ солдаты, упалъ къ ногамъ Петра и со слезами просилъ помиловать его для престарѣлой матери, у которой онъ былъ единственнымъ сыномъ и опорой.

Государь, посмѣявшись надъ страхомъ Демидова, шутя сказалъ ему:

— Я помилую тебя, если сдѣлаешь аллебарды сходно съ образцомъ.

Никита Демидовичъ возразилъ, что надѣется сдѣлать ихъ гораздо лучше образца и къ назначенному сроку привезетъ ихъ въ Воронежъ. Дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ Демидовъ доставилъ государю аллебарды. Петръ такъ остался доволенъ исполненіемъ заказа, что заплатилъ Демидову вдвое болѣе объявленной цѣны, подарилъ ему, сверхъ того, нѣмецкаго сукна на платье и серебряный ковшъ и обѣщалъ на обратномъ пути заѣхать къ нему въ гости. По пріѣздѣ въ Тулу, Петръ вспомнилъ свое обѣщаніе, осмотрѣлъ небольшой заводъ Демидова, подробно разспросилъ его о кузнечномъ мастерствѣ, похвалилъ его за предпріимчивость и знаніе дѣла и зашелъ къ нему въ домъ. Когда при этомъ Демидовъ поднесъ своему государю отличнаго рейнскаго

вина, государь, ласково потрепавъ его по щекѣ, сказалъ:

— Неприлично тебѣ, Демидычъ, держать такое дорогое вино.

— Государь,—отвѣчалъ немного испуганный хозяинъ,—я сроду не пью никакого, а досталъ французское вино собственно для тебя.

— Отнеси его назадъ,—продолжалъ государь,—и дай мнѣ рюмку нашего русскаго, простого.

Жена Демидова поспѣшила исполнить приказаніе Петра. Онъ выпилъ водку, закусилъ кренделемъ, поцѣловалъ хозяйку въ губы, и, обратясь къ Никитѣ Демидовичу, сказалъ ему:

— Ступай за мной; я хочу кой о чемъ съ тобой поговорить.

Придя къ себѣ на квартиру, государь показалъ Демидову заграничное, искусно отдѣланное ружье и спросилъ, можетъ ли онъ сдѣлать подобное на своемъ заводѣ. Демидовъ отвѣчалъ, что попробуетъ, но за успѣхъ не ручается.

— Я на тебя надѣюсь,—возразилъ Петръ:—когда сдѣлаешь, пріѣзжай ко мнѣ въ Москву.

Демидовъ съ усердіемъ принялся за работу и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, сдѣлалъ шесть ружей, съ которыми и явился къ царю. Петръ, осмотрѣвъ ружья, нашелъ, что они нисколько не хуже заграничныхъ, пожаловалъ Демидову сто рублей, обнялъ его и сказалъ:

— Постарайся, Демидычъ, распространить свой заводъ, а я тебя не оставлю.

Демидовъ, пользуясь расположеніемъ Петра, выпро-

силъ у него для себя нѣсколько десятинъ земли около Тулы и исключительное право добывать желѣзную руду въ окрестностяхъ этого города. По возвращеніи на родину, Никита Демидовичъ выстроилъ на берегу рѣки Тулицы желѣзный заводъ съ вододѣйствующими машинами и занялся поставкою разныхъ воинскихъ снарядовъ въ Пушкарскій приказъ. Рѣдкая честность и дѣятельность, выказанныя при этомъ Демидовымъ, были достойно оцѣнены государемъ. Петръ, со свойственной ему проницательностью, понялъ, какую громадную пользу можетъ принести этотъ смышленый и предпріимчивый человѣкъ русскому горному дѣлу, находившемуся тогда еще въ младенчествѣ, и потому всѣми мѣрами поощрялъ Демидова и покровительствовалъ ему. Никита Демидовичъ вполнѣ оправдалъ ожиданія царя. Получивъ въ свое владѣніе обширныя земли въ Сибири, онъ построилъ въ этомъ краѣ нѣсколько желѣзныхъ заводовъ, открылъ въ Алтаѣ серебряные рудники, а въ Колывани мѣдныя копи, населилъ людьми пустынныя мѣста нынѣшней Пермской губерніи, ввелъ въ Россіи обработку азбеста, или горнаго льна, распространилъ добываніе магнита и вообще, можно сказать безъ преувеличенія, первый положилъ прочное основаніе важнѣйшей отрасли нашей промышленности—горному дѣлу. Богатство Демидова росло необычайнымъ образомъ. Считая себя кругомъ обязаннымъ Петру, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался выказать ему свою признательность. Въ 1715 году, когда у государя родился сынъ, царевичъ Петръ Петровичъ, Демидовъ прислалъ императрицѣ на

зубокъ сто тысячъ рублей—сумму, для того времени весьма значительную. Петръ, съ своей стороны, не переставалъ благодѣтельствовать Демидову: возвелъ его въ 1720 году въ дворянское достоинство, а въ 1722 году, отправляясь въ персидскій походъ, послалъ ему изъ Кизляра свой портретъ при слѣдующемъ письмѣ:

«Демидычъ! Я заѣхалъ зѣло въ горячую сторону; велитъ ли Богъ видѣться? Для чего посылаю тебѣ мою персону. Лей больше пушкарскихъ снарядовъ и отыскивай, по обѣщанію, серебряную руду».

Наслѣдникомъ Никиты Демидовича, умершаго въ 1725 г., былъ сынъ его, Акинфій Никитичъ. Не менѣе отца умный и предпріимчивый, Акинфій Никитичъ въ короткое время почти учетверилъ свое и безъ того громадное состояніе, и оставилъ дѣтямъ, кромѣ заводовъ и домовъ, около тридцати тысячъ душъ крестьянъ и множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и денегъ.

Изъ трехъ сыновей Акинфія Никитича особенно замѣчателенъ старшій, Прокофій Акинфьевичъ, родившійся въ 1710 году. Онъ представляетъ собою полнѣйшій типъ чудака Екатерининскихъ временъ. Люди, подобные Демидову, были неизбѣжнымъ продуктомъ существовавшихъ тогда бытовыхъ отношеній и нравственной неразвитости общества, среди котораго для личности былъ столь же широкій просторъ, сколько и для слѣпого случая. Въ сущности добрые и честные, люди эти, благодаря совершенной необразованности, имѣли самыя узкія и извращенныя понятія о чести, добрѣ и правдѣ; стремленія ихъ были мелки, страсти никогда не сдерживались

разсудкомъ. Всеобщая поблажка вокругъ усиливала въ нихъ озорничество и неуваженіе къ правамъ человѣка, придавала имъ смѣлость и размашистость. и пріучала ставить личный произволъ выше всякаго закона, выше всякой логики.

Прокофій Акинфьевичъ, на тридцать пятомъ году отъ рожденія лишившись отца, получилъ въ свое распоряженіе такое состояніе, что не могъ, говорятъ, съ точностью опредѣлить своихъ доходовъ,—такъ они были значительны. Окончивъ раздѣлъ съ братьями, онъ отправился путешествовать за границу. Цѣль путешествія заключалась, конечно, въ желаніи посмотрѣть на заморскую роскошь и испытать тѣ развлеченія и наслажденія, которыхъ нельзя было достать въ Россіи ни за какія деньги. Останавливаясь во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Европы, Прокофій Акинфьевичъ предавался такой праздной и шумной жизни и дѣлалъ такія чудовищныя закупки разныхъ предметовъ роскоши, что привелъ иностранцевъ въ ужасъ. Пируя на лукулловскихъ праздникахъ Демидова, они съ недоумѣніемъ качали головами и говорили другъ другу на ухо: «Какъ онъ мотаетъ! Съ чѣмъ-то онъ выѣдетъ отсюда?» А Прокофій Акинфьевичъ, между тѣмъ, вслухъ подсмѣивался надъ бѣдностью Европы, отзываясь, что «ему некуда тратить денегъ, и что онъ не можетъ достать для себя даже самое необходимое». Такое безумное бросаніе денегъ, разумѣется, сдѣлало имя Демидова извѣстнымъ за границей. Вездѣ, гдѣ онъ ни проѣзжалъ, его принимали, какъ принца, съ почестями и низкопоклонствомъ. Только въ Англіи, при-

выкшей ко всякимъ эксцентрическимъ выходкамъ, онъ былъ встрѣченъ довольно холодно; практическіе англичане видѣли въ Демидовѣ лишь сумасброднаго богача, не знающаго, какъ прожить деньги, и потому старались сбыть ему свои произведенія по баснословнымъ цѣнамъ. Невнимательность и разсчетливость англичанъ чрезвычайно оскорбили Прокофія Акинфьевича. Онъ рѣшился, во что̀ бы то ни стало, отомстить имъ и исполнилъ свою угрозу самымъ оригинальнымъ образомъ. По возвращеніи въ отечество, онъ скупилъ у русскихъ купцовъ всю пеньку, приготовленную ими для отпуска за границу. Когда открылась навигація, и англійскіе торговцы явились за пенькой, Демидовъ запросилъ съ нихъ впятеро дороже того, что̀ стоилъ товаръ, и принудилъ ихъ уѣхать домой ни съ чѣмъ. Черезъ нѣсколько времени англичане вновь послали въ Россію покупщиковъ, надѣясь, что Демидовъ для собственныхъ выгодъ сдѣлается сговорчивѣе или распродастъ пеньку другимъ купцамъ. Однако, вышло не такъ: къ кому ни обращались прибывшіе торговцы, отъ всѣхъ получали одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Идите къ Демидову,—вся пенька у него.

А Прокофій Акинфьевичъ еще удвоилъ просимую имъ цѣну. Англичане старались всѣми мѣрами склонить Демидова на уступки, говорили, что дѣйствія его противны правиламъ коммерческихъ оборотовъ, угрожали, въ свою очередь, поднять цѣны на англійскіе товары... но Демидовъ не поддавался ни на какія сдѣлки и заставилъ англичанъ вторично уѣхать съ пустыми руками.

Первое время по возвращеніи своемъ изъ-за границы Прокофій Акинфьевичъ поселился въ Петербургѣ, но недолго жилъ здѣсь и переѣхалъ въ Москву. Самолюбивый и избалованный, Демидовъ искалъ почета и извѣстности. Въ Петербургѣ ему трудно было достигнуть желаемаго. Присутствіе Двора сдерживало его произволъ, а придворный блескъ отчасти затмевалъ пышность, которою онъ окружилъ себя. Въ Москвѣ же этихъ неудобствъ не существовало. Тамъ Демидовъ могъ жить полновластнымъ господиномъ и, ничѣмъ не стѣсняясь, на просторѣ предаваться всѣмъ причудамъ и дурачествамъ, которыя только приходили ему въ голову.

У Прокофія Акинфьевича было нѣсколько домовъ въ Москвѣ; однако, онъ, не находя ихъ удобными для своего помѣщенія, выстроилъ на Басманной, близъ Разгуляя, новый домъ самой затѣйливой архитектуры и обшилъ его снаружи желѣзомъ. Когда въ сосѣдствѣ случались пожары, Демидовъ приказывалъ лишь закрывать окна желѣзными ставнями и затѣмъ продолжалъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ, зная, что жилище его совершенно безопасно отъ огня. Внутренняя отдѣлка дома была великолѣпна и вполнѣ соотвѣтствовала колоссальному богатству хозяина. Масса золота, серебра и самородныхъ камней ослѣпляли глаза; на стѣнахъ, обитыхъ штофомъ и бархатомъ, красовались рѣдчайшія картины; зеркальныя окна и лѣстница были уставлены рѣдкими растеніями; мебель изъ пальмоваго, чернаго и розоваго дерева поражала своей тончайшей, какъ кружево, рѣзьбой; на мозаиковыхъ полахъ лежали ковры изъ

тигровыхъ, собольихъ и медвѣжьихъ шкуръ; на потолкахъ были развѣшаны въ золотыхъ клѣткахъ птицы всѣхъ странъ свѣта; по комнатамъ гуляли ручныя обезьяны, орангутанги и другіе звѣри; въ мраморныхъ бассейнахъ плавали разнородныя рыбы; мелодическіе звуки органовъ, искусно вдѣланныхъ въ стѣны, увеселяли слухъ посѣтителей; въ столовой фигурные серебряные фонтаны били виномъ,—словомъ, Демидовъ сосредоточилъ въ своемъ домѣ всю роскошь и великолѣпіе, которыя только были доступны тогдашнему искусству и фантазіи.

Добиваясь лишь того, чтобы о немъ всѣ говорили, Прокофій Акинфьевичъ не пренебрегалъ для этого никакими средствами: не жалѣлъ денегъ, тратилъ ихъ, не считая, съ неслыханной до того расточительностью, и велъ такой странный образъ жизни, что скоро, дѣйствительно, вся Россія наполнилась разсказами о его причудливыхъ выходкахъ.

Необыкновенная щедрость Прокофія Акинфьевича привлекала къ нему со всѣхъ сторонъ множество нищихъ, юродивыхъ, аферистовъ и мошенниковъ мелкой руки, старавшихся разными хитростями и штуками выманивать у него деньги. Демидовъ безъ разбора принималъ къ себѣ каждаго просителя, вступалъ съ нимъ въ разговоры, выспрашивалъ о нуждѣ, почти никогда не отказывалъ въ помощи дѣйствительному бѣдняку, нерѣдко помогалъ плуту и тунеядцу, но при этомъ непремѣнно потѣшался и глумился надъ нимъ. Такъ, напримѣръ, онъ вызывалъ охотниковъ пролежать у него

въ домѣ на спинѣ круглый годъ, не вставая съ постели. Когда находился желающій, ему отводили особенную комнату и приставляли особыхъ людей, которые ни днемъ, ни ночью не спускали съ него глазъ и удовлетворяли всѣмъ его требованіямъ относительно кушаній и напитковъ. Если субъектъ выдерживалъ испытаніе, то получалъ въ награду нѣсколько тысячъ рублей; въ противномъ случаѣ его безпощадно сѣкли и выгоняли вонъ. Подобнымъ же образомъ, только за меньшую плату, поступалъ Демидовъ съ согласившимися простоять передъ нимъ цѣлый часъ не мигая, въ то время, какъ онъ безпрестанно махалъ и тыкалъ пальцемъ около самыхъ глазъ ихъ.

Въ Москвѣ проживалъ одинъ армянинъ, извѣстный тогда всѣмъ подъ именемъ «Тараса Макарыча», человѣкъ недальняго ума, страстный игрокъ и пьяница. Какъ-то онъ зашелъ къ Демидову поздравить его съ праздникомъ. Прокофій Акинфьевичъ обрадовался вѣрному случаю позабавиться, и предложилъ Тарасу Макарычу сыграть въ карты, съ условіемъ, чтобы проигрышъ послѣдняго отмѣчался у него на лицѣ углемъ. Тарасъ Макарычъ, конечно, согласился. Въ теченіе игры Демидовъ усердно подпаивалъ его самымъ крѣпкимъ виномъ, такъ что Тарасъ Макарычъ скоро свалился на полъ мертвецки пьяный. Тогда Прокофій Акинфьевичъ велѣлъ принести гробъ, уложилъ въ него своего партнера, связалъ ему крестъ-на-крестъ руки, всунулъ пукъ ассигнацій, приказалъ закрыть его крышкой, взвалить на дроги и отвезти къ женѣ. Подъѣхавъ къ дому, гдѣ жилъ Тарасъ Ма-

карычъ, провожатый бросилъ гробъ среди двора и скрылся. На лай собакъ сбѣжались хозяйка, жильцы и сосѣди. Увидя разрисованнаго углемъ Тараса Макарыча, лежащимъ въ гробу, они подняли страшный вой и крики, которые наконецъ разбудили покойника. Можно судить, какой испугъ и изумленіе произвело на присутствовавшихъ такое неожиданное воскресеніе изъ мертвыхъ!

При проѣздѣ черезъ Москву какого-то важнаго лица Прокофій Акинфьевичъ сдѣлалъ въ честь его большой обѣдъ, на который позвалъ болѣе ста человѣкъ. Но важное лицо передъ самымъ обѣдомъ прислало сказать, что не можетъ пріѣхать, потому что отозвано къ генералъ-губернатору. Взбѣшенный Демидовъ приказалъ втащить въ столовую свинью, посадилъ ее на почетное мѣсто и въ теченіе всего обѣда самъ служилъ ей. Свинья, пораженная видомъ многочисленнаго общества и новостью своего положенія, страшнымъ образомъ хрюкала и рвалась, а Прокофій Акинфьевичъ подносилъ ей самыя дорогія кушанья, кланялся въ поясъ и приговаривалъ:

— Кушайте, ваше сіятельство, на здоровье; не брезгайте моимъ хлѣбомъ и солью; вѣкъ не забуду вашего одолженія!

Графъ Панинъ *), благоволившій къ тогдашнему московскому вице-губернатору Собакину, просилъ императрицу назначить его сенаторомъ на открывшуюся вакан-

*) Панинъ графъ, Никита Ивановичъ, наставникъ великаго князя Павла Петровича, канцлеръ, сенаторъ (1718—1783).

сію. Демидовъ, находившійся съ Собакинымъ въ ссорѣ, старался всячески помѣшать этому назначенію. Но просьба Панина была, конечно, уважена, и Собакинъ получилъ званіе сенатора. Прокофій Акинфьевичъ, разсерженный неудачей, чтобы досадить Панину, прибилъ къ воротамъ своего дома картину, на которой были изображены двѣ фигуры: одна—въ старинномъ парикѣ и костюмѣ, обыкновенно носимомъ Панинымъ, а другая—поразительно похожая на Собакина. Внизу картины огромными буквами красовалась слѣдующая надпись: «Собакинъ, архи-парикмахеръ, только-что возвратившійся изъ Парижа, предлагаетъ свои услуги почтеннѣйшей публикѣ. Адресоваться къ г. Панонину». При этомъ слогъ «но» былъ такъ замазанъ грязью, что съ перваго взгляда никто не могъ его разобрать. Выходка Демидова была доведена до свѣдѣнія императрицы. Она хотѣла было наказать Прокофія Акинфьевича, но Панинъ самъ уговорилъ ее не обращать на это вниманія. Демидовъ, однако, не удовольствовался этимъ и распространилъ при Дворѣ нѣсколько стихотворныхъ пасквилей насчетъ Панина и Собакина. Такая дерзость вывела государыню изъ терпѣнія; она приказала собрать и отправить всѣ пасквили къ московскому генералъ-губернатору съ повелѣніемъ сжечь ихъ черезъ палача въ присутствіи Демидова. Когда Прокофію Акинфьевичу была объявлена резолюція императрицы, онъ попросилъ только, чтобъ ему заблаговременно дали знать, гдѣ и когда будетъ исполненъ приговоръ. Въ назначенный день онъ откупилъ всѣ квартиры, выходившія окнами на площадь,

среди которой должно было совершаться ауто-да-фе, приготовилъ въ этихъ квартирахъ обильные завтраки, пригласилъ на нихъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ и явился самъ съ хоромъ пѣсенниковъ и двумя оркестрами музыкантовъ. Въ то время, какъ палачъ жегъ пасквили, Прокофій Акинфьевичъ пировалъ съ своими пріятелями подъ громкіе и веселые звуки музыки.

Странности Демидова увеличивались съ каждымъ годомъ. Въ одно прекрасное и жаркое іюньское утро ему пришла фантазія прокатиться въ саняхъ и насладиться зимнимъ путемъ. Для этого онъ закупилъ всю находившуюся въ Москвѣ соль и велѣлъ посыпать ею трехверстное пространство аллеи, которая соединяла его подмосковное имѣніе съ почтовой дорогой. Проѣхавшись два раза по импровизированному искусственному снѣгу, между ощипанныхъ за большія деньги березъ, представлявшихъ аксессуары вымышленной зимы, Прокофій Акинфьевичъ, весьма довольный, возвратился домой и черезъ минуту уже позабылъ о своей оригинальной прогулкѣ. Соль, истоптанная копытами тройки, сдѣлалась достояніемъ всякаго, кто хотѣлъ ее подбирать.

Прокофій Акинфьевичъ ѣздилъ по Москвѣ не иначе, какъ цугомъ, въ колымагѣ, окрашенной яркооранжевой краской. Цугъ состоялъ изъ двухъ маленькихъ лошадей въ корню, двухъ огромныхъ въ серединѣ съ форейторомъ-карликомъ, и двухъ также небольшихъ лошадей впереди съ форейторомъ столь высокаго роста, что длинныя ноги его тащились по мостовой. Ливреи лакеевъ вполнѣ гармонировали съ упряжью: одна поло-

вина была сшита изъ золотого галуна, другая—изъ самой грубой сермяги; одна нога лакея была обута въ шелковый чулокъ и лакированный башмакъ, другая—въ онучи и лапоть. Когда вошло въ моду носить очки, Демидовъ надѣлъ ихъ не только на свою прислугу, но даже на лошадей и собакъ.

Перечисляя странности Демидова, было бы несправедливо умолчать о тѣхъ пожертвованіяхъ его, которыя заставили многихъ современниковъ произносить имя Прокофія Акинфьевича съ уваженіемъ и благодарностью и которыя не должны быть забыты потомствомъ.

Въ 1771 году Демидовъ въ письмѣ къ Бецкому *), признавая, что императрица Екатерина II учрежденіемъ воспитательнаго дома «многія беззаконія и звѣрскія злодѣйства предупредила и отвратила», выразилъ желаніе «имѣть о несчастныхъ всякое попеченіе» и обѣщалъ: «начатое въ Москвѣ каменное строеніе воспитательнаго дома достроить своимъ иждивеніемъ, вспомоществовать открытію ссудной казны и родильнаго госпиталя въ С.-Петербургѣ и не переставать оказывать благотворенія во вѣки, доколѣ могъ пользоваться преимуществами и защищеніемъ дома». Вслѣдъ за этимъ письмомъ Демидовъ прислалъ Бецкому 200.000 рублей ассигнаціями.

Въ 1772 году Прокофій Акинфьевичъ письменно изъявилъ Бецкому намѣреніе завести на свой счетъ коммерческое училище и опредѣлилъ на его содержаніе вѣчный капиталъ въ 205.000 рублей. Разсмотрѣнный особой

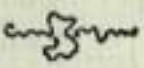
*) Бецкій, Иванъ Ивановичъ, главный попечитель воспитательныхъ домовъ и шефъ шляхетскаго кадетскаго корпуса (1704—1795).

комиссіей планъ «Воспитательнаго училища изъ купеческихъ дѣтей для коммерціи» и докладъ Бецкаго о пожертвованіи Демидова были Высочайше утверждены 6-го декабря 1772 года, при чемъ Прокофій Акинфьевичъ, не имѣвшій никакого чина, пожалованъ прямо въ статскіе совѣтники.

Кромѣ воспитательнаго дома, Прокофій Акинфьевичъ поддерживалъ своими пожертвованіями и Московскій университетъ. Въ январѣ 1779-го года онъ прислалъ Шувалову *) «для нуждъ университета» 10.000 рублей, и въ томъ же году, въ іюнѣ, когда университетъ праздновалъ свой актъ, и одинъ изъ студентовъ, обратясь къ Демидову, сказалъ привѣтственное слово, Прокофій Акинфьевичъ прислалъ Шувалову еще 10.000 рублей. Сумма, пожертвованная Демидовымъ, была отдана въ московскій банкъ съ тѣмъ, чтобы на получаемые съ нея проценты могли содержаться шестеро студентовъ.

Вообще, Прокофій Акинфьевичъ въ теченіе своей жизни пожертвовалъ на разныя богоугодныя и общественныя учрежденія около полутора милліона рублей.

Демидовъ умеръ 4-го ноября 1786 года и былъ погребенъ съ большимъ великолѣпіемъ въ Донскомъ монастырѣ, за алтаремъ Срѣтенской церкви.

*) Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, основатель Московскаго университета, оберъ-камергеръ (1727—1798).

ДЕНЬ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА.

Русскій «чудо-богатырь» Суворовъ остался загадкою для потомства. Быстрый, рѣшительный, предпріимчивый не только въ военныхъ дѣйствіяхъ, но и въ своихъ поступкахъ, разнообразный до безконечности, какъ разнообразны были окружавшія его обстоятельства, великій вождь и въ то же время странный старикъ, который то шалитъ, какъ ребенокъ, то обманываетъ мыслью цѣлый міръ, рѣшаетъ въ своемъ умѣ самые сложные вопросы, касавшіеся счастья милліоновъ людей или судьбы государства. Человѣкъ, обладавшій всѣми способами и

средствами по своему званію, но не пользуется ими, презираетъ роскошь, спитъ на соломѣ, пьетъ воду, довольствуется солдатскимъ сухаремъ, борется съ собственными страстями, обуздываетъ ихъ и остается побѣдителемъ въ этой борьбѣ, какъ и въ дѣйствительной войнѣ. Истинные свои замыслы онъ всегда прикрываетъ фарсами и лаконическими остротами.

Дѣянія Суворова принадлежатъ исторіи, мы ихъ не коснемся, но возьмемъ одну его частную жизнь и домашнія привычки, которыя почерпнемъ изъ разсказовъ его приближенныхъ и слугъ.

Всѣхъ его слугъ было пятеро: старшимъ изъ нихъ былъ его камердинеръ, Прохоръ Дубасовъ, болѣе извѣстный подъ именемъ «Прошки». Этотъ вѣрный слуга фельдмаршала пережилъ своего барина и умеръ въ 1823 году, восьмидесяти лѣтъ. Въ уваженіе заслугъ его господина, въ день открытія памятника Суворову на Царицыномъ лугу *), онъ былъ пожалованъ императоромъ Александромъ I въ классный чинъ съ пенсіею въ 1.200 рублей въ годъ. Помощникомъ этого камердинера, или, какъ его называли, подкамердинеръ, былъ сержантъ, Иванъ Сергѣевъ; онъ находился при Суворовѣ шестнадцать лѣтъ безотлучно и поступилъ къ нему въ 1784 году изъ Козловскаго мушкатерскаго полка; впослѣдствіи онъ находился при сынѣ героя, Аркадіѣ Александровичѣ, до самой его смерти, постигшей сына въ той

*) Поставленнымъ въ 1801 году, по модели ваятеля Козловскаго, сперва на Марсовомъ полѣ; потомъ былъ отнесенъ къ берегу Невы, по приказанію императора Александра I.

же рѣкѣ, которая доставила отцу славное имя «Рымникскаго». Третьимъ подкамердинеромъ, или, вѣрнѣе, денщикомъ Суворова, былъ сержантъ Илья Сидоровъ; затѣмъ прислуживалъ генералиссимусу еще фельдшеръ, который по временамъ пускалъ ему кровь. Въ тѣ годы кровопусканіе считалось единственнымъ средствомъ отъ многихъ болѣзней, и многіе прибѣгали къ нему. Пятымъ приближеннымъ слугою Суворова былъ поваръ «Матька». Вся эта прислуга спала возлѣ спальни Суворова; на первый призывъ его являлась къ нему.

День Суворова начинался съ первыми пѣтухами; въ первомъ часу онъ приказывалъ будить себя, но въ военное время онъ пробуждался еще ранѣе, и даже нерѣдко и въ мирное время онъ дѣлалъ ученье полкамъ въ ночное время. Ночной бой, говаривалъ Суворовъ, выгоденъ тому, кто отваженъ и смѣлъ, ибо тутъ число войска не видно и мало значитъ, да и отъ стрѣльбы толку мало. Ночной походъ тоже служитъ въ пользу тому, кто любитъ являться передъ непріятелемъ внезапно. Суворовъ приказывалъ себя будить, не слушая никакихъ его отговорокъ.

— Если не послушаю, тащи меня за ногу!

Спалъ Суворовъ на сѣнѣ, укладенномъ такъ высоко, какъ парадная постель. Надъ сѣномъ постилалась толстая парусинная простыня, на нее тонкая полотняная, въ головахъ двѣ его пуховыя подушки, которыя всюду за нимъ возились; третья простыня служила ему вмѣсто одѣяла. Въ холодное время онъ сверхъ простыни накрывался своимъ синимъ плащемъ. Ложился въ постель Су-

воровъ безъ рубашки. Вставъ съ постели, неодѣтый, нагишомъ, онъ начиналъ бѣгать взадъ и впередъ по спальнѣ, а въ лагерѣ по своей палаткѣ; нерѣдко въ лѣтнее время онъ бѣгалъ въ такомъ видѣ въ садъ, гдѣ и маршировалъ въ тактъ. Это продолжалось съ часъ времени; во время такихъ эволюцій онъ держалъ въ рукахъ тетрадки и твердилъ татарскіе, турецкіе и корельскіе слова и разговоры. Для практики въ послѣднемъ языкѣ онъ у себя держалъ нѣсколько кореловъ изъ собственныхъ своихъ новгородскихъ вотчинъ. Послѣ такого урока, онъ умывался; ему, по обыкновенію, приносили въ спальню два ведра самой холодной воды и большой мѣдный тазъ; въ продолженіе получаса онъ выплескивалъ изъ ведеръ воду себѣ на лицо, говоря, что это помогаетъ глазамъ. Послѣ этого его камердинеръ долженъ былъ оставшуюся воду тихонько лить ему на плечи, такъ, чтобы вода стекала ручейкомъ, катилась по локтямъ, для чего онъ и держалъ локти въ такомъ положеніи. Мытье оканчивалось во второмъ часу ночи. Обтирался Суворовъ передъ каминомъ; въ это время входилъ въ спальню его поваръ Матька съ чаемъ; онъ только одинъ имѣлъ право наливать ему чай и даже въ его присутствіи кипятить воду. Наливъ половину чашки, онъ подавалъ ему отвѣдывать; если чай былъ крѣпокъ, разбавлялъ водою. Суворовъ любилъ черный чай, лучшаго качества, и еще приказывалъ его просѣвать сквозь сито. Чай онъ выписывалъ изъ Москвы черезъ своего управляющаго, и при выпискѣ наказывалъ, чтобы прислалъ ему «наилучшаго, какой только обрѣтаться мо-

жетъ... По цѣнѣ купи, какъ бы тебѣ дорогъ ни показался, выбери его черезъ знатоковъ, да перешли мнѣ очень сохранно, чтобы посторонняго духа онъ отнюдь не набрался, а соблюдалъ бы свой духъ весьма чистый».

Въ скоромные дни онъ пилъ по три чашки со сливками, безъ хлѣба и безъ сухарей; въ постные дни безъ сливокъ, и строго наблюдалъ всѣ посты, не исключая среды и пятницы. А во время Страстной недѣли Суворовъ ничего не ѣлъ, а только пилъ одинъ черный чай безъ хлѣба.

При подачѣ чая, требовалъ бѣлой бумаги для записыванія своихъ уроковъ и вытверженнаго имъ. Суворовъ не писалъ чернилами, а всегда тушью. Письма онъ писалъ на толстой бумагѣ, иногда на небольшихъ клочкахъ, самымъ мельчайшимъ почеркомъ; слогъ его былъ кратокъ и мужественъ, и въ выборѣ выраженій такъ мѣтокъ, что онъ никогда написаннаго не поправлялъ. Запечатывалъ онъ ихъ самымъ дорогимъ сургучомъ и огромной печатью съ знаменами, пушками и саблями съ надписью: «Virtute et veritate», т.-е. «доблесть и вѣрность»—девизъ Суворова.

Послѣ чая онъ спрашивалъ повара, что̀ онъ будетъ готовить и что̀ будетъ у него для гостей. Поваръ отвѣчалъ, что̀ будетъ. «А для меня что?» спрашивалъ Суворовъ. Въ постный день поваръ отвѣчалъ: «уха», а въ скоромный — «щи»; вторымъ блюдомъ было жаркое. Сладкаго Суворовъ никогда не ѣлъ, соусовъ также. Большой же званый обѣдъ для гостей у него былъ изъ семи блюдъ, и никогда болѣе. Если кто желалъ угостить

обѣдомъ Суворова, то приглашалъ къ себѣ его повара; другой стряпни онъ не ѣлъ. Суворовъ очень любилъ, когда у него обѣдали и говорили много за столомъ, но кто много ѣлъ, онъ терпѣть тѣхъ не могъ.

Разъ одинъ пріѣзжій иностранецъ обѣдалъ у него и удивилъ его и всѣхъ присутствующихъ своимъ аппетитомъ. Всякое блюдо быстро исчезало. Суворовъ смотрѣлъ съ изумленіемъ. На другой день не могъ онъ позабыть этого посѣщенія и сказалъ:

— Ну, спасибо гостю, онъ первый изволилъ отдать справедливость искусству моего повара, ѣлъ, какъ будто у него нѣтъ желудка. Онъ не подходитъ подъ указъ Петра Перваго объ отпускѣ прожорамъ двухъ пайковъ: для него мало и четырехъ.

Суворовъ неохотно тратилъ деньги на парадные обѣды. Потемкинъ много разъ напрашивался къ нему на обѣдъ. Суворовъ всячески отшучивался; но, наконецъ, вынужденъ былъ пригласить его съ многочисленною свитою. Суворовъ призываетъ къ себѣ Матонé, метрдотеля, служившаго у Потемкина, заказываетъ ему роскошный обѣдъ и проситъ его не щадить денегъ на яства, а для себя приказываетъ своему повару изготовить два постныя блюда. Обѣдъ вышелъ роскошнѣйшимъ и удивилъ даже самого Потемкина, привыкшаго къ роскоши. По выраженію Суворова, за столомъ «рѣка виноградныхъ слезъ несла на себѣ пряности обѣихъ Индій». Но самъ онъ, кромѣ двухъ блюдъ, подъ предлогомъ нездоровья, ничего не ѣлъ. На другой день, когда Матонé представилъ ему счетъ, простиравшійся за тысячу ру-

блей, то Суворовъ отказался платить его и только надписалъ на немъ: «я ничего не ѣлъ», и отправилъ его къ Потемкину, который тотчасъ заплатилъ, сказавъ:

— Дорого стоитъ мнѣ Суворовъ!

Но возвратимся опять къ утру Суворова. Послѣ чая онъ, все еще не одѣтый, садился на софу и начиналъ пѣть по нотамъ духовные концерты: Бортнянскаго и Сарти; такое пѣніе продолжалось цѣлый часъ; онъ очень любилъ пѣть, голосъ у него былъ басъ. У Суворова, въ московскомъ домѣ, близъ церкви Вознесенья, у Никитскихъ воротъ, жили даже крѣпостные пѣвчіе и музыканты. Онъ ихъ тамъ держалъ для усовершенствованія въ музыкѣ и пѣніи и приказывалъ ходить учиться къ другимъ, славившимся тогда по Москвѣ, какъ, напримѣръ, Голицынскимъ. Во время своего житья въ деревнѣ, пѣвчіе эти переводились изъ Москвы въ имѣніе.

Послѣ пѣнія Суворовъ спѣшилъ одѣваться; туалетъ свой онъ совершалъ не болѣе какъ пять минутъ, и въ концѣ послѣдняго еще умывалъ лицо холодною водою. Вслѣдъ затѣмъ онъ приказывалъ своему камердинеру Прошкѣ позвать своего адъютанта, полковника Данилу Давыдовича Мандрыкина, съ дѣлами.

Ранѣе еще семи часовъ Суворовъ отправлялся на разводъ, и здѣсь каждый разъ прочитывалъ свой катехизисъ, состоящій изъ слѣдующихъ военныхъ афоризмовъ: «Братцы! Смѣлость, храбрость, бодрость, экзерциція, побѣда и слава! Береги пулю на три дня. Перваго коли, второго коли, а третьяго съ пули убей... Ученый одинъ, а неученыхъ десять. Намъ мало трехъ. Да-

вай намъ шесть, давай намъ десять на одного... Всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ... Стрѣляй рѣдко, да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко. Пуля обмишулится, а штыкъ не обмишулится; пуля дура, штыкъ молодецъ».

Къ разводу Суворовъ выходилъ въ мундирѣ того полка, какой былъ тогда въ караулѣ. Послѣ развода, если не было докладовъ и дѣлъ, онъ призывалъ инженернаго полковника Фалькони для чтенія иностранныхъ газетъ. Суворовъ выписывалъ до двѣнадцати заграничныхъ газетъ: шесть французскихъ и шесть нѣмецкихъ, и, кромѣ того, «Московскія» и «Петербургскія Вѣдомости». Изъ оставшихся послѣ Суворова расходныхъ книгъ видно, что онъ на газеты тратилъ въ годъ около трехсотъ рублей.

По окончаніи чтенія газетъ, Суворовъ спрашивалъ, подано ли кушанье. Садился онъ за столъ въ восемь часовъ утра, а когда у него былъ парадный обѣдъ, то часомъ позднѣе. Передъ обѣдомъ онъ пилъ рюмку тминной сладкой водки, иногда на мѣсто ея золотой, а когда страдалъ желудкомъ, то выпивалъ рюмку пѣнника съ толченымъ перцемъ. Закусывалъ водку всегда рѣдькой. Приборъ за столомъ у него былъ самый простой: оловянная ложка, ножъ и вилка съ бѣлыми костяными черенками; на серебрѣ онъ не ѣлъ, говоря: «въ серебрѣ есть ядъ». Суворовъ никогда не садился на хозяйское мѣсто, а всегда сбоку, по правую сторону стола, на самомъ углу. Передъ обѣдомъ, идучи къ столу, онъ читалъ громко: «Отче нашъ». Кушанья не ставили на столъ, а

носили прямо изъ кухни, съ огня, горячее въ блюдахъ, обнося каждаго гостя, и начиная со старшихъ. Суворову подносили не всякое блюдо, а только то, которое онъ кушалъ; Суворовъ наблюдалъ величайшую умѣренность въ пищѣ,—онъ часто страдалъ разстройствомъ желудка. Камердинеръ его, Прошка, всегда стоялъ позади его стула и не допускалъ его съѣсть лишнее, прямо отымая тарелку, не убѣждаясь никакими просьбами, потому что зналъ, что, въ случаѣ нездоровья Суворова, онъ же будетъ въ отвѣтѣ и подвергнется строгому взысканію: «Зачѣмъ давалъ лишнее ѣсть!» И если въ такой моментъ разгнѣванный его баринъ спрашивалъ, по чьему приказанію онъ это дѣлаетъ, то онъ отвѣчалъ:

— По приказанію фельдмаршала Суворова.

— Ему должно повиноваться,—говорилъ Суворовъ.

Часто Прошка обходился весьма дерзко со своимъ бариномъ, что̀ случалось, по большей части, оттого, что онъ былъ постоянно пьянъ; но Суворовъ снисходилъ ему, потому, что онъ нѣкогда спасъ его жизнь. Король Сардинскій, Карлъ Эммануилъ, прислалъ Прошкѣ двѣ медали на зеленыхъ лентахъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ императора Павла I, на другой—своего портрета, съ латинскою надписью: «За сбереженіе здоровья Суворова». Прошка всегда носилъ ихъ на груди.

Въ продолженіе обѣда Суворовъ пилъ немного венгерскаго или малагу, а въ торжественные дни—шампанское. Суворовъ никогда не завтракалъ и не ужиналъ. Лакомствъ и плодовъ онъ не любилъ; изрѣдка только, вмѣсто ужина, подавали ему нарѣзанный ломтиками ли-

монъ и обсыпанный сахаромъ, да иногда ложечки три варенья, которыя онъ запивалъ сладкимъ виномъ.

Во время походовъ Суворовъ никогда не обѣдывалъ одинъ; столъ его накрывался на пятнадцать, на двѣнадцать персонъ для генераловъ и прочихъ чиновъ, составлявшихъ его свиту. За столомъ Суворовъ имѣлъ предразсудки: не терпѣлъ, чтобы брали соль ножомъ изъ солонки, двигали ее съ мѣста или ему подавали: каждый долженъ былъ отсыпать себѣ на скатерть соли, сколько ему угодно, и тому подобное...

Послѣ стола всегда крестился три раза; вообще онъ молился очень усердно и всегда съ земными поклонами, утромъ и вечеромъ, по четверти часа и долѣе. Во время Великаго поста въ его комнатахъ всякій день отправлялась Божественная служба; а когда говѣлъ онъ, во всю недѣлю пилъ одинъ чай, безъ хлѣба. Во время Божественной службы у себя дома, какъ и въ деревнѣ, онъ всегда служилъ дьячкомъ, зная церковную службу лучше многихъ причетниковъ. О Святой недѣлѣ, отслушавъ заутреню и раннюю обѣдню въ церкви, онъ становился въ ряду съ духовенствомъ и христосовался со всѣми, кто бы ни былъ въ церкви. Во все это время его камердинеры стояли сзади его, съ лукошками крашеныхъ яицъ, и Суворовъ каждому подавалъ яйцо, а самъ ни отъ кого не бралъ. Во всю Святую недѣлю пасха и куличъ не сходили съ его стола и предлагались каждому изъ гостей.

Въ Троицынъ день и Семикъ онъ праздновалъ по старинному русскому обычаю; обѣдывалъ всегда съ го-

стями въ рощѣ подъ березками, украшенными разноцвѣтными лентами, при пѣніи пѣвчихъ или пѣсенниковъ и при хорахъ музыки. Послѣ обѣда самъ игралъ въ хороводахъ съ дѣвушками и съ солдатами. Въ походахъ, во время Святокъ, если это случалось въ городахъ, то всегда праздновалъ ихъ шумно, приглашая множество гостей, забавлялся игрою въ фанты и въ другія игры, и особенно очень любилъ игру: «живъ, живъ курилка».

На масленицѣ онъ очень любилъ гречневые блины и катанье съ горъ. А также на этой недѣлѣ давалъ балы, иногда раза три въ недѣлю. Самъ онъ на нихъ присутствовалъ до обыкновеннаго своего часа сна, и когда тотъ наступалъ, онъ потихоньку уходилъ отъ гостей въ спальню, давая гостямъ веселиться до утра. Именины и день своего рожденія никогда не праздновалъ, но всегда съ большимъ почтеніемъ праздновалъ торжественные царскіе дни: въ эти дни онъ бывалъ въ церкви во всѣхъ орденахъ и во всемъ парадѣ, и послѣ обѣдни приглашалъ гостей, а иногда дѣлалъ балъ.

Въ обыкновенные дни, послѣ обѣда, Суворовъ умывался, выпивалъ стаканъ англійскаго пива съ натертой лимонной коркой и съ сахаромъ, затѣмъ раздѣвался совсѣмъ до-гола и ложился въ свою постель спать часа на три. Вставъ послѣ сна, онъ одѣвался очень быстро. Одежда его, кромѣ бѣлья, состояла изъ нижняго канифаснаго платья съ гульфиками; садясь на стулъ, онъ надѣвалъ наколѣнники и китель, бѣлый канифасный съ рукавами. Это былъ его домашній, комнатный нарядъ. И въ заключеніе надѣвалъ на шею Аннинскій или Але-

ксандровскій орденъ. Зимою ни въ какой морозъ не носилъ онъ мѣхового платья, ни даже теплыхъ фуфаекъ или перчатокъ, хотя бы цѣлый день долженъ былъ стоять на морозѣ. Плаща и сюртука не надѣвалъ въ самый большой дождь. Въ самые суровые морозы, подъ Очаковымъ, Суворовъ въ лагерѣ былъ въ одномъ суперветѣ съ каской на головѣ, а въ царскіе дни—въ мундирѣ и въ шляпѣ, и всегда безъ перчатокъ. Императрица Екатерина II пожаловала ему дорогую соболью шубу польскаго покроя, крытую разрѣзнымъ зеленымъ бархатомъ съ золотыми петлицами и кистями. Но Суворовъ никогда не надѣвалъ ея и только изъ повиновенія раза два надѣвалъ, когда выходилъ изъ кареты, въ которой съ большимъ уваженіемъ возилъ ее. Зимою Суворовъ любилъ, чтобъ въ комнатахъ его было такъ тепло, какъ въ банѣ; дома онъ разгуливалъ безъ всякаго платья по комнатамъ. Въ Варшавѣ и въ Херсонѣ его квартиры были всегда съ садомъ, по которому онъ и бѣгалъ всегда въ одномъ бѣльѣ и въ сапогахъ.

Квартира его состояла по большей части изъ трехъ комнатъ. Первая комната была его спальня и вмѣстѣ съ тѣмъ кабинетъ, вторая шла за столовую, гостиную и залу, а третья назначалась для его слугъ. Въ спальнѣ его всегда до разсвѣта горѣли двѣ восковыя свѣчи, а въ камердинерской, возлѣ его спальни, горѣла одна сальная, въ тазу, во всю ночь.

Суворовъ часто спалъ навзничь, и оттого подвергался приливамъ и кричалъ во снѣ; во время такихъ припадковъ прислуга должна была будить его. Суво-

ровъ очень любилъ мазаться помадою и прыскаться духами; особенно онъ любилъ оделаванъ, которымъ всякій день смачивалъ узелокъ своего платка. Табаку онъ никогда не курилъ, но любилъ нюхать очень часто рульной табакъ. Табакерку въ будничные дни онъ имѣлъ золотую, а въ праздники осыпанную брилліантами; такихъ у него было нѣсколько, все подарки царственныхъ особъ; онъ не любилъ также, чтобы нюхали его табакъ. Исключеніе было только для князя Г. С. Волконскаго, съ которымъ онъ былъ въ большой дружбѣ. Онъ не терпѣлъ, чтобы въ домѣ его были зеркала, и если въ отведенной ему квартирѣ оставались такія, то ихъ закрывали простынями.

— Помилуй Богъ!—говорилъ онъ,—я не хочу видѣть другого Суворова.

Если же случалось ему увидѣть незакрытое зеркало, то тотчасъ отвернется и во всю прыть проскачетъ мимо, чтобы не увидѣть себя. Однажды только въ Херсонѣ, по усиленной просьбѣ дамъ, позволилъ онъ поставить въ дальней, задней комнатѣ маленькое зеркало, которое онъ прозвалъ «для дамъ-кокетокъ», и самъ въ эту комнату не входилъ. Да и дамы послѣ такого его отзыва не рѣшались туда итти.

Во время пребыванія Суворова въ Таврическомъ дворцѣ, по приказу императрицы, самое точное вниманіе было оказываемо къ причудамъ фельдмаршала, уже не говоря о томъ, что всѣ зеркала были завѣшаны и дорогая мебель вынесена; но и комнаты были приспособлены такъ, какъ у него въ домѣ. Такъ, для спаль-

ной назначили комнату, гдѣ есть каминъ; для кабинета же особой комнаты не дали. Въ спальнѣ фельдмаршала, посрединѣ, къ стѣнѣ настлали сѣна, которое покрыли простыней и одѣяломъ; въ головы положили двѣ большія подушки, что̀ составляло всегдашнюю его постель. У окна поставили столъ для письма, двое креселъ и маленькій столикъ, на которомъ его поваръ Матька разливалъ чай. Кушанья для Суворова, подъ надзоромъ послѣдняго, приготовляли въ пяти горшечкахъ. Въ скоромные дни были: вареная съ разными пряными веществами говядина, подъ названіемъ духовой, щи изъ свѣжей или кислой капусты; иногда калмыцкая похлебка—башбармакъ, пельмени, каша изъ разныхъ крупъ и жаркое изъ дичи или телятины. Въ постные дни: бѣлые грибы, различно приготовленные, пироги съ грибами, иногда жидовская щука; готовилась она такъ: снимутъ съ щуки кожу, не отрѣзывая головы, и, очистивъ мясо отъ костей, растираютъ его съ разными пряностями; фаршируютъ имъ щучью кожу и, сваривъ, подаютъ съ хрѣномъ... Суворовъ любилъ и просто разварную щуку, подъ названіемъ щуки съ голубымъ перомъ.

Суворовъ не менѣе зеркалъ не любилъ и своихъ портретовъ. Кажется, курфирстъ Саксонскій первый упросилъ его списать съ него портретъ для дрезденской галлереи. Онъ прислалъ къ нему извѣстнаго живописца Миллера. Суворовъ очаровалъ его своими разговорами.

— Ваша кисть,—сказалъ онъ ему,—изобразитъ черты лица моего: онѣ видимы, но внутренній человѣкъ во мнѣ скрытъ. Я долженъ сказать вамъ, что я лилъ кровь

ручьями. Трепещу, но люблю моего ближняго; въ жизнь мою никого не сдѣлалъ я несчастнымъ, не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не раздавилъ моею рукою ни одного насѣкомаго, бывалъ малъ, бывалъ великъ!

При этихъ словахъ онъ вскочилъ на стулъ, спрыгнулъ со стула и прибавилъ:

— Въ приливѣ и отливѣ счастія, уповая на Бога, бывалъ я неподвиженъ такъ, какъ теперь.

Онъ сѣлъ на стулъ.

— Вдохновитесь геніемъ и начинайте,—сказалъ онъ Миллеру.

— Твой геній вдохновитъ меня!—воскликнулъ Миллеръ.

Суворовъ при себѣ не носилъ никогда ни часовъ, ни денегъ, также и въ домѣ его никогда не было часовъ; онъ говорилъ, что солдату они не нужны и что солдату и безъ часовъ должно знать время. Когда же надо было итти въ походъ, никогда въ приказахъ своихъ не назначалъ часа, но всегда приказывалъ быть готовыми съ первыми пѣтухами; для того, онъ выучился пѣть пѣтухомъ, и когда время наставало, выходилъ и выкрикивалъ «кукареку». Голосъ его немедленно раздавался, и войска выступали въ походъ.

Также не держалъ при себѣ Суворовъ никакихъ животныхъ, но, увидѣвъ на дворѣ собаку или кошку, любилъ ихъ приласкать; собакѣ кричалъ: «гамъ, гамъ!», а кошкѣ: «мяу, мяу!», подражая ихъ голосу.

Живя въ деревнѣ съ Покрова или въ Великомъ по-

Игралъ съ ребятишками въ бабки.

сту, въ одной изъ своихъ комнатъ устраивалъ родъ садка; полъ горницы приказывалъ устилать пескомъ, наставить тамъ елокъ и сосенъ, поставить ящики съ кормомъ и напустить туда скворцовъ и всякой мелкой птицы. Такъ до Святой недѣли тамъ и жили птицы у него какъ въ саду. А въ Великій праздникъ, когда станетъ потеплѣе, велитъ ихъ выпустить на волю.

— Онѣ,—скажетъ,—промахнулись, рано прилетѣли, и на снѣгу имъ было взять нечего... Вотъ теперь до тепла пускай у меня поживутъ на елкахъ.

Въ новгородскомъ своемъ имѣніи Суворовъ въ домашней жизни былъ еще неприхотливѣе: точно такъ же рано вставалъ, ходилъ въ церковь, по праздникамъ звонилъ въ колокола, игралъ съ ребятишками въ бабки; на Масляной недѣлѣ строилъ ледяную гору; на Святой—качели, катанья по льду на конькахъ, любилъ угощать всѣхъ виномъ, но самъ не пилъ и не любилъ пьяныхъ; даже зимой приказывалъ поливать водой у колодца такихъ крестьянъ, которые шибко пьянствовали. Простота его въ жизни доходила до того, что онъ на мѣсто лодки переправлялся на рѣкѣ въ чану, утвердивъ канатъ съ берега на берегъ. Суворовъ говорилъ, что военному надо на всемъ умѣть переплывать рѣки—и на бревнѣ, и на доскѣ.

Суворовъ ежедневно ходилъ по десяти и болѣе верстъ, и когда уставалъ, то бросался на траву и, валяясь нѣсколько минутъ на травѣ, держалъ ноги кверху, приговаривая:

— Это хорошо, чтобъ кровь стекла.

То же приказывалъ дѣлать и солдатамъ.

Докторовъ, какъ мы выше уже говорили, онъ сильно не долюбливалъ, и когда его подчиненные просились въ больницу, то онъ говорилъ имъ:

— Въ богадѣльню эту не ходите. Первый день будетъ тебѣ постель мягкая и кушанье хорошее, а на третій день тутъ и гробъ. Доктора тебя уморятъ. А лучше, если нездоровъ, выпей чарочку винца съ перечкомъ, побѣгай, попрыгай, поваляйся и здоровъ будешь.

Когда Суворовъ захворалъ смертельно, и когда сыпь и пузыри покрыли все тѣло его, то онъ слегъ въ постель и велѣлъ отыскать аптеку блаженной памяти Екатерины.

— Она мнѣ надобна только на память,—говорилъ Суворовъ, не любившій лѣкарствъ.

Простота и воздержность Суворова сроднила его съ недугами и научила ихъ переносить легко и безъ ропота; суровая жизнь закалила тѣло его отъ невзгодъ и была хорошей боевой школой. Школа Суворова хоронилась и подъ его причудами, только не сразу до смысла причудъ можно было добраться.

Графъ Сегюръ говорилъ въ своихъ запискахъ, что «Суворовъ прикрывалъ блестящія достоинства странностями, желая избавить себя отъ преслѣдованія сильныхъ завистниковъ».

Потемкинъ сказалъ о немъ:

— Суворова никто не «пересуворитъ».

Екатерина, желая вывесть Потемкина изъ ошибочнаго его мнѣнія объ умѣ Суворова, посовѣтовала ему подслушать ихъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ. Уди-

вленный глубокомысліемъ и умомъ Суворова, Потемкинъ какъ-то упрекнулъ его за то, что онъ съ нимъ не говорилъ такъ.

— Съ царями у меня другой языкъ,—отвѣчалъ Суворовъ.

Однажды, разговаривая о самомъ себѣ, онъ сказалъ окружавшимъ его:

— Хотите ли меня знать? Я вамъ себя раскрою: меня хвалили цари, любили воины, друзья мнѣ удивлялись, ненавистники меня поносили, при Дворѣ надо мною смѣялись; я бывалъ при Дворѣ, но не придворнымъ, а Эзопомъ и Лафонтеномъ: шутками и звѣринымъ языкомъ говорилъ правду. Подобно шуту Балакиреву, который былъ при Петрѣ и благодѣтельствовалъ Россіи, кривлялся и корчился. Я пѣлъ пѣтухомъ, пробуждалъ сонливыхъ, утомлялъ буйныхъ враговъ отечества; если бы я былъ кесарь, то старался бы имѣть всю благородную гордость души его, но всегда чуждался бы его пороковъ.

Потемкинъ на Дунаѣ.

(Изъ повѣсти того же названія.)

„Сей остальной изъ стан славной
Екатерининскихъ орловъ"...

Пушкинъ.

(Разсказъ ведется отъ лица молодого мичмана Вехтѣева, котораго, за вызовъ на дуэль флигель-адъютанта графа Валерьяна Александровича Зубова, удалили изъ Гатчины, резиденціи наслѣдника-цесаревича Павла Петровича, въ дунайскую армію.)

I.

Сильно колотилось мое сердце, когда я приблизился къ резиденціи главнокомандующаго и началъ сообра-

жать, что въ скорости долженъ буду предстать предъ лицо мужа толикой силы, генія и столь многихъ, всюду гремѣвшихъ противоположностей нрава.

Неподалеко отъ Яссъ, у небольшой молдавской корчмы, меня догналъ другой курьеръ. То былъ немолодой и, какъ жукъ, черный отъ пыли и загара, провіантскій офицеръ. Мы зашли освѣжиться въ корчму, и какъ, разговорясь, узнали, что намъ путь къ одной цѣли, то и рѣшили ѣхать остальные перегоны вмѣстѣ. Онъ возвращался изъ командировки отъ главной квартиры, а потому возбудилъ во мнѣ живѣйшее любопытство узнать, куда и зачѣмъ онъ ѣздилъ. Онъ, впрочемъ, болѣе отмалчивался. Въ числѣ его поклажи были два небольшихъ, упакованныхъ въ рогожи, боченка, которые онъ особенно бережно хранилъ и, несмотря на усталость, не спускалъ съ глазъ.

«Вѣрно червонцы»,—подумалъ я, но казны безъ конвоя не возятъ.

— Не порохъ ли?—спросилъ я, указывая на багажъ.

— О, нѣтъ,—неохотно отвѣтилъ мой спутникъ:—иначе какъ бы я могъ курить! не порохъ, а взорвать можетъ мою судьбу почище всякой бомбы...

Онъ, между тѣмъ, разговорился со мной о другихъ предметахъ и сообщилъ мнѣ многое о Свѣтлѣйшемъ, о чемъ прежде я зналъ только слегка. Намъ предстояло вмѣстѣ явиться къ князю. А потому остальной путь Потемкинъ не сходилъ у насъ изъ бесѣды; какъ приметъ насъ обоихъ, будетъ ли доволенъ, и что съ того выйдетъ каждому изъ насъ?

Сынъ небогатаго смоленскаго дворянина, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, въ молодости, какъ всѣмъ вѣдомо, обучался у духовныхъ, а потомъ въ московскомъ университетѣ, изъ коего былъ исключенъ «за лѣнь и частое нехожденіе въ классы». Онъ обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины еще при восшествіи ея на престолъ. Попавъ изъ гвардейскихъ офицеровъ въ оберъ-секретари Синода, а въ скорости и въ генералъ-адъютанты къ ея величеству, онъ не разъ, видя къ себѣ, изъ-за придворныхъ интригъ, охлажденіе государыни, рѣшался бросить свѣтъ и даже подумывалъ о постриженіи въ монахи. А когда ему, вслѣдствіе неосторожнаго приложенія къ больному глазу примочки тогдашняго всезнайки, фельдшера академіи художествъ «Ерофенча»—пришлось на одинъ глазъ окривѣть, то это такъ повліяло на его амбицію, что онъ и впрямь удалился въ Невскую Лавру, отпустилъ бороду, надѣлъ рясу и сталъ готовиться къ постриженію. Прозорливость и доброта сердобольной монархини и тутъ его спасли. Екатерина его навѣстила и уговорила возвратиться къ своему престолу. —«Тебѣ, Григорій, не архіереемъ быть,—сказала она:—ихъ у меня довольно, а Потемкинъ одинъ, и его ждетъ иная въ мірѣ стезя».

Слова государыни сбылись въ точности.

Покоритель нѣкогда грознаго Крыма, основатель Екатеринослава, Херсона и Николаева, и насадитель на мѣстѣ буйнаго, дикопорожняго Запорожья тихой и плодоносной Новороссіи, Свѣтлѣйшій удостоился, въ помраченіе навѣтовъ враговъ, показать государынѣ, въ ея пу-

тешествіи на югъ, новосозданныя и возрожденныя имъ области имперіи. На мѣстѣ татарскаго аула Гаджи-бей, онъ основалъ Одессу, а мало извѣстную и заброшенную крымскую гавань Ахтіаръ обратилъ въ разносящій нынѣ громы, по всему Понту Эвксинскому и далѣе, Севастополь. Здѣсь въ 1787 году императрица увидѣла, аки бы по мановенію волшебнаго жезла, возникшія укрѣпленія, до четырехсотъ домовъ, склады, верфь и сильную духомъ моряковъ, юную эскадру. Мысль Великаго Петра о южномъ флотѣ сбывалась.

Послѣ уничтоженія новыхъ мамелюковъ, Запорожской Сѣчи, Потемкинъ былъ возведенъ въ графы и вскорѣ сталъ ближайшимъ помощникомъ царственной своей учительницы, во всѣхъ ея предначертаніяхъ о югѣ. Смѣлый «Греческій прожектъ» нашелъ въ немъ горячаго и преданнѣйшаго пособника. Потемкинъ сталъ грезить Дунаемъ,—гдѣ нѣкогда Святославъ ставилъ города,—Царьградомъ и Босфоромъ, видѣвшими когда-то ладьи и мечи Олега и Ярослава... Петръ стремился на сѣверъ и утвердился тамъ. Потемкинъ разумно обратилъ взоры Россіи на благодатныя родственныя ей страны юга...

Монархиня любила и цѣнила геній Свѣтлѣйшаго. Но она видѣла его слабости и ихъ покрывала, хотя «иновà» надъ оными и подтрунивала. Такъ, въ правилахъ Эрмитажа, насчетъ его дистракцій и всѣмъ извѣстныхъ привычекъ, былъ ею вставленъ пунктъ: «Всѣмъ быть веселымъ, но ничего не портить и не грызть».

Произведенный въ генералъ-фельдмаршалы и награ-

жденный воеводствомъ кричевскимъ, Потемкинъ, по смерти князя Григорія Орлова и воспитателя цесаревича графа Никиты Панина, сталъ при Дворѣ главнымъ и всемогущимъ лицомъ. Еще въ первую турецкую кампанію, Румянцевскую, онъ прислалъ о театрѣ войны обширныя и дальновидныя примѣчанія. Когда началась нынѣшняя вторая турецкая война, то онъ сперва командовалъ екатеринославскою арміей, а потомъ ему подчинили и украинскую, освободивъ притомъ отъ команды надъ ней Румянцева. Покоривъ Россіи Тавриду, онъ своимъ геніемъ, безъ сомнѣнія, предуготовилъ для потомковъ и освобожденіе Царьграда.

Штурмъ и взятіе Очакова прославили Потемкина, какъ полководца; но видъ гибели тысячъ людей, приводя его сердце въ несказанное горе, былъ ему невыносимъ. Во время приступа пущенныхъ въ штыки суворовскихъ егерей, князь Григорій Александровичъ, сидя у батареи на валу, все время крестился и, закрываясь руками, блѣдный, внѣ себя, со слезами и съ ужасомъ повторялъ:

— Господи, помилуй ихъ, помилуй!

Нравъ Свѣтлѣйшаго былъ постоянною загадкой для общества, и не моему слабому перу изобразить, для прославленія въ потомствахъ, его примѣчательныя черты.

То пышный, блестящій и жадный къ веселостямъ и почестямъ, то мрачный меланхоликъ, врагъ раболѣпныхъ льстецовъ и мизантропъ, съ раскольниками начетчикъ, съ дамами нѣжный Эндиміонъ, Потемкинъ вонъ являлся ко Двору ликующій, безпечный, счастливый, смѣ-

шившій до слезъ Екатерину умѣньемъ перецыганивать ея голосъ, манеру, или скакалъ по Невской першпективѣ, въ зеленой, бархатной бекешѣ, подбитой на тысячныхъ соболяхъ, въ бриліантахъ и пуанди-шпàнахъ. А завтра, на цѣлые дни, недѣли запирался въ комнату и лежалъ здѣсь на диванѣ, небритый, немытый, растрепанный, сгорбленный, въ заношенномъ халатѣ и въ стоптанныхъ туфляхъ на босу ногу. Угрюмо и молча хандря, онъ въ такіе часы, надо полагать, въ удаленіи и тайности отъ всѣхъ, обсуждалъ свои высокія пропозиціи. По природѣ лѣнтяй, онъ, принимаясь за выполненіе задуманнаго, трудился безъ устали днемъ и ночью. Ожидая опасности, тревожился, какъ малое дитя; когда же опасность приходила, онъ встрѣчалъ ее безпечно и весело. Скупой и мотъ, вольнодумецъ и суевѣръ, онъ былъ подобіемъ тогдашней Россіи: дикая необузданность граничила въ немъ съ мягкостью воспринятыхъ европейскихъ обычаевъ.

Видомъ гордый сатрапъ, повадкой утонченный, во вкусѣ старинныхъ французскихъ нравовъ, придворный, величественный, головой выше всѣхъ и красивый какъ древній Агамемнонъ, Потемкинъ свободное отъ службы время проводилъ, читая, молясь, либо компанствуя за пиршествами и волокитствуя. Считая себя баловнемъ Бога, онъ, какъ изнѣженныя грѣшницы, боялся чорта. Ходила молва о сваренной имъ въ восьми-пудовой серебряной ваннѣ ухѣ, цѣною въ полтысячи червонцевъ. Онъ вѣрилъ въ сны, разныя примѣты и крестился противъ каждой церкви и молельни.

Книги для Потемкина были насущнымъ хлѣбомъ. Онъ ихъ не читалъ, но жадно проглатывалъ. И въ то время, какъ соперникъ князя, Платонъ Зубовъ, омрачилъ послѣдніе годы правленія мудрой монархини, раздувая ея болѣзненную подозрительность и преслѣдуя такихъ писателей, каковы Новиковъ и Радищевъ, универсально-образованный Потемкинъ дружилъ съ смѣлымъ острякомъ-поэтомъ Костровымъ и съ переводчикомъ Омира Петровымъ, читалъ въ подлинникѣ Софокла, переводилъ историковъ, въ томъ числѣ Флёри, любилъ поэзію, самъ въ тайнѣ писывалъ недурные стихи и покровительствовалъ гонимому сатирику Княжнину.

Юношей-студентомъ Свѣтлѣйшій любилъ прислуживать въ церкви, раздувалъ іереямъ кадило и выносилъ съ дьячкомъ передъ дарами свѣчу. Не забывалъ онъ этихъ наклонностей и на вершинѣ почестей, жалѣя въ шутку, что командуетъ генералами, а не попами, и прибавляя въ страстныхъ эпистоляхъ къ предметамъ любви такія изреченія: «Облаченный и въ архіерейство, преподалъ бы я тебѣ мое благословеніе,—да побѣдиши враги твоя красотою твоею и добротою твоею».

Врагъ любостяжанія, всякихъ лишнихъ прижимокъ, стѣсненій и малостей, Потемкинъ настоялъ на отмѣнѣ въ арміи, во время походовъ, пудры, буклей и косъ, и на дозволеніи носить, вмѣсто кафтановъ, просторныя куртки. Все отечественное чтя превыше иностраннаго, онъ ненавидѣлъ лесть и раболѣпство, какъ не выносилъ медицины и не слушался лѣкарей. Скрывая свои умо-

зрѣнія о государственныхъ дѣлахъ, онъ, какъ всѣ отъ природы лѣнивые и вспыльчивые люди, терпѣть не могъ напоминаній о запущенныхъ или забытыхъ дѣлахъ, какъ иногда же, боясь напоминаній смерти и разсчетовъ съ жизнью, не носилъ съ собой и карманныхъ часовъ.

Тратя изъ дарованныхъ ему средствъ на свою жизнь до трехъ милліоновъ въ годъ, Потемкинъ не умѣлъ подъ часъ ограничивать себя и въ служебныхъ отношеніяхъ. Разъ обратилась къ нему одна важная придворная барыня:

— Пристрой, голубчикъ князенька, да и пристрой мою гувернантку-мамзель къ какому-нибудь дѣлу на казенный счетъ: я разсчитала ее, и она пока безъ мѣста.

Чтобъ отдѣлаться отъ бѣса-бабы, князь и причислилъ ту мамзель, по формѣ, къ гвардіи—на казенный паёкъ. Много объ этой и подобныхъ его шуткахъ толковали въ то время, и сама государыня, освѣдомясь о забавной выходкѣ Потемкина, немало тому смѣялась.

То былъ вѣкъ славной пышности и сказочнаго мотовства. При Дворѣ незабвенной монархини, сказывали, угля для подогрѣванія парикмахерскихъ щипцовъ тратилось на пятнадцать тысячъ рублей въ годъ, а на самовары на пятьдесятъ тысячъ,—и сливокъ выпивалось при Дворѣ на четверть милліона въ годъ.

Со въѣздомъ въ Яссы, какъ я, такъ и мой спутникъ, стали невольно терять спокойствіе и робѣть. Въ пріемѣ

Свѣтлѣйшаго лежала разгадка нашей участи. Мнѣ предстояло либо попасть къ дѣлу—достойному, полезному, либо затеряться на новой аренѣ, какъ бы мелкой песчинкѣ въ морскомъ коловоротѣ, безъ всякаго слѣда.

Провіантскій фельдъегерь, бывшій все время въ спокойномъ и бодромъ духѣ, подъ конецъ крайне присмирѣлъ. На послѣдней станціи, пока намъ запрягали, онъ куда-то юркнулъ, а когда вскочилъ опять въ телѣжку, я его не узналъ. Онъ успѣлъ умыться, прибраться, и изъ чернаго, всклокоченнаго цыгана сталъ миловиднымъ, съ располагающими чертами лица, блондиномъ.

Разговорясь, гдѣ и какъ намъ остановиться, послѣ пріема князя, мы въѣхали въ форштадтъ. Резиденція Потемкина была здѣсь же невдали, на загородной, окруженной садами, дачѣ князя Кантакузена. Свѣтлѣйшій особенно любилъ это мѣсто, такъ какъ здѣсь было удобно давать городу и дамамъ его свиты непрерывныя празднества, до коихъ онъ былъ такой охотникъ.

— Вотъ квартира капельмейстера Сàрти,—объявилъ мой сопутникъ, указывая отдѣльный флигель, близъ княжескаго дворца.

По его словамъ, Сàрти содержалъ при князѣ до трехсотъ музыкантовъ и цѣлую труппу балетныхъ танцоровъ и танцовщицъ. Балы смѣнялись театрами, фейерверки и кавалькады—концертами свѣтскаго и духовнаго пѣнія.

— Въ прошлую зиму,—сказалъ мой спутникъ,—этотъ волшебникъ Сàрти исполнилъ у его свѣтлости

собственнаго переложенія кантату «Тебе Бога хвалимъ», при чемъ слова «святъ, святъ» сопровождались придуманною имъ бѣглою пальбой изъ пушекъ.

Въ числѣ красавицъ, гостившихъ въ то время при главной квартирѣ, мой сопутникъ назвалъ княгиню Гагарину, графиню Самойлову и, въ особенности, жену двоюроднаго брата князя, Прасковью Андреевну Потемкину. Для этихъ дамъ Свѣтлѣйшій выписывалъ, съ особыми фельдъегерями, разныя диковинки: икру съ Урала и Каспія, шекснинскихъ въ бадягахъ жирныхъ стерлядей, невскую лососину, калужское тѣсто, трюфли изъ Перигё, изъ Милана итальянскія макароны и варшавскихъ каплуновъ.

— А незадолго до моего выѣзда,—добавилъ сопутникъ,—прослышавъ, что нѣкіе два брата кавказскіе офицеры, Кузьмины, лихо пляшутъ по-цыгански, князь, выполняя чей-то дамскій капризъ,—выписалъ и этихъ Кузьминыхъ. Тѣ прискакали съ курьеромъ изъ Екатеринодара, отплясали усердно у его свѣтлости по-цыгански и вновь уѣхали вспять.

— Что жъ было съ ними?—спросилъ я сопутника.

— Да ничего, все благополучно кончилось, исполнили по мѣрѣ силъ желаемое, услышали: «спасибо, ребята!»—и безпрепятственно отретировались.

Былъ полдень, когда мы подкатили къ оградѣ княжескаго дворца. Солнце страшно пекло. На небѣ ни облачка. Кругомъ ни пѣшихъ, ни конныхъ. Только часовые, въ бѣлыхъ курткахъ и шапкахъ, молча прохаживались у воротъ. Мой сопутникъ сходилъ въ какую-то караулку, поговорилъ съ дежурнымъ, и скоро мы пред-

стали передъ любимымъ, ближнимъ секретаремъ Потемкина, генералъ-маіоромъ Василіемъ Степанычемъ Поповымъ. Послѣдній, носившій по своей добротѣ у офицеровъ имя Васи и Васеньки, съ важностью оглядѣлъ насъ, опросилъ, взялъ отъ меня письма и провелъ насъ въ садъ, говоря, что его свѣтлость прогуливается, а гдѣ, онъ того не зналъ.

— Станьте здѣсь,—рѣшилъ Поповъ, указавъ намъ мѣсто невдали отъ дворца, у перекрестка двухъ дорожекъ.

Самъ же онъ, оправя свой красноворотый мундиръ, съ ужимкой шевалье, отошелъ къ сторонѣ, сталъ читать привезенныя мной на его имя столичныя письма и, какъ мнѣ показалось, при чтеніи, раза два на меня взглянулъ. Мой сопутникъ, идя въ садъ, осмѣлился спросить вполголоса Попова: «въ духѣ?» и, получивъ отвѣтъ: «такъ и сякъ»...—еще болѣе оробѣлъ и смѣшался.

Прошло нѣсколько минутъ. Невдали, за зеленью лавровъ и миртовъ, послышался странный голосъ. Кто-то грубымъ и нѣсколько фальшивымъ басомъ мурлыкалъ про себя несвязную и аки бы ему одному понятную пѣсню. Въ тишинѣ, напоенной ароматомъ сада, стали слышны звуки мѣрныхъ, тяжелыхъ шаговъ. Точно грузный слонъ двигался своими мягкими, медленными ходилами. Я оглянулся: важный секретарь, попрятавъ письма, сталъ тоже на вытяжку. На моемъ же товарищѣ не было лица.

«Свѣтлѣйшій!»—пронеслось у меня въ мысляхъ, и я съ трепетомъ ждалъ появленія обожаемаго, величе-

ственнаго вельможи, котораго никогда не видѣлъ и который всегда мнѣ рисовался въ образѣ сказочнаго сатрапа или гомерическаго Агамемнона.

Изъ-за деревъ, на усыпанную пескомъ дорожку, вышелъ матерой, сказочный Илья-Муромецъ. Вышелъ и сталъ смотрѣть на насъ. Широкія плечи, сѣрый поношенный халатъ на распашку, обнаженная, волосатая грудь, красная тафтяная рубашка, ненапудренная, въ природныхъ завиткахъ, встрёпанная, свѣтлорусая безъ шляпы голова и на-босу ногу узконосые, желтые, молдавскіе шлепанцы. Въ рукѣ онъ держалъ свертокъ нотъ.

Свѣтлѣйшему въ то время было лѣтъ пятьдесятъ, но на видъ онъ казался моложе, хотя не по лѣтамъ сгорбленъ и мѣшковатъ. Я съ умиленіемъ увидѣлъ совершенство тѣлесной человѣческой красоты: продолговатое, красивое, бѣлое лицо; носъ соразмѣрно протяженный, брови возвышенныя, глаза голубые, ротъ небольшой и пріятно-улыбающійся, подбородокъ округлый, съ ямочкой. Лѣвый окривѣвшій глазъ былъ странно-покоенъ, рядомъ съ свѣтлымъ, зоркимъ и нѣсколько-разсѣяннымъ правымъ глазомъ.

Поповъ назвалъ насъ. Я подалъ князю адресованные на его имя конверты.

— Одинъ умылся, а этотъ—арапъ,—проговорилъ Свѣтлѣйшій, вскрывая пакеты.

Я такъ и опѣшилъ. Глаза стали властно запорошены. Ну, отчего и я не догадался прибраться? Потемкинъ прочелъ одно письмо, другое, поморщился и, зѣвнувъ, передалъ бумаги Попову.

— Послѣ,—сказалъ онъ, двинувшись далѣе, и очевидно вовсе не думая въ ту минуту ни о тѣхъ, кто ему писалъ, ни тѣмъ менѣе о доставителѣ депешъ. Мы, не шелохнувшись, стояли молча.

— А знаешь, Степанычъ,—замедлясь, обратился Потемкинъ къ Попову:—что̀ отвѣтилъ мнѣ съ давешнимъ гонцомъ Александръ Васильичъ?

«Суворовъ»,—подумалъ я, замирая отъ счастья услышать рѣчь великаго о великомъ.

— Матушкѣ-государынѣ похотѣлось узнать,—продолжалъ князь:—что̀ дѣлаетъ генералъ-аншефъ, графъ Суворовъ? Ну, я ему, какъ ты знаешь, и отписалъ, а онъ въ отвѣтъ: «Я на камушкѣ сижу, на Дунай-рѣку гляжу».

Я взглянулъ на Потемкина: лицо его усмѣхалось и вмѣстѣ было печально.

— Все вотъ музыку подбираю на эти слова,—добавилъ князь со вздохомъ:—Сàрти прислалъ, да у него все итальянщина,—а я одну смоленскую пѣсню вспомнилъ... Не знаешь ли?—какъ дѣвки капусту рубили и козла поймали. Вотъ бы въ Питеръ послать.

Поповъ молчалъ.

— Такъ ты отличекъ у насъ захотѣлъ,—вдругъ обернулся ко мнѣ Свѣтлѣйшій:—въ свитскіе, въ штабъ? жакò да чердашъ съ валашскими мамзелями отплясывать? флото-пѣхотный боецъ! надоѣло питерское вертѣніе въ контратанцахъ? прошу извинить,—нѣтъ у меня для тебя мѣста.

Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ...

— И безъ того у насъ вонъ, съ Василіемъ Степанычемъ, легіонъ прихлебателей. И свои, и французы, и нѣмцы, есть даже изъ Америки. Скоро нечѣмъ будетъ кормить. Можешь, сударь, отправляться по добру-здорову обратно въ Гатчину и решпектовать отъ меня пославшимъ тебя отмѣнное мое почтеніе.

«Такъ вотъ онъ, мой идеалъ, герой!—помыслилъ я съ горечью:—и чѣмъ я виноватъ, что прибылъ не изъ другого мѣста, а изъ Гатчины?»

Потемкинъ запахнулся, принялъ рапортъ отъ моего сопутника, и, не взглянувъ на бумагу, направился ко дворцу.

— Молю объ одномъ,—рѣшился я выговорить вслѣдъ князю:—удостойте меня послать въ передовые отряды и въ такое мѣсто, гдѣ бы я могъ всѣмъ... жизнью пожертвовать для славы отечества и вашей.

Потемкинъ не слышалъ меня. Уйди онъ въ то время, приговоръ мой былъ бы подписанъ. Я, по всей вѣроятности, уѣхалъ бы изъ арміи на другой же день. Но вдругъ князь уронилъ взоръ на рапортъ провіантскаго курьера.

— Какъ?—воскликнулъ онъ:—капуста изъ Серпухова... клюква... и подновскіе свѣжепросольные огурцы? и ты, пентюхъ, молчишь? гдѣ они, гдѣ?

Офицеръ указалъ на припасенные подъ крыльцомъ боченки.

— Михеича!—крикнулъ Свѣтлѣйшій, присѣвъ въ безсиліи на ступени крыльца.

Явился, переваливаясь, толстый, въ парикѣ и въ бѣ-

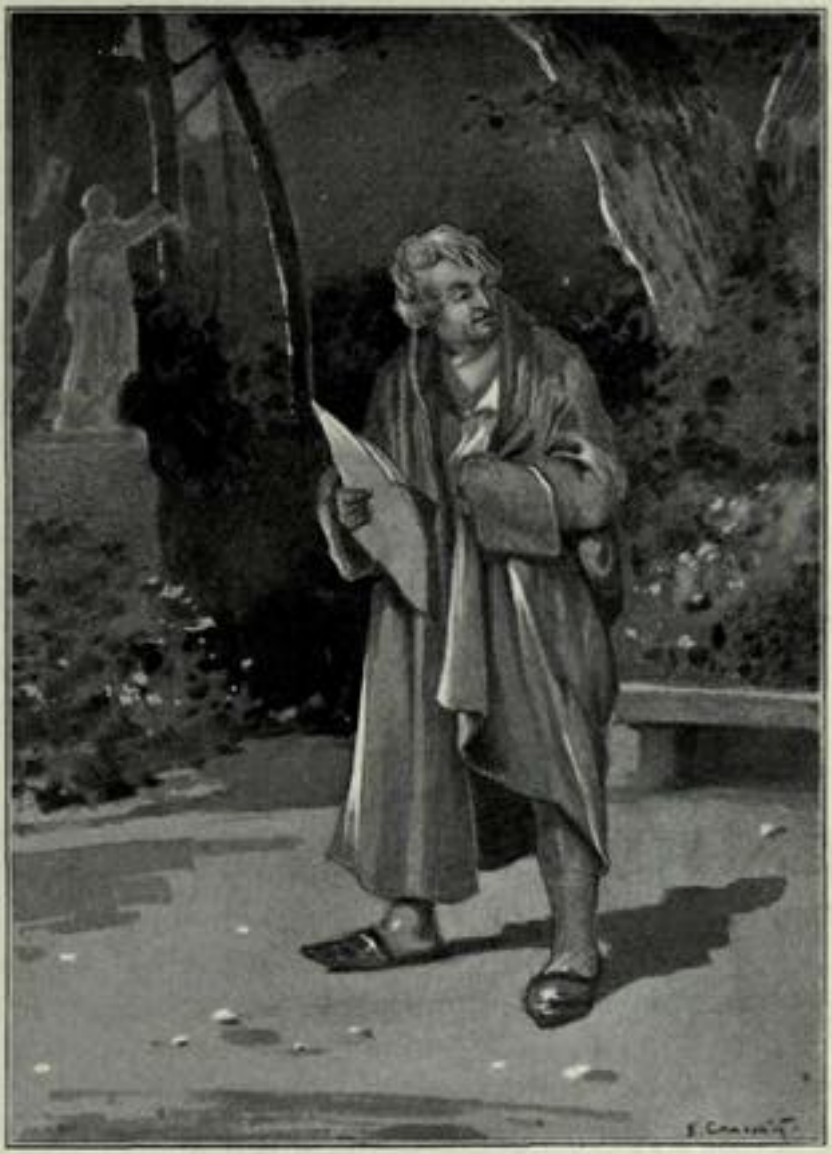
ломъ передникѣ, ближній офиціантъ и старый домашній слуга князя. Боченки вскрыли. Но когда догадливый посолъ, поднявъ квашенные капустные листья и кочни, вынулъ изъ нихъ что-то бѣлое и головатое, и какъ бы съ робостью сказалъ:—«А ужъ это, ваша свѣтлость, я на свой страхъ... извините,—мясновская рѣдька-съ...»—изнѣженный, съ притупленнымъ вкусомъ, князь растаялъ. У него слюнки потекли.

— Ахъ, ты, скотина! вотъ удружилъ!—даже плюнулъ Свѣтлѣйшій, смотря на гостинцы, какъ на нѣкую святыню, и дивясь генію посланца:—магъ, шельмецъ, магъ! шехерезада, сонъ на яву...

И, обратясь ко мнѣ, онъ прибавилъ не въ шутку:

— Вотъ, сударь, истые слуги отечества; вотъ съ какихъ ироевъ брать примѣръ. А они въ свиту, въ прихлебатели! У васъ вонъ ужъ и Державинъ Зубова въ громкихъ одахъ превозноситъ, а этотъ мнѣ—рѣдьку, да-съ... Кто лучше? этотъ безпримѣрно. Правъ ли я, Василій Степанычъ? Посуди!—обратился князь къ Попову:—главнокомандующій сытъ, доволенъ! будетъ довольна и сыта его армія. Ахъ, они, буфоны, гороховые шуты! Громкихъ дѣлъ имъ нужно,—отчего не беремъ Тульчу, Исакчу?.. Эй,—крикнулъ онъ уходившимъ съ боченками слугамъ:—на ледъ, по маковку, да соломкой сверху... Михеичъ, голубчикъ, для-ради такого случая, яичницу сегодня, глазунью, да съ свинымъ саломъ, зеленаго луку побольше...

И щелкая шлепанцами, легко и бодро двинулся на крыльцо матерой Илья-Муромецъ.

Изъ-за деревъ вышелъ матерой, сказочный Илья-Муромецъ.

Поповъ придержалъ меня за фалду.

— Обожди, запрячься тутъ гдѣ-нибудь!—шепнулъ онъ, наспѣвая за княземъ:—придетъ добрый часъ, все авось перемелется... Меня просятъ за тебя; всерабственно готовъ служить его высочеству...

Мысленно благословляя цесаревича, я отправился въ городъ и пріискалъ себѣ, въ отдаленномъ и глухомъ его предмѣстьѣ, небольшую каморку. Оттуда я навѣдывался къ Попову. Но ждать «добраго часа» свѣтлѣйшаго мнѣ пришлось долѣе, чѣмъ я могъ думать.

Послѣ капусты и рѣдьки, князь было ожилъ; вскорѣ, однако, впалъ въ прежнюю хандру. «Бракъ въ Канѣ Галилейской» смѣнился вновь для него «сидѣньемъ на рѣкахъ Вавилонскихъ». Напоминать ему обо мнѣ, значило—въ конецъ испортить дѣло. Такъ прошло болѣе двухъ недѣль.

II.

Однажды,—такъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи Поповъ,—сидѣлъ Свѣтлѣйшій съ ногами на диванѣ и, по обычаю, запустивъ гребнемъ пальцы въ волосы, читалъ вновь привезенныя французскія и нѣмецкія газеты. Извѣстія изъ Англіи и Пруссіи, особенно же изъ Франціи, гдѣ тогда болѣе и болѣе разыгрывалась революція, сильно интересовали князя.

— А гдѣ тотъ-то, флото-пѣхотный боецъ?—спросилъ онъ вдругъ Попова, который возлѣ занимался разборкой и отправкой бумагъ.

— Какой, ваша свѣтлость?

— Ну, да помнишь, что въ герои тутъ изъ Питера просился?

— Давно, полагаю, дома,—отвѣтилъ знавшій обычаи князя Поповъ.

— Жаль,—сказалъ Потемкинъ:—забрался въ такую даль, и вдругъ съ носомъ.

Поповъ услышалъ это—и ни слова.

— Согласись, однако,—пробѣжавъ еще два-три газетныхъ листа, произнесъ Свѣтлѣйшій:—Зубовы... да и весь ихъ соціетѣтъ!.. вотъ, надо думать, бѣсятся: подслужиться кой-кому хотѣли морякомъ... Какихъ рекомендацій наслали... Анъ и не выгорѣло...

— Не дали бы, ваша свѣтлость, маху,—отозвался Поповъ.

— Какъ, маху?

— Да вѣдь Бехтѣевъ не зубовской руки...

Потемкинъ посмотрѣлъ черезъ газету на Попова.

— Какъ не Зубовскій?—спросилъ онъ.

— Помнится, этотъ молодой человѣкъ даже что-то сказалъ о ссорѣ и неудавшемся его поединкѣ съ братомъ Платона Александровича...

Потемкинъ спустилъ ноги съ дивана и бросилъ газеты.

— Что жъ ты молчалъ?

— Запамятовалъ, ваша свѣтлость.

— Посылай ему тотчасъ курьера, зови.

— Извините, теперь, пожалуй, и не поѣдетъ.

— Какъ не поѣдетъ? ко мнѣ?!

— Обидѣлся, я-чай... строго ужъ ему отвѣчено.

— Вотъ какъ... Обидчивы нынче люди... А послушай, чѣмъ бы его расположить?

Поповъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Надо прежде освѣдомиться, доподлинно ли Бехтѣевъ уѣхалъ? Онъ что-то сказывалъ объ ожиданіи отписки отъ отца.

Меня тогда же, разумѣется, нашли, но я былъ снова призванъ къ Потемкину только на слѣдующій день.

А наканунѣ вечеромъ у князя съ Поповымъ былъ примѣчательный разговоръ. Огорченный нападками иностранныхъ газетъ, Свѣтлѣйшій для развлеченія принялся тонкой пилкой обтачивать и чистить оправу какой-то цѣнной вещицы. Кучка дорогихъ камней и жемчуга лежала передъ нимъ на столѣ, межъ фарфоровыхъ бездѣлушекъ.

— Требуютъ, спрашиваютъ, тормошатъ!—сказалъ онъ Попову:—да возможно-ль то все, и вдобавокъ, какъ видишь, въ моемъ каторжномъ положеніи? Со всѣхъ сторонъ такія вѣсти, а меня тамъ пересуживаютъ, ризы мои дѣлятъ, распятію предаютъ,—удаляютъ отъ моего солнца, счастья, жизни...

Князь помолчалъ.

— Я измученъ, Василій Степанычъ, бодрости лишенъ, сна,—продолжалъ онъ, налегая на пилкѣ:—слабѣю подчасъ отъ всяческихъ дрязгъ, душой и тѣломъ, какъ малое дитя, а имъ подавай тріумфы, побѣды, вѣники! Если бы все то знали... Изведутъ, отдалятъ,—произнесъ онъ, глянувъ въ сторону и какъ бы видя вдали нѣкія таинственныя и другимъ непонятныя откро-

венія:—ну, что̀, полагаешь, нужно мнѣ чего еще искать?

Поповъ не нашелся съ отвѣтомъ.

— Чего желать человѣку въ моей судьбѣ?—продолжалъ князь, не поднимая лица:—меня ли соблазнить побѣдами, воинскими тріумфами, когда вижу, насколько напрасны и гибельны они? Солдаты не такъ дешевы, чтобы ими тражирить и швырять ихъ по пустякамъ. Я полководецъ по высшей волѣ, по ордеру, не по природѣ; не могу видѣть крови, ранъ, слышать стоны и вопли истерзанныхъ снарядами людей. Излишній гуманитетъ несовмѣстимъ, братецъ, съ войной... Вотъ графъ Александръ Васильевичъ—тотъ на мѣстѣ, ему и книги въ руки... Отчего же, спросишь, я здѣсь, а не при Дворѣ?

Изумили Попова эти рѣчи. Онъ ушамъ своимъ не вѣрилъ и сказалъ,—пока живъ, не забыть ему, что̀ услышалъ онъ въ тотъ незабвенный часъ. Свѣтлѣйшій всталъ, медленно прошелся по горницѣ, открылъ окно въ стемнѣвшій садъ и опять сѣлъ.

— Неисповѣдимы судьбы Божьи!—сказалъ онъ:—низринулъ Іова, превознесъ Іосифа! Чего я желалъ, къ чему стремился, исполнено,—всѣ помыслы, прихоти. Нуждался въ чинахъ, орденахъ,—имѣю; любилъ мотать, играть въ карты,—проигрывалъ несмѣтныя, безумныя суммы. Захотѣлъ обзавестись деревнями,—надарено и куплено вдоволь. Любилъ задавать праздники, балы, пиры,—давалъ такіе, что до меня и не снилось. Пожелалъ имѣть по вкусу дома̀,—настроилъ дворцовъ. Дра-

гоцѣнностей имѣю столько, что ни одному частному человѣку и во снѣ не снилось. И всѣ мои страсти, планы, во всемъ приводились въ дѣйство и выполняются... А, клянусь тебѣ, нѣтъ и не можетъ быть человѣка несчастнѣе меня!

Поповъ сталъ возражать.

— Не вѣришь?—спросилъ упавшимъ, какъ бы молящимъ голосомъ князь:—думаешь, шучу?—нѣтъ и нѣтъ! Всѣ вы стремитесь, надѣетесь, авось грянутъ битвы,—отличіе, всѣмъ слава. Для меня жъ, дружище, все въ мірѣ пустоши, тлѣнъ, гробъ поваленный, уготованный человѣчеству... И не будь звена, не будь ласковыхъ взоровъ оттолѣ, далече, ея повелѣній,—я бы жизнь свою, не задумавшись, истребилъ, разбилъ, вотъ какъ это...

Тутъ онъ схватилъ со стола дорогую саксонскую вазочку и, разбивъ ее объ полъ въ дребезги, удалился въ опочивальню.

Явившись по зову Попова, я былъ принятъ княземъ наединѣ. На этотъ разъ Потемкинъ былъ тщательно выбритъ, одѣтъ, отмѣнно вѣжливъ и добръ. Пряди шелковистыхъ, съ замѣтною просѣдью, волосъ красиво оттѣняли его женственно-нѣжный, высоковскинутый лобъ. Полныя, какъ у счастливаго ребенка, губы были осѣнены величавою, располагающею улыбкой.

— Ну, говори откровенно,—произнесъ онъ:—что за исторія у тебя вышла со вторымъ Зубовымъ?

Я изложилъ все подробно и безъ утайки. Лицо По-

темкина, при моемъ разсказѣ, не разъ омрачалось и по немъ пробѣгали судороги.

— Желаніе твое будетъ исполнено,—сказалъ онъ, когда я кончилъ:—куда хочешь причислиться?

Я назвалъ передовой отрядъ графа Ивана Васильевича Гудовича, гдѣ служилъ Ловцовъ.

— Завтра же можешь отправляться. И если въ чемъ будетъ у тебя нужда, обращайся ко мнѣ.

Я поклонился. Идолъ мой, сердечный герой вновь туманилъ мою душу восторгомъ, а глаза слезами.

— Ты молодъ, отъ судьбы не уйдешь,—продолжалъ князь:—занесла тебя доля, садись на нашу ладью... Греческій прожектъ, путь въ Константинополь... Вы, юноши, безъ сумнѣнія, плѣнены... Чай, и твое сердце не разъ замирало въ восхищеніи отъ такихъ чаяній?.. Дай, Боже, монархинѣ выполнить высокіе священные обѣты. Слава ея и вѣрныхъ ея слугъ—широковѣтвистое дерево, и подъ его сѣнію когда-нибудь отдаленные потомки съ благодарностью вспомнятъ о насъ. У корней того дерева ползаютъ и шипятъ змѣи... Не змѣи ему опасны, а черви... По мелочи, тайкомъ, подъ землей тотчасъ они, *зубатые*, жадные... Съ виду тихіе, безстрастные, знаютъ наметку, а больше—какъ угодно-съ... Платокъ на куртагѣ вò-время поднялъ съ паркета,—и пошелъ въ гору... Мальчикъ писаный, сущій ребенокъ!.. а глядишь... Ну, да прощай, Господь съ тобой; кланяйся графу Ивану Васильичу...

Я поклонился, и, высказавъ, какъ могъ, мою признательность, направился къ двери.

— Стой!—окликнулъ меня князь.

Я обернулся.

— Нужны тебѣ деньги?

— Пока не терплю лишеній.

— Не нужны? Чудакъ ты человѣкъ. И мнѣ, впрочемъ, ничего не нужно, вотъ онъ знаетъ!—указалъ князь на входившаго Попова, принимаясь грызть ногти, что̀, по молвѣ, было признакомъ сильнаго въ немъ душевнаго волненія.

Смерть и Жизнь.

(1796)

(Изъ романа „Вольтеріанецъ".)

Давно уже наступилъ вечеръ. Часы показывали девять. Царское семейство собралось въ сосѣднемъ со спальней кабинетѣ. Вдругъ у дверей этого кабинета изъ спальни появился лейбъ-медикъ Роджерсонъ и глухимъ голосомъ проговорилъ:

— Государыня кончается!

Всѣ бросились въ спальню, окружили Екатерину.

Торжественная тишина царствовала въ комнатѣ и нарушалась только уже слабой теперь хрипотой умиравшей. Все какъ будто застыло, устремивъ взгляды на ту, которая давно уже никого не видѣла и ничего не сознавала.

Цѣлый часъ прошелъ въ этомъ томительномъ ожиданіи. Но вотъ послѣдній вздохъ, слабое содроганіе всего тѣла—и ни звука... ни движенія...

Глухой стонъ вырвался изъ груди камерфрау Марьи Савишны. Великая княгиня и княжны громко зарыдали. Крупныя слезы одна за другою текли по щекамъ цесаревича.

Черезъ минуту изъ спальни къ притихшей въ ожиданіи толпѣ царедворцевъ вышелъ графъ Самойловъ, и съ легкимъ поклономъ торжественно провозгласилъ:

— Милостивые государи! Императрица Екатерина скончалась, а государь Павелъ Петровичъ изволилъ взойти на Всероссійскій престолъ!

Этой фразой возвѣщено было о событіи, значеніе котораго никто изъ присутствовавшихъ, несмотря на долгое его ожиданіе, не могъ уяснить себѣ въ ту минуту.

Въ придворной церкви дѣлались приготовленія къ присягѣ...

Ночь. Тишина въ царицыной спальнѣ, только однозвучно раздаются слова напутственныхъ молитвъ. Неподвижно лежитъ Екатерина—вся въ бѣломъ, и огром-

ныя восковыя свѣчи обливаютъ ее печальнымъ свѣтомъ. Спокойно и величественно лицо ея, отхлынула отъ него кровь въ послѣднюю минуту, и оно теперь блѣдно. Смерть не исказила его, а, напротивъ, придала ему новую прелесть.

Всѣ муки послѣднихъ дней, всѣ земныя скорби, страсти и волненія отлетѣли и унесли вмѣстѣ съ собою ту печать, которую онѣ клали на лицо это. Блаженная улыбка, улыбка освобожденія, застыла на устахъ, сгладилась даже рѣзкая черта между бровями, и только одинъ высокій, прекрасный лобъ сохранилъ отблескъ глубокихъ мыслей, рождавшихся, созрѣвавшихъ и приносившихъ богатые плоды къ этой тѣлесной оболочкѣ, уже предающейся тлѣнію.

Екатерины не стало... Но развѣ могло это могучее, феноменальное существо исчезнуть, уничтожиться, превратиться въ прахъ? Уничтожилось тѣло; но это тѣло было совсѣмъ не то, что̀ означало собою понятіе: Екатерина...

Екатерина... маленькая нѣмецкая принцесса, изъ бѣднаго дома, воспитанная дурною матерью, которая не могла дать ей и хорошаго примѣра, которая не позаботилась и о развитіи ея ума и сердца. Съ первыхъ же лѣтъ своей жизни она сама должна была о себѣ заботиться, сама должна была такъ или иначе воспитать себя. Какое же воспитаніе, какое же развитіе дастъ она себѣ? Очевидно, въ основѣ ихъ должно лечь то, что̀ представляетъ ей окружающая жизнь, тѣ впечатлѣнія, которыя она встрѣчаетъ, та среда, въ которой она живетъ. Ее

окружаютъ мелкія интриги, мелкая хитрость, ложь и обманъ.

Изъ своего бѣднаго родного дома обстоятельства переносятъ ее въ чужую страну почти ребенкомъ. И здѣсь снова, только еще въ большей степени, интриги, обманъ и фальшь. Хитрить и притворяться съ утра и до вечера, вѣчно разсчитывать, вести ловкую игру,—вотъ что̀ ей предстояло съ первыхъ же дней.

Затѣмъ союзъ съ человѣкомъ, который очень мало говорилъ ея сердцу, не любилъ ее и началъ семейную жизнь съ оскорбленій ей, грубыхъ и безсмысленныхъ оскорбленій, ею незаслуженныхъ. Она была одинока, въ самомъ жалкомъ положеніи. До нея не было никому дѣла, ею пренебрегали. Она могла дойти до отчаянія, зачахнуть и безвременно умереть, какъ уже было и будетъ со многими въ подобныхъ обстоятельствахъ. Но она не сдѣлала этого.

Наблюдая въ огромномъ большинствѣ окружавшихъ ее людей самыя низкія свойства и видя къ себѣ почти всеобщую несправедливость, она могла бы начать относиться къ людямъ съ презрѣніемъ и ненавистью, а между тѣмъ она сохранила въ себѣ любовь къ человѣчеству, вѣру въ то, что есть настоящіе люди, и впослѣдствіи она умѣла отыскивать такихъ людей.

Плохо воспитанная и еще плоше образованная, среди всеобщаго невѣжества, прикрывавшагося только внѣшнимъ лоскомъ, она могла забыть и то, что̀ знала, и всецѣло уйти въ животную жизнь. А между тѣмъ каждый новый день приносилъ ей новое умственное пріо-

обрѣтеніе. Покинутая и оскорбляемая, она не падала духомъ, она училась, думала и наблюдала.

Всѣ были противъ нея, всѣ сулили ей печальную будущность, но она сказала себѣ, что ея будущность не такова, какъ всѣмъ казалось, и что она должна себя подготовить къ ней...

И все перенося, ничѣмъ себя не проявляя, умаляясь, насколько это возможно, она вдругъ, въ одинъ день, съ помощью нѣсколькихъ неопытныхъ молодыхъ людей, которые повиновались ея приказаніямъ, изъ загнанной, отверженной женщины превратилась въ самодержавную русскую императрицу. Твердо и не оглядываясь, переступала она черезъ всѣ преграды, и вдругъ появилась во всей своей силѣ, во всемъ своемъ величіи.

Маленькая нѣмецкая принцесса стала русской женщиной. И эта женщина твердо и сознательно, мощной рукою приняла бразды правленія съ тѣмъ, чтобы не выпускать ихъ до послѣдней минуты жизни, съ сознаніемъ, что только ея крѣпкая рука можетъ съ честью ихъ выдержать.

Окруженная блескомъ и всѣми соблазнами самодержавной власти, она не забывалась ни на минуту. Передъ нею былъ примѣръ великаго труженика, наслѣдье котораго она сдѣлала своею собственностью, наперекоръ природѣ. Она чувствовала свое близкое духовное родство съ русскимъ великаномъ и только его могучую тѣнь признавала судьею своихъ дѣяній. Она принялась за работу и работала не покладая рукъ, изумляя міръ силою своего разума, своихъ неслыханныхъ способно-

стей. Не было сферы, которую бы она признавала себѣ чуждой. И все, за что̀ ни бралась она, поддавалось ей.

И она имѣла великое счастіе видѣть плоды трудовъ своихъ.

Ее сравнивали съ знаменитой царицей древняго міра, и она, ненавистница лести, спокойно принимала это сравненіе. Ей самой казалось, что въ ней воплотился духъ Семирамиды.

Древніе авторы приписываютъ владычицѣ Ассиріи такую эпитафію:

«Природа дала мнѣ тѣло женщины, мои дѣянія сдѣлали меня подобной самымъ крѣпкимъ мужамъ. Я владычествовала надъ государствомъ, распространеннымъ во всѣ концы свѣта; до меня ни одинъ ассиріянинъ не видалъ моря,—я видѣла четыре моря, до которыхъ не достигалъ еще никто, и я подчинила эти моря моимъ законамъ. Я принудила рѣки измѣнить по моей волѣ теченіе для блага подвластныхъ мнѣ народовъ. Я сдѣлала плодоносною пустыню, оросивъ ее моими рѣками. Я воздвигла грозныя твердыни. Я проложила дороги черезъ недостижимые утесы. Я вымостила моимъ серебромъ пути, на которыхъ до меня виднѣлись только слѣды дикихъ звѣрей. И, совершая все это, я находила время для своихъ наслажденій и для наслажденій друзей моихъ».

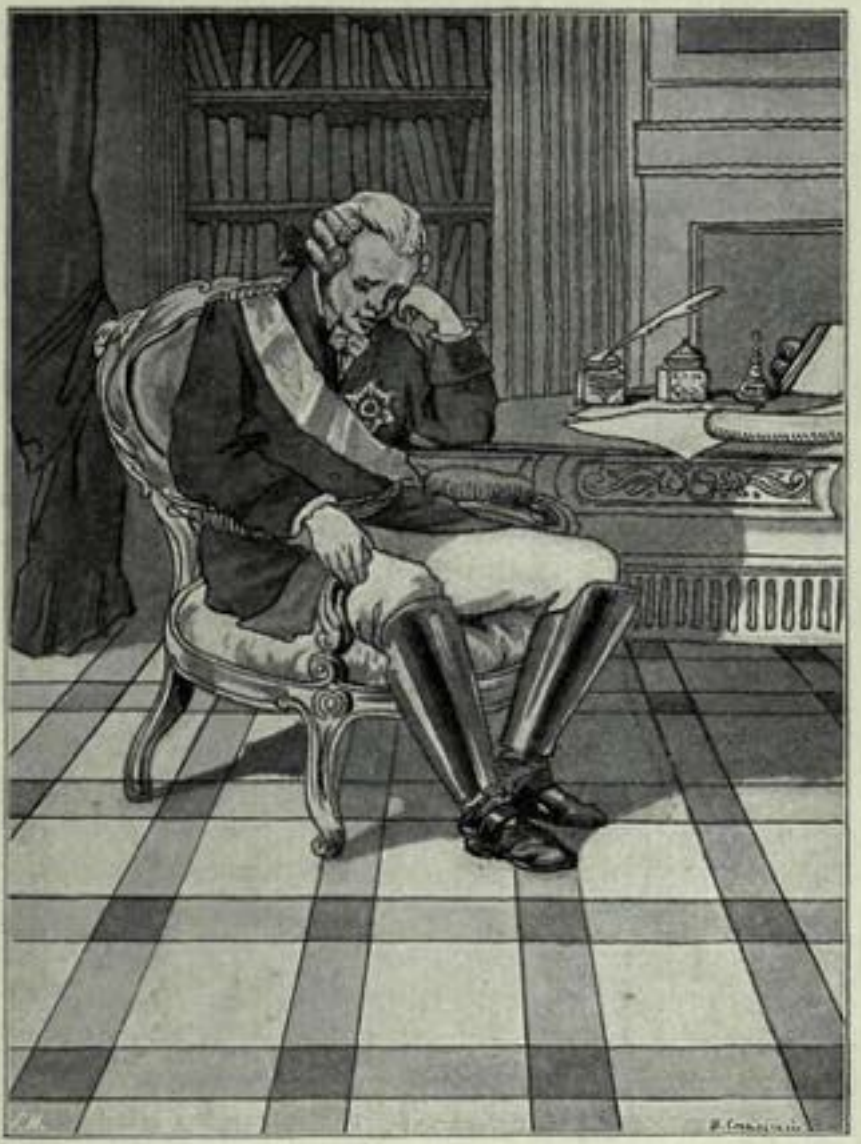
Подобную же эпитафію могла начертать себѣ Екатерина, съ тою только разницею, что новой Семирамидѣ было доступно многое, о чемъ и не помышляла древняя.

Торжественная тишина стояла по дворцовымъ комнатамъ; только время отъ времени, едва слышно раздавались боязливые шаги; какъ тѣни мелькали люди, дѣлавшіе какія-то приготовленія къ завтрашнему утру.

Всѣ утомились въ теченіе двухъ дней ужасной агоніи императрицы и всѣ теперь спали, забывъ свои тревожныя ощущенія, забывъ свое горе и страхъ за близкое будущее.

Не спалъ только одинъ человѣкъ,—человѣкъ этотъ былъ Павелъ. Онъ ходилъ быстрыми шагами по своему рабочему кабинету, озарявшемуся слабымъ отблескомъ двухъ догоравшихъ свѣчей. При первомъ взглядѣ на него можно было замѣтить, что онъ находится въ томъ особенномъ состояніи, когда человѣкъ совершенно не замѣчаетъ окружающей обстановки, когда онъ движется и дѣйствуетъ безсознательно. Глаза Павла, широко открытые, были устремлены въ пространство, его губы то и дѣло шептали что-то. Иногда онъ хватался рукою за сердце, иногда сжималъ себѣ руками голову; иногда по щекамъ его катились слезы. Безконечныя вереницы мыслей, однѣ за другими, проносились въ головѣ его, вставали цѣлыя картины, судорожный трепетъ пробѣгалъ по его членамъ, холодный потъ выступалъ на лбу его. Вспоминалась вся жизнь.

Вотъ наступилъ, наконецъ, этотъ день, котораго ждалъ онъ долгіе годы, день, къ которому онъ себя постоянно готовилъ! И съ ужасомъ чувствовалъ онъ, что все же остался неприготовленнымъ, что этотъ день засталъ его нежданно и поразилъ своимъ появленіемъ...

Первое, что̀ я сдѣлаю завтра же, — выставлю передъ дворцомъ ящикъ.

Онъ—русскій императоръ! Онъ надѣваетъ на себя корону, которая со дня его совершеннолѣтія принадлежитъ ему по законнѣйшему праву!

И онъ содрогается подъ тяжестью этой незримой короны, его охватываетъ благоговѣйный трепетъ, соединенный съ невольнымъ ужасомъ.

— Достоинъ ли я,—шепчетъ онъ,—того, что̀ выпало мнѣ на долю? Снесу ли я эту тяжесть? Достойно ли выполню великое и тяжкое призваніе? Боже! помоги мнѣ, на Тебя одного мое упованіе!..

Онъ падаетъ на колѣни, простирая передъ собою руки. Онъ рыдаетъ и горячо молится.

И вотъ, послѣ этой облегчающей молитвы, снова наплываютъ думы. Помимо его воли, многія минуты пережитой тяжелой жизни встаютъ передъ нимъ, и невольная горечь обливаетъ его сердце. Вспоминаются обиды, несправедливости, которыя онъ долженъ былъ выносить часто отъ людей ничтожныхъ.

— Забыть... забыть!—шепчетъ онъ, и дѣлаетъ надъ собой послѣднія усилія. И, наконецъ, достигаетъ забвенія. Его прошлое отходитъ, и мало-по-малу возстаетъ образъ настоящаго, а за нимъ и будущаго.

«Много неправды внѣдрилось повсемѣстно, все распущено, разнуздано, истина скрылась гдѣ-то и не смѣетъ показаться наружу. Нужно заставить ее выйти на свѣтъ Божій, нужно заставить ее явиться побѣдительницей неправды. Но достанетъ ли для этого силъ одного человѣка? Нужны помощники, нужны вѣрные слуги, истинные русскіе люди съ неподкупнымъ и любящимъ сердцемъ...»

Онъ сталъ искать людей этихъ, вызывалъ ихъ мысленно передъ собою. Но не многіе явились на зовъ его.

«Съ этими начну, а затѣмъ, Богъ дастъ, придутъ и другіе. Они попрятались теперь, имъ не было хода. Они поймутъ, что я зову ихъ, что я ихъ жду, и явятся мнѣ на помощь. Я обращусь ко всему, что̀ есть честнаго и лучшаго въ моемъ отечествѣ. Я каждымъ моимъ шагомъ буду доказывать, что ищу только правды, что не боюсь правды, что ненавижу ложь и безчестность.

«Меня поддержатъ, меня поймутъ. Я дамъ возможность каждому сказать мнѣ все, что̀ сказать онъ можетъ. Первое, что̀ я сдѣлаю завтра же, — выставлю передъ дворцомъ ящикъ, въ который каждый свободно будетъ опускать свои письма. Ключъ отъ ящика буду хранить я, и ежедневно самъ буду отпирать его и прочитывать все, что̀ тамъ найдется; такимъ образомъ я стану узнавать многое, что̀ иначе осталось бы навсегда мнѣ неизвѣстнымъ...»

Мало-по-малу трепетъ и страхъ за будущее, неувѣренность въ своихъ силахъ отходили, являлось спокойствіе. Широкое чувство наполняло Павла, въ немъ заговорили всѣ завѣтныя стороны души его, въ немъ выступалъ въ полномъ блескѣ послѣдній истинный рыцарь, честный и безстрашный, бьющійся за правду.

Мало-по-малу всѣ грезы, которыми онъ наполнялъ однообразные дни гатчинскаго досуга, возвращались и улыбались ему. Приходили на умъ всѣ планы государственнаго устройства и внутренней политики, которые онъ разрабатывалъ вдали отъ дѣйствительной жизни, въ тишинѣ своего гатчинскаго кабинета.

«Нѣтъ, не даромъ прожиты эти года!—рѣшилъ онъ:—все же многое подготовлено».

Онъ вспомнилъ свое войско, дисциплинированное, выносливое, прошедшее тяжелую школу. Онъ призоветъ своихъ гатчинцевъ, размѣститъ ихъ по всѣмъ полкамъ.

«Да, его гатчинцы въ короткое время сумѣютъ создать настоящее войско, и съ нимъ не стыдно будетъ глядѣть въ глаза Европѣ. Съ хорошимъ войскомъ можно будетъ поддерживать свое вліяніе, свое значеніе. Но онъ вовсе не ищетъ .военной славы. Онъ безъ крайней необходимости не станетъ водить русскихъ людей на убой. Онъ начнетъ съ того, что покончитъ ненужныя военныя дѣйствія. Россія не нуждается въ пріобрѣтеніяхъ; прежде нужно подумать о внутреннемъ благосостояніи; нужно устроить внутреннюю свою жизнь на честныхъ и законныхъ основаніяхъ...

«Но съ чего же начать? О, онъ долженъ начать съ утвержденія справедливости, онъ долженъ удовлетворить всѣхъ обиженныхъ въ послѣднее время и щедро наградить ихъ за претерпѣнныя невзгоды. Съ другой стороны, онъ долженъ наказать тѣхъ, кто злоупотреблялъ своимъ временнымъ значеніемъ...

«Наказать!..

«Начинать съ кары, съ наказаній? Нѣтъ, я не хочу этого! Достаточно будетъ, если я лишу злыхъ людей возможности творить зло, если я отберу отъ нихъ оружіе. Да и какое наказаніе могу я придумать больше того, какому они должны будутъ сами себя подвергнуть, увидя свое безсиліе?

«А своихъ личныхъ враговъ?..»

Въ немъ закипѣло сердце, но онъ быстро успокоился.

— Я долженъ простить врагамъ своимъ!—прошептали его губы.

Утомленный, обезсиленный, онъ упалъ въ кресло и долго сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову. На него напало тихое раздумье. Мысль переставала работать, но зато въ сердцѣ просыпалось новое ощущеніе. Тоска какая-то начинала давить его. Это была знакомая ему тоска, уже не разъ имъ испытанная, приходившая невѣдомо откуда и, повидимому, безъ всякой причины. Это была тоска, которую онъ называлъ предчувствіемъ...

— Прочь предчувствіе!—почти громко крикнулъ онъ и всталъ, будто отгоняя отъ себя мрачные призраки.

«Да будетъ воля Божья надо мною, а я долженъ нести крестъ свой и понесу его, не заглядывая, что̀ ожидаетъ меня на пути моемъ!»

Снова загорѣлись глаза его, снова по всѣмъ членамъ пробѣжалъ вдохновенный трепетъ. Онъ чувствовалъ, будто какая-то невидимая сила поднимаетъ его, наполняетъ его новымъ избыткомъ жизни. Торжественное спокойствіе теперь нисходило въ его душу.

— Господи, благослови трудъ мой! Благослови путь мой!—прошепталъ онъ, широко осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Всѣ тревоги, всѣ сомнѣнія отлетѣли. Въ немъ не было уже мѣста тяжелымъ или злымъ воспоминаніямъ, въ немъ было только одно могучее, честное чувство—любовь къ правдѣ, любовь къ родинѣ, одно сознаніе своего высокаго призванія.

Первые дни императора Павла.

(Изъ повѣсти „Дѣды".)

Едва окончился обрядъ торжественной присяги, какъ къ Зимнему дворцу подлетѣла взмыленная курьерская тройка. Въ саняхъ, дрожа и ёжась отъ холода, сидѣлъ какой-то неизвѣстный петербургской публикѣ человѣкъ, безъ шубы и даже безъ плаща, въ одномъ только полковничьемъ мундирѣ гатчинской формы. Онъ былъ очень сухощавъ, сутуловатъ и жилистъ, и какъ-то судорожно все морщилъ свой подбородокъ. Толстая, несуразной формы голова, постоянно наклоненная на одинъ бокъ, желчно-смуглый цвѣтъ лица и большія мясистыя уши прежде всего кидались въ глаза всѣмъ и каждому при первомъ взглядѣ на этого человѣка. При покойной императрицѣ офицеры гатчинскаго отряда никогда не допускались въ Зимній дворецъ, и потому, не зная расположенія комнатъ, новоприбывшій гатчинецъ просто заблудился въ невѣдомомъ ему лабиринтѣ залъ и коридоровъ. Онъ долго не могъ отыскать императора и тщет-

но пытался узнать про него у встрѣчныхъ придворныхъ и камеръ-лакеевъ.

— Кто это? что̀ за человѣкъ такой? откуда взялся таковъ?—неслись во слѣдъ ему и справа, и слѣва безчисленные вопросы, которыми перекидывались между собою лица Екатерининскаго двора, невольно останавливая вниманіе на странномъ костюмѣ и несуразной фигурѣ незнакомца, а въ особенности на его впалыхъ, сѣрыхъ глазахъ, въ которыхъ свѣтилась какая-то странная смѣсь ума и злости вмѣстѣ съ неуклонною энергіей и желѣзною волей.

Но на всѣ эти летучіе вопросы никто не могъ дать опредѣленнаго и положительнаго отвѣта, и за проходившимъ гатчинцемъ всецѣло оставалось у всѣхъ одно только безпричинно-непріятное впечатлѣніе, которое дѣлала его во всякомъ случаѣ замѣчательная наружность.

— Гдѣ же государь, наконецъ?—остановясь близъ дверей одной залы и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ пожавъ плечами, спросилъ незнакомецъ повышеннымъ голосомъ, при чемъ обвелъ толпу недоумѣло-вопросительнымъ взглядомъ. Онъ говорилъ въ носъ, немножко гнуся, и не то-что не договаривая, а какъ бы глотая окончанія словъ и фразы.—Я вызванъ сюда именнымъ моего государя повелѣніемъ, по эстафетѣ,—продолжалъ онъ, видимо сдерживая внутри себя раздраженіе:—и вотъ уже полчаса, какъ тщетно ищу его величество, и никому не угодно указать мнѣ, гдѣ государь изволитъ находиться.

На этотъ возгласъ откликнулся одинъ изъ гатчин-

скихъ камердинеровъ государя, случайно находившійся въ залѣ, и почтительно провелъ незнакомца въ кабинетъ императора.

— Кто таковъ?—посыпались на него вопросы, едва лишь онъ затворилъ дверь за неизвѣстнымъ гатчинцемъ.

— Господинъ полковникъ Аракчеевъ,—было отвѣтомъ ближайшей кучкѣ любопытныхъ.

— Аракчеевъ?.. Что такое Аракчеевъ?.. Арак...арак... Dieu, quel nom atroce! Что за птица? Откудова?—жужжа по залѣ, полетѣли изъ устъ въ уста недоумѣвающіе вопросы и ироническія улыбки.

Черезъ четверть часа всеобщее недоумѣніе разъяснилось. Аракчеевъ вышелъ изъ царскаго кабинета объруку съ цесаревичемъ Александромъ и въ сопровожденіи великаго князя Константина, а черезъ минуту въ кучкахъ Екатерининскихъ придворныхъ уже передавали самую свѣжую новость, что наслѣдникъ престола назначенъ петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, великій же князь Константинъ полковникомъ въ Измайловскій полкъ, а Аракчеевъ сдѣланъ петербургскимъ комендантомъ съ производствомъ въ генералъ-майоры. При этомъ передавали, что государь принялъ его съ необычайною милостью, поставилъ рядомъ съ наслѣдникомъ, соединилъ ихъ руки и сказалъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ».

Этого разсказа было достаточно, чтобы не только самые юркіе, но даже и наименѣе смышленые люди поспѣшили тутъ же представиться новому коменданту и

съ любезными, искательными улыбками почтительно поручали себя его благосклонному вниманію. Аракчеевъ всѣ эти изъявленія принималъ сдержанно, сухо и холодно. Видно было сразу, что онъ понимаетъ въ корень истинный, сокровенный смыслъ и значеніе придворныхъ ласкъ и привѣтствій.

Начинало свѣтать. Великіе князья, въ новыхъ своихъ гатчинскихъ мундирахъ, съ голубыми андреевскими лентами черезъ плечо, сѣли на коней и, безъ всякой свиты, поѣхали каждый къ своему полку приводить людей къ присягѣ. На улицахъ было много движенія экипажей и пѣшеходовъ. Лавки начинали отпираться, несмотря на то, что урочная пора для этого далеко еще не наступала.

Сѣроватая мгла разсвѣта пропитана была сыростью быстро начавшейся оттепели. Моросилъ частый дождикъ, и среди глубоко-выпавшаго снѣга успѣли образоваться лужи. Сѣрые контуры домовъ, скрадываясь и сливаясь въ этой туманной мглѣ, глядѣли угрюмо, скучно и холодно. Не только въ лицахъ людей, но, казалось, какъ будто даже въ самомъ воздухѣ разлито что-то тоскливое, тревожное, недоумѣвающее... По улицамъ, шлепая по слякоти, въ разныхъ направленіяхъ понуро шли гренадерскіе взводы гвардейскихъ полковъ, относя къ своимъ частямъ знамена, взятыя изъ дворца для присяги. На съѣзжихъ полковыхъ дворахъ отсырѣлые и подмокшіе барабаны жидкимъ звукомъ дребезжали «сборъ»— и на этотъ призывный бой, съ разныхъ сторонъ, съ ружьями наперевѣсъ въ одиночку выбѣгали изъ казармъ солдаты и спѣшно пристраивались на плацъ-парадномъ

мѣстѣ къ своимъ ротамъ. На каждой такой площадкѣ, предъ нàскоро вынесеннымъ аналоемъ, стоялъ съ крестомъ и евангеліемъ полковой священникъ въ полномъ облаченіи. По прибытіи великихъ князей къ своимъ частямъ, полки Семеновскій и Измайловскій приняли присягу. Преображенскій полкъ былъ приведенъ къ присягѣ своимъ заслуженнымъ и почтеннымъ подполковникомъ Татищевымъ *), котораго государь въ этотъ день тоже почтилъ особою милостію: когда Татищевъ, подавъ ему строевой рапортъ, отступилъ, по тогдашнему правилу, на нѣсколько шаговъ, императоръ самъ подошелъ къ нему, привѣтливо взялъ старика за руку и, подводя къ себѣ, сказалъ, что «такимъ почтеннымъ и заслуженнымъ мужамъ надлежитъ быть ближе къ государю»; а въ уваженіе къ его старости, разрѣшилъ ему сидѣть въ своемъ присутствіи, даже и въ томъ случаѣ, если бы самъ онъ разговаривалъ съ нимъ стоя.

Присяга гвардіи представляла грустное и трогательное зрѣлище: развернутыя знамена полоскались по вѣтру предъ сотенными рядами поднятыхъ рукъ; лица людей были блѣдны и смутны; офицеры и солдаты стояли тихо и понуро, погруженные въ глубокую горесть; бо̀льшая часть изъ нихъ молча глотали слезы, иные же плакали навзрыдъ; нидѣ раздавались громкіе вздохи и вопли: «Пропали мы, пропала Россія!—Матери не стало... Всѣмъ мать была!.. всѣмъ одна!» Начальствующія лица не унимали этихъ проявленій скорби: они и сами ду-

*) Николай Алексѣевичъ, генералъ-поручикъ и гвардіи подполковникъ.

мали и чувствовали почти то же. И эта скорбь—надо замѣтить—въ такихъ же точно проявленіяхъ выказывается въ русскомъ войскѣ при смерти каждаго любимаго монарха.

На 8-ое число ноября назначенъ былъ первый «вахтъ-парадъ» *) на дворцовой площадкѣ. Въ церемоніи развода должны были парадировать части отъ Измайловскаго и лейбъ-гвардіи Коннаго полковъ. Великій князь Константинъ, желая сдѣлать государю пріятный сюрпризъ, очень заботился, чтобы на этомъ вахтъ-парадѣ, еще первомъ и потому совершенно новомъ въ Петербургѣ, нѣкоторыя командныя слова произносились по гатчинскому образцу и чтобы всѣ офицеры были на парадѣ въ длинныхъ перчаткахъ съ раструбами и имѣли въ рукахъ форменныя гатчинскія трости. Нѣсколько ѣздовыхъ великаго князя вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ **) еще дóсвѣту обрыскали весь гостиный дворъ, всѣхъ столичныхъ перчаточниковъ и токарей и, къ радости молодого полковника, когда въ восемь часовъ утра онъ пріѣхалъ на полковой дворъ, всѣ эти вещи были уже налицо и въ совершенной исправности. Полкъ еще съ трехъ часовъ ночи учился на плацу гатчинскому артикулу. Великій князь прорепетировалъ церемонію вахтъ-парада, провѣрилъ офицеровъ и солдатъ и остался доволенъ. Дѣйствительно, Измайловскому полку, на удивленіе самому себѣ, удалось въ нѣсколько часовъ довольно отчетливо изучить важнѣйшія правила новаго

*) Разводъ.

**) Е. Ѳ. Комаровскій, впослѣдствіи графъ и генералъ-адъютантъ.

устава, надъ готовою рукописью котораго въ это самое время дѣятельно работали въ сенатской типографіи нѣсколько наиболѣе искусныхъ наборщиковъ *).

Конногвардейцы тоже были въ большой тревогѣ.

Два эскадронныхъ парикмахера всю ночь трудились надъ солдатскими головами, приводя ихъ въ новый форменный порядокъ: мазали саломъ ихъ волосы, завивали букли, заплетали толстыя косички и въ изобиліи обсыпали всю эту куафюру, вмѣсто пудры, пшеничною мукою. Люди съ трудомъ натягивали другъ на друга мокрыя лосины, и ни одинъ человѣкъ не смѣлъ присѣсть облокотившись къ стѣнѣ, чтобы не смять своей прически. Полковой командиръ, маіоръ Васильчиковъ, самымъ тщательнѣйшимъ образомъ во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ осматривалъ каждаго человѣка изъ отборнаго взвода, назначеннаго во внутренній дворцовый караулъ, и неоднократно прорывалось у него душевное безпокойство и опасеніе: онъ зналъ, что новый императоръ не совсѣмъ-то доволенъ духомъ, господствовавшимъ въ средѣ этого аристократическаго полка. Но главное смущало его то, что въ цѣломъ полку никто еще не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о новомъ уставѣ. И вдругъ замѣтилъ онъ, что въ концѣ казарменнаго коридора собралась вокругъ кого-то кучка конногвардейцевъ, изъ которой по временамъ раздавались взрывы сдержанной веселости.

— Что тамъ за смѣхи? Узнай, пожалуй, мнѣ!—досадливо приказалъ онъ своему личному адъютанту.

*) Три устава о воинской службѣ были изданы уже 29-го ноября 1796 года.

— Сержантъ Череповъ показываетъ прусскую выправку и экзерцицію,—доложилъ тотъ, возвратившись отъ веселой кучки.

— Ба! такъ онъ знаетъ, не шутя?—съ живостью подхватилъ начальникъ.—Послать ко мнѣ его въ сейчасъ же!

— Череповъ!.. Сержанта Черепова къ командиру!—словно эхо изъ устъ въ уста пошелъ призывный кличъ по длинному коридору.

— Ну, братъ Вася, достукался! будетъ ужò пудрамантель!—шопотомъ пророчили во слѣдъ ему товарищи.

Но «братъ Вася», нимало не смущаясь, шелъ къ командиру своимъ обычнымъ смѣлымъ и увѣреннымъ шагомъ.

— Ты что̀ тамъ за экзерцицію показуешь?—серьезно спросилъ его Васильчиковъ.

— Съ прусской модели,—бойко отвѣтилъ Череповъ.

— И ты не врешь, братецъ?

— Я, ваше превосходительство, дворянинъ,—возразилъ сержантъ, гордо вскинувъ слегка свою красивую голову:—и, какъ дворянину, врать мнѣ недостойно.

— Гм... молодецъ, коли такъ! Да откуда жъ тебѣ эта выправка вѣдома?

Череповъ объяснилъ, что еще въ прошломъ году, будучи уволенъ въ шестимѣсячный домашній отпускъ, онъ отпросился «въ нѣкоторый малый вояжъ» за границу и, проживъ два мѣсяца въ Берлинѣ, сошелся съ прусскими солдатами, многократно видѣлъ тамошніе вахтъ-парады и съ наглядки «нарочито и весьма изрядно» ознако-

мился съ прусскою выправкой и экзерциціей, такъ что съ тѣхъ поръ нерѣдко «утѣшаетъ» своихъ «камратовъ», передразнивая и корча, по ихъ просьбѣ, нѣмецкихъ солдатъ и офицеровъ.

— А ну-ка, покажи, какъ это?—предложилъ ему Васильчиковъ.

Череповъ, съ самымъ серьезнымъ видомъ, воспроизвелъ предъ своимъ командиромъ всю воспринятую имъ премудрость.

— Скажи, пожалуй!—воскликнулъ тотъ, хлопнувъ себя по колѣнямъ:—да ты, братъ, и впрямь какъ настоящій гатчинецъ!.. Видалъ и я ихъ тоже... Ей-ей, прекрасно! безподобно! Полюбуйтесь, господа офицеры!

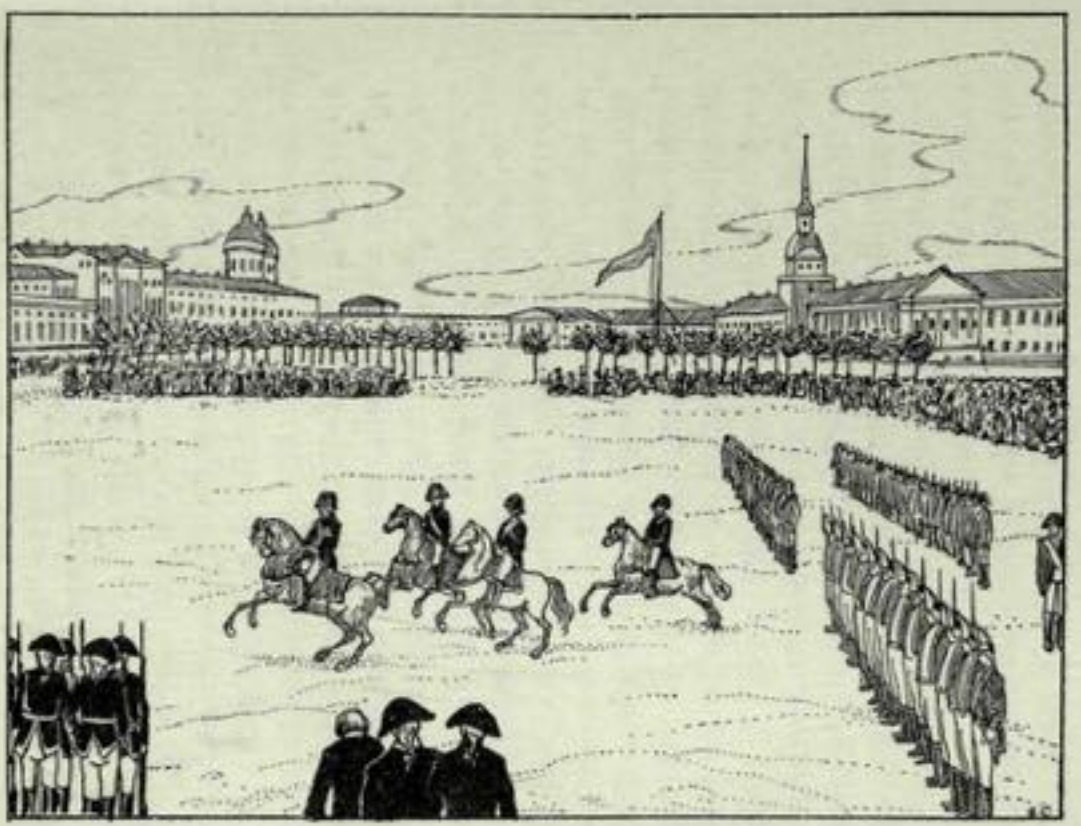
Но господа офицеры уже и безъ того любовались на ловкаго и молодцоватаго дѣтину.

— Господинъ адъютантъ! назначить сего сержанта нынѣ въ разводъ на ординарцы къ его величеству,—распорядился повеселѣвшій Васильчиковъ.—А тебя, братецъ, прошу въ грязь лицомъ не ударить!—прибавилъ онъ, обратясь къ Черепову.

— Радъ стараться!—бойко выкрикнулъ «братъ Вася» и, совершенно по темпамъ прусскаго образца, повернувшись налѣво кругомъ, отошелъ отъ своего командира.

Ростепель и мокреть продолжались уже полторы сутки. Рыхлый снѣгъ валилъ въ неимовѣрномъ количествѣ и предательски застилалъ своею бѣлопуховою скатертью изобильныя лужи отдаленныхъ и немощеныхъ петер-

бургскихъ улицъ. Конная гвардія квартировала тогда за Таврическимъ дворцомъ, подъ Смольнымъ. Въ девятомъ часу утра, части, назначенныя въ разводъ, выступили изъ казармъ. Мимо «Тавриды» тянулась къ Зимнему дворцу сначала конная команда, а за нею весь наличный составъ конногвардейскихъ офицеровъ и, наконецъ, отборный пѣшій взводъ внутренняго караула. Люди были одѣты въ лучшихъ своихъ мундирахъ, синихъ съ золотомъ, въ лучшихъ шляпахъ съ дорогимъ плюмажемъ, безъ плащей, въ полной амуниціи, и увязали въ глубокомъ снѣгу пустынной улицы. Въ половинѣ десятаго измайловцы и конногвардейцы заступили назначенныя имъ мѣста на дворцовой площадкѣ. Здѣсь уже стояла толпа офицеровъ отъ разныхъ частей войскъ, но народа вообще было очень мало,—быть-можетъ потому, что объ этомъ новомъ явленіи петербургской жизни никакой офиціальный агентъ власти и администраціи не извѣщалъ публику заблаговременно. Около этого времени къ толпѣ офицеровъ стали все болѣе и болѣе присоединяться лица штабъ-офицерскихъ и генеральскихъ ранговъ, подъѣзжавшія къ площадкѣ въ своихъ возкахъ и каретахъ. И ни на комъ ни единаго плаща, а ужъ о шубахъ или муфтахъ и помину не было! Все это гвардейское офицерство присутствовало въ однихъ тоненькихъ мундирахъ и, съ непривычки, тряслось отъ холоду подъ косымъ дождемъ, на вѣтру, который стремительными и буйными порывами налеталъ со взморья. Здѣсь, въ этой толпѣ, передавалось множество новыхъ слуховъ и фактовъ, но нельзя сказать, чтобы всѣ эти

Въ половинѣ десятаго измайловцы и конногвардейцы заступили назначенныя имъ мѣста.

новости нравились или производили пріятное впечатлѣніе на массу гвардейцевъ, давно уже привыкшихъ къ совершенно инымъ порядкамъ беззаботной службы и сибаритской жизни. Сообщали за вѣрное, что отнынѣ, въ силу Высочайшаго приказа, уже ни одинъ офицеръ не смѣетъ являться никуда иначе, какъ въ форменномъ мундирѣ, тогда какъ до сего времени гвардейскіе щеголи «за рѣдкость мундиръ надѣвали», а больше все фланировали въ муфтахъ, въ шубахъ да въ роскошнорасшитыхъ французскихъ фракахъ изъ бархатныхъ и драгоцѣнныхъ шелковыхъ матерій, заботясь единственно лишь о своемъ изяществѣ и помышляя только о трактирахъ, банкетахъ, театрахъ, балахъ, маскерадахъ, да о томъ, чтобы посѣщать «пріятныя общества», о службѣ же дѣйствительной и «всякое понятіе давно позабыли». Сообщали также, что офицерамъ запрещено ѣздить въ крытыхъ экипажахъ, тогда какъ при покойной государынѣ гвардейскій офицеръ «за стыдъ почиталъ себѣ» не имѣть собственной кареты съ шестеркою и даже съ осьмеркою рысаковъ и съ залитымъ въ золото либо въ серебро гусаромъ, а не то егеремъ на запяткахъ; теперь же только офицерскія жены могли выѣзжать въ закрытыхъ экипажахъ, да и то не шестеркой, а парой или много-много если четвернею цугомъ; мужья же ихъ обязаны были ѣздить верхомъ, либо въ простыхъ санкахъ или дрожкахъ, «но отнюдь не съ пышностію и великолѣпіемъ». При Екатеринѣ, дѣйствительно, роскошь въ общественной и частной жизни достигла блистательнѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и печальнѣйшихъ

размѣровъ. Не только знатные и богатые, но даже люди самаго посредственнаго состоянія тянулись изо всѣхъ силъ, чтобы не отстать отъ вельможъ и магнатовъ, поражавшихъ всю Европу «своими нѣгами и роскошами». Всѣ хотѣли «кушать» не иначе, какъ на чистомъ серебрѣ, и разорялись на драгоцѣнные сервизы. Императоръ Павелъ въ разговорахъ «о сей матеріи» высказалъ напрямикъ, что онъ охотно согласенъ самъ до тѣхъ поръ ѣсть на оловѣ, пока не возстановитъ нашимъ деньгамъ надлежащій курсъ и не доведетъ государственные финансы до того, «чтобы рубли россійскіе ходили дѣйствительно рублями».

— Изреченіе божественное и достойное великаго государя!—восклицали при этомъ нѣкоторые, тогда какъ большинство, недовольное новыми порядками и стѣсненіями, только улыбалось и сомнительно покачивало головою.

Межь тѣмъ, пока гвардейская молодежь, поёживаясь отъ холода, вмѣстѣ со стариками судачили и обносили въ своихъ кружкахъ новыя узаконенія, великій князь Константинъ, предъ своимъ измайловскимъ фронтомъ, повидимому, совершенно стоически и равнодушно переносилъ докучную петербургскую непогодь. Около трехъ четвертей одиннадцатаго часа онъ приказалъ адъютанту Комаровскому взять подпрапорщика *), итти во дворецъ и, остановясь предъ кабинетомъ государя, велѣть камердинеру доложить его величеству, что раз-

*) Въ полковомъ приказѣ было сказано, чтобы подъ знамя нарядить подпрапорщика.

водъ Измайловскаго полка готовъ и что адъютантъ пришелъ за знаменемъ. Комаровскій отправился, но черезъ нѣсколько минутъ вышелъ на площадку хотя и съ подпрапорщикомъ, но безъ знамени и смущенно передалъ удивленному и озабоченному Константину, что когда камердинеръ отворилъ дверь кабинета и подалъ ему знакъ войти, то императоръ, стоя, надѣвалъ перчатки и уже приказалъ-было взять знамя, какъ вдругъ, увидѣвъ громаднаго роста подпрапорщика, спросилъ неожиданно: «а что, онъ дворянинъ?» и на отрицательный отвѣтъ Комаровскаго замѣтилъ, что «знамя должно быть всегда носимо дворяниномъ», и повелѣлъ привести унтеръ-офицера изъ этого сословія.

Великій князь, необычайно боявшійся отца, сильно перетревожился и приказалъ взять поскорѣе, на первый случай, хоть какого-нибудь подходящаго сержанта. И едва знамя было вынесено ко фронту, какъ на крыльцо гурьбой высыпали новыя лица, новые сановники, одѣтые въ мундиры новой формы. Эта форма, съ непривычки рѣзавшая глазъ и казавшаяся странною, даже какъ будто маскарадною, доставила на первый разъ всему разводу, а въ особенности конногвардейцамъ, источникъ остротъ и смѣха. Всѣ эти лица казались имъ словно бы старые портреты нѣмецкихъ офицеровъ, выскочившіе изъ своихъ рамокъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ изъ дворца вышелъ самъ императоръ въ преображенскомъ мундирѣ новой формы и направился къ разводу. Сначала, при видѣ петербургской гвардіи, онъ былъ какъ будто недоволенъ—по крайней мѣрѣ, замѣтно отдувался и пыхтѣлъ, что

всегда являлось у него вѣрнымъ признакомъ неудовольствія или гнѣва. Но когда предъ измайловскимъ фронтомъ раздалась команда по-гатчински и строй отчетливо исполнилъ, что̀ требовалось, лицо императора прояснѣло и озарилось привѣтливою улыбкой.

Наконецъ настала очередь ординарцевъ.

Завидѣвъ синій съ золотомъ мундиръ подходящаго конногвардейца, императоръ снова-было насупился и отвернулся нѣсколько въ сторону, но ординарецъ, молодцовато остановясь предъ нимъ на разстояніи трехъ шаговъ, продѣлалъ все, что̀ слѣдовало въ данномъ случаѣ, въ совершенствѣ подражая прусскому идеалу.

Государь, пріятно удивленный этою новою неожиданностью, внимательно окинулъ ординарца своимъ быстрымъ взглядомъ и съ благосклонною улыбкой обратился къ полковому командиру.

— Такъ и у васъ, господинъ маіоръ, успѣли уже ознакомиться съ новымъ уставомъ?—спросилъ онъ.

Васильчиковъ, не рѣшаясь утвердительнымъ отвѣтомъ высказать неправду и въ то же время боясь разочаровать государя откровеннымъ признаніемъ, отвѣчалъ нѣсколько уклончиво, съ почтительнымъ поклономъ:

— Стараемся, ваше императорское величество!

Государь лично скомандовалъ ординарцу нѣсколько пріемовъ и поворотовъ, полюбовался его выправкой и маршировкой, и остался совершенно доволенъ.

— Спасибо, молодецъ!—привѣтливо кивнулъ онъ ему головою:—твоя фамилія?

— Череповъ, ваше величество!

— Василій?—быстро спросилъ государь, уставя въ

него пытливый взглядъ изъ-подъ нѣсколько наморщенной брови.

— Такъ точно, ваше величество.

— Э, такъ мы съ тобой уже знакомы!

И послѣ короткаго молчанія, въ теченіе котораго его внимательный и зоркій глазъ скользилъ по стройной фигурѣ ординарца, онъ вдругъ прибавилъ:

— Благодарю, *корнетъ!* Мнѣ лестно видѣть въ васъ такого отличнаго служаку!

Это было сказано громкимъ и пріятнымъ голосомъ, такъ что не только окружающіе, но весь разводъ отчетливо слышалъ слова государя, которыя были полною неожиданностью для всѣхъ и болѣе всѣхъ для самого Черепова. Почти ошалѣлый отъ радости, онъ смутно вспомнилъ, однакоже, что надо сейчасъ же благодарить государя за милость и, по обычаю того времени, преклонилъ предъ нимъ колѣно.

Императоръ протянулъ ему для поцѣлуя свою руку. Череповъ почтительно прикоснулся къ ней губами.

Въ это время прискакалъ гатчинскихъ войскъ поручикъ Ратьковъ доложить государю, что гатчинскіе и павловскіе батальоны находятся уже передъ городскою заставой и ожидаютъ высочайшихъ повелѣній. Обрадованный императоръ тутъ же самъ надѣлъ на него Анненскій крестъ 2-го класса и назначилъ адъютантомъ къ наслѣднику. Въ ту жъ минуту къ государю подвели Помпона, его любимую верховую лошадь, и онъ, въ сопровожденіи двухъ сыновей своихъ, быстро поскакалъ навстрѣчу своимъ старымъ любимцамъ, которые всецѣло были его личнымъ созданіемъ, его заба-

вой и утѣшеніемъ въ теченіе долгихъ и монотонныхъ лѣтъ его гатчинскаго одиночества...

Гвардейскій разводъ остался на площади. Хотя по отбытіи государя, никѣмъ не была подана команда «стоять вольно», но конногвардейцы, «по вольности дворянства» и по недавнему еще обыкновенію, на что̀ смотрѣлось сквозь пальцы, кружкомъ обступили счастливаго Черепова и наперерывъ поздравляли его съ неожиданною милостію.

— Каково метнулъ! Изъ нашего брата-солдата да прямо въ гвардіи корнеты!

— Поди-ка!.. Ну-тка!..—Н-да, вотъ-те и пудраманте́ль!—дружески смѣясь, замѣчали товарищи.

— Мы думали—буфонитъ, а онъ, на-ко, и взаправду! Ай, молодецъ же, Васька!

— Что жъ, братъ Вася, поди-ка, теперь зазнаешься?..

— Чего-о?—насупился Череповъ:—да вы меня это за кого понимаете?..

— Такъ, значитъ, литки съ тебя, дружище!

— Непремѣнно! завтра же послѣ смѣны и устроимъ,—согласился Череповъ.—Прошу, любезные друзья, пожаловать къ фриштыку въ ресторацію Юге, что̀ въ Демутовомъ трактирѣ,—пригласилъ онъ:—будутъ устерсы и аглицкое пиво, и шампанское вино, и многое другое... Послѣдняя копейка ребромъ, чортъ возьми, для этакой радости!

Часъ спустя по отъѣздѣ государя, послышались съ Гороховой улицы мелодическіе звуки флейтъ и грохотъ барабановъ.

Весь разводъ естественно обратилъ вниманіе въ ту

сторону, откуда приближались эти воинственные звуки. То были гатчинскіе батальоны, торжественно вступавшіе, еще въ первый разъ, на Дворцовую площадь.

Императоръ ѣхалъ во главѣ той части, которую онъ наименовалъ въ Гатчинѣ своимъ Преображенскимъ полкомъ, а великіе князья слѣдовали предъ такъ-называемыми Семеновскимъ и Измайловскимъ полками. Позади пѣхоты и артиллеріи шелъ прекрасный Кирасирскій Цесаревича полкъ, во главѣ котораго Павелъ Петровичъ, будучи наслѣдникомъ, прослужилъ кампанію 1788 года, при чемъ надъ его головою не разъ гудѣли шведскія ядра и свистали пули.

Гатчинскіе гости были одѣты совершенно по-прусски, въ короткихъ мундирахъ съ лацканами и въ черныхъ штиблетахъ; на гренадерахъ красовались мѣдныя шапки *), а на мушкетерахъ маленькія треугольныя шляпы, безъ петлицы, съ одною только пуговицей. Офицеры, большею частью безвѣстные и бѣдные дворяне, изъ бывшихъ морскихъ батальоновъ, шли на своихъ мѣстахъ, держа по формѣ красивые эспонтоны, что̀ для гвардейскаго развода казалось и смѣшно, и педантично. Одѣты они были всѣ въ поношенные и потертые мундиры темнозеленаго цвѣта, явно перекрашенные, въ видахъ экономіи, изъ разноцвѣтныхъ суконъ,—обстоятельство, опять-таки служившее безконечнымъ поводомъ къ насмѣшкамъ и колкимъ замѣчаніямъ.

— Батюшки! да какіе жъ они пѣгіе, полинялые, оголь-

*) Какъ нынѣ у л.-гв. Павловскаго полка.

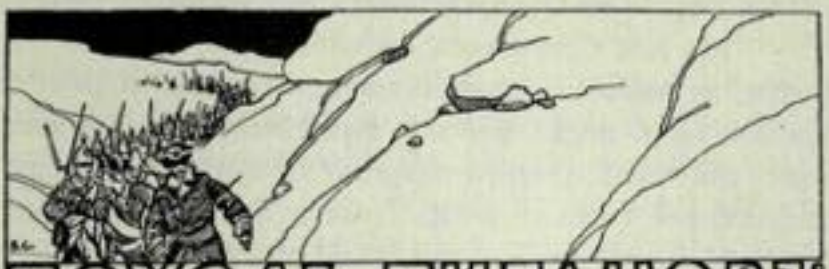
тѣлые, куцые!—трунили между собою блестящіе гвардейскіе щеголи.

Императоръ, межъ тѣмъ, въ восторгѣ любовался на свое «модельное войско», шесть батальоновъ котораго съ необыкновенною стройностью входили въ *«алиніе-манъ»* на Дворцовой площади. Когда же они выстроились въ безукоризненно-чистую, строгую линію, государь обратился къ нимъ съ рѣчью.

— Благодарю васъ, мои друзья!—сказалъ онъ съ замѣтно теплымъ чувствомъ:—благодарю за вѣрную вашу мнѣ службу и, въ награду за оную, вы поступаете въ гвардію, а господа офицеры чинъ въ чинъ.

Долгія и восторженныя «ура» гатчинцевъ были отвѣтомъ на привѣтливое слово государя. Затѣмъ ихъ знамена понесли во дворецъ,—и весь гвардейскій разводъ отдавалъ имъ воинскую честь обычнымъ образомъ. Императоръ былъ необычайно доволенъ измайловцами за ихъ быструю науку, обнялъ великаго князя Константина, благодарилъ офицеровъ, а нижнимъ чинамъ пожаловалъ по фунту рыбы. Затѣмъ, поставивъ вообще всѣмъ присутствовавшимъ гвардейцамъ своихъ гатчинцевъ какъ «образецъ, которому должно подражать по возможности близко, государь милостиво пригласилъ всѣхъ безъ исключенія генераловъ, гвардіи, арміи и флота штабъ- и оберъ-офицеровъ даже до послѣдняго инвалиднаго прапорщика—«пожаловать къ нему во дворецъ къ водкѣ и закускѣ».

Такъ окончилось это утро, достопамятное для старой Екатерининской гвардіи.

ПОХОДЪ ТИТАНОВЪ

(Изъ сочиненія „Русскій чудо-вождь".)

(По воцареніи императора Павла, Суворовъ впалъ-было въ немилость вслѣдствіе остраго словца на счетъ введенной въ нашемъ войскѣ иноземной прически: «пукля не пушка, коса не штыкъ», и удалился въ свою новгородскую вотчину. Но въ 1799 г. онъ былъ снова вызванъ изъ опалы для похода въ Италію на помощь австрійцамъ въ войнѣ ихъ съ французами. Назначенный главнокомандующимъ—„генералиссимусомъ"—обѣихъ армій: русской и австрійской, онъ, несмотря на всѣ происки австрійскихъ военачальниковъ, одержалъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ и вытѣснилъ французовъ изъ Италіи.)

Въ битвѣ при Нови въ Италійскомъ походѣ русскіе въ послѣдній разъ побѣдили французовъ. Прямымъ послѣдствіемъ битвы было полное очищеніе Италіи отъ французовъ.

И это было сдѣлано всего только въ четыре мѣсяца!

Во Франціи погромъ произвелъ ужасное впечатлѣніе.

Вся страна пришла въ трепетъ. Народная гордость была уязвлена жестоко.

Въ Италіи на Суворова смотрѣли, какъ на полубога.

— Sta sol! Остановись, солнце! И солнце стало и не пошло на западъ!—привѣтствовалъ героя католическій архіепископъ послѣ побѣды при Нови,—я остановилъ тебя, спаситель алтарей нашихъ, на пути христіанской славы своей, словомъ Іисуса Навина, а теперь произреку тебѣ: И ты предыдешь предъ лицомъ Господнимъ, готовя пути Его и давая разумъ спасенія Его людямъ!

Народъ чуть не молился на русскаго героя...

Въ Петербургѣ извѣстіе о новой побѣдѣ Суворова встрѣчено было съ невыразимымъ восторгомъ.

«Мнѣ нечѣмъ награждать васъ,—писалъ императоръ Павелъ своему чудо-вождю,—вы поставили себя выше всякихъ наградъ!»

Но награда была найдена.

Высочайше повелѣно было «отдавать князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому, даже и въ присутствіи государя всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ особѣ Его Императорскаго Величества».

— Достойному достойное!—сказалъ государь, подписывая это повелѣніе.

Въ Вѣнѣ, въ гофкригсратѣ, послѣ погрома при Нови, были перепуганы, пожалуй, не меньше, чѣмъ въ Парижѣ. Прямымъ слѣдствіемъ этой побѣды являлось занятіе русскими Генуи. Австрійскіе умники рѣшили, что если Суворовъ будетъ допущенъ къ морю, русскіе укрѣпятся тамъ и объявятъ Геную своею.

Командовавшій австрійской арміей въ Швейцаріи эрцгерцогъ Карлъ увелъ свои войска въ Германію, оставивъ тридцатитысячный русскій корпусъ Римскаго-Корсакова почти въ безпомощномъ состояніи, хотя дано было торжественное обѣщаніе, что войска Австріи только тогда будутъ выведены изъ горныхъ областей, когда тамъ будетъ равное имъ количество русскихъ войскъ.

Это переполнило всякую мѣру терпѣнія русскаго императора.

Онъ вышелъ изъ коалиціи, образовавшейся противъ французовъ, и послалъ Суворову порученіе итти въ Швейцарію на соединеніе съ Римскимъ-Корсаковымъ. Чудо-вождю послѣ этого разрѣшалось дѣйствовать оттуда, куда и какъ ему заблагоразсудится: «продолжать войну съ собственными силами или возвратиться въ Россію, предоставивъ вѣроломныхъ союзниковъ суду Божію».

«Мужайтесь, князь Александръ Васильевичъ!—писалъ Суворову императоръ,—идите на труды, а не на побѣды; живите съ Богомъ и славою».

Теперь чудо-богатырямъ приходилось бороться не только съ непріятелемъ, но и съ самой природой.

Вотъ онѣ, эти первозданныя громады... Пропасти, провалы, водопады среди нихъ. на каждомъ шагу. Узенькія тропки вьются по неприступнымъ кручамъ, вездѣ ледники, снѣгъ... Туманы окутываютъ вершины; облака, словно короны, вѣнчаютъ снѣжные пики...

Это—Альпы.

И въ этихъ неприступныхъ твердыняхъ, въ создан-

ныхъ самою природою крѣпостяхъ, засѣли враги—враги храбрые, прославившіе себя въ каждомъ бою и снискавшіе уваженіе себѣ даже суворовскихъ чудо-богатырей.

Съ условіями горной войны Александръ Васильевичъ былъ совершенно незнакомъ.

Три пути открывались русской арміи по Швейцаріи. Два изъ нихъ проходили въ сторонѣ отъ непріятеля, были безопасны, удобны для соединенія съ австрійскими корпусами и отрядами, не требовали даже особыхъ приготовленій къ походу. Третій путь велъ, черезъ неприступный Сенъ-Готардъ, въ верховье р. Рейса и затѣмъ по долинѣ этой рѣки къ берегамъ Люцернскаго озера, къ Люцерну... Этотъ путь, какъ самый короткій, и былъ предложенъ австрійскими совѣтниками русскому чудо-вождю. Австрійскій полковникъ Вейротеръ успѣлъ убѣдить Суворова итти черезъ С.-Готардъ, но ни слова не было сказано Александру Васильевичу, что за С.-Готардомъ выходъ къ р. Рейсу преграждаетъ естественная стѣна въ видѣ неприступной горы, черезъ которую мѣстными жителями, для своего удобства, пробитъ былъ туннель, гдѣ только человѣкъ и одинъ мулъ могли пройти рядомъ.

Какъ ни довѣрялъ Александръ Васильевичъ Вейротеру, онъ все-таки послалъ свой планъ похода давно воевавшимъ въ Швейцаріи и вполнѣ ознакомленнымъ съ страной австрійскимъ генераламъ Штрауху, Линкену и Готце. Тѣ вполнѣ одобрили предположеніе Суворова и тоже промолчали о совершенной невозможности похода этимъ путемъ.

Тогда, обманутый со всѣхъ сторонъ, Суворовъ началъ собираться въ походъ.

Чтобы усыпить бдительность французовъ, Суворовъ приказалъ объявить, что его движеніе въ Швейцарію не можетъ быть начато ранѣе 20-го сентября; между тѣмъ у него все было готово къ походу уже 9-го числа этого мѣсяца.

Была и еще одна задача у Александра Васильевича и задача серьезная.

Замѣчалъ онъ, что часто слишкомъ поглядываютъ его чудо-богатыри на снѣжныя вершины горъ и не только поглядываютъ, но и головами покачиваютъ...

Нужно было ободрить «дѣтушекъ», отогнать отъ нихъ непривычныя робость да сомнѣнія.

И вотъ Суворовъ постоянно появляется среди солдатъ.

— Каковы горки-то?—кричитъ онъ цѣлой кучкѣ пріунывшихъ солдатъ.—Что, молодцы, такихъ у насъ на Руси-матушкѣ, пожалуй, не видывали... Что? Нѣтъ, братцы, такихъ?

— Будто и нѣтъ, ваша свѣтлость!

— И въ самомъ дѣлѣ, ребятушки, нѣтъ! Наши повыше да покруче... а эти что!.. Шагъ ступимъ—перешагнемъ! Перешагнемъ, витязи?

— Перешагнемъ!—отвѣчаютъ солдатики.

Въ концѣ-концовъ, простоявъ подъ Альпами пять дней, солдаты привыкли къ нимъ, приглядѣлись, и переходъ сталъ имъ казаться уже вполнѣ возможнымъ.

Вотъ и С.-Готардъ, этотъ исполинъ Альпъ.

Со стороны Италіи онъ считался и неприступнымъ, и непроходимымъ. Узенькая тропка, то спускавшаяся въ глубочайшія ущелья, на днѣ которыхъ шумѣли водостоки, то вдругъ взвивавшаяся по кручамъ, вела на его вершину, гдѣ устроенъ былъ страннопріимный домъ. Невозможнымъ казалось пройти здѣсь съ арміей, а не только что взять эту неприступную твердыню штурмомъ.

С.-Готардъ со стороны Италіи оберегала бригада французскаго генерала Гюдена, за С.-Готардомъ вблизи стояла другая—Луазона, далѣе на Рейсѣ расположился съ остальными силами корпуса главнокомандующій имъ генералъ Лекурбъ.

Французовъ было всего только девять тысячъ, но въ такой мѣстности, какъ эта, они были прямо несокрушимы.

Чудо-вождь быстро составилъ планъ дѣйствій. Розенбергъ былъ отправленъ въ обходъ С.-Готарда, для чего ему нужно было въ возможно короткое время пройти семь верстъ, а остальныя войска раздѣлены на три колонны. Въ пасмурное, мглистое утро тронулись русскіе на непріятеля. Въ двѣ суворовскія атаки были выбиты французы изъ позиціи, и, наконецъ, въ третьей они заняли въ Айроло такую естественную крѣпость, предъ которой даже Измаилъ, знаменитый Измаилъ!—казался дѣтской игрушкой...

Измаилъ соорудили люди, а здѣсь неприступную твердыню создала сама природа...

Ночная темнота уже начинала спускаться надъ зе-

млею. Было четыре часа. Сумерки, а тамъ и ночь были недалеко. Такъ или иначе нужно было кончать дѣло.

Не зная ничего о Розенбергѣ, Суворовъ рѣшился на послѣднее средство.

По его приказанію, князь Петръ Багратіонъ явился къ нему.

— Князь Петръ, возьми у французовъ Айроло, пожалуйста, возьми!.. Покорно прошу тебя о томъ, приказываю, князь Петръ, тебѣ...

— Слушаю, ваша свѣтлость, радъ стараться!—тономъ простого солдата отвѣчалъ Багратіонъ.

— Ужъ постарайся... Молю тебя, постарайся!.. Потомъ еще, князь Петръ... Видишь тамъ монастырь? Видишь, вонъ на макушкѣ?.. Мнѣ хотѣлось бы помолиться тамъ Господу Богу... Давно мы «Тебе Бога хвалимъ» не пѣли... Хорошее пѣснопѣніе!.. Пожалуй, позабудутъ, какъ и пѣть его, чада Павловы... Такъ, вотъ, князь Петръ, постарайся...

— Будетъ исполнено!—отвѣтилъ, по своему обыкновенію, мрачно Багратіонъ, и ушелъ.

Онъ еще изъ виду не скрылся, а Суворовъ сталъ посылать къ нему одного за другимъ ординарцевъ съ вопросами: что онъ дѣлаетъ, гдѣ онъ?

— Иду бить врага!—отвѣчалъ сперва сумрачный герой, но вскорѣ его отвѣты приняли нѣсколько иной характеръ:—иду впередъ! бью врага! взялъ Айроло! погналъ французовъ выше!

Французы укрѣпились у самаго перевала въ Госписѣ. Здѣсь горсть стрѣлковъ могла сдержать цѣлую

армію. Дважды кидались чудо-богатыри на отчаянный штурмъ, и каждый разъ французы отбивали ихъ. Въ двѣ атаки 1.200 храбрецовъ легло на мѣстѣ, а русскіе не подвинулись впередъ ни на пядь. Утесы и скалы были покрыты русской кровью, стонъ и вопли раненыхъ заглушали выстрѣлы. Дѣло казалось проиграннымъ. Очевидно было, что С.-Готардъ взять было нельзя.

И это въ самомъ началѣ кампаніи!

Свита Суворова плакала, глядя на своего вождя...

Въ глубокой задумчивости сидѣлъ великій старикъ.

Прискакавшій во весь опоръ Дерфельденъ прервалъ его задумчивость.

— Ваша свѣтлость!—еле справляясь съ своимъ волненіемъ, заговорилъ онъ,—оба штурма отбиты... Убыль огромная... Что̀ дѣлать?

— Штурмовать!—глухо отвѣтилъ Суворовъ.

Дерфельденъ такъ дернулъ поводья, что лошадь присѣла на заднія ноги.

— Я не дослышалъ, ваша свѣтлость,— крикнулъ онъ,—что̀ вы изволили повелѣть?

— Штурмовать!—отчетливо и рѣзко произнесъ Суворовъ, взглядывая строго на своего стариннаго друга.

— Это невозможно, ваша свѣтлость,—вскричалъ Дерфельденъ:—солдаты переутомились... не идутъ...

Александръ Васильевичъ всталъ на ноги.

— Невозможно то̀, что̀ вы говорите, ваше высокопревосходительство; вы, вѣрно, изъ «унтеркунфтовъ» докладываете мнѣ...

— Но, ваша свѣтлость, извольте убѣдиться сами...

— Не вѣрю-съ! Ничему не вѣрю!—и, припрыгивая, какъ и всегда, Суворовъ побѣжалъ къ штурмовымъ колоннамъ.

Дерфельденъ былъ правъ.

Обезсилившіе, отчаявшіеся люди рядами легли на землю.

— „Что съ дѣвицей сдѣлалось,
Что съ красной случилось!" *)

запѣлъ Суворовъ, пробѣгая мимо лежавшихъ.

А случилось то, что не разъ уже случалось... Измученные люди, услыхавъ эту пѣсенку, словно по мановенію какого-то чародѣя, повскакали на ноги и кинулись вслѣдъ за своимъ вождемъ, съ громкимъ кличемъ «ура!».

— Чудо-богатыри! оболгали васъ передо мной!—кричалъ имъ Суворовъ:—вотъ грѣховодники! Такихъ молодцовъ обносить, когда имъ дѣло дѣлать нужно...—и вдругъ, мѣняя тонъ, скомандовалъ:—Стройся! Держи фронтъ! Барабаны, бей парадъ! Музыка—фельдмаршъ! Тамбуръ-мажоры впередъ! Церемоніальнымъ маршемъ въ монастырь Богу молиться... Съ нами Богъ!

И съ этими словами чудо-вождь самъ повелъ построившіеся по его командѣ батальоны...

Повелъ на вѣрную гибель...

Французы даже огня не открыли, чтобы сразу смести свинцовымъ дождемъ русскихъ, когда они подойдутъ поближе.

*) Разсказъ о неповиновеніи солдатъ и о приказаніи Суворова рыть для него могилу признается вымысломъ.

Но ихъ ружья такъ и остались неразряженными. Откуда-то сверху, изъ-подъ облаковъ, защелкали выстрѣлы, словно съ небесъ загремѣло могучее русское «ура»!..

Это Багратіонъ съ егерями забрался на снѣжную вершину С.-Готарда, выше расположенія французовъ, и, буквально, какъ снѣгъ на голову, ударилъ на врага.

Это нападеніе было такъ неожиданно, что растерявшіеся французы моментально оставили неприступную позицію. Штурмовая колонна заняла ее.

Госпись былъ взятъ!

Дрожа отъ волненія, полный пережитыми впечатлѣніями, измученный за этотъ день, Александръ Васильевичъ, лишь только перевалъ былъ занятъ, отправился въ монастырь.

У воротъ обители героя встрѣтилъ древній старичокъ-настоятель. Онъ пригласилъ Александра Васильевича къ себѣ подкрѣпить силы.

— Нѣтъ, святой отецъ,—сказалъ ему Суворовъ,— прежде всего должно воздать благодареніе Господу Богу, помощнику и покровителю.

Онъ попросилъ старика отслужить молебствіе.

...Сбитые съ позиціи Гюденъ и Лаузонъ отступили за гору, къ деревушкѣ Госпенталь. Здѣсь къ нимъ подоспѣлъ съ Рейса съ свѣжими войсками ихъ главный начальникъ, генералъ Лекурбъ. Сейчасъ же рѣшено поправить побѣдой проигранное сраженіе и прогнать русскихъ снова за С.-Готардъ.

Теперь штурмовали французы. Всей массой кинулись

они впередъ, но вдругъ смутились и стали поспѣшно отступать.

На нихъ совершенно неожиданно ринулись свѣжія русскія колонны обходнаго корпуса Розенберга. Онъ тронулъ свой авангардъ съ Милорадовичемъ во главѣ. Люди пошли и черезъ нѣсколько сотъ саженей очутились на краю отвѣснаго обрыва, сойти внизъ по которому не было никакой возможности. Мало того, внизу, въ лощинѣ, клубился туманъ и закрывалъ собою дно оврага. Люди смутились...

— Впередъ!—крикнулъ имъ генералъ.

Но никто не тронулся. Солдатики переминались съ ноги на ногу и не шли.

— А! вы не хотите итти, трусы!—закричалъ Милорадовичъ,—тогда смотрите, какъ возьмутъ въ плѣнъ вашего генерала!

Онъ бросился къ обрыву, на самомъ краю его опрокинулся на спину, и, сдѣлавъ движеніе всѣмъ тѣломъ, покатился внизъ, громко крича: «ура!».

Великое дѣло—примѣръ!

Какъ одинъ человѣкъ, послѣдовали за нимъ солдаты. Куда дѣвалась ихъ робость! чувство самохраненія, казалось, оставило ихъ. Весь отрядъ скатился вслѣдъ за своимъ генераломъ въ лощину, и, быстро построившись тамъ, ударилъ на штурмовавшихъ уже С.-Готардъ французовъ...

Въ то же время остальной отрядъ Розенберга, найдя болѣе удобную дорогу, ворвался на штыкахъ въ Госпенталь, а затѣмъ въ Урзеренъ. Французы оказались

окруженными, всѣ пути отступленія были имъ отрѣзаны. Вмѣсто легкой побѣды, они должны были искать спасенія въ бѣгствѣ.

Лекурбъ въ первомъ же дѣлѣ былъ разбитъ на голову. Онъ ушелъ, побросавъ свои орудія въ Рейсъ. Въ Урзеренѣ, деревушкѣ въ верстѣ отъ Госпенталя, побѣдители овладѣли 370 тысячами патроновъ и дневнымъ запасомъ провіанта на весь корпусъ.

...Впереди же представлялось прямо невозможное дѣло.

Въ верстѣ отъ Урзерена рядъ сплошныхъ отвѣсныхъ утесовъ прерывалъ всякій путь къ р. Рейсъ, въ долину которой нужно было во что бы то ни стало выйти русскимъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы итти назадъ. О переходѣ черезъ утесы всей арміей и думать не приходилось. Оставался единственный путь: черезъ пробитый мѣстными жителями туннель, въ полтора аршина ширины. Туннель тянулся всего на восемьдесятъ шаговъ; при выходѣ изъ него справа находилась естественная площадка такой ширины, что на ней могло умѣститься всего не болѣе двухсотъ человѣкъ. Слѣва ничего не было: утесы спускались отвѣсно къ Рейсъ, необыкновенно быстрой горной рѣкѣ, падавшей въ этомъ мѣстѣ съ уступа на уступъ водопадами и саженяхъ въ трехстахъ за ущельемъ низвергавшейся въ пропасть. Рейсъ сама по себѣ очень не широка, и, какъ всѣ горныя рѣки, мелка; но теченіе ея было до того быстро, что на поверхности незамѣтно ни струй, ни волнъ. Единственнымъ способомъ перехода съ берега на берегъ

являлся каменный мостъ съ площадки у ущелья, на противоположный берегъ.

Окрестные жители туннель называли «Урнерской дырой» (Urner Loch), а мостъ черезъ Рейсъ — «Чортовымъ»...

Русскимъ въ ихъ движеніи впередъ приходилось пройти черезъ «Урнерскую дыру» и затѣмъ переправиться на другой берегъ.

Это была задача, выполненіе которой всѣми военными людьми того времени признавалось невозможнымъ.

Едва прибывъ въ Госпенталь на ночлегъ, Суворовъ успѣлъ уже ознакомиться со всѣмъ, что̀ касалось дальнѣйшаго движенія.

Немедленно были созваны всѣ генералы, полковники и даже нѣкоторые маіоры. Но это не былъ военный совѣтъ. Суворовъ ни у кого ничего не спрашивалъ, онъ приказывалъ и пояснялъ свои приказанія.

Когда распоряженія были отданы, Суворовъ отпустилъ всѣхъ, оставилъ у себя командира Архангелогородскаго полка, генерала Каменскаго, и батальонныхъ командировъ: полковниковъ Свищова и Трубникова изъ полка Мансурова и маіоры Кашкинскихъ егерей Тревогина.

Еще разъ весело, по обыкновенію прибаутками да присказками, объяснилъ всѣмъ имъ, чего онъ ждетъ отъ нихъ на другой день.

— Теперь ступайте, отдохните,—сказалъ онъ имъ на прощанье,—а завтра потрудитесь, не выдайте товарищей врагу... ступайте! Господь васъ благословитъ.

Каждаго изъ оставшихся у него Александръ Васильевичъ перекрестилъ и поцѣловалъ.

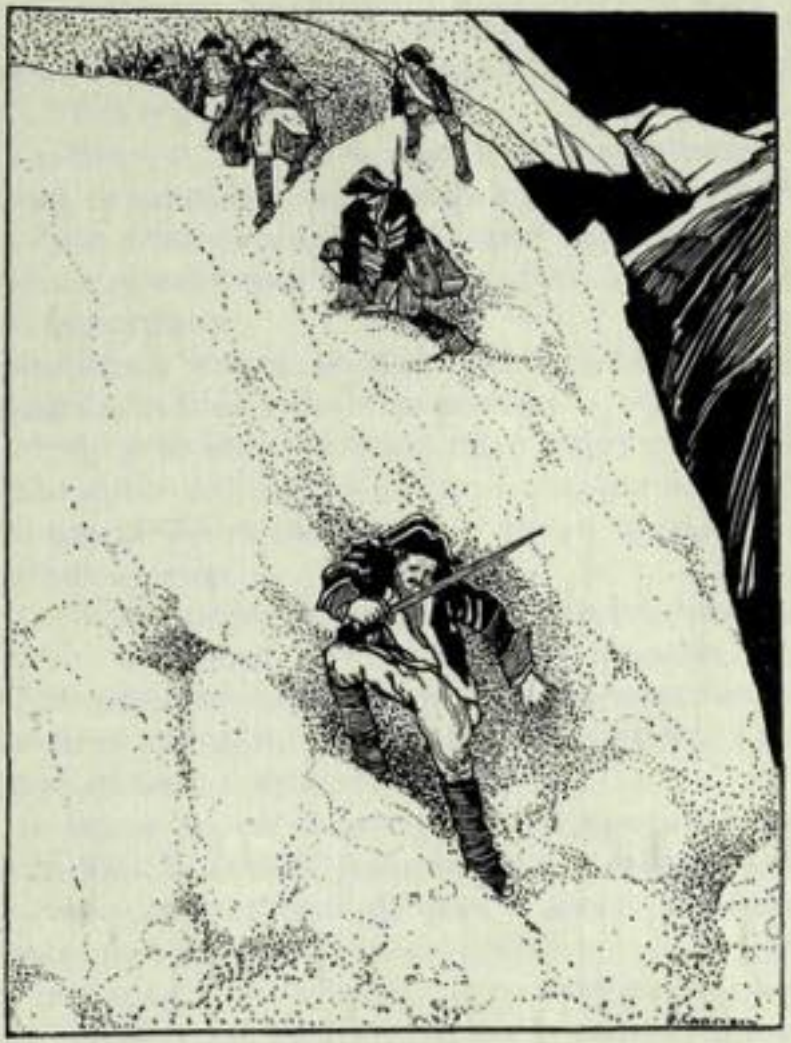
Немедленно послѣ этого генералъ Каменскій тихо выступилъ со своими архангелогородцами въ ночной походъ.

На другой день, на разсвѣтѣ, 14-го сентября, передовой батальонъ полка Мансурова подошелъ къ туннелю и сдѣлалъ видъ, что имѣетъ намѣреніе пробиться черезъ него.

Главныя силы Лекурба были на другомъ берегу Рейса. Мансуровцы завязали перестрѣлку черезъ туннель. Французы отвѣчали имъ насмѣшками да хохотомъ. Такъ продолжалось часа полтора. Вдругъ надъ самой головой французовъ, какъ наканунѣ на С.-Готардѣ, загремѣли ружейные выстрѣлы, и по ихъ головамъ брызнулъ свинцовый дождь... Это полковникъ Трубниковъ съ тремя стами мансурцевъ вскарабкался на утесы и сверху началъ разстрѣливать занимавшихъ площадку предъ туннелемъ французовъ.

Въ то же самое время маіоръ Тревогинъ съ 200 егерей, а за нимъ полковникъ Свищовъ съ цѣлымъ батальономъ, тѣмъ же путемъ, черезъ утесы, спустился въ ущелье р. Рейсъ и, несмотря на страшную быстрину, началъ переправу въ бродъ.

Все это было настолько неожиданно, что перепуганные французы начали разбирать Чортовъ мостъ, съ своей стороны, забывъ даже объ оставшихся на противоположномъ берегу товарищахъ. Эти храбрецы неминуемому плѣну,—русскіе черезъ туннель уже прорвались къ

Какъ одинъ человѣкъ, послѣдовали за нимъ солдаты.

выходу на площадку,—предпочли смерть: они побросали въ Рейсъ свое оружіе и сами кинулись вслѣдъ за нимъ... Всѣ они погибли!

Свищовъ и Тревогинъ тѣмъ временемъ успѣли съ своими смѣльчаками переправиться черезъ Рейсъ. Но ихъ было слишкомъ мало для атаки цѣлаго корпуса. Удальцы ограничились тѣмъ, что засѣли за камни и начали перестрѣлку.

Французы успѣли разобрать мостъ настолько, что переправа по немъ стала невозможною.

Но вотъ на занятомъ французами берегу показались архангелогородцы. Они по слѣдамъ Лекурба перекинулись ночью черезъ Бетцбергъ, и теперь заходили непріятелю въ тылъ.

Огонь французовъ сталъ слабѣть; солдаты Лекурба медленно переходили въ отступленіе. Но русскихъ было за туннелемъ все еще очень немного, а огонь непріятеля былъ настолько силенъ, что за исправленіе моста приняться было попрежнему нельзя.

Опять въ такомъ положеніи пришла на помощь русская смѣтка. Солдатики разнесли сарай у входа въ туннель, натаскали къ рѣкѣ бревенъ и досокъ. Офицеры отдали свои шарфы. Въ одно мгновеніе бревна были связаны конецъ съ концомъ, изъ шарфовъ скрученъ былъ самодѣльный канатъ и на немъ связанныя бревна были перекинуты черезъ неширокую Рейсъ.

По такому утлому мосту начали чудо-богатыри переправу.

Первымъ пошелъ по бревнамъ маіоръ князь Ме-

щерскій. За нимъ—удальцы казаки. Мещерскій только-что вступилъ на противоположный берегъ, какъ былъ сраженъ на смерть непріятельской пулей.

— Товарищи! не забудьте меня въ реляціи!—только и успѣлъ онъ крикнуть, падая съ обрыва въ кипящую стремнину р. Рейсъ.

Переправа по импровизированному мосту продолжалась.

Свищовъ и Тревогинъ, замѣтивъ, что къ нимъ идутъ подкрѣпленія, выбрались съ своими отрядами изъ-за камней и ударили одновременно съ архангелогородцами въ штыки на отступавшаго непріятеля.

Французамъ только и оставалось дѣлать, что ретироваться, и какъ можно скорѣе.

Для исправленія моста были вызваны австрійскіе піонеры. Они начали мѣрить, разсчитывать, чуть ли не чертить планъ сооруженія. Генералъ Ребиндеръ, видя, что тратится на все на это масса времени, потерялъ терпѣніе и приказалъ вызвать русскихъ солдатъ, знающихъ плотничное дѣло. Тѣ явились и безъ всякихъ расчетовъ принялись за дѣло: натаскали бревенъ, досокъ, хворосту, и черезъ какой-нибудь часъ мостъ былъ уже такъ исправленъ, что русская армія могла пройти по немъ.

— Помилуй Богъ!—въ восторгѣ воскликнулъ Суворовъ, узнавъ объ этомъ:—русскій на все способенъ: и враговъ бить, и царю служить.

Русской арміи послѣ переправы пришлось итти по Рейсъ. За Чортовымъ мостомъ рѣка стала чрезвычайно

извилистой. То и дѣло суворовцы переходили съ берега на берегъ. Итти же приходилось очень спѣшно. Дважды разбитый въ теченіе двухъ дней, Лекурбъ отступалъ очень быстро, намѣреваясь попортить мосты черезъ Рейсъ и остановить наступленіе чудо-богатырей. За нимъ русскимъ волей-неволей приходилось гнаться. Лекурбъ, отступая, наткнулся на ожидавшую русскихъ австрійскую колонну генерала Ауфенберга и разбилъ его. Только быстрое приближеніе русскаго авангарда, подъ начальствомъ Милорадовича, спасло австрійцевъ отъ истребленія. Наученный же двукратнымъ опытомъ, французскій генералъ не осмѣливался вступать въ борьбу съ такимъ противникомъ, какъ чудо-богатыри...

Кавалеристъ Дѣвица.

(Изъ автобіографическихъ записокъ, подъ тѣмъ же названіемъ, *Надежды Андреевны Дуровой*, по мужу *Черновой*.)

Мать моя, урожденная Александровичева, была одна изъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ въ Малороссіи. Въ концѣ пятнадцатаго года ея отъ рожденія, женихи толпою предстали искать ея руки. Изъ всего ихъ множества сердце матери моей отдавало преимущество гусарскому ротмистру Дурову; но, къ несчастію, выборъ этотъ не былъ выборомъ отца ея, гордаго, властолюбиваго пана малороссійскаго. Онъ сказалъ матери моей, чтобъ она выбросила изъ головы химерическую мысль выйти замужъ за москаля, а особенно военнаго. Дѣдъ мой былъ величайшій деспотъ въ семействѣ; если онъ что̀ приказывалъ, надобно было слѣпо повиноваться, и не было никакой возможности ни умилостивить его, ни перемѣнить однажды принятаго имъ намѣренія. Слѣдствіемъ этой неумѣренной строгости было то̀, что въ одну бурную осеннюю ночь мать моя, спавшая въ одной горницѣ со старшею сестрою своею, встала тихонько съ постели, одѣлась и, взявъ салопъ и капоръ, въ однихъ чулкахъ, утаивая дыханіе, прокралась мимо сестриной кровати, отворивъ тихо двери въ залу, тихо затворила, проворно перебѣжала ее и, отворя дверь въ садъ, какъ стрѣла полетѣла по длинной каштановой аллеѣ, оканчивающейся у самой калитки. Мать моя поспѣшно отпираетъ эту маленькую дверь и бросается въ объятія ротмистра, ожидавшаго ее съ коляскою, запряженною четырьмя сильными лошадьми, которыя, подобно вѣтру, тогда бушевавшему, понесли ихъ по кіевской дорогѣ.

Въ первомъ селѣ они обвѣнчались и поѣхали прямо

въ Кіевъ, гдѣ квартировалъ полкъ Дурова. Поступокъ матери моей хотя и могъ быть извиняемъ молодостью, любовью и достоинствами отца моего, бывшаго прекраснѣйшимъ мужчиною, имѣвшаго кроткій нравъ и плѣнительное обращеніе, но онъ былъ такъ противенъ патріархальнымъ нравамъ края Малороссійскаго, что дѣдъ мой въ первомъ порывѣ гнѣва проклялъ дочь свою.

Мать моя страстно желала имѣть сына; она говорила: «у меня родится сынъ, прекрасный, какъ амуръ! я дамъ ему имя Модестъ; сама буду кормить, сама воспитывать, учить, и мой сынъ, мой милый Модестъ будетъ утѣхою всей жизни моей»... Такъ мечтала мать моя; но явилась на свѣтъ я, бѣдное существо, появленіе котораго разрушило всѣ мечты и ниспровергнуло всѣ надежды матери.

Мнѣ минуло четыре мѣсяца, когда полкъ, гдѣ служилъ отецъ мой, получилъ повелѣніе итти въ Херсонъ; такъ какъ это былъ домашній походъ, то батюшка взялъ семейство съ собою. Я была поручена надзору и попеченію горничной дѣвки моей матери, однихъ съ нею лѣтъ. Днемъ дѣвка эта сидѣла съ матушкою въ каретѣ, держа меня на колѣняхъ, кормила изъ рожка коровьимъ молокомъ и пеленала такъ туго, что лицо у меня синѣло и глаза наливались кровью; на ночлегахъ я отдыхала, потому что меня отдавали крестьянкѣ, которую приводили изъ селенія; она распеленывала меня, клала къ груди и спала со мною всю ночь; такимъ образомъ у меня на каждомъ переходѣ была новая кормилица.

Ни отъ перемѣнныхъ кормилицъ, ни отъ мучитель-

наго пеленанья здоровье мое не разстраивалось. Я была очень крѣпка и бодра, но только до невѣроятности криклива. Въ одинъ день мать моя была весьма въ дурномъ нравѣ; я не дала ей спать всю ночь; въ походъ вышли на зарѣ, маменька расположилась было заснуть въ каретѣ, но я опять начала плакать, и, несмотря на всѣ старанія няньки утѣшить меня, я кричала отъ-часу громче; это переполнило мѣру досады моей матери; она вышла изъ себя и, выхвативъ меня изъ рукъ дѣвки, выбросила въ окно. Гусары вскрикнули отъ ужаса, соскочили съ лошадей и подняли меня всю окровавленную и неподающую никакого знака жизни; они понесли было меня опять въ карету, но батюшка подскакалъ къ нимъ, взялъ меня изъ рукъ ихъ и, проливая слезы, положилъ къ себѣ на сѣдло. Онъ дрожалъ, плакалъ, былъ блѣденъ какъ мертвый, ѣхалъ не говоря ни слова и не поворачивая головы въ ту сторону, гдѣ ѣхала мать моя. Къ удивленію всѣхъ, я возвратилась къ жизни и, сверхъ чаянія, не была изуродована; только отъ сильнаго удара шла у меня кровь изъ рта и носа. Батюшка, съ радостнымъ чувствомъ благодарности, поднялъ глаза къ небу, прижалъ меня къ груди своей и, приблизясь къ каретѣ, сказалъ матери моей:

— Благодари Бога, что ты не убійца! Дочь наша жива; но я не отдамъ ужъ ее тебѣ во власть; я самъ займусь ею.

Сказавъ это, поѣхалъ прочь и до самаго ночлега везъ меня съ собою, не обращая ни взора, ни словъ къ матери моей.

Съ этого достопамятнаго дня жизни моей отецъ ввѣрилъ меня Промыслу Божію и смотрѣнію фланговаго гусара Астахова, находившагося неотлучно при батюшкѣ какъ на квартирѣ, такъ и въ походѣ. Я только ночью была въ комнатѣ матери моей; но какъ только батюшка вставалъ и уходилъ, тотчасъ уносили меня. Воспитатель мой Астаховъ по цѣлымъ днямъ носилъ меня на рукахъ, ходилъ со мною въ эскадронную конюшню, сажалъ на лошадей, давалъ играть пистолетомъ, махалъ саблею,—и я хлопала руками и хохотала при видѣ сыплющихся искръ и блестящей стали. Вечеромъ онъ приносилъ меня къ музыкантамъ, игравшимъ предъ зарею разныя штучки; я слушала и, наконецъ, засыпала. Только сонную и можно было отнесть меня въ горницу; но когда я не спала, то при одномъ видѣ материной комнаты я обмирала отъ страха и съ воплемъ хваталась обѣими руками за шею Астахова. Матушка, со времени воздушнаго путешествія моего изъ окна кареты, не вступалась уже ни во что̀, до меня касающееся, и имѣла для утѣшенія своего другую дочь, точно уже прекрасную какъ амуръ, въ которой она, какъ говорится, души не слышала.

Дѣдъ мой, вскорѣ по рожденіи моемъ, простилъ мать мою и сдѣлалъ это весьма торжественнымъ образомъ: онъ поѣхалъ въ Кіевъ, просилъ архіерея разрѣшить его отъ необдуманной клятвы — не прощать никогда дочь свою и, получивъ пастырское разрѣшеніе, тогда уже написалъ къ матери моей, что прощаетъ ее, благословляетъ бракъ ея и рожденное отъ него дитя.

Мнѣ было четыре года съ половиною, когда отецъ мой увидѣлъ необходимость оставить службу. Онъ поѣхалъ въ Москву искать мѣста по статской службѣ, а мать со мною и еще двумя дѣтьми отправилась къ своему отцу, гдѣ и должна была жить до возвращенія мужа. Взявъ меня изъ рукъ Астахова, мать моя не могла уже ни одной минуты быть ни покойна, ни весела: всякій день я сердила ее странными выходками и рыцарскимъ духомъ своимъ; я знала твердо всѣ командныя слова, любила до безумія лошадей, и когда матушка хотѣла заставить меня вязать шнурокъ, то я съ плачемъ просила, чтобъ она дала мнѣ «пистолетъ,—какъ я говорила,—пощелкать»; однимъ словомъ, я воспользовалась, какъ нельзя лучше, воспитаніемъ, даннымъ мнѣ Астаховымъ. Съ каждымъ днемъ воинственныя наклонности мои усиливались, и съ каждымъ днемъ болѣе мать не любила меня. Я ничего не забывала изъ того, чему научилась, находясь безпрестанно съ гусарами; бѣгала и скакала по горницѣ во всѣхъ направленіяхъ, кричала во весь голосъ:

— Эскадронъ! направо заѣзжай! съ мѣста! маршъ-маршъ!

Тетки мои хохотали, а матушка, которую все это приводило въ отчаяніе, не знала границъ своей досадѣ, брала меня въ свою горницу, ставила въ уголъ и бранью и угрозами заставляла горько плакать.

Отецъ мой получилъ мѣсто городничаго въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ и отправился туда со всѣмъ своимъ семействомъ.

Мнѣ минуло десять лѣтъ.

Мать держала меня взаперти и не дозволяла мнѣ ни одной юношеской радости. Я молчала и покорялась; но угнетеніе дало зрѣлость уму моему. Я рѣшилась употребить всѣ способы выучиться ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ ружья и, переодѣвшись, уйти изъ дома отцовскаго. Чтобы начать приводить въ дѣйство замышляемый переворотъ въ жизни моей, я не пропускала ни одного удобнаго случая украсться отъ надзора матушки; эти случаи представлялись всякій разъ, какъ къ матушкѣ пріѣзжали гости; она занималась ими, а я—я, не помня себя отъ радости, бѣжала въ садъ къ своему арсеналу, т.-е. темному углу за кустарникомъ, гдѣ хранились мои стрѣлы, лукъ, сабля и изломанное ружье; я забывала цѣлый свѣтъ, занимаясь своимъ оружіемъ, и только пронзительный крикъ ищущихъ меня дѣвокъ заставлялъ меня съ испугомъ бѣжать имъ навстрѣчу. Онѣ отводили меня въ горницу, гдѣ всегда уже ожидало меня наказаніе. Такимъ образомъ минуло два года, и мнѣ было уже двѣнадцать лѣтъ; въ это время батюшка купилъ для себя верховую лошадь, черкесскаго жеребца, почти неукротимаго. Будучи отличнымъ наѣздникомъ, отецъ мой самъ выѣздилъ это прекрасное животное и назвалъ его Алкидомъ. Теперь всѣ мои планы, намѣренія и желанія сосредоточились на этомъ конѣ; я рѣшилась употребить все, чтобъ пріучить его къ себѣ,—и успѣла: я давала ему хлѣбъ, сахаръ, соль; брала тихонько овесъ у кучера и насыпала въ ясли; гладила его, ласкала, говорила съ нимъ, какъ будто онъ могъ понимать меня,

А я бѣжала въ садъ къ своему арсеналу, гдѣ хранились мои стрѣлы, лукъ, сабля.

и, наконецъ, достигла того, что неприступный конь ходилъ за мною какъ кроткая овечка.

Почти всякій день я вставала на зарѣ, уходила потихоньку изъ комнаты, и бѣжала въ конюшню; Алкидъ встрѣчалъ меня ржаніемъ, я давала ему хлѣба, сахару и выводила его на дворъ; потомъ подводила къ крыльцу и со ступеней садилась къ нему на спину. Быстрыя движенія его, прыганье, храпѣнье нисколько не пугали меня: я держалась за гриву и позволяла ему скакать со мною по всему обширному двору, не боясь быть вынесенною за ворота, потому что онѣ были еще заперты.

Случилось одинъ разъ, что забава эта прервалась приходомъ конюха, который, вскрикнувъ отъ страха и удивленія, спѣшилъ остановить галопирующаго со мною Алкида; но конь закрутилъ головой, взвился на дыбы и пустился скакать по двору, прыгая и брыкая ногами. Къ счастью моему, обмершій отъ страха, Ефимъ потерялъ употребленіе голоса, безъ чего крикъ его встревожилъ бы весь домъ и навлекъ бы мнѣ жестокое наказаніе. Я легко усмирила Алкида, лаская его голосомъ, трепля и гладя рукою. Онъ пошелъ шагомъ, и когда я обняла шею его и прислонилась къ ней лицомъ, то онъ тотчасъ остановился. Я повела въ торжествѣ Алкида въ конюшню, и, къ удивленію Ефима, дикій конь шелъ за мною смирно и, сгибая шею, наклонялъ ко мнѣ голову, легонько бралъ губами мои волосы или за плечо.

Съ каждымъ днемъ я дѣлалась смѣлѣе и предпріимчивѣе и, исключая гнѣва матери моей, ничего въ свѣтѣ не страшилась.

Въ одинъ день матушка поѣхала съ дамами гулять въ густой боръ за Каму, взяла меня съ собою, для того, какъ она говорила, чтобъ я не сломила себѣ головы, оставшись одна дома. Это было въ первый еще разъ въ жизни моей, что вывезли меня на просторъ, гдѣ я видѣла и густой лѣсъ, и обширныя поля, и широкую рѣку. Я едва не задохлась отъ радости, и только-что мы вошли въ лѣсъ, какъ я, не владѣя собою отъ восхищенія, въ ту же минуту убѣжала, и бѣжала до тѣхъ поръ, пока голоса компаніи сдѣлались неслышны. Тогда-то радость моя была полная и совершенная: я бѣгала, прыгала, рвала цвѣты, взлѣзала на вершины высокихъ деревъ, чтобы далѣе видѣть, взлѣзала на тоненькія березки, и, схватясь за верхушку руками, соскакивала внизъ,— и молодое деревцо легонько ставило меня на землю. Два часа пролетѣли какъ двѣ минуты. Между тѣмъ меня искали, звали въ нѣсколько голосовъ; я хотя и слышала ихъ, но какъ разстаться съ плѣнительною свободою? Наконецъ, уставши чрезвычайно, я возвратилась къ обществу; мнѣ не трудно было найти ихъ, потому что голоса, меня зовущіе, не умолкали. Я нашла мать мою и всѣхъ дамъ въ страшномъ безпокойствѣ; онѣ вскрикнули отъ радости, увидѣвъ меня; но матушка, угадавъ по довольному лицу моему, что я не заплуталась, но ушла добровольно, пришла въ сильный гнѣвъ. Она толкнула меня въ спину и назвала «проклятою дѣвчонкою, заклявшеюся сердить ее всегда и вездѣ». Мы пріѣхали домой; матушка отъ самой залы до своей спальни вела и драла меня за ухо; приведши къ подушкѣ съ круже-

вомъ, приказала мнѣ работать, не разгибаясь и не поворачивая никуда головы.

— Вотъ я тебя, негодную, привяжу на веревку и буду кормить однимъ хлѣбомъ!

Сказавши это, она пошла къ батюшкѣ, разсказать о моемъ,—какъ она называла,—«чудовищномъ» поступкѣ, а я осталась перебирать коклюшки, ставить булавки и думать о прекрасной природѣ, въ первый разъ еще видѣнной мною во всемъ ея величіи и красотѣ. Съ этого дня надзоръ и строгость матери моей хотя сдѣлались еще неусыпнѣе, но не могли уже ни устрашить, ни удержать меня.

Какъ скоро наступала ночь, все въ домѣ утихало, двери запирались, въ комнатѣ матушки погашенъ огонь,— я вставала, тихонько одѣвалась, украдкою выходила черезъ заднее крыльцо и бѣжала прямо въ конюшню; тамъ брала я Алкида, проводила его черезъ садъ на скотный дворъ, и здѣсь уже садилась на него и выѣзжала черезъ узкій переулокъ прямо къ берегу и къ Старцевой горѣ.

Добрый конь пускался въ галопъ, вскачь и даже въ карьеръ. При первомъ признакѣ зари, я возвращалась домой, ставила лошадь въ конюшню и, не раздѣваясь, ложилась спать.

...Мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ. Я выпросила у отца позволеніе ѣздить верхомъ; батюшка приказалъ сшить для меня казачій чекмень и подарилъ своего Алкида. Съ этого времени я была всегдашнимъ товарищемъ отца моего въ его прогулкахъ за городъ. Онъ находилъ удо-

вольствіе учить меня красиво сидѣть, крѣпко держаться въ сѣдлѣ и ловко управлять лошадью. Я была понятная ученица. Батюшка любовался моею легкостью, ловкостью и безстрашіемъ. Онъ говорилъ, что я живой образъ юныхъ лѣтъ его, и что была бы подпорою старости и честью имени его, если бы родилась мальчикомъ. Голова моя вскружилась! Воинственный жаръ съ неимовѣрною силою запылалъ въ душѣ моей; мечты зароились въ умѣ, и я дѣятельно начала изыскивать способы произвесть въ дѣйствіе прежнее намѣреніе свое— сдѣлаться воиномъ, быть *сыномъ* для отца своего и навсегда отдѣлаться отъ пола, котораго участь и вѣчная зависимость начали страшить меня.

...Матушка не ѣздила еще въ Пермь лѣчиться, когда въ городъ нашъ пришелъ полкъ казаковъ для усмиренія безпрерывнаго воровства и смертоубійствъ, производимыхъ татарами. Батюшка часто приглашалъ къ себѣ обѣдать ихъ полковника и офицеровъ; ѣздилъ съ ними прогуливаться за городъ верхомъ. Но я имѣла предусмотрительность никогда не быть участницею этихъ прогулокъ. Мнѣ нужно было, чтобы они никогда не видали меня въ чекменѣ и не имѣли понятія о видѣ моемъ въ мужскомъ платьѣ.

Наконецъ, настало рѣшительное время дѣйствовать по предначертанному плану. Казаки получили повелѣніе выступить; они вышли 15-го сентября 1806 года; въ пятидесяти верстахъ отъ города должна была быть у нихъ дневка. Семнадцатаго былъ день моихъ именинъ, и день, въ который судьбою ли, стеченіемъ ли обстоя-

тельствъ, или непреодолимою наклонностью, но только опредѣлено было мнѣ оставить домъ отцовскій и начать совсѣмъ новый родъ жизни. Въ день семнадцатаго сентября я проснулась до зари и сѣла у окна дожидаться ея появленія: можетъ быть, это будетъ послѣдняя, которую я увижу въ странѣ родной! Что ждетъ меня въ бурномъ свѣтѣ? не понесется ли вслѣдъ за мною проклятіе матери и горесть отца? Сердце мое стѣснилось, и слезы заблистали на рѣсницахъ. Въ это время занялась заря, скоро разлилась алымъ заревомъ, и прекрасный свѣтъ ея, пролившись въ мою комнату, освѣтилъ предметы: отцовская сабля, висѣвшая на стѣнѣ прямо противъ окна, казалась горящею. Я сняла саблю со стѣны, вынула ее изъ ноженъ и, смотря на нее, погрузилась въ мысли; сабля эта была игрушкою моею, когда я была еще въ пеленахъ.

— Я буду носить тебя съ честію!—сказала я, поцѣловавъ клинокъ и вкладывая ее въ ножны.

Солнце взошло. Въ этотъ день матушка подарила мнѣ золотую цѣпь, батюшка — триста рублей и гусарское сѣдло съ алымъ вальтрапомъ; даже маленькій братъ отдалъ мнѣ золотые часы свои.

День этотъ я провела съ моими подругами. Въ одиннадцать часовъ вечера я пришла проститься съ матушкою, какъ то дѣлала обыкновенно, когда шла уже спать. Не имѣя силъ удержать чувствъ своихъ, я поцѣловала нѣсколько разъ ея руки и прижала ихъ къ сердцу, чего прежде не дѣлала и не смѣла дѣлать. Хотя матушка и не любила меня, однакожъ была тронута необык-

новенными изъявленіями дѣтской ласки и покорности. Она сказала, цѣлуя меня въ голову:

— Поди съ Богомъ!

Слова эти весьма много значили для меня, никогда еще не слыхавшей ни одного ласковаго слова отъ матери своей. Я приняла ихъ за благословеніе, поцѣловала впослѣднее руку ея и ушла.

Комнаты мои были въ саду. Я занимала нижній этажъ садоваго домика, а батюшка жилъ вверху. Онъ имѣлъ обыкновеніе заходить ко мнѣ всякій вечеръ на полчаса. Онъ любилъ слушать, когда я разсказывала ему, гдѣ была, что̀ дѣлала или читала. Ожидая и теперь обычнаго посѣщенія отца моего, положила я на постель за занавѣсъ мое казацкое платье, поставила у печки кресла и стала подлѣ нихъ дожидаться, когда батюшка пойдетъ въ свои комнаты. Скоро я услышала шелестъ листьевъ отъ походки человѣка, идущаго по аллеѣ. Дверь отворилась, и батюшка вошелъ.

— Что̀ ты такъ блѣдна?—спросилъ онъ, садясь на кресла,—здорова ли?

Я съ усиліемъ удержала вздохъ, готовый разорвать грудь мою; послѣдній разъ отецъ мой входитъ въ комнату ко мнѣ съ увѣренностью найти въ ней дочь свою! Завтра онъ пройдетъ мимо съ горестью и содроганіемъ!

Батюшка смотрѣлъ на меня пристально:

— Что̀ съ тобою? ты, вѣрно, нездорова?

Я сказала, что только устала и озябла.

— Что жъ не велишь протапливать свою горницу? становится сыро и холодно...

— Я молчала.

— Ты что-то грустна, другъ мой? Прощай, ложись спать,—сказалъ батюшка, вставая и цѣлуя меня въ лобъ.

Онъ обнялъ меня одною рукою и прижалъ къ груди своей. Я поцѣловала обѣ руки его, стараясь удержать слезы, готовыя градомъ покатиться изъ глазъ. Трепетъ всего тѣла измѣнилъ сердечному чувству моему. Увы! батюшка приписалъ его холоду.

— Видишь, какъ ты озябла!—сказалъ батюшка.

Я еще разъ поцѣловала его руки.

— Добрая ночь!—примолвилъ онъ, потрепавъ меня по щекѣ, и вышелъ.

Я стала на колѣни близъ тѣхъ креселъ, на которыхъ сидѣлъ онъ, и, склонясь предъ ними до земли, цѣловала ихъ, орошая слезами то мѣсто пола, гдѣ стояла нога его. Черезъ полчаса, когда печаль моя нѣсколько утихла, я встала, чтобъ скинуть свое женское платье; подошла къ зеркалу, обрѣзала свои локоны, положила ихъ въ столъ, сняла черный атласный капотъ и начала одѣваться въ казачій униформъ. Стянувъ станъ свой чернымъ шелковымъ кушакомъ и надѣвъ высокую шапку съ пунцовымъ верхомъ, съ четверть часа я разсматривала преобразившійся видъ свой; остриженные волосы дали мнѣ совсѣмъ другую физіономію; я была увѣрена, что никому и въ голову не придетъ подозрѣвать полъ мой. Сильный шелестъ листьевъ и храпѣнье лошади дали знать мнѣ, что Ефимъ ведетъ Алкида на задній дворъ. Я впослѣднее простерла руки къ изображенію Богоматери, столько лѣтъ принимавшему мольбы

мои, и вышла. Наконецъ, дверь отцовскаго дома затворилась за мною, и—кто знаетъ? можетъ быть, никогда уже болѣе не отворится для меня!..

Приказавъ Ефиму идти съ Алкидомъ прямою дорогою на Старцеву гору и подъ лѣсомъ дожидаться меня, я сбѣжала поспѣшно на берегъ Камы, сбросила тутъ капотъ свой, и положила его на песокъ со всѣми принадлежностями женскаго одѣянія. Я не имѣла варварскаго намѣренія заставить отца думать, что я утонула, и была увѣрена, что онъ не подумаетъ этого; я хотѣла только дать ему возможность отвѣчать безъ замѣшательства на затруднительные вопросы нашихъ недальновидныхъ знакомыхъ.

Въ молчаніи ночномъ ясно доходили до слуха моего крикъ Ефима и сильное храпѣнье Алкида. Я побѣжала къ нимъ, и въ самую пору: Ефимъ дрожалъ отъ холода, бранилъ Алкида, съ которымъ не могъ сладить, и меня за медленность. Я взяла мою лошадь у него изъ рукъ, сѣла на нее, отдала ему обѣщанные пятьдесятъ рублей, попросила, чтобъ не сказывалъ ничего батюшкѣ, и, опустивъ Алкиду повода, въ мигъ исчезла у изумленнаго Ефима изъ виду.

Версты четыре Алкидъ скакалъ съ одинаковою быстротою; но мнѣ въ эту ночь надобно было проѣхать пятьдесятъ верстъ до селенія, гдѣ, я знала, что была назначена дневка казачьему полку. Итакъ, удержавъ быстрый скокъ моего коня, я поѣхала шагомъ.

...Полковникъ и его офицеры давно уже проснулись и собрались всѣ въ полковничью квартиру завтракать;

въ это время я вошла къ нимъ. Они шумно разговаривали между собою, но, увидя меня, вдругъ замолчали. Полковникъ, съ видомъ изумленія, подошелъ ко мнѣ.

— Которой ты сотни?—спросилъ онъ поспѣшно.

Я отвѣчала, что не имѣю еще чести быть въ которой-нибудь изъ нихъ, но пріѣхалъ просить его объ этой милости. Полковникъ слушалъ меня съ удивленіемъ:

— Я не понимаю тебя! Развѣ ты нигдѣ не числишься?

— Нигдѣ.

— Почему?

— Не имѣю права.

— Какъ! что̀ это значитъ? Казакъ не имѣетъ права быть причисленъ къ полку казачьему? что̀ это за вздоръ!

Я сказала, что я—не казакъ.

— Ну, кто же ты?—спросилъ полковникъ, начинавшій выходить изъ терпѣнія,—зачѣмъ въ казачьемъ мундирѣ, и чего ты хочешь?

— Я уже сказалъ вамъ, полковникъ, что желаю имѣть честь быть причисленъ къ вашему полку, хотя только на то время, пока дойдемъ до регулярныхъ войскъ.

— Но все-таки я долженъ знать, кто ты таковъ, молодой человѣкъ, и, сверхъ того, развѣ тебѣ неизвѣстно, что у насъ никому нельзя служить, кромѣ природныхъ казаковъ?

— Я и не имѣю этого намѣренія, но прошу у васъ только позволенія дойти до регулярныхъ войскъ въ зва-

ніи и одѣяніи казака при васъ или при полку вашемъ; что же до вопроса вашего, кто я таковъ,—скажу только то, что̀ могу сказать: я—дворянинъ, оставилъ домъ отцовскій, и иду въ военную службу безъ вѣдома и воли моихъ родителей; я не могу быть счастливъ ни въ какомъ другомъ званіи, кромѣ военнаго, потому и рѣшился въ этомъ случаѣ поступить по своему произволу. Если вы не примете меня подъ свое покровительство, я найду средство и одинъ присоединиться къ арміи!

Полковникъ съ участіемъ смотрѣлъ на меня, пока я говорила.

— Что̀ мнѣ дѣлать?—сказалъ онъ вполголоса, оборотясь къ одному сѣдому есаулу.—Я не имѣю духа отказать ему!

— На что же и отказывать,—отвѣчалъ равнодушно есаулъ;—пусть ѣдетъ съ нами!

— Не нажить бы намъ хлопотъ!

— Какихъ же? напротивъ, и отецъ и мать его будутъ вамъ благодарны впослѣдствіи за то, что вы дадите ему пріютъ; съ его рѣшимостью и неопытностью онъ попадетъ въ бѣду, если вы его отошлете.

Впродолженіе этого короткаго переговора полковника съ есауломъ, я стояла, опершись на свою саблю, съ твердымъ намѣреніемъ, получа отказъ, сѣсть на своего питомца горъ и ѣхать одной къ предположенной цѣли.

— Ну, хорошо, молодой человѣкъ,—сказалъ полковникъ, оборотясь ко мнѣ,—ступай съ нами; но упреждаю тебя, что мы идемъ теперь на Донъ, а тамъ регуляр-

ныхъ войскъ нѣтъ.—Щегровъ! дай ему лошадь изъ заводныхъ.

Высокаго роста казакъ, вѣстовой полковника, пошелъ было исполнить приказаніе. Но я, спѣша пользоваться возможностью играть роль подчиненнаго воина, сказала:

— У меня есть лошадь, ваше высокоблагородіе! я буду ѣхать на ней, если позволите.

Полковникъ разсмѣялся:

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Поѣзжай на своей лошади. Какъ же твое имя, молодецъ?

Я сказала, что меня зовутъ *Александромъ*.

— А по отчеству?

— *Васильемъ* звали отца моего.

— Итакъ, Александръ Васильевичъ, на походѣ ты будешь ѣхать всегда при первой сотнѣ; обѣдать у меня и квартировать. Иди теперь къ полку,—мы сейчасъ выступаемъ. Дежурный! вели садиться на коней.

Внѣ себя отъ радости, побѣжала я къ своему Алкиду и, какъ птица, взлетѣла на сѣдло. Бодрая лошадь, казалось, понимала мое восхищеніе; она шла гордо, сгибая шею кольцомъ и быстро водя ушами. Казацкіе офицеры любовались красотою Алкида моего и вмѣстѣ хвалили и меня; они говорили, что я хорошо сижу на лошади, и что у меня прекрасная черкесская талія. Я начинала уже краснѣть и приходить въ замѣшательство отъ любопытныхъ взоровъ, со всѣхъ сторонъ на меня устремленныхъ; но такое положеніе не могло быть продолжительно; я скоро оправилась и отвѣчала на разспросы учтиво, правдоподобно, голосомъ твердымъ, по-

койнымъ, и казалась вовсе незамѣчающею всеобщаго любопытства и толковъ, возбужденныхъ появленіемъ моимъ среди войска донского.

(Перейдя затѣмъ юнкеромъ въ Конно-польскій уланскій полкъ, Дурова, вмѣстѣ съ нимъ въ 1807 г. принимала участіе въ Прусской кампаніи противъ Наполеона, а по заключеніи мира прибыла въ Петербургъ, гдѣ была представлена императору Александру Павловичу. Вотъ какъ она сама описываетъ двѣ встрѣчи съ государемъ:)

Участь моя рѣшилась! Я была у государя! видѣла его! говорила съ нимъ! Сердце мое слишкомъ полно и такъ неизъяснимо счастливо, что я не могу найти выраженій для описанія чувствъ моихъ...

Когда князь В. отворилъ мнѣ дверь государева кабинета и затворилъ ее за мною, государь тотчасъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку, и, приблизясь со мною къ столу, оперся одной рукою на него, а другою продолжая держать мою руку, сталъ спрашивать вполголоса и съ такимъ выраженіемъ милости, что вся моя робость исчезла и надежда снова ожила въ душѣ моей.

— Я слышалъ,—сказалъ государь,—что вы не мужчина; правда ли это?

Я не вдругъ собралась съ духомъ сказать: «да, ваше величество, правда!» Съ минуту стояла я, потупивъ глаза, и молчала; сердце мое сильно билось, и рука дрожала въ рукѣ царевой.

Разспросивъ подробно обо всемъ, что̀ было причиною вступленія моего въ службу, государь много хвалилъ мою неустрашимость, говорилъ, что это первый примѣръ въ Россіи; что всѣ мои начальники отозвались

обо мнѣ съ великими похвалами, называя храбрость мою безпримѣрною; что ему очень пріятно этому вѣрить, и что онъ желаетъ сообразно этому наградить меня и возвратить съ честію въ домъ отцовскій, давъ...

Государь не имѣлъ времени кончить; при словѣ «возвратить въ домъ», я вскрикнула отъ ужаса и въ ту же минуту упала къ ногамъ государя.

— Не отсылайте меня домой, ваше величество!—говорила я голосомъ отчаянія,—не отсылайте! я умру тамъ! непремѣнно умру! Не заставьте меня сожалѣть, что не нашлось ни одной пули для меня въ эту кампанію! Не отнимайте у меня жизни, государь! я добровольно хотѣла ею пожертвовать для васъ...

Говоря это, я обнимала колѣни государевы и плакала. Государь былъ тронутъ. Онъ поднялъ меня и спросилъ измѣнившимся голосомъ:

— Чего жъ вы хотите?

— Быть воиномъ! носить мундиръ, оружіе! Это—единственная награда, которую вы можете дать мнѣ, государь! другой нѣтъ для меня. Я родилась въ лагерѣ! Трубный звукъ былъ колыбельной пѣснью для меня! Со дня рожденія люблю я военное званіе; съ десяти лѣтъ обдумывала средства вступить въ него; въ шестнадцать достигла цѣли своей—одна безъ всякой помощи! На славномъ постѣ своемъ поддерживалась однимъ только своимъ мужествомъ, не имѣя ни отъ кого ни протекціи, ни пособія. Всѣ согласно признали, что я достойно носила оружіе; а теперь ваше величество хотите отослать меня домой! Если бы я предвидѣла такой

конецъ, то ничто не помѣшало бы мнѣ найти славную смерть въ рядахъ воиновъ вашихъ!

Я говорила это, сложа руки, какъ предъ образомъ, и смотря на государя глазами, полными слезъ. Государь слушалъ меня и тщетно старался скрыть, сколько былъ онъ растроганъ. Когда я перестала говорить, государь минуты двѣ оставался какъ будто въ нерѣшимости. Наконецъ лицо его освѣтилось.

— Если вы полагаете,—сказалъ онъ,—что одно только позволеніе носить мундиръ и оружіе можетъ быть вашею наградою, то вы будете имѣть ее.

При этихъ словахъ я затрепетала отъ радости. Государь продолжалъ:

— И будете называться по моему имени—*Александровымъ* *). Не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаетесь достойною этой чести отличностію вашего поведенія и поступковъ; не забывайте ни на минуту, что имя это всегда должно быть безпорочно, и что я не прощу вамъ никогда и тѣни пятна на немъ... Теперь скажите мнѣ: въ какой полкъ хотите вы быть помѣщены? Я произведу васъ въ офицеры.

— Въ этомъ случаѣ позвольте мнѣ, ваше величество, отдаться въ вашу волю,—сказала я.

— Маріупольскій гусарскій полкъ—одинъ изъ храбрѣйшихъ, и корпусъ офицеровъ изъ лучшихъ фамилій,—говорилъ мнѣ государь;—я прикажу помѣстить васъ туда. Завтра полу́чите вы отъ Ливена сколько вамъ

*) До этого времени она называла себя своею настоящею фамиліею, но въ мужескомъ родѣ,—*Дуровымъ*.

надобно будетъ на дорогу и обмундировку. Когда все уже готово будетъ къ вашему отправленію въ полкъ, я еще увижу васъ.

Сказавши это, государь поклонился мнѣ. Я тотчасъ пошла къ двери, но, не умѣя отворить, вертѣла во всѣ стороны бронзовую головку, за которую держала; государь, видя, что я не выйду безъ его помощи, подошелъ, отперъ мнѣ дверь и смотрѣлъ за мною вслѣдъ до другой двери, съ которою я управилась уже сама.

...Я еще разъ была у государя. Первыя слова, которыми онъ встрѣтилъ меня, были:

— Мнѣ сказывали, что вы спасли офицера. Неужели вы отбили его у непріятеля? Разскажите мнѣ это обстоятельство.

Я разсказала подробно все происшествіе и назвала офицера. Государь сказалъ, что это—извѣстная фамилія, и что неустрашимость моя въ этомъ одномъ случаѣ болѣе сдѣлала мнѣ чести, нежели въ продолженіе всей кампаніи, потому что имѣла основаніемъ лучшую изъ добродѣтелей—состраданіе.

— Хотя поступокъ вашъ,—продолжалъ государь,—служитъ самъ себѣ наградою, однакожъ справедливость требуетъ, чтобъ вы получили и ту, которая вамъ слѣдуетъ по статуту: за спасеніе жизни офицера дается георгіевскій крестъ.

Съ этими словами государь взялъ со стола крестъ и своими руками вдѣлъ въ петлицу мундира моего. Я вспыхнула отъ радости и въ замѣшательствѣ ухватила обѣ руки государя, чтобы поцѣловать ихъ; но онъ не допустилъ.

— Надѣюсь,—сказалъ государь,—что крестъ этотъ будетъ вамъ напоминать меня въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни вашей.

Много заключается въ словахъ сихъ! Крестъ этотъ будетъ моимъ ангеломъ-хранителемъ! До гроба сохраню воспоминаніе, съ нимъ соединенное, и всегда—всегда буду видѣть руку, теперь къ нему прикасавшуюся!..

(Когда, спустя три съ половиною года послѣ побѣга изъ родительскаго дома, кавалеристъ-дѣвица взяла отпускъ, чтобы повидать родителей, мать она не застала уже въ живыхъ; отецъ же принялъ ее со слезами радости и съ распростертыми объятіями. Въ 1812 г. при Бородинѣ Дурова была контужена ядромъ, въ 1813 и 1814 гг. участвовала въ военныхъ дѣйствіяхъ нашей арміи за-границей. Вскорѣ затѣмъ, однако, выйдя замужъ, она должна была оставить военную службу, но и въ отставкѣ продолжала носить синій чекмень на крючкахъ, шаровары и фуражку военнаго покроя.)

Петя Ростовъ.

(Изъ романа „Война и Миръ".)

(Въ субботу, 11-го іюля 1812 года, въ Москвѣ былъ полученъ, но еще не напечатанъ, Высочайшій манифестъ о народномъ ополченіи. Въ воскресенье, 12-го числа, къ старому графу Ильѣ Андреевичу Ростову,—семья котораго состояла изъ его жены, дочери Наташи, двухъ сыновей: взрослаго—Николая, бывшаго въ то время въ дѣйствующей арміи, только-что награжденнаго георгіевскимъ крестомъ, и юноши—Пети, а также племянницы Сони,—пріѣхали къ обѣду близкіе знакомые: Пьеръ Безухой и Шишшинъ.)

Петя былъ теперь красивый, румяный, пятнадцатилѣтній мальчикъ съ толстыми красными губами. Онъ готовился въ университетъ, но въ послѣднее время, съ товарищемъ своимъ Оболенскимъ, тайно рѣшилъ, что пойдетъ въ гусары.

Петя выскочилъ къ своему тезкѣ, чтобы переговорить о дѣлѣ.

Онъ просилъ его узнать, примутъ ли его въ гусары.

Пьеръ шелъ по гостиной, не слушая Петю.

Петя дернулъ его за руку, чтобы обратить на себя его вниманіе.

— Ну, что̀ мое дѣло, Петръ Кириллычъ, ради Бога! Одна надежда на васъ,—говорилъ Петя.

— Ахъ да, твое дѣло. Въ гусары-то? Скажу, скажу. Нынче скажу все.

— Ну, что, mon cher, ну, что, достали манифестъ?— спросилъ старый графъ.

— Досталъ,—отвѣчалъ Пьеръ.—Завтра государь будетъ... Необычайное дворянское собраніе и, говорятъ, по десяти съ тысячи наборъ. Да, поздравляю васъ.

— Да, да, слава Богу. Ну, а изъ арміи что̀?

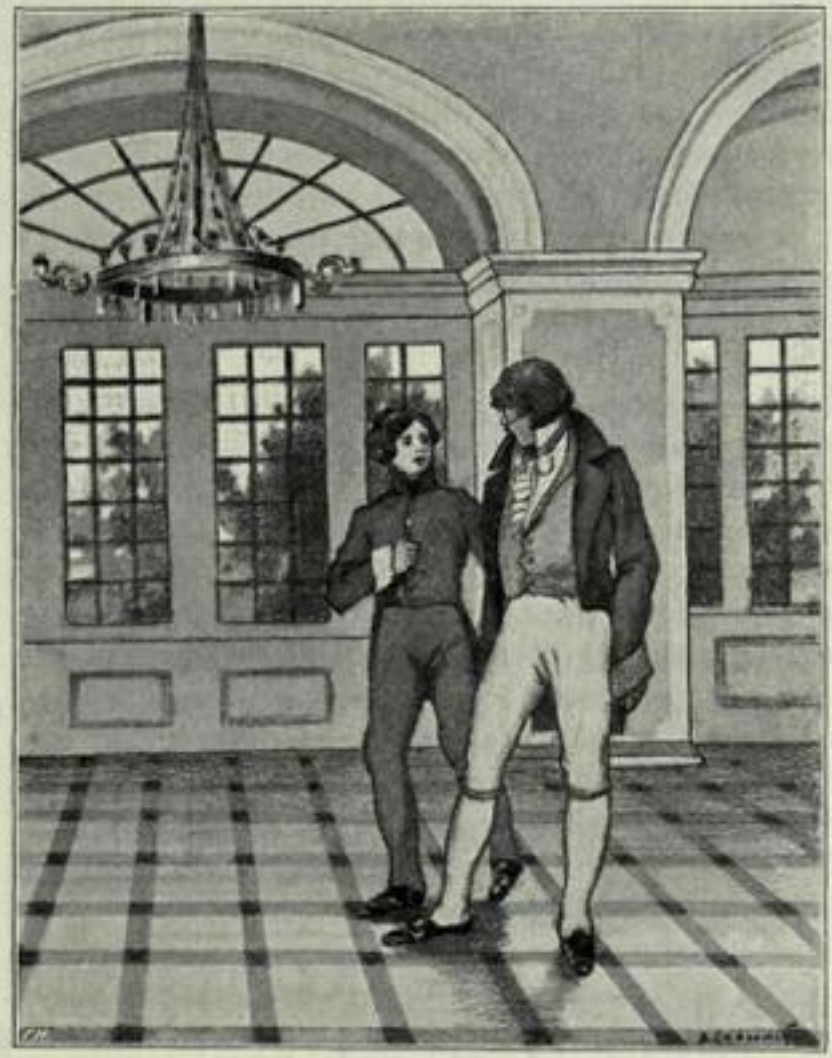
— Наши опять отступили. Подъ Смоленскомъ уже, говорятъ,—отвѣчалъ Пьеръ.

— Боже мой, Боже мой!—сказалъ графъ.—Гдѣ же манифестъ?

— Воззваніе? Ахъ, да!

Пьеръ сталъ въ карманахъ искать бумагъ и не могъ найти ихъ.

— Ну, ужъ вѣчно растеряетъ все,—сказала графиня.

— Ахъ да, твое дѣло. Въ гусары-то! Скажу, скажу.

— Ей-Богу, я съѣзжу, я дома забылъ. Непремѣнно...

— Ну, къ обѣду опоздаете.

— Ахъ, и кучеръ уѣхалъ!

Но Соня, пошедшая въ переднюю искать бумаги, нашла ихъ въ шляпѣ Пьера, куда онъ ихъ старательно заложилъ за подкладку. Пьеръ было хотѣлъ читать.

— Нѣтъ, послѣ обѣда,—сказалъ старый графъ, видимо въ этомъ чтеніи предвидѣвшій большое удовольствіе.

За обѣдомъ, за которымъ пили шампанское за здоровье новаго георгіевскаго кавалера, Шиншинъ разсказывалъ о томъ, что къ Ростопчину привели какого-то нѣмца и объявили ему, что это шампиньонъ (такъ разсказывалъ самъ графъ Ростопчинъ), и какъ графъ Ростопчинъ велѣлъ шампиньона отпустить, сказавъ народу, что это не шампиньонъ, а просто старый грибъ нѣмецъ.

— Хватаютъ, хватаютъ,—сказалъ графъ,—я графинѣ и то говорю, чтобъ поменьше говорила по-французски. Теперь не время. Ну, что жъ, графъ Петръ Кириллычъ, какъ ополченье-то собирать будутъ, и вамъ придется на коня?

Пьеръ былъ молчаливъ и задумчивъ во все время обѣда. Онъ, какъ бы не понимая, посмотрѣлъ на графа при этомъ обращеніи.

— Да, да, на войну,—сказалъ онъ,—нѣтъ! Какой я воинъ! А впрочемъ, все такъ странно, такъ странно. Да я и самъ не понимаю. Я не знаю, я такъ далекъ отъ военныхъ вкусовъ, но въ теперешнія времена никто за себя отвѣчать не можетъ.

Послѣ обѣда графъ усѣлся покойно въ кресло и съ серьезнымъ лицомъ попросилъ Соню, славившуюся мастерствомъ чтенія, читать.

— «Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любимое наше отечество»,— старательно читала Соня своимъ тоненькимъ голоскомъ. Графъ, закрывъ глаза, слушалъ, порывисто вздыхая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Прочтя объ опасностяхъ, угрожающихъ Россіи, о надеждахъ, возлагаемыхъ государемъ на Москву, и въ особенности на знаменитое дворянство, Соня съ дрожаніемъ голоса, происходившимъ преимущественно отъ вниманія, съ которымъ ее слушали, прочла послѣднія слова: «Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго, вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую онъ мнитъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!»

— Вотъ это такъ!—вскрикнулъ графъ, открывая мокрые глаза, и, нѣсколько разъ прерываясь отъ сопѣнья, какъ будто къ носу ему подносили склянку съ крѣпкой уксусной солью, онъ проговорилъ:—только скажи государь, мы всѣмъ пожертвуемъ и ничего не пожалѣемъ!

Шиншинъ еще не успѣлъ сказать приготовленную

имъ шутку на патріотизмъ графа, какъ Наташа вскочила съ своего мѣста и подбѣжала къ отцу.

— Что за прелесть этотъ папа!—проговорила она, цѣлуя его.

— Вотъ такъ патріотка!—сказалъ Шиншинъ.

— Совсѣмъ не патріотка, а просто...—обиженно отвѣчала Наташа.—Вамъ все смѣшно, а это совсѣмъ не шутка...

— Какія шутки!—повторилъ графъ.—Только скажи онъ слово, мы всѣ пойдемъ... Мы не нѣмцы какіе-нибудь...

— А замѣтили вы,—сказалъ Пьеръ,—что сказано: «для совѣщанія»?

— Ну ужъ, тамъ для чего бы ни было...

Въ это время Петя, на котораго никто не обращалъ вниманія, подошелъ къ отцу и, весь красный, ломающимся, то грубымъ, то тонкимъ голосомъ, сказалъ:

— Ну, теперь, папенька, я рѣшительно скажу,—и маменька тоже,—какъ хотите, я рѣшительно скажу, что вы пу́стите меня въ военную службу, потому что я не могу... вотъ и все...

Графиня съ ужасомъ подняла глаза къ небу, всплеснула руками и сердито обратилась къ мужу:

— Вотъ и договорился!—сказала она.

Но графъ въ ту же минуту оправился отъ волненія.

— Ну, ну,—сказалъ онъ.—Вотъ воинъ еще! Глупости-то оставь: учиться надо.

— Это не глупости, папенька. Оболейскій Ѳедя моложе меня и тоже идетъ, а главное, все равно, я ни-

чему не могу учиться теперь, когда...—Петя остановился, покраснѣлъ до поту и проговорилъ-таки:—когда отечество въ опасности.

— Полно, полно, глупости...

— Да вѣдь вы сами сказали, что всѣмъ пожертвуемъ?

— Петя! Я тебѣ говорю: замолчи!—крикнулъ графъ, оглядываясь на жену, которая, поблѣднѣвъ, смотрѣла остановившимися глазами на меньшого сына.

— А я вамъ говорю... Вотъ и Петръ Кирилловичъ скажетъ...

— Я тебѣ говорю: вздоръ! еще молоко не обсохло, а въ военную службу хочетъ! Ну, ну, я тебѣ говорю...— и графъ, взявъ съ собой бумаги, вѣроятно, чтобы еще разъ прочесть въ кабинетѣ передъ отдыхомъ, пошелъ изъ комнаты.

Петя, послѣ полученнаго имъ рѣшительнаго отказа, ушелъ въ свою комнату и тамъ, запершись отъ всѣхъ, горько плакалъ. Всѣ сдѣлали видъ, какъ будто ничего не замѣтили, когда онъ къ чаю пришелъ молчаливымъ и мрачнымъ, съ заплаканными глазами.

На другой день пріѣхалъ государь. Нѣсколько человѣкъ дворовыхъ Ростовыхъ отпросились пойти поглядѣть царя. Въ это утро Петя долго одѣвался, причесывался и устраивалъ воротнички такъ, какъ у большихъ. Онъ хмурился передъ зеркаломъ, дѣлалъ жесты, пожималъ плечами и, наконецъ, никому не сказавши, надѣлъ фуражку и вышелъ изъ дома съ задняго крыльца, стараясь быть незамѣченнымъ. Петя рѣшился итти

прямо къ тому мѣсту, гдѣ былъ государь, и прямо объяснить какому-нибудь камергеру (Петѣ казалось, что государя всегда окружаютъ камергеры), что онъ, графъ Ростовъ, несмотря на свою молодость, желаетъ служить отечеству, что молодость не можетъ быть препятствіемъ для преданности, и что онъ готовъ... Петя въ то время, какъ онъ собирался, приготовилъ много прекрасныхъ словъ, которыя онъ скажетъ камергеру.

Петя разсчитывалъ на успѣхъ своего представленія государю именно потому, что онъ—ребенокъ (Петя думалъ даже, какъ всѣ удивятся его молодости), а вмѣстѣ съ тѣмъ въ устройствѣ своихъ воротничковъ, въ прическѣ и въ степенной медлительной походкѣ, онъ хотѣлъ представить изъ себя стараго человѣка. Но чѣмъ дальше онъ шелъ, чѣмъ больше онъ развлекался все прибывающимъ и прибывающимъ у Кремля народомъ, тѣмъ больше онъ забывалъ соблюденіе степенности и медлительности, свойственныхъ взрослымъ людямъ. Подходя къ Кремлю, онъ уже сталъ заботиться о томъ, чтобы его не затолкали, и рѣшительно, съ угрожающимъ видомъ, выставилъ по бокамъ локти. Но въ Троицкихъ воротахъ, несмотря на всю его рѣшительность, люди, которые, вѣроятно, не знали, съ какой патріотической цѣлью онъ шелъ въ Кремль, такъ прижали его къ стѣнѣ, что онъ долженъ былъ покориться и остановиться, пока въ ворота съ гудящимъ подъ сводами звукомъ проѣзжали экипажи. Около Пети стояла баба съ лакеемъ, два купца и отставной солдатъ. Постоявъ нѣсколько времени въ воротахъ, Петя, не дождавшись того, чтобы всѣ

экипажи проѣхали, прежде другихъ хотѣлъ тронуться дальше и началъ рѣшительно работать локтями; но баба, стоявшая противъ него, на которую онъ первую направилъ свои локти, сердито крикнула на него:

— Что, барчукъ, толкаешься! видишь, всѣ стоятъ. Что жъ лѣзть-то!

— Такъ и всѣ полѣзутъ,—сказалъ лакей, и, тоже начавъ работать локтями, затискалъ Петю въ вонючій уголъ воротъ.

Петя отеръ руками потъ, покрывавшій его лицо, и поправилъ размочившіеся отъ пота воротнички, которые онъ такъ хорошо, какъ у большихъ, устроилъ дома.

Петя чувствовалъ, что онъ имѣетъ непрезентабельный видъ, и боялся, что ежели такимъ онъ представится камергерамъ, то его не допустятъ до государя. Но оправиться и перейти въ другое мѣсто не было возможности отъ тѣсноты. Одинъ изъ проѣзжавшихъ генераловъ былъ знакомый Ростовыхъ. Петя хотѣлъ просить его помощи, но счелъ, что это было бы противно мужеству. Когда всѣ экипажи проѣхали, толпа хлынула и вынесла и Петю на площадь, которая была вся занята народомъ. Не только на площади, но на откосахъ, на крышахъ,— вездѣ былъ народъ. Только-что Петя очутился на площади, онъ явственно услыхалъ наполнявшіе весь Кремль звуки колоколовъ и радостнаго народнаго говора.

Одно время на площади было просторнѣе, но вдругъ всѣ головы открылись, все бросилось еще куда-то впередъ. Петю сдавили такъ, что онъ не могъ дышать, и все закричало: «Ура! ура! ура!» Петя поднимался на цы-

почки, толкался, щипался, но ничего не могъ видѣть, кромѣ народа вокругъ себя.

На всѣхъ лицахъ было одно общее выраженіе умиленія и восторга. Одна купчиха, стоявшая подлѣ Пети, рыдала, и слезы текли у нея изъ глазъ.

— Отецъ, ангелъ, батюшка! — приговаривала она, отирая пальцами слезы.

— Ура! — кричали со всѣхъ сторонъ.

Съ минуту толпа простояла на одномъ мѣстѣ; но потомъ опять бросилась впередъ.

Петя, самъ себя не помня, стиснулъ зубы и, звѣрски выкативъ глаза, бросился впередъ, работая локтями и крича: «ура!», какъ будто онъ готовъ былъ и себя и всѣхъ убить въ эту минуту, но съ боковъ его лѣзли точно такія же звѣрскія лица съ такими же криками: «ура!».

«Такъ вотъ что̀ такое государь! — думалъ Петя. — Нѣтъ, нельзя мнѣ самому ему подать прошеніе, это слишкомъ смѣло!»

Несмотря на то, онъ все такъ же отчаянно пробивался впередъ, и изъ-за спинъ переднихъ ему мелькнуло пустое пространство съ устланнымъ краснымъ сукномъ ходомъ. Но въ это время толпа заколебалась назадъ (спереди полицейскіе отталкивали надвинувшихся слишкомъ близко къ шествію: государь проходилъ изъ дворца въ Успенскій соборъ), и Петя неожиданно получилъ въ бокъ такой ударъ по ребрамъ и такъ былъ придавленъ, что вдругъ въ глазахъ его все помутилось, и онъ потерялъ сознаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, какое-то духовное лицо, съ пучкомъ сѣдѣвшихъ волосъ

назади, въ потертой синей рясѣ,—вѣроятно, дьячокъ,—одной рукой держалъ его подъ мышку, другой охранялъ отъ напиравшей толпы.

— Барченка задавили!—говорилъ дьячокъ.—Что жъ такъ!.. легче!.. задавили, задавили!

Государь прошелъ въ Успенскій соборъ. Толпа опять разровнялась, и дьячокъ вывелъ Петю, блѣднаго и не дышащаго, къ царь-пушкѣ. Нѣсколько лицъ пожалѣли Петю, и вдругъ вся толпа обратилась къ нему, и уже вокругъ него произошла давка. Тѣ, которые стояли ближе, услуживали ему, разстегивали его сюртучокъ, усаживали на возвышеніе пушки и укоряли кого-то тѣхъ, кто раздавилъ его.

— Этакъ до смерти раздавить можно. Что жъ это! Душегубство дѣлать! Вишь, сердечный, какъ скатерть бѣлый сталъ,—говорили голоса.

Петя скоро опомнился, краска вернулась ему въ лицо, боль прошла, и за эту временную непріятность онъ получилъ мѣсто на пушкѣ, съ которой онъ надѣялся увидать долженствующаго пройти назадъ государя. Петя уже не думалъ теперь о подачѣ прошенія. Ужъ только ему увидать бы Его, и то онъ считалъ бы себя счастливымъ!

Во время службы въ Успенскомъ соборѣ—соединеннаго молебствія по случаю пріѣзда государя и благодарственнаго молебствія за заключеніе мира съ турками, толпа пораспространилась; появились покрикивающіе продавцы квасу, пряниковъ, мака, до котораго былъ особенно охотникъ Петя, и послышались обыкновенные раз-

говоры. Одна купчиха показывала свою разорванную шаль и сообщала, какъ дорого она была куплена; другая говорила, что нынче всѣ шелковыя матеріи дороги стали. Дьячокъ, спаситель Пети, разговаривалъ съ чиновникомъ о томъ, кто и кто служитъ нынче съ преосвященнымъ. Дьячокъ нѣсколько разъ повторялъ слово «соборне», котораго не понималъ Петя. Два молодыхъ мѣщанина шутили съ дворовыми дѣвушками, грызущими орѣхи. Всѣ эти разговоры, въ особенности шуточки съ дѣвушками, для Пети, въ его возрастѣ, имѣвшія особенную привлекательность, всѣ эти разговоры теперь не занимали Петю; онъ сидѣлъ на своемъ возвышеніи—пушкѣ, все такъ же волнуясь при мысли о государѣ и о своей любви къ нему. Совпаденіе чувства боли и страха, когда его сдавили, съ чувствомъ восторга, еще болѣе усилили въ немъ сознаніе важности этой минуты.

Вдругъ съ набережной послышались пушечные выстрѣлы (это стрѣляли въ ознаменованіе мира съ турками), и толпа стремительно бросилась къ набережной—смотрѣть, какъ стрѣляютъ. Петя тоже хотѣлъ бѣжать туда, но дьячокъ, взявшій подъ свое покровительство барченка, не пустилъ его. Еще продолжались выстрѣлы, когда изъ Успенскаго собора выбѣжали офицеры, генералы, камергеры, потомъ уже не такъ поспѣшно вышли еще другіе, опять снялись шапки съ головъ, и тѣ, которые убѣжали смотрѣть пушки, бѣжали назадъ. Наконецъ вышли еще четверо мужчинъ въ мундирахъ и лентахъ изъ дверей собора.

— Ура! ура!—опять закричала толпа.

— Который? который?—плачущимъ голосомъ спрашивалъ вокругъ себя Петя; но никто не отвѣчалъ ему: всѣ были слишкомъ увлечены, и Петя, выбравъ одного изъ этихъ четырехъ лицъ, котораго онъ изъ-за слезъ, выступившихъ ему отъ радости на глаза, не могъ ясно разглядѣть, сосредоточилъ на него весь свой восторгъ, хотя это былъ не государь, закричалъ «ура!» неистовымъ голосомъ, и рѣшилъ, что завтра же, чего бы это ему ни стоило, онъ будетъ военнымъ.

Толпа побѣжала за государемъ, проводила его до дворца и стала расходиться. Было уже поздно, и Петя ничего не ѣлъ, и потъ лилъ съ него градомъ; но онъ не уходилъ домой, и вмѣстѣ съ уменьшившейся, но еще довольно большой толпой стоялъ передъ дворцомъ, во время обѣда государя, глядя въ окна дворца, ожидая еще чего-то и завидуя одинаково и сановникамъ, подъѣзжавшимъ къ крыльцу, къ обѣду государя, и камеръ-лакеямъ, служившимъ за столомъ и мелькавшимъ въ окнахъ.

За обѣдомъ государя Валуевъ сказалъ, оглянувшись въ окно:

— Народъ все еще надѣется увидать ваше величество.

Обѣдъ уже кончился, государь всталъ и вышелъ на балконъ. Народъ, съ Петей въ серединѣ, бросился къ балкону.

— Ангелъ, батюшка! Ура!

— Отецъ!..—кричали народъ и Петя, и опять бабы и нѣкоторые мужчины послабѣе, въ томъ числѣ и Петя, заплакали отъ счастья.

Государь ушелъ, и послѣ этого большая часть народа стала расходиться.

— Вотъ я говорилъ, что еще подождать,—такъ и вышло,—съ разныхъ сторонъ радостно говорили въ народѣ.

Какъ ни счастливъ былъ Петя, но ему все-таки грустно было итти домой и знать, что все наслажденіе этого дня кончилось. Изъ Кремля Петя пошелъ не домой, а къ своему товарищу Оболенскому, которому было пятнадцать лѣтъ и который тоже поступалъ въ полкъ. Вернувшись домой, онъ рѣшительно и твердо объявилъ, что ежели его не пустятъ, то онъ убѣжитъ. И на другой день, хотя и не совсѣмъ еще сдавшись, но графъ Илья Андреичъ поѣхалъ узнавать, какъ бы пристроить Петю куда-нибудь побезопаснѣе.

Знакомство съ Державинымъ.

(Отрывокъ.)

Въ половинѣ декабря 1815-го года пріѣхалъ я въ Петербургъ на короткое время, чтобы взглянуть на брата, котораго я въ 1814-мъ году опредѣлилъ подпрапорщикомъ въ Измайловскій полкъ. Братъ жилъ у полковника Павла Петровича Мартынова, моего земляка и короткаго пріятеля, который, какъ и всѣ офицеры, квартировалъ въ извѣстномъ Гарновскомъ домѣ; я помѣстился также у Мартынова. Гарновскій домъ, огромное зданіе безъ всякой архитектуры, какъ и всѣ почти дома въ Петербургѣ,—казармы Измайловскаго и Лейбъ-егерскаго полковъ, одолженъ своей извѣстностью стихамъ Державина ко «Второму сосѣду». Исторія богача Гарновскаго, построившаго свой огромный домъ рядомъ съ домомъ Державина, выше законной мѣры и затемнившаго свѣтъ своему сосѣду,—въ свое время была извѣстна всѣмъ. Державинъ жаловался полиціи и написалъ

стихи. Вотъ нѣкоторыя пророческія строфы изъ этого стихотворенія:

„Почто же, мой вторый сосѣдъ,
Столь зданьемъ пышнымъ, столь отличнымъ
Мнѣ солнца застѣняя свѣтъ,
Дворомъ межуешь безграничнымъ
Ты дома моего заборъ?
Ужель полей, прудовъ и рѣчекъ,
Тьмы скупленныхъ тобой мѣстечекъ
Твой не насытятъ взоръ?
Кто вѣсть, что̀ Рокъ готовитъ намъ?
Быть можетъ, что сіи чертоги,
Назначенны тобой царямъ,
Жестоки времена и строги
Во стойлы конски обратятъ.
За счастіе поруки нѣту,
И чтобъ твой Фебъ свѣтилъ вѣкъ свѣту,
Не бейся объ закладъ.
Такъ, такъ! Но примѣчай, какъ день,
Увы! ночь темна затмеваетъ;
Луну скрываетъ облакъ тѣнь;
Она растетъ иль убываетъ.
Съ сумой не ссорься и тюрьмой", и проч.

Пышное зданіе обратилось въ казармы, а богачъ-строитель, какъ говорятъ, умеръ въ тюрьмѣ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ вечеромъ. Хозяина моего, Мартынова, не было дома, брата также: братъ былъ у товарищей своихъ, измайловскихъ же подпрапорщиковъ, Капнистовъ, родныхъ племянниковъ Державина, живущихъ въ домѣ у дяди и коротко познакомившихъ моего брата съ гостепріимнымъ хозяиномъ. За братомъ послали. Между тѣмъ, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, при-

шли ко мнѣ измайловскіе офицеры: Кавелинъ, Годеинъ, Лопухинъ и Квашнинъ-Самаринъ. Я былъ особенно друженъ съ Кавелинымъ, который въ послѣднее время сдѣлался очень короткимъ знакомымъ въ домѣ Державина и бывалъ у него очень часто. Послѣ первыхъ дружескихъ привѣтствій, Кавелинъ спросилъ меня: знаю ли я, что Державинъ нетерпѣливо меня ожидаетъ? что уже съ недѣлю, какъ онъ всякій день спрашиваетъ, не пріѣхалъ ли я?—Такія слова сильно меня озадачили. Я былъ самымъ горячимъ, самымъ страстнымъ поклонникомъ Державина и зналъ наизусть всѣ его лучшіе стихи; я много разъ видалъ его въ публикѣ, особенно до 1812-го года, у А. С. Шишкова, но никогда не былъ ему представленъ, не былъ съ нимъ знакомъ. На двадцать четвертомъ году жизни, при моей пылкой природѣ, слова: «Державинъ тебя нетерпѣливо ожидаетъ» имѣли для меня такое волшебное значеніе, которое, въ теперешнее положительное время, едва ли будетъ многими понято. Не успѣлъ я очнуться отъ изумленія и радости, какъ прибѣжалъ мой братъ, и первыя слова его были: «Гаврила Романовичъ проситъ тебя прійти къ нему сейчасъ»... Я совершенно обезумѣлъ. Наконецъ, опомнившись, спрашиваю: «Что же все это значитъ?», и узнаю, что братъ мой, бывшій тогда восьмнадцатилѣтнимъ юношей, Кавелинъ и другіе до того нахвалили Державину мое чтеніе, называемое тогда *декламаціей*, что онъ, по своему горячему нраву, нетерпѣливо желалъ меня послушать, или, какъ онъ самъ впослѣдствіи выражался, «послушать себя». Я не могъ итти сейчасъ: я былъ кра-

сенъ съ дороги, какъ вареный ракъ, и голосъ у меня сѣлъ, то-есть не былъ чистъ, а я, разумѣется, хотѣлъ показаться Державину *во всемъ блескѣ*. Чтеніе было моею страстью съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ; оно доставило мнѣ много сердечныхъ наслажденій въ семьѣ, въ кругу друзей, въ уединеніи, много доставило лестныхъ самолюбію успѣховъ въ обществѣ и на сценѣ такъ-называемыхъ благородныхъ театровъ.

На другой день, въ десять часовъ утра, явился за мной посланный отъ Гаврилы Романовича, и въ одиннадцать часовъ я пошелъ къ нему вмѣстѣ съ братомъ, несмотря на то, что еще не прошли на моемъ лицѣ слѣды безобразія отъ русской зимней дороги. Сердце билось у меня сильно, и врожденная во мнѣ необыкновенная застѣнчивость, отъ которой я тогда еще не совсѣмъ освободился, вдругъ овладѣла мною въ высшей степени. Если бъ дорога не состояла только изъ нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, вѣроятно, я воротился бы назадъ; но, вошедъ въ домъ Державина и вступивъ въ залу, я переродился. Робость моя улетѣла мгновенно, когда глазамъ моимъ представилась картина Тончи, изображающая Державина посреди снѣговъ, сидящаго у водопада, въ медвѣжьей шубѣ и бобровой шапкѣ... Геній поэзіи Державина овладѣлъ всѣми способностями моей души, и въ эту минуту уже ничто не могло привесть меня въ замѣшательство.

Изъ залы налѣво была дверь въ кабинетъ Державина; я благоговѣйно, но смѣло вошелъ въ это святилище русской поэзіи. Гаврила Романовичъ сидѣлъ на

огромномъ диванѣ, въ которомъ находилось множество ящиковъ; передъ нимъ на столѣ лежали бумаги, въ рукахъ у него была аспидная доска и грифель, привязанный ниткой къ рамкѣ доски; онъ быстро отбросилъ ее на диванъ, всталъ съ живостью, протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Добро пожаловать, я давно васъ жду. Я читалъ ваши прекрасные стихи *) (Державинъ былъ плохой судья и чужихъ и своихъ стиховъ), наслышался, что вы мастерски декламируете, и нетерпѣливо хотѣлъ съ вами познакомиться.

Державинъ былъ довольно высокаго роста, довольно широкаго, но сухощаваго сложенія; на немъ былъ колпакъ; остатки сѣдыхъ волосъ небрежно изъ-подъ него висѣли; онъ былъ безъ галстуха, въ шелковомъ зеленомъ шлафрокѣ, подпоясанъ такого же цвѣта шнуркомъ съ большими кистями; на ногахъ у него были туфли; портретъ Тончи походилъ на оригиналъ, какъ двѣ капли воды. Я отвѣчалъ Державину искренно, что считаю настоящую минуту счастливѣйшею минутою моей жизни, и если чтеніе мое ему понравится... Онъ прервалъ меня, сказавши:

— О, я увѣренъ, что понравится. Садитесь вотъ здѣсь, поближе ко мнѣ.

И онъ посадилъ меня на кресло возлѣ самаго дивана.

— Вы чѣмъ-то занимались? не помѣшалъ ли я вамъ?

— О, нѣтъ; я всегда что-нибудь мараю, перебираю

*) Переводъ „Филоктета".

старое, чищу и глажу, а новаго не пишу ничего. Мое время прошло! Теперь ваше время. Теперь многіе пишутъ славные стихи, такіе гладкіе, что относительно версификаціи уже ничего не остается желать. Скоро явится свѣту второй Державинъ: это Пушкинъ, который уже въ лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей. Но позвольте: вѣдь мы съ вами съ одной стороны? Вы оренбурецъ и казанецъ, и я тоже; вы учились въ Казанской гимназіи сначала и потомъ перешли въ университетъ, и я тоже учился въ Казанской гимназіи, а объ университетѣ тогда никто и не помышлялъ. Да мы съ вами и сосѣди по оренбургскимъ деревнямъ; я обо всемъ разспросилъ братца вашего. Мое село, Державино, вѣдь не съ большимъ сто верстъ отъ имѣнія вашего батюшки (сто верстъ считалось тогда сосѣдствомъ въ Оренбургской губерніи)...

Гаврила Романовичъ подозвалъ къ себѣ моего брата, приласкалъ его, потрепавъ по плечу, и сказалъ, что онъ прекрасный молодой человѣкъ, что очень радъ его дружбѣ съ своими Капнистами, и прибавилъ:

— Да тебѣ не пора ли на ученье? пріятели твои, я видѣлъ, ушли.

— Пора, Гаврила Романычъ,—отвѣчалъ мой братъ,— и я сейчасъ пойду.

— Ступай съ Богомъ, а съ братцемъ твоимъ мы уже познакомимся.

И мы остались одни. Державинъ былъ такъ деликатенъ, что не заставилъ меня сейчасъ читать, хотя ему очень этого хотѣлось, какъ онъ самъ впослѣдствіи, смѣ-

ясь, мнѣ признавался. Онъ завелъ со мной довольно длинный разговоръ объ Оренбургскомъ краѣ, о тамошней природѣ, о Казани, о гимназіи, университетѣ, и на этотъ разъ заставлялъ уже больше говорить меня, а самъ внимательно слушалъ. Я говорилъ безъ запинки, съ одушевленіемъ и нѣсколько разъ наводилъ разговоръ на стихи, и, наконецъ, какъ-то кстати, прочелъ нѣсколько стиховъ изъ стихотворенія «Арфа», гдѣ онъ обращается къ Казани:

„О, колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей
И твой попрежнему всегдашній буду житель?
Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть,
Васъ, дубы камскіе, отъ времени почтенны,
По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть
И гробы обнимать родителей священны?"

Лицо Державина оживилось, глаза вспыхнули.

— Вы хотите мнѣ что-нибудь прочесть!—воскликнулъ онъ, и въ глазахъ его засвѣтился тотъ святой огонь, который внушилъ ему многія безсмертныя строфы.

— Всею душою хочу,—отвѣчалъ я;—только боюсь, чтобы счастіе читать Державину его стихи—не захватило у меня дыханія.

Державинъ взглянулъ на меня, и, видя, что это не комплиментъ, а чистая правда, схватилъ меня за руку и ласково промолвилъ:

— Такъ успокойтесь.

Наступило молчаніе. Державинъ всталъ и началъ

выдвигать ящики, которыхъ находилось множество по бокамъ его большого дивана и какъ-то надъ спинкой дивана. На ящикахъ бронзовыми буквами были написаны названія мѣсяцевъ, а на нѣкоторыхъ—года. Гаврила Романовичъ долго чего-то искалъ въ нихъ и, наконецъ, вытащилъ двѣ огромныя тетради или книги, переплетенныя въ зеленый сафьянный корешокъ.

— Въ одной книгѣ мои мелочи,—сказалъ онъ,—а объ другой поговоримъ послѣ. Вы что̀ хотите мнѣ читать? вѣрно оды: «Бога», «Фелицу» или «Видѣніе Мурзы»?..

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—ихъ читали вамъ многіе, особенно актеръ Яковлевъ. Я желаю прочесть вамъ «Оду на смерть князя Мещерскаго» и «Водопадъ».

— А я хотѣлъ вамъ предложить прочесть мою трагедію.

— Сердечно радъ, но позвольте мнѣ начать этими двумя стихотвореніями.

— Извольте.

— Я знаю наизусть почти всѣ ваши стихи; но на всякій случай я желалъ бы имѣть въ рукахъ ваши сочиненія; вѣрно, они есть у васъ?

— Какъ не быть,—улыбнувшись, сказалъ Державинъ,—какъ сапожнику не имѣть шильевъ (сравненіе довольно странное),—и онъ досталъ, также изъ ящика, свои стихотворенія, богато переплетенныя въ красный сафьянъ съ золотомъ.

Я зналъ, что читать сидя очень близко отъ человѣка, которому читаешь, неудобно и невыгодно, и потому пересѣлъ на кресло, стоявшее довольно далеко отъ

Державина; онъ хотѣлъ удержать меня, говоря, что не такъ будетъ слышно, но я увѣрилъ его, что онъ услышитъ все. Наружное мое волненіе затихло и сосредоточилось въ душѣ. Я прочелъ оду къ Перфильеву «На смерть князя Мещерскаго». Съ первыми стихами:

„Глаголъ временъ, металла звонъ,
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ"—

Державинъ превратился въ слухъ, лицо его сдѣлалось лучезарнымъ, руки пришли въ движеніе. Когда я прочелъ:

„Глядитъ на всѣхъ—и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры,
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны—
И точитъ лезвее косы"—

Державинъ содрогнулся. Едва я произнесъ послѣдніе стихи:

„Жизнь есть небесъ мгновенный даръ,
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою своей душою
Благословляй судебъ ударъ"—

Державинъ уже обнималъ меня со слезами на глазахъ.

Онъ не вдругъ сталъ меня хвалить. Онъ молча сѣлъ опять на свое мѣсто, посадилъ и меня на прежнее кресло, и, держа за руку, сказалъ тихимъ, растроганнымъ голосомъ:

— Я услышалъ себя въ первый разъ...—и вдругъ прибавилъ громко: — Мастеръ, первый мастеръ! Куда Яковлеву! вы его, батюшка, за поясъ заткнете,—и въ то же время я примѣтилъ, что Державинъ вдругъ сдѣлался чѣмъ-то озабоченъ, что у него было что-то другое на умѣ.

Онъ опять всталъ, вынулъ другую рукописную книгу; нѣсколько разъ бралъ въ руки то ту, то другую, и наконецъ одну спряталъ, а другую оставилъ на столѣ. Я видѣлъ ясно, что сильное впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ оды къ Перфильеву, у Державина быстро прошло и что ему ужасно хочется, чтобъ я читалъ трагедію. Скрѣпя сердце, я пожертвовалъ на этотъ разъ «Водопадомъ», и хорошо сдѣлалъ: Державинъ сталъ бы слушать меня разсѣянно. Впослѣдствіи я нашелъ минуту, когда онъ свободно могъ устремить все свое вниманіе на это чудное стихотвореніе, дико составленное, но богатое первоклассными красотами: выраженіе этихъ красотъ было имъ тогда почувствовано вполнѣ.

Итакъ, я обратился къ Державину, державшему въ рукахъ большой томъ въ зеленомъ корешкѣ и разсѣянно смотрѣвшему въ сторону:

— Позвольте мнѣ теперь прочесть вамъ трагедію.

— Знаете ли, о чемъ я думаю?—съ живостью сказалъ онъ.—Вамъ трудно будетъ читать въ первый разъ рукописное сочиненіе.

Я отвѣчалъ, что это правда, что даже печатную драматическую пьесу нельзя въ первый разъ прочесть хорошо, что надобно предварительно понять, вникнуть въ

характеры лицъ, изучить ходъ сильныхъ сценъ; что я не читаю никогда никакой большой пьесы другимъ, не прочитавъ ее вслухъ предварительно самому себѣ.

Съ живостью и удовольствіемъ подалъ Державинъ мнѣ обѣими руками зеленый томъ и сказалъ:

— Такъ возьмите, прочтите, изучите, и когда будете готовы, тогда прочтите мнѣ. Но вотъ что: вы вѣрно читали или слышали на театрѣ: «Ирода и Маріамну»; прочтите мнѣ изъ нея нѣкоторыя сцены.

И, не дождавшись отвѣта, онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему человѣку собрать экземпляръ этой трагедіи изъ печатныхъ листовъ, лежавшихъ большимъ тюкомъ въ нижнемъ ящикѣ того же дивана. Разумѣется, я сказалъ, что пьесу знаю и прочту съ большимъ удовольствіемъ, и это была правда. Я былъ въ такомъ лирическомъ настроеніи, что радъ былъ читать Державину что угодно, хоть по-арабски. Въ какіе бы то ни было звуки хотѣла вылиться вскипѣвшая душа.

Между тѣмъ, Гаврила Романовичъ послалъ за своей женой, племянницей (П. Н. Львовой) и племянникомъ, служившимъ въ статской службѣ, Капнистомъ. Пришли первая и послѣдній; племянница была еще не готова и явилась къ концу чтенія. Нетерпѣніе Державина было очевидно: онъ едва познакомилъ меня съ своей женой, а съ Капнистомъ даже и не познакомилъ. Я началъ читать, и безъ всякихъ выпусковъ прочелъ трагедію до конца, отдыхая не болѣе двухъ-трехъ минутъ между дѣйствіями. Меня уговаривали отдыхать побольше, но я не соглашался: трагедія была небольшая, и притомъ

я чувствовалъ, что моя восторженность можетъ охладѣть, а тогда все бы погибло. Это чтеніе было единственнымъ явленіемъ въ продолженіе тридцатипятилѣтняго моего поприща въ качествѣ чтеца—явленіемъ психологическимъ и весьма замѣчательнымъ. Чтобы понять вполнѣ мои слова, надобно взять «Ирода и Маріамну» и попробовать прочесть ее вслухъ. Я самъ впослѣдствіи, достигнувъ несравненно бо̀льшаго искусства въ чтеніи, не одинъ разъ пробовалъ исполнить этотъ подвигъ—и не находилъ возможности не только чѣмъ-нибудь воспламениться, но даже сносно прочесть, и еще менѣе заставить другихъ прослушать съ участіемъ хотя двѣ страницы... а тогда я читалъ около полутора часа, и каждое слово было полно какого-то огня, какого-то чувства. Чтеніе было въ то же время, мало сказать—невѣрно, несообразно съ характерами и словами дѣйствующихъ лицъ, но даже нелѣпо и безсмысленно. Я чувствовалъ это хотя неясно, въ самое то время, какъ читалъ. Съ полнымъ сознаніемъ и искренностью повторяю теперь, что чтеніе происходило на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ; но тѣмъ не менѣе, и на другихъ, и на меня произвело оно магическое дѣйствіе. Можно себѣ представить, что̀ было съ Державинымъ! Онъ рѣшительно былъ похожъ на человѣка, одержимаго корчами. Всѣ мои сердечныя ноты, каждый переходъ изъ тона въ тонъ, каждый одушевленный звукъ—перечувствовала его воспріимчивая, страстная душа! Онъ не могъ сидѣть, часто вскакивалъ, руки его дѣлали безпрестанные жесты, голова, все тѣло было въ движеніи. Восхищеніямъ, во-

сторженнымъ похваламъ, объятіямъ—не было конца, а моему счастью—не было мѣры. Державинъ черезъ нѣсколько минутъ схватился за аспидную доску и сталъ писать грифелемъ. Всѣ присутствовавшіе, кромѣ меня, вышли. Разумѣется, я догадался, что Державинъ пишетъ стихи на мое чтеніе, и не ошибся. Торопливо писала его дрожащая рука, и безпрестанно стирала написанное. Мнѣ показалось, что писаніе продолжалось съ полчаса. Наконецъ, Гаврила Романовичъ взялъ читанную мною трагедію и на первомъ мягкомъ листѣ, вверху названія трагедіи, написалъ четыре стиха. Мнѣ самому труднѣе, чѣмъ всякому другому, повѣрить, что я не помню этихъ стиховъ. Я тогда имѣлъ такую память, что съ одного раза могъ запомнить нѣсколько куплетовъ, если только стихи мнѣ нравились. Что книжка, подаренная мнѣ Державинымъ съ его стихами, собственноручно написанными, у меня пропала—это не диковинка: я растерялъ въ жизнь мою не малое число книгъ съ надписями ихъ авторовъ, иногда глубоко мною уважаемыхъ; но не запомнить четырехъ стиховъ Державина, мнѣ написанныхъ, при моемъ благоговѣніи къ Державину, при моей памяти,—это просто невѣроятно! Впрочемъ, дѣло объясняется нѣсколько тѣмъ, что книга пропала у меня въ первые два-три дня. Только и помню, что стихи, весьма не гладкіе, оканчивались словами: «себя услышалъ въ первый разъ», словами, вырвавшимися у него послѣ чтенія «Оды на смерть Мещерскаго». Несказанно счастливый мыслью, что я могъ привесть въ восхищеніе величайшаго изъ поэтовъ (такъ я думалъ тогда), опьянѣ-

лый отъ восторга и удовлетвореннаго самолюбія, я поспѣшилъ уйти отъ Державина, чтобъ подѣлиться моими чувствами съ моими друзьями.

Само собою разумѣется, что я сдѣлался частымъ и любимымъ гостемъ «Пѣвца Фелицы», какъ выражались тогда литераторы и дилетанты русской словесности. Хозяинъ готовъ былъ слушать съ утра до вечера, а гость—читать и день и ночь. Чего не перечиталъ я Державину! И переведенную имъ «Федру» Расина, и собственныя его трагедіи: «Св. Евпраксію», «Аталибу, или покореніе Перу», «Сумбеку (кажется такъ), или покореніе Казани», и проч., и, сверхъ того, два огромныхъ тома въ листъ разныхъ мелкихъ его сочиненій, въ стихахъ и прозѣ, состоявшихъ изъ басенъ, картинъ, нравственныхъ изреченій, всякаго рода надписей, эпитафій, эпиграммъ и мадригаловъ,—все это перечиталъ я по нѣскольку разъ.

Вулканъ потухалъ; но между грудами камней, угля и пепла мелькали иногда свѣтлыя искры прежняго огня. Дарованія драматическаго Державинъ рѣшительно не имѣлъ; у него не было разговора—все была пѣснь; но, увы, онъ думалъ, что его имѣетъ; часто онъ говорилъ мнѣ съ неуваженіемъ о своихъ одахъ и жалѣлъ, что въ самомъ началѣ литературнаго своего поприща не посвятилъ себя исключительно трагедіи и вообще драмѣ. «Аталиба», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ хорами и великолѣпнымъ, неисполнимымъ на сценѣ, спектаклемъ, была любимымъ его произведеніемъ. Въ ней главный эффектъ основывался на солнечномъ затменіи: Пизарро,

захваченный въ плѣнъ мексиканцами со всею свитою и въ оковахъ ожидающій казни, предсказываетъ потемнѣніе солнца, какъ знаменіе гнѣва небеснаго; солнце въ предписанную минуту помрачается (все это происходитъ на сценѣ), и побѣдители упадаютъ къ ногамъ побѣжденныхъ, освобождаютъ ихъ и признаютъ своими повелителями. Помню я изъ этой трагедіи одинъ стихъ, который цѣнился Державинымъ выше всего. Аталиба, упрекая Пизарро въ жадности къ золоту, говоритъ длинный монологъ, который оканчивается такъ:

„Вы преплыли моря, расторгнувъ крови связь,
Чтобъ изъ-подъ нашихъ ногъ увезть блестящу грязь."

Можетъ быть, я что-нибудь и перепуталъ въ первомъ стихѣ, но второй вѣренъ буквально.

Такъ продолжалась моя жизнь около мѣсяца; все время, свободное отъ необходимыхъ дѣлъ и свиданій въ Петербургѣ, проводилъ я въ домѣ Державина, который въ послѣдніе дни казался не такъ здоровымъ. Наконецъ, одинъ разъ пришелъ я къ нему обѣдать,— что̀ бывало довольно часто. Швейцаръ встрѣтилъ меня съ обыкновенной ласковой улыбкой, но сказалъ мнѣ, чтобъ я вызвалъ камердинера Гаврилы Романовича, который имѣетъ до меня какую-то надобность. Я нѣсколько удивился, и, взошедъ наверхъ, встрѣтилъ этого самаго камердинера; онъ сказалъ мнѣ, что Дарья Алексѣевна (жена Державина) проситъ меня, не входя въ кабинетъ къ Гаврилѣ Романовичу, повидаться съ ней и для того зайти напередъ въ гостиную; я удивился еще

болѣе и поспѣшилъ къ разгадкѣ. Дарья Алексѣевна *), нѣсколько встревоженная, весьма учтиво и ласково сказала мнѣ, что мужъ ея нездоровъ, что онъ провелъ дурно ночь, что у него сильное раздраженіе нервовъ, и что докторъ приписываетъ это тому волненію, съ которымъ Гаврила Романовичъ слушаетъ мое чтеніе; что она проситъ, умоляетъ меня нѣсколько времени не ходить къ больному, или ходить, но не читать подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

— А всего лучше, скажитесь больнымъ,—прибавила она:—если онъ васъ увидитъ, то начнетъ такъ приставать, что трудно будетъ отказать ему.

Я сейчасъ почувствовалъ, что все это совершенно справедливо. Я уже говорилъ, какъ Державинъ слушалъ мое чтеніе въ первое наше свиданіе; точно то же продолжалось до сихъ поръ, если не всегда при слушаніи прежнихъ одъ, то всегда при слушаніи трагедій. Я вспомнилъ, какое изнеможеніе выражалось на лицѣ Державина послѣ нашихъ, иногда долгихъ, дообѣденныхъ или вечернихъ чтеній. Мнѣ стало совѣстно, и я покраснѣлъ до ушей. Я сказалъ Дарьѣ Алексѣевнѣ, что мнѣ больно и грустно, и досадно на себя, для чего я самъ давно этого не примѣтилъ. Она призналась мнѣ, что уже съ недѣлю всякій день собирается поговорить со мной объ этомъ, что она боялась оскорбить меня, и что, Боже сохрани, если узнаетъ объ этомъ Гаврила Романовичъ. Я поспѣшилъ ее успокоить и прибавилъ, что я самъ

*) Урожденная Дьякова, вторая супруга Державина.

боленъ, что докторъ давно требуетъ, чтобъ я сидѣлъ дома, и что я выѣзжалъ единственно для Гаврилы Романовича. Все это была совершенная правда; только я былъ боленъ не отъ чтенія, а отъ петербургскаго климата, отъ котораго уже поотвыкъ. Хозяйка благодарила меня искренно и упрашивала, чтобъ я, въ доказательство, что не сержусь на нее, остался у нихъ обѣдать.

— Гаврила Романовичъ не выходитъ изъ кабинета, и не узнаетъ, что вы были здѣсь,—прибавила она очень привѣтливо.

Я не остался, подъ предлогомъ, что долженъ держать строгую діэту; мнѣ показалось какъ-то странно оставаться въ домѣ контрабандой отъ хозяина. Я пріѣхалъ, однако, вечеромъ къ Державину, сказалъ ему, что я давно нездоровъ, что долженъ лѣчиться, и, можетъ быть, недѣли двѣ не выйду изъ комнаты. Гаврила Романовичъ чуть не заплакалъ, и такъ огорчился, что я испугался вредныхъ послѣдствій. Онъ самъ былъ очевидно нездоровъ. Глаза у него были мутные и пульсъ бился какъ въ лихорадочномъ жару; но самъ онъ и слышать не хотѣлъ, что онъ боленъ, и жаловался мнѣ, что съ нѣкотораго времени хотятъ увѣрить его, что онъ хвораетъ, а онъ, напротивъ, давно не чувствовалъ себя такъ бодрымъ и крѣпкимъ. Наконецъ, онъ отпустилъ меня въ *лазаретъ* (какъ онъ выразился) и обнялъ на прощанье нѣсколько разъ, прибавивъ, что кстати исполнитъ просьбу жены, и, хотя безъ надобности, самъ полѣчится въ это время.

Гаврила Романовичъ весьма огорчился, узнавъ о моемъ внезапномъ намѣреніи уѣхать.

Сколько простосердечія, теплоты, живости и благодушія сохранилось еще въ этомъ семидесяти-трехлѣтнемъ старцѣ, въ этомъ геніальномъ талантѣ! Вечеръ наканунѣ моего отъѣзда, какъ нарочно, мы провели вдвоемъ. Много добрыхъ желаній и совѣтовъ сказалъ онъ мнѣ на прощанье, искренно благодарилъ за удовольствіе, доставленное моимъ чтеніемъ; много предсказывалъ мнѣ въ будущемъ и даже благословилъ меня на литературные стихотворные труды. Онъ ошибался во мнѣ, и потому предсказанія не исполнились, и благословеніе не пошло въ прокъ. Самый послѣдній совѣтъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Не переводите, а пишите свое, что̀ въ голову войдетъ; въ молодости переводить вредно: сейчасъ заразишься подражательностью; въ старости переводите сколько угодно».

Съ глубоко-растроганнымъ сердцемъ вышелъ я изъ кабинета Державина, благодаря Бога, что онъ послалъ мнѣ такое неожиданное счастье—приблизиться къ великому поэту, узнать его такъ коротко и получить право любить его какъ знакомаго человѣка.

Въ исходѣ іюля, собираясь уѣхать на десять лѣтъ изъ Москвы въ Оренбургскую губернію, я узналъ о смерти Державина. Еще живѣе почувствовалъ я цѣну моего съ нимъ, очень кратковременнаго, но полнаго, искренняго, свободнаго, кабинетнаго знакомства. Итакъ, скромный путь моей жизни озарился послѣдними лучами заходящаго свѣтила, послѣдними днями великаго по-

эта! Тридцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но воспоминанье объ этихъ свѣтлыхъ минутахъ моей молодости постоянно, даже и теперь, разливаетъ какое-то отрадное, успокоительное, необъяснимое словами чувство на все духовное существо мое. И чему я обязанъ за все это?—единственно моему чтенію. Да будетъ же благословенно искусство, которое звуками даже чужихъ словъ, проникнутыхъ собственнымъ чувствомъ человѣка, можетъ такъ могуче переливать ихъ въ сердце другого!..

ПЕТЕРБУРГСКОЕ НАВОДНЕНІЕ
7-го ноября 1824 года. *)

(Изъ романа „Признанія Сергѣя Чалыгина*).

Помню, я проснулся въ душной темнотѣ и сталъ прислушиваться къ вою вѣтра, какъ бы къ вою и стону бѣсовъ, врывающихся въ комнату, то сквозь трубу и вьюшки, то сквозь щели неплотно притворенной форточки. Вдругъ въ воздухѣ, какъ будто кто тяжелымъ

*) Чалыгину, во время наводненія, шелъ всего десятый годъ. *Фрейманъ*—воспитатель Чалыгина; *Юленька* — воспитанница матери Чалыгина; бабушка *Константиновна*—няня покойнаго его отца; *Аксюта, Логинъ, Семенъ, Егорка*—прислуга въ домѣ.

бревномъ ударилъ подъ каменнымъ сводомъ въ деревянныя ворота, раздался пушечный выстрѣлъ.

Я сталъ думать, что, вѣроятно, поднялась вода въ Невѣ, потому что и съ вечера былъ сильный вѣтеръ. Когда везли меня изъ театра, я видѣлъ сквозь каретныя стекла, какъ дрожали и жмурились огоньки въ фонаряхъ и какъ задувало ихъ. Я тогда не думалъ ни о вѣтрѣ, ни о фонаряхъ; но впечатлѣніе, какъ видно, осталось и припомнилось.

Новый выстрѣлъ—и при этомъ какъ будто что-то покатилось по сосѣдней желѣзной кровлѣ. Свистъ и отчаянное завываніе вѣтра покрыли собой шумъ и стукъ чего-то падающаго, и ужъ не знаю, упавшаго ли куда-нибудь, или унесеннаго вѣтромъ. Опять брякнула печная вьюшка, и что-то зашевелилось въ самой комнатѣ. На меня напалъ ужасъ, и я рѣшился разбудить моего Фреймана.

— Ei, was ist das?.. что̀ такое?

— Слышите!

— Что̀?

— Я не знаю, что̀... ужасный вѣтеръ, я еще никогда не слышалъ, чтобъ такъ страшно выло. Я боюсь, mein lieber Herr Freimann!

Фрейманъ сталъ уговаривать меня и ворчалъ. Опять раздался выстрѣлъ такъ, какъ будто кто толкнулъ въ оконную раму, и она глухо звякнула.

Фрейманъ пошарилъ вокругъ себя, досталъ огниво и трутъ, высѣкъ огонь, приложилъ сѣрную лучинку къ зажженному труту и уже потомъ зажегъ свѣчку. (Буди благословенъ изобрѣтатель фосфорныхъ спичекъ!..)

Оба мы вышли изъ мрака и оба очутились стоящими на полу въ одѣхъ рубашкахъ.

— Ну, что?—спросилъ меня Фрейманъ, разинувъ ротъ, да такъ и остался съ вопросительнымъ выраженіемъ на сонномъ лицѣ.

— Стрѣляютъ,—отвѣчалъ я, не зная, что сказать. (Не сказать же, въ самомъ дѣлѣ, что чертовщина полѣзла мнѣ въ голову.)

— А?! стрѣляютъ?! зачѣмъ стрѣляютъ?..

— Вѣрно, вода въ Невѣ поднялась.

— Ну... что жъ вы?.. трусъ! знаете, почему стрѣляютъ, и будите... Что такое? Ничего нѣтъ такого особеннаго. Вѣтеръ воетъ... онъ всегда воетъ—и пусть его воетъ! Какое намъ до него дѣло? Ну, въ постель! ложитесь... трусъ!..

Нѣмецъ поглядѣлъ на часы,—былъ уже четвертый часъ утра,—легъ, накрылся байковымъ одѣяломъ и задулъ свѣчу.

Я также легъ, но страхъ мой совершенно прошелъ, какъ будто на минуту зажженная свѣчка и человѣческій голосъ могутъ разсѣевать его, какъ бы по волшебному мановенію; я же слышалъ, что Фрейманъ не спитъ, о чемъ-то вздыхаетъ и, вѣроятно, также прислушивается къ заунывному и на всѣ лады и тоны переливающемуся завыванію бури; и сталъ я дремать подъ отдаленные выстрѣлы, повторяющіеся каждыя пять минутъ, и заснулъ, мечтая о балетѣ и о той танцовщицѣ, которая такъ плѣнила мое воображеніе. А въ это время умирала Константиновна, и въ цѣломъ домѣ никто не зналъ,

какъ она отходитъ,—какія крылья сквозь эту бурю несутъ ея грѣшную душу—и куда несутъ?..

На другой день (7-го ноября) почему-то я проснулся поздно (т.-е. около девяти часовъ), и Фрейманъ, хотя и всталъ, почему-то не разбудилъ меня. На его столѣ горѣла свѣча, пасмурное утро глядѣло въ окна; вѣтеръ выл ъ и гудѣлъ; но ни онъ, ни я не обращали уже на него ни малѣйшаго вниманія. Суетливость дня, одѣванье, умыванье, протверживанье латинскаго урока, словомъ, шорохи проснувшейся жизни заглушали порывистые вопли бури и спасительные выстрѣлы.

Я вышелъ въ столовую и у чайнаго столика засталъ Аксюту, замѣтно неуспѣвшую еще причесать своихъ волосъ.

— Юлиньки нѣтъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ.

— А мама встала?

— Нѣтъ, еще не встала.

— Ну, налей мнѣ чаю.

— А бабушка Константиновна приказала долго жить.

— Какъ?!—Я посмотрѣлъ на Аксюту; она посмотрѣла на меня.

— Да такъ, отдала Богу душу, да и все тутъ. Что вы, не вѣрите?

Видно, Аксюта по глазамъ моимъ прочла, что мнѣ какъ-то не вѣрилось. Умерла бабушка Константиновна! странно какъ! (мнѣ это казалось страннымъ!) умерла, и я

этого не зналъ!.. Я перекрестился—мнѣ стало жаль старухи Константиновны, а почему жаль,—и самъ не знаю.

Кое-какъ допилъ я чашку чаю и пошелъ смотрѣть на покойницу. Въ семь часовъ утра ее обмывали и теперь, уже одѣтая (такъ, какъ сама когда-то одѣвалась она въ свѣтлый праздникъ или въ причастный день), лежала она въ просторной дѣвичьей на столѣ, въ бѣломъ капотѣ, въ бѣломъ чепцѣ съ оборками и покрытая бѣлой простыней.

Лицо старухи, блѣдно свинцовое, неподвижное, съ выраженіемъ какого-то мертваго благоговѣнія, съ ввалившимися губами и двумя пятаками на закрытыхъ глазахъ, не могло не поразить меня: мнѣ было какъ-то жутко смотрѣть. Въ первый разъ я видѣлъ жертву смерти, то-есть бездушный трупъ, крестился и глядѣлъ на него издали.

Въ дѣвичьей были однѣ только женщины—наши и чужія. Передъ образомъ горѣли восковыя свѣчи, толки происходили полушопотомъ,—толковали о томъ, въ которомъ это часу—съ вечера или подъ утро умерла Константиновна; однѣ доказывали, что съ вечера, другія увѣряли, что всегда умираютъ подъ утро, и приводили примѣры; потомъ спорили; между прочимъ, жаловались на погоду, и что въ экую бурю, въ экое ненастье привелъ ей Богъ умереть; разспрашивали, давно ли покойница причащалась. Оказалось недавно, а именно, около Покрова, когда почувствовала, что ее что-то душитъ.

— Ну, вотъ, и задушило... ужъ это всегда такъ! Сперва смерть-то у дверей стоитъ, потомъ за кроватью

стоитъ, а потомъ ужъ и душитъ...—замѣтила какая-то сердобольная старушка въ зеленомъ платкѣ, должно быть, одна изъ обительницъ верхняго этажа.

Съ задняго крыльца отворилась дверь, и вошелъ Семенъ, блѣдный и растрепанный.

— Шапку унесло—не поймалъ,—сказалъ онъ, слегка задыхаясь.—Эдакая-то буря, что—и Господи! такъ и рветъ!

— Ну, что же попъ-то? Дьячка-то хоть нашелъ-ли?—обратились къ нему съ разспросами.

Но, никому не отвѣчая, даже не замѣчая моего присутствія, Семенъ сѣлъ на лавку, снялъ сапоги и сталъ выливать изъ нихъ воду.

Не успѣла старушка въ зеленомъ платкѣ обидѣться, какъ въ окошкѣ звякнуло стекло, какъ будто кто-нибудь вышибъ его ударомъ камня; ворвался вѣтеръ, загудѣлъ и поднялъ край простыни, которая прикрывала покойницу. Заволновались складки, зашевелились оборки чепца вокругъ мертвой головы, какъ будто вдругъ она ожила; у образовъ погасли свѣчи... Всѣ стали креститься; я поблѣднѣлъ и невольно попятился. Не успѣли стекла заложить подушкой, не успѣли опять затеплить восковыя свѣчи и поправить саванъ, какъ на дворѣ раздался крикъ, а за дверями, на задней лѣстницѣ, послышались пискливые голоса, какіе-то странные взвизги и вздохи.

Съ шумомъ расхлобыснулась дверь, вбѣжали Логинъ, жена его, дочери и, въ числѣ ихъ, невѣста, блѣдная какъ смерть и въ бѣломъ бальномъ платьѣ.

Бѣдная дѣвушка! въ это утро примѣряла она свое подвѣнечное платье (въ ожиданіи портнихи, которая заносила его съ вечера, съ тѣмъ, чтобъ прійти за нимъ поутру), и не успѣла снять она это платье, какъ вдругъ въ комнатѣ ихъ сдѣлалось совершенно темно; въ окна, выходящія на тротуаръ, плеснули волны; сквозь выбитыя стекла, съ ревомъ и пѣной, опрокидывая горшки и банки, полилась вода и быстрыми потоками стала заливать ихъ подвальную горницу. Едва-едва успѣли они, по колѣно въ водѣ, выскочить въ нижнія сѣни, взбѣжать на лѣстницу и съ лицами, искаженными ужасомъ, мокрые, растрепанные, появились въ нашей дѣвичьей, передъ лицомъ ничѣмъ уже невозмутимой покойницы. Всѣ ахнули; одна Константиновна не обратила на ихъ испугъ ни малѣйшаго вниманія. Что же касается до меня— я бросился бѣжать сначала въ библіотеку, потомъ въ залу, потомъ въ мою комнату; увидѣвши Фреймана, закричалъ: «мы тонемъ!» и, не дождавшись отвѣта, бросился будить мать мою.

Но я засталъ ее уже въ гостиной, только-что вставшею съ постели. Въ одной кофтѣ и ночномъ чепцѣ, она стояла у окна, была блѣдна и какъ будто не вѣрила собственнымъ глазамъ своимъ.

— Мама, что̀ это?.. что̀ съ нами будетъ?..

— Развѣ ты слѣпъ? Видишь, наводненіе...—сказала мать.—Будемъ пока смотрѣть... Больше намъ нечего дѣлать...

— Мы не утонемъ, мама?

— Авось, Богъ милостивъ, не утонемъ,—и слеза по-

катилась у ней по щекѣ.—А вонъ,—добавила она,—этотъ мужичокъ—вонъ, видишь,—коли не удержится—потонетъ...

— Гдѣ, мама?

И я сталъ смотрѣть въ окно. Ни улицъ, ни Мойки не было. Все было покрыто свинцовыми волнами—рѣки не рѣки, озера не озера,—не знаю, какъ и назвать эту поверхность бушующей стихіи, эти волны, съ несущимися по нимъ обломками, со всѣхъ сторонъ охватившія городскія зданія. Чугунныя рѣшетки набережной изрѣдка еще мелькали между углубленій, образуемыхъ на водѣ порывами крутившагося вихря; наконецъ, и онѣ мелькать перестали. По ту сторону канала я увидѣлъ человѣка, обхватившаго руками деревянный фонарный столбъ. Столбъ этотъ покачнулся и, казалось, падалъ, а онъ висѣлъ спиной къ волнамъ, съ руками около разбитаго фонаря. Онъ былъ безъ шапки; но, судя по движенію головы его, не терялъ еще присутствія духа и высматривалъ: нѣтъ ли откуда-нибудь спасенія. Вдругъ на фонарный столбъ надвинулась бокомъ какая-то полуразбитая барка; вокругъ этой барки неслись дрова и расплывались во всѣ стороны; фонарь не вынесъ и клюнулся въ воду; но мужикъ, уцѣпившись за корму, вскочилъ на барку, побѣжалъ, поднялъ какое-то бревно и остановился. Барка поплыла дальше, мы стали слѣдить за ней: вотъ пронеслась она мимо кареты, которой кузовъ торчалъ изъ воды, безъ кучера на козлахъ; вотъ, чуть-чуть не задѣвъ кареты, она ударилась въ уголъ дома, пріостановилась и начала тонуть... Мужикъ, къ не-

— *Развѣ ты слышь?*
Видишь, наводненіе...

малому утѣшенію моей матери, воспользовался вывѣской, вскарабкался сперва на нее, а потомъ на желѣзный навѣсъ, прикрывающій спускъ въ какой-то винный погребъ.

Далѣе шла улица и, въ перспективѣ, была видна отъ насъ; но что̀ тамъ происходило, трудно было понять. Все было какъ бы въ туманѣ. Небо было покрыто сплошными темными тучами; воздухъ шумѣлъ; но дождя не водяную пыль, и эта пыль неслась по городу.
было; не его ли капли буря дробила въ мельчайшую

Я видѣлъ, какъ эта буря заворачивала желѣзные листы на кровляхъ, и живо помню, какъ слетѣлъ съ одной трубы вѣтроуказатель, изображающій дракона съ разинутой пастью; помню, какъ онъ покатился, сдѣлалъ нѣсколько зигзаговъ и пріостановился въ водосточной трубѣ, прежде чѣмъ слетѣлъ на улицу.

Однимъ словомъ, не даромъ была блѣдна мать, не даромъ я дрожалъ: зрѣлище было захватывающее духъ, потрясающее зрѣлище!

Событія выходили изъ ряда обыкновенныхъ, и все, что̀ окружало насъ, все стало необыкновенно: обычное теченіе жизни измѣнилось и измѣнило людскія отношенія.

Зала наша, какъ трактиръ или постоялый дворъ, стала наполняться людьми, намъ совершенно незнакомыми. Иные забѣжали прямо съ улицы, не спрашивая, кто мы, и не говоря намъ, кто они. Иные знали нашихъ людей и перебрались къ намъ изъ нижняго этажа, съ своими чадами и домочадцами, съ мокрыми узлами, сундуками и подушками.

Мать моя почувствовала ознобъ и пошла одѣться. Я вышелъ въ залу. Тутъ была налицо почти вся наша дворня, кромѣ горничной Аксюты, повара и кучера.

Въ дѣвичьей были также чужіе люди; но мысль о томъ, что насъ могутъ обокрасть, никому не приходила въ голову, и очень понятно, почему она не приходила: можно было украсть, но съ украденнымъ бѣжать было некуда.

Логинъ былъ въ залѣ и стоялъ спиной къ печкѣ, скрестивши на животѣ пальцы рукъ и понуривъ голову. Онъ былъ похожъ на приговореннаго къ смерти, и глядѣлъ такъ, какъ будто наступаетъ Страшный Судъ. Жена его сидѣла на стулѣ въ какомъ-то полузабытьѣ: очки криво сидѣли на носу ея, глаза были закрыты; иногда, когда вой вѣтра или стукъ падающихъ кирпичей, оторванныхъ отъ какой-нибудь трубы и покатившихся по желѣзной кровлѣ, заставлялъ ее вздрагивать, она испуганно глядѣла въ окно и крестилась. Къ худенькому плечу ея прилегало обнаженное, молодое плечо ея дочери-невѣсты, и такъ странно было видѣть на ней въ эту минуту подвѣнечное платье, съ открытымъ воротомъ, съ полуразстегнутымъ лифомъ и мокрымъ подоломъ: она была въ папильоткахъ и плакала. Сестры ея также были въ слезахъ, но не плакали. Егорка стоялъ на окнѣ. Семенъ оглядывалъ страшно затоптанный и мѣстами мокрый полъ, безпрестанно уходилъ въ переднюю, на всѣхъ косился; но не смѣлъ никого гнать, потому что гнать можно было только въ воду и никуда больше...

Теперь о незнакомцахъ. Пропускаю тѣхъ, которые ночью ушли къ себѣ внизъ, зажгли фонари, стали отливать воду и приводить въ порядокъ свои вещи; скажу только о тѣхъ, которые, волей-неволей, должны были остаться ночевать у насъ. Между ними только трое особенно какъ-то рельефно сохранились въ моей памяти, а именно: сѣденькій приказный, въ поношенномъ вицъ-мундирѣ, въ шинели съ подкладкой, изъ-за которой выглядывала вата, и съ портфелемъ подъ мышкой; онъ велъ себя философомъ и говорилъ: «вотъ поглядите, черезъ десять минутъ все это опять сольетъ, и все придетъ въ надлежащій порядокъ; только подвалы да погребки пострадаютъ; вотъ поглядите!» Тутъ онъ вынималъ серебряные часы свои, похожіе на луковицу, и всѣмъ указывалъ на стрѣлку:—«черезъ десять минутъ все пройдетъ—и его превосходительство непремѣнно пріѣдетъ въ департаментъ; ибо не было еще примѣра, чтобъ его превосходительство не пріѣхалъ въ нашъ департаментъ».

Другой былъ купчикъ, остриженный въ кружокъ. Скрипя своими сапожками, онъ ходилъ отъ окна къ окну, останавливался, что-то высчитывалъ, загибая пальцы, то одинъ, то другой, и потомъ, поднимая руки, голосилъ: «Мать Пресвятая Богородица! что же это будетъ! Вѣдь это банкрутствомъ пахнетъ... это... помилуйте-съ!.. Если это такъ продолжится-съ—это вѣдь все снесетъ-съ, все, какъ есть. Товаръ на биржѣ—на открытомъ мѣстѣ... Ничего не подѣлаешь... Что жъ это будетъ-съ!..» Но никто не отвѣчалъ ему. Купецъ поглядывалъ въ окна и опять принимался ходить, поскрипывая своими сапож-

ками. Наводненіе застало его подъ навѣсомъ нашего крыльца, и онъ успѣлъ взбѣжать на лѣстницу, прежде чѣмъ волна докатилась до ногъ его.

Третій, напротивъ, былъ явно въ водѣ чуть не по поясъ: суконные шаровары его облипали вокругъ сухощавыхъ ногъ, даже поношенный синій плащъ его былъ снизу подмоченъ и висѣлъ, живописно закинутый на одно плечо. Это былъ еще молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, средняго роста, сухой, смуглый, съ греческими чертами лица, истомленными, но рѣзкими; низенькій лобъ его былъ пересѣченъ складками, идущими вверхъ отъ черныхъ сдвинутыхъ бровей. Неподвижно стоялъ онъ у средняго окна, сложа руки крестообразно à la Napoléon, и глядѣлъ на улицу, то-есть на картину бури и наводненія. Смятый клеенчатый картузъ былъ у него подъ мышкой; передъ нимъ на окнѣ лежалъ его мокрый свернутый зонтикъ. Я сталъ у другого окна, подлѣ Егорки, и поглядывалъ на его неподвижный профиль. Сзади меня сталъ мой нѣмецъ. Онъ черезъ плечо мое глядѣлъ на волны и съ кислой миной продолжалъ покуривать свою трубочку; вытянутое лицо его казалось совершенно зеленымъ; но онъ молчалъ,—только изрѣдка, поднимая брови, поглядывалъ на небо.

Когда мать моя, въ капотѣ и закутавшись въ большой платокъ, появилась въ залѣ, никто не подошелъ къ ней, кромѣ сѣденькаго приказнаго; онъ поцѣловалъ у ней ручку и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, приниженно сгорбившись. Купчикъ спросилъ ее: «Чѣмъ же это

кончится? сами извольте разсудить!..» Человѣкъ въ плащѣ даже и не оглянулся.

Но, подойдя ко мнѣ, встревоженная мать моя поглядѣла на его профиль и спросила меня на-ухо:

— Ты не знаешь, кто это?

— Не знаю, мама!

— Il se pose... и въ какое время! А гдѣ Логинъ?

Она подошла къ невѣстѣ, и костюмъ ея удивилъ мою мать. Паша поднялась съ мѣста и стала горько и громко плакать; старуха, мать ея, бросилась обнимать ее и простонала:

— Ма-а-а-а-тушка!.. все-то залило... ничего-то нѣтъ у насъ...

— Все будетъ, если Богъ до конца на насъ не прогнѣвался. Не вы одни пострадаете... Слава Богу еще, что успѣли во-время выбраться...

— Черезъ десять минутъ, много черезъ двадцать, ваше сіятельство, вода сбѣжитъ, и все будетъ попрежнему,—сказалъ круглоголовый, сѣденькій и подъ гребенку остриженный приказный. Кажется, онъ былъ очень доволенъ, что сидитъ у насъ въ залѣ, а не въ департаментѣ.

Человѣкъ въ синемъ плащѣ оставался попрежнему неподвиженъ, и мать моя рѣшилась подойти къ нему.

— Какъ вы думаете,—спросила она его,—скоро ли все это кончится?

Незнакомецъ,—какъ будто кто разбудилъ его,—быстро обернулся къ моей матери.

— Что̀ вы сейчасъ сказали?

— Я... я спросила васъ, какъ вы думаете, скоро все это кончится?

— Не знаю, madame, это до меня не касается... Проклятый городъ! Если онъ провалится сквозь землю... Пусть!.. Но онъ не провалится сквозь землю, онъ потонетъ. Развѣ вы не замѣчаете, что земля опустилась, и море заняло свое прежнее мѣсто... Я это давно предчувствовалъ... Впрочемъ, это до меня не касается...

Мать моя поглядѣла на него, какъ на сумасшедшаго.

— Что̀ вы сказали?

И черные глаза его такъ поглядѣли на мою мать, что она отступила, и безпокойство слишкомъ ясно выразилось въ лицѣ ея, и безъ того блѣдномъ и какъ бы измученномъ.

— Люди, madame, гибнутъ каждый день и каждый день разоряются. Не потопъ, а люди другъ друга губятъ и разоряютъ.

— Вы несчастны?—спросила его мать моя,—или...

— Не мѣшайте мнѣ глядѣть, какъ тонетъ Петербургъ,—не мѣшайте... И вы потонете, madame, и хорошо сдѣлаете, если потонете...

Мать отошла отъ безумнаго.

— Семенъ!—распорядилась она,—ступай на нашу парадную лѣстницу и замѣть, до которой ступеньки заливаетъ ее водой: безъ этого мы не узнаемъ, когда начнетъ сбывать...

Семенъ вышелъ. Я пошелъ за Семеномъ. Наша парадная лѣстница была также завалена мокрыми пожит-

ками; на той же площадкѣ, на которой отворялась дверь изъ нашей передней, кромѣ мокрыхъ узловъ, была кадочка съ кислой капустой и валялся окорокъ. Окно съ этой площадки выходило на дворъ, и я заглянулъ въ него: дворъ нашъ также былъ залитъ водою; по водѣ плавали дрова, доски, ушатъ, щепки и всякая дрянь. Сквозь вой вѣтра, ни на минуту неумолкавшаго, слышался вой собакъ, изрѣдка ржаніе несчастныхъ лошадей, которыхъ не успѣли вывести изъ конюшни.

Семенъ нашелъ, что лѣстница наша залита *всего только* по девятую ступеньку, и я побѣжалъ сказать объ этомъ моей матери. Когда я воротился въ залу, я нашелъ мать мою разговаривающей со старичкомъ-приказнымъ; онъ узналъ, что у насъ въ домѣ покойница, и вызывался читать по ней псалтырь, увѣряя, что наводненіе долго продолжаться не можетъ, но что онъ готовъ на богоугодное дѣло посвятить всякій свободный отъ службы часъ...

— Дайте мнѣ псалтырь, я буду читать... я не хуже дьячка буду читать, ваше сіятельство!—говорилъ онъ моей матери, униженно кланяясь.

Во всякое другое время онъ бы разсмѣшилъ ее, но кому было тогда до смѣха! Въ домѣ у насъ нашелся псалтырь, и сѣденькій приказный, захвативъ свой портфель, отправился въ дѣвичью.

А между тѣмъ буря все еще не унималась, наводненіе росло и росло, волны стали еще грознѣе, и мы слышали, какъ онѣ ударяютъ въ стѣны нашего дома. Вообразите же нашъ ужасъ, когда къ двумъ часамъ по-

полудни вода на нашей парадной лѣстницѣ поднялась съ девятой ступеньки на двѣнадцатую... когда мы увидѣли по волнамъ несущіеся трупы лошадей, часть какой-то кровли, раскрашенную караульную будку и, между ними, лодки и катера съ матросами и съ командующими на нихъ офицерами... Казалось, слова незнакомца въ мокромъ плащѣ, зловѣщія слова его сбываются... Всѣ стали молиться; я убѣжалъ въ спальню матери.

Тамъ былъ сумракъ; только огонь лампадки да тусклый свѣтъ дня, пробивавшійся сквозь опущенныя сторы, кой-гдѣ освѣщалъ безпорядокъ этой неприбранной комнаты; постель была измята, на полу лежала кофточка, сброшенная моей матерью; все это гармонировало какъ нельзя болѣе съ безпорядкомъ природы, съ безпорядочнымъ состояніемъ души моей, и наводило пущее уныніе. Я думалъ, что настаетъ чуть ли не всемірный потопъ, что не одинъ Петербургъ—вся земля должна погибнуть отъ этого наводненія. Я, рыдая, упалъ на колѣни передъ мерцающими иконами и сталъ такъ молиться, какъ молятся только на кораблѣ, въ ураганъ, среди ежеминутно угрожающей опасности.

Не помню ужъ, сколько прошло времени, помню только, что, среди молитвы моей, вдругъ долетѣли до меня чьи-то слова: «сбываетъ! вода сбываетъ!..»

— Слава Богу!—послышался голосъ моей матери.

— Слава Богу!—повторилъ за мной чей-то тихій голосъ, и горничная Аксюта, которая, закрывъ лицо, все время лежала за пологомъ, поперекъ кровати, и которой я не замѣтилъ въ сумракѣ, зашевелилась и подняла

свою голову. Она страшно могла бы испугать меня, если бы я тотчасъ же не узналъ ее.

Торопливо я сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ (видно и передъ Богомъ-то мы не умѣемъ быть слишкомъ долго благодарными), торопливо произнесъ: «Слава тебѣ, Господи!», вскочилъ съ колѣнъ и побѣжалъ въ другія комнаты; но уже и въ другихъ комнатахъ становилось темно, наступали сумерки, приближалась ночь, т.-е. было около трехъ часовъ пополудни. Вода сбыла только на двѣ ступеньки, и это уже всѣхъ обрадовало, даже купчика, который такъ сокрушался о своихъ товарахъ. Видно, жизнь дороже всякаго товара. Я ушелъ въ свою комнату посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ мой нѣмецъ? Онъ сидѣлъ на своей постели и покуривалъ трубочку.

— Вода сбываетъ,—сказалъ я ему.

— Это великое, великое бѣдствіе!—сказалъ онъ:— я теперь сижу и думаю.

— О чемъ же вы думаете?

— О!.. о чемъ я думаю!.. о многомъ, дитя мое! Въ этотъ день я снова пережилъ всѣ свои несчастія, всѣ свои страданія и внутренно плакалъ. Вы этого не замѣчали; но, глядя на вашу мать, я плакалъ: она напомнила мнѣ Амалію Вагнеръ, ходившую по развалинамъ своего замка; она была одна несокрушимѣе всѣхъ, и я одинъ... я одинъ понималъ ее!..

Я рѣшительно былъ не въ состояніи понимать моего наставника, и такъ-какъ въ моей душѣ уже не было отчаянія, то въ нее стала проникать какая-то рѣзвая ра-

дость. (Такъ весело становится на кораблѣ, когда буря затихаетъ, опасность прошла и капитанъ собирается завтракать.) Мнѣ же казалось, что моя горячая молитва была не даромъ, что она спасла всѣхъ—весь Петербургъ спасла. Какъ же было не радоваться!

(Вода убывала медленно, и потому всѣхъ постороннихъ, наравнѣ съ домочадцами, пришлось накормить обѣдомъ, въ томъ числѣ и незнакомца въ плащѣ, дѣйствительно оказавшагося сумасшедшимъ и въ заключеніе ошибкой выпившаго рому, отъ котораго онъ сперва горько расплакался, а тамъ и заснулъ.)

Былъ восьмой часъ вечера, а насъ все еще невольно тянуло къ окнамъ. Конечно, никогда еще наша сѣверная столица не была закутана въ такой черный, непроницаемый мракъ; ни одного фонаря не свѣтило ни на площадяхъ, ни въ улицахъ. Если бы не свѣтящіяся окна, можно было бы подумать, что на мѣстѣ великолѣпнаго города опять выросъ тотъ дремучій лѣсъ, который сто двадцать лѣтъ тому назадъ точно въ такой же мракъ закутывалъ голову Петра Великаго. Золотыя полосы—отраженія этихъ свѣтящихся оконъ—были единственными телеграфами, приносившими къ намъ вѣсть, что вода еще не сбыла и покрываетъ мостовую, заливая фундаменты. Большихъ волнъ съ пѣною не было уже видно, но вѣтеръ еще сильно струилъ и морщилъ воду, судя по тѣмъ огненнымъ струйкамъ, которыя, среди мрака, играли на этихъ золотыхъ отраженіяхъ. На одномъ изъ этихъ отраженій, какъ теперь помню, вдругъ нарисовался черный силуэтъ лодки съ двумя гребцами и человѣкомъ на рулѣ; одна изъ этихъ черныхъ фигуръ приподъ-

нялась, наклонилась и уперлась, должно быть, весломъ въ мостовую,—черная полоса лодки двинулась и опять исчезла во мракѣ. Въ это время, судя по офиціальнымъ даннымъ, вода стояла на высотѣ пяти футовъ и девяти дюймовъ; стало-быть, въ нашемъ кварталѣ уже открывалась возможность ходить въ водѣ по улицамъ. Нашъ купчикъ, не перестававшій выбѣгать на подъѣздъ, пришелъ проститься съ моей матерью, поцѣловалъ у ней ручку, потомъ вышелъ въ переднюю, снялъ съ себя новые сапоги, засучилъ панталоны и отправился къ себѣ домой къ Харламову мосту. Семенъ же снабдилъ его своей палкой, для того, чтобъ онъ могъ ощупывать дно и не провалиться въ какую-нибудь промоину; за эту палку, въ благодарность, купчикъ обѣщалъ ему фунтъ чаю и четыре фунта сахару.

Приказный совершенно акклиматизировался въ нашей дѣвичьей. Безпрестанно пилъ чай съ нашими домашними, потомъ опять принимался за псалтырь—и такъ хорошо, трогательно и душеспасительно читалъ, что любой дьячокъ, слушая его, могъ бы заболѣть отъ зависти. О немъ заботились наши женщины и чужія старушки; но... позаботиться о спящемъ безумцѣ, который уже свалился на полъ и лежалъ, какъ убитый, некому было, кромѣ моей матери. Вопросъ, гдѣ его помѣстить на ночь, былъ нѣсколько разъ обсуждаемъ ею то съ Семеномъ, то съ Аксютой, то съ Логинымъ. Рѣшили наконецъ постлать въ залѣ на полу тюфякъ, перенести и уложить его, не тушить стѣнной лампы до утра, дополнивъ ее масломъ, на всякій случай положить въ ногахъ спящаго

его плащъ, картузъ, зонтикъ и оставить его такимъ образомъ въ покоѣ. Такъ и сдѣлали; при этомъ не могу не замѣтить, что Аксюта принесла для него ту самую подушку, на которой умерла Константиновна. Я видѣлъ, какъ, въ безчувственномъ положеніи, со свѣсившимися назадъ волосами, перенесли его изъ столовой въ залу, опустили голову его на эту подушку и покрыли ноги его байковымъ одѣяломъ, причемъ Семенъ не утерпѣлъ и выругалъ его: «принесъ же его чортъ въ такое время! и безъ него хлопотъ немало, а тутъ еще съ нимъ возись, чортъ эдакій!»

Что̀ еще сказать въ заключеніе этого дня? Мать моя такъ утомилась нравственно и физически, что рано, около девяти часовъ, простилась со мной и отправилась къ себѣ въ спальню, а я, собираясь спать, засталъ Фреймана за письменнымъ столомъ и, вѣроятно, за письмомъ къ своему другу, въ которомъ онъ, съ сантиментальной точки зрѣнія, описывалъ ему петербургское наводненіе.

Взобравшись на свою кровать, долго не могъ я заснуть: вой бури, городъ въ волнахъ, обломки, мужикъ на фонарѣ, лодки на улицахъ, мертвое лицо старухи, невѣста съ голыми плечами и мокрымъ подоломъ, наконецъ, какой-то сумасшедшій, спящій отъ меня черезъ коридоръ,—все это безпрестанно рисовалось и видоизмѣнялось въ моемъ воображеніи; помню, какъ я босой вдругъ выскочилъ изъ-подъ одѣяла, подбѣжалъ къ двери и заперъ ее на задвижку.

— Э! что̀ вы тамъ... was machen Sie?—заворчалъ Фрейманъ, не оборачиваясь.

Ничего не отвѣчая, я опять прыгнулъ въ кровать свою.

А зачѣмъ, вопросъ, я заперъ дверь? Затѣмъ, отвѣтъ, что я самъ въ это время былъ какъ бы не въ своемъ умѣ. Ну, что, вообразилось мнѣ, если ночью проснется этотъ сумасшедшій, да забѣжитъ ко мнѣ въ комнату, да начнетъ кусать меня,—а?! Но и затѣмъ я не успокоился.—А что, если, продолжалъ я фантазировать, мать моя да позабыла запереть свою спальню, а онъ ночью заберется къ ней и задушитъ, или перекуситъ ей горло, или... И страшныя картины одна за другой безпрестанно слагались въ утомленномъ мозгу моемъ и долго тревожили меня, прежде чѣмъ я заснулъ съ молитвой на губахъ...

ХОЛЕРНЫЙ БУНТЪ 1831 г.

(Изъ сочиненія „Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе").

Съ 14-го іюня (1831 г.) въ Петербургѣ открылась холера, которая черезъ нѣсколько дней приняла угрожающіе размѣры. Страшная болѣзнь привела въ трепетъ всѣ классы населенія и въ особенности простонародье, которое всѣ мѣры для охраненія его здоровья, усиленный полицейскій надзоръ, оцѣпленіе города и даже уходъ за пораженными холерою въ больницахъ начало считать преднамѣреннымъ отравленіемъ. Стали

собираться въ скопища, останавливать на улицахъ иностранцевъ, обыскивать ихъ для открытія носимаго при себѣ мнимаго яда, гласно обвинять врачей въ отравленіи народа. Напослѣдокъ, 22-го іюня, чернь, возбуждаемая толками и подозрѣніями, столпилась на Сѣнной площади и, посреди многихъ другихъ безчинствъ, бросилась съ яростію разсвирѣпѣвшаго звѣря на домъ, въ которомъ была устроена временная больница. Всѣ этажи въ одну минуту наполнились этими бѣшеными, которые разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больныхъ, приколотили до полусмерти больничную прислугу и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ умертвили нѣсколькихъ врачей. Полицейскіе чины, со всѣхъ сторонъ тѣснимые, попрятались или ходили между толпами переодѣтыми, не смѣя употребить своей власти. Наконецъ, военный генералъ-губернаторъ, графъ Эссенъ, показавшійся среди сборища, равномѣрно не успѣлъ возстановить порядокъ и также долженъ былъ укрыться отъ изступленной толпы. Въ недоумѣніи, что̀ предпринять, городское начальство собралось у графа Эссена, куда прибылъ и командовавшій въ Петербургѣ гвардейскими войсками князь Васильчиковъ. Послѣ предварительнаго совѣщанія послѣдній привелъ на Сѣнную площадь батальонъ Семеновскаго полка съ барабаннымъ боемъ. Это хотя и заставило народъ разойтись съ площади въ боковыя улицы, но нисколько его не усмирило и не заставило образумиться. Въ ночь волненіе нѣсколько стихло, но все еще городъ былъ далекъ отъ обыкновеннаго порядка.

Князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ пишетъ: «Принуждены были двинуть войска, которыя, не видя государя, показали недовѣріе къ начальству, но магическое для русскихъ слово все перемѣнило. Графъ Закревскій сказалъ, что поляки подбиваютъ народъ, и мигомъ преображенцы зарядили ружья. 23-го іюня государь поѣхалъ въ Петербургъ водою, на пароходѣ «Ижора», взялъ меня и доктора Арендта; мы пристали къ Елагину острову, который запертъ для охраненія отъ холеры. Здѣсь государь узналъ о положеніи города отъ военнаго генералъ-губернатора и другихъ лицъ, призванныхъ для свиданія и объясненія. Сѣлъ въ коляску и, взявъ меня съ собою, отправился на Преображенское парадное мѣсто, гдѣ лагеремъ стоялъ батальонъ сего полка. Государь объявилъ имъ, что есть злоумышленные люди, подбивающіе народъ къ безпокойству, что войска вчера возстановили порядокъ, что онъ войска благодаритъ и увѣренъ, что впредь такъ же будутъ дѣйствовать. Солдаты отвѣчали восклицаніями преданности и крикомъ «ура!». Государь проѣхалъ на Сѣнную площадь, гдѣ собрано было до 5.000 народу. Вставъ среди коляски и обратившись къ толпѣ, государь сказалъ:

«— Вчера учинены были злодѣйства, общій порядокъ былъ нарушенъ. Стыдно народу русскому, забывъ вѣру отцовъ своихъ, подражать буйству французовъ и поляковъ; они васъ подучаютъ. Ловите ихъ, представляйте подозрительныхъ начальству; но здѣсь учинено злодѣйство, здѣсь прогнѣвали мы Бога,—обратимся къ церкви, на колѣни, и просите у Всемогущаго прощенія!

«Вся площадь стала на колѣни и съ умиленіемъ крестилась, и государь тоже. Были слышны нѣкоторыя восклицанія:

«— Согрѣшили, окаянные!

«Продолжая потомъ рѣчь свою къ народу, государь объявилъ толпѣ, что, «клявшись передъ Богомъ охранять благоденствіе ввѣреннаго ему Промысломъ народа, онъ отвѣчаетъ передъ Богомъ и за безпорядки, а потому онъ ихъ не попуститъ»,—повторяя еще: «самъ лягу, но не попущу, и горе ослушникамъ!»

«Въ это время нѣсколько человѣкъ возвысили голосъ. Государь воскликнулъ къ народу:

«— До кого вы добираетесь, кого вы хотите, меня ли? Я никого не страшусь, вотъ я! (Показываетъ на свою грудь.)

«Народъ въ восторгѣ и слезахъ кричалъ «ура!». Послѣ сего государь поцѣловалъ одного старика изъ народа и воротился на Елагинъ и въ Петергофъ»... Порядокъ былъ возстановленъ.

На Гнаенджикъ!

Письмо изъ отряда за Кубанью.

(Къ исторіи покоренія Кавказа.)

Октября 24-го дня, 1834 года.
Берегъ Чернаго моря.

Ура, мы на Гиленджикѣ! Мы штыками проторили дорогу отъ Кубани до Чернаго моря, сквозь неприступныя доселѣ ущелья, чрезъ подоблачные хребты, подъ градомъ пуль и стрѣлъ, и камней, и картечей!

Могучее слово Николая набросило намъ мостъ на пропасти, сгладило горы въ уровень. Великая мысль увѣнчалась великимъ исполненіемъ: безстрашный вождь нашъ наступилъ твердой стопою на гнѣздо самыхъ дерзкихъ и воинственныхъ грабителей Черноморья. Построивъ регулярную крѣпость на рѣкѣ Абинѣ, въ сорока верстахъ отъ Кубани, генералъ Вельяминовъ двинулся изъ лагеря по Абинскому ущелью съ 6000 войска, съ 28 ору-

діями и со всѣмъ боевымъ обозомъ въ пять часовъ утра, 10-го октября.

Казалось, сама природа пошла на брань за горцевъ и хотѣла отстранить насъ непогодою отъ желанія итти далѣе. Бурный ливень съ градомъ и вихремъ билъ прямо въ глаза до того, что кони подъ бичомъ упирались и обращались назадъ. Но такая буря, замедляя нашъ ходъ, помѣшала и сборищамъ и стрѣльбѣ черкесовъ. Мы прошли девять съ половиною верстъ съ неважными схватками. Авангардъ посланъ былъ впередъ для того, чтобы найти и взять завалъ (какъ извѣстно стало черезъ лазутчиковъ), устроенный на дорогѣ. Мы нашли этотъ огромный завалъ пустымъ и покинули въ пеплѣ. Дождь лилъ волною всю ночь; солдаты всю ночь напролетъ толпились вокругъ бивачныхъ костровъ.

На утро блеснуло солнце, и съ первымъ лучомъ его завязалось жаркое авангардное дѣло. Горцы, какъ змѣи, ползли со всѣхъ крутинъ и съ шашками кидались на нашихъ стрѣлковъ, но въ полчаса были выбиты изъ лѣсу штыками, развѣяны пушками съ полянъ, и мы по ихъ трупамъ, по тропамъ, залитымъ кровью, двинулись впередъ, вездѣ встрѣчаемые убійственнымъ свинцомъ, вездѣ сметая непріятеля долой съ утесовъ. Тяжко стонали горы отъ пальбы, отъ кликовъ битвы; всѣ ущелья дышали на насъ дымомъ и пламенемъ зажженныхъ врагами ауловъ, сѣна и проса: точно самъ адъ вырвался на землю. Павшій мракъ разлучилъ сражающихся. Мы ночевали на оружіи у воротъ въ тѣснину, при сліяніи рѣкъ Абина и Атаквафа.

Трудны были два предшедшіе дня, но разсвѣтъ оказалъ, что это были цвѣтки въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ насъ ожидало. Конная тропинка, часто пересѣкающая ложе Атаквафа, исчезала въ дремучемъ лѣсу. Грозныя скалы, заросшія колючкой, изрытыя потоками, недоступныя взору, не только стопѣ воина, вздымались справа и слѣва, и всѣ гребни были усѣяны, всѣ засады полны врагами, горящими жаждою мести и отличія, поклявшимися умереть, не пуская русскихъ впередъ. Но что̀ невозможно для русскихъ, предводимыхъ Вельяминовымъ? Звонъ топоровъ слился съ громомъ выстрѣловъ. Медленно подвигались мы впередъ, просѣкая и разрывая дорогу по дну ущелья, покупая боемъ каждую пядь земли, и боемъ равнаго оружія, ибо артиллерія не могла досягать на гребни; со всѣмъ тѣмъ мы подвигались. Кровь лилась съ обѣихъ сторонъ, остервененіе черкесовъ и мужество русскихъ росли. Стрѣлковыя цѣпи наши карабкались по обрыву за корни деревъ, встрѣчая на каждомъ шагу засѣки и засады; стрѣлялись въ упоръ, дрались въ рукопашную. Раненые катились внизъ колесомъ, убитые стремглавъ падали въ пропасть. Наконецъ условный бой барабановъ съ обѣихъ высотъ возвѣстилъ авангарду, что на дорогѣ видѣнъ завалъ, а залпъ, встрѣчу намъ посланный, доказалъ это. Въ одинъ мигъ онъ былъ обойденъ и взятъ на ура; въ одну минуту разломанъ и срытъ съ корня. И вотъ передъ нами по крутой, голой скалѣ открылась конная тропинка; но раздалось: «саперы впередъ!» и черезъ два часа вырубленная въ крѣпкомъ камнѣ дорога разостлалась подъ

обозъ широкимъ и пологимъ спускомъ, хоть сейчасъ перенести на московское шоссе. А между тѣмъ, непріятель не переставалъ дерзко напирать на авангардъ и арьергардъ. Съ неприступныхъ вершинъ порой летѣли картечи изъ ихъ орудій. Многіе стрѣлки были ранены каменьями и стрѣлами. Ужъ давно была ночь, когда мы стали, совершивъ пять верстъ пути. Переправа обоза черезъ Атаквафъ, по скользкому каменному дну, стоила невѣроятныхъ трудовъ и длилась за полночь.

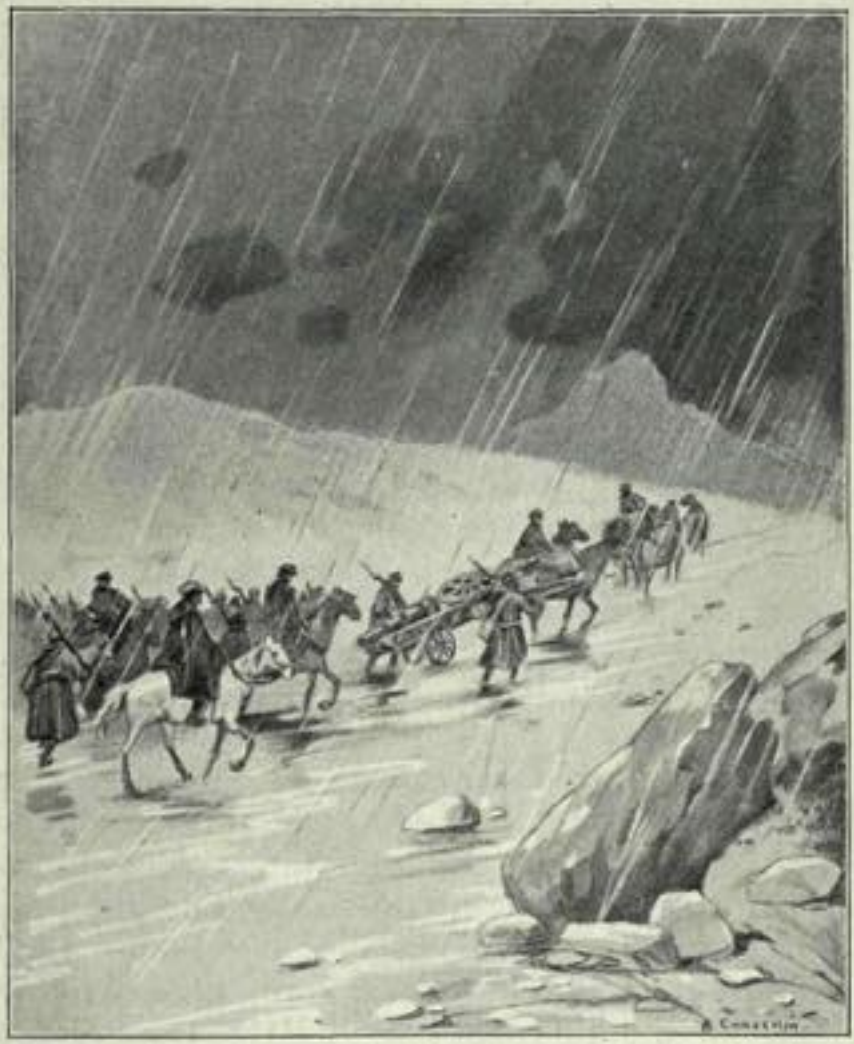
Разсвѣлъ четвертый день. Перестрѣлка, будто эхо, отвѣтила на звонъ заревыхъ роговъ. Мы поднялись, и чѣмъ далѣе, тѣмъ непроходимѣе становилось ущелье. Горы сходились, будто грозя удушить насъ; лѣсъ заплеталъ дорогу терномъ. Мы должны были прорубаться сквозь чащу, срывать и заваливать спуски въ плитнякѣ, а между тѣмъ жаркій бой кипѣлъ кругомъ. «Ура» заглушало гиканье враговъ, ревъ артиллеріи покрывалъ перестрѣлку; но чуть минутный отдыхъ прерывалъ битву, удалыя русскія пѣсни застрѣльщиковъ гремѣли по утесамъ Кавказа: смертный пиръ былъ у насъ не безъ гимновъ. Скажите, не весело ли драться и умирать впереди такихъ солдатъ! *).

Такъ достигли мы до глубокаго котла, образованнаго перекресткомъ многихъ ущелій, въ ложѣ полуиссякшей рѣчки Шадо-гопсъ. Устроивъ на гребняхъ высотъ засѣки, мы стѣснились бивуаками у подножія хребта Маркочъ, раздѣляющаго насъ отъ приморья. Тяжелъ

*) Черезъ три года писавшій это самъ погибъ въ одномъ изъ такихъ походовъ.

былъ горцамъ этотъ день пораженіями, не даромъ обошлась и намъ побѣда. Миръ павшимъ! Здравіе пролившимъ кровь свою!..

На утро 14-го октября, разогнавъ гранатами съ окрестныхъ высотъ скопляющихся непріятелей, генералъ Вельяминовъ съ четырьмя батальонами пѣхоты и со всѣми вьючными лошадьми, на которыхъ посадили 70 раненыхъ, выступилъ на гору для развѣдки остальной дороги въ Гиленджикъ. Вообразите себѣ огромную сахарную голову, изрытую вдоль и поперекъ глубокими лѣсистыми стремнинами: вотъ гора, на которую должно было намъ взобраться. Изо всѣхъ овраговъ на перекрестъ свистѣли пули, со всѣхъ вершинъ катили на насъ каменья; но, несмотря на это, несмотря на ужасную крутизну, мы въ два часа пути были уже на темѣ высочайшей изъ горъ поморья, и вотъ безграничное море со своими заливами, со своими зелеными, голубыми водами развилось панорамою подъ нашимъ взоромъ. Ярко блистало солнце, гордо плавалъ надъ нами орелъ и, казалось, любовался на новыхъ братьевъ своихъ... Какой-то безотчетный восторгъ овладѣлъ всѣми; войска кричали «ура!» вождю своему, знамена шумѣли славу русскому государю. Каждый чувствовалъ, что Термопилы уже назади, что цѣль близка, что онъ свершилъ исполинскій подвигъ. О, это было великолѣпно, это было величественно, это было отрадно русскому сердцу! Въ такія минуты забывались всѣ минувшіе труды, всѣ будущія опасности. Командующій войсками возвратился съ двумя батальонами къ лагерю, чтобы съ утра начать разработку дороги черезъ

Бурный ливень съ градомъ и вихремъ билъ прямо въ глаза.

хребетъ Маркочъ,—предпріятіе, которое не ужаснуло лишь его, которое не одни горцы считали баснею. Мы же съ другими двумя батальонами и двумя горными орудіями, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Малиновскаго, спустились по крутому склону горы къ поморью противъ Суджукской бухты, и къ восьми часамъ вечера, съ легкою перестрѣлкою, достигли желанной цѣли, т.-е. крѣпости Гиленджика, гдѣ были встрѣчены гарнизономъ какъ братья, гдѣ мы нашли пріютъ и ласку, а наши раненые пособіе и покой...

Октября 16-го, поднявъ на вьюкахъ пятидневный провіантъ для всего отряда и взявъ изъ Гиленджика два батальона, слѣдующіе по переформировкѣ къ Тенгинскому и Навагинскому полкамъ, да одинъ линейный Черноморскій, мы поднялись на гору и въ тотъ же день присоединились къ отряду. Гранаты горныхъ единороговъ держали непріятелей въ почтительномъ разстояніи...

22-го, сквозь тучи, летящія подъ ногами, колонна стала спускаться. Непріятели съ дальнихъ вершинъ съ отчаяніемъ глядѣли на нашъ торжественный ходъ. Генералъ Вельяминовъ, спустивъ при себѣ обозъ до полугоры, поручилъ окончаніе генералъ-лейтенанту Малиновскому, а самъ, опередивъ отрядъ, къ ночи прибылъ въ Гиленджикъ. Войска со всею артиллеріею и тяжестями пришли на другой день въ два часа пополудни и стали бивуакомъ на эспланадѣ. Тихая доселѣ крѣпостца превратилась въ шумный станъ... Вездѣ веселыя толпы солдатъ и казаковъ, вереницы коней. Земля дымится огня-

ми; по заливу снуютъ взадъ и впередъ ялики съ любопытными гостями военныхъ судовъ, гордо зыблющихся на якорѣ. Все дышитъ военною беззаботностью, все радуется краткому отдыху послѣ суворовскихъ трудовъ, а между тѣмъ все готовится къ новымъ подвигамъ, къ новымъ битвамъ. Черезъ два дня опять въ горы, опять подъ пули.—Но о томъ потомъ. Вашъ и пр. *Александръ Марлинскій.*

Дѣти, жившія въ окопахъ Севастополя въ 1854 году, воспитались войной, сроднились съ опасностью, вскормлены были нуждою, взлелѣяны были лишеніями.

Севастополь сдѣлался разсадникомъ героевъ большихъ и маленькихъ.

Невозможно умолчать о дѣтяхъ. Подъ градомъ вражьихъ пуль, по нѣскольку разъ въ день бѣгали они къ своимъ близкимъ, къ отцу, дѣду, брату, на бастіоны. То снесетъ поѣсть, то выпить, то чистую рубашку, то тулупъ или починенные сапоги. Юнги Черноморскаго флота, тринадцати—пятнадцати лѣтъ, работали наравнѣ съ матросами и были награждены медалями, а нѣкоторые и георгіевскими крестами. Иной мальчуганъ изъ жителей Севастополя, лѣтъ десяти—двѣнадцати, цѣлый день работаетъ весломъ на яликѣ, перевозя за маленькую плату съ одного берега бухты на другой. Около него то вдругъ лопнетъ бомба надъ бухтой, и осколки, падая, вспѣнятъ воду, то сама злая гостья захлебнется водой. Мальчуганъ сниметъ шапку и перекрестится, какъ при ударѣ молніи. Его глаза выразятъ испугъ, а иногда и удивленіе... Вотъ грянула страшнымъ грохотомъ ракета, и ея желѣзная гильза скользитъ по водной зыби, какъ морской баснословный змѣй, грозя смертью. Нашъ мальчикъ изо всѣхъ своихъ, еще слабыхъ силъ старается убѣжать отъ него, налегая на весла.

Послѣ перваго бомбардированія Севастополя морское начальство приказало собирать непріятельскіе снаряды и сносить ихъ въ назначенныя мѣста, назначивъ за каждый снарядъ по копейкѣ. Сначала этимъ дѣломъ занялись солдаты, но вскорѣ уступили этотъ заработокъ ребятишкамъ.

— Ишь, стараются малыши!.. Поди, отъ земли не видно, а какое ядро катитъ,—удивлялись солдаты.

— Пущай,—имъ на хлѣбъ... До того ли намъ...

— Ну, герои!.. Ишь, что̀ дѣлаютъ...

И солдаты совершенно отступились ради ребятъ. И надо было видѣть, что за сцены тамъ происходили! Изъподъ самыхъ батарей, несмотря на частый непріятельскій огонь, цѣлыя артели мальчишекъ съ утра до глубокой ночи таскали ядра; кому не по силамъ нести ядро въ рукахъ—катитъ его по землѣ; другіе вдвоемъ тащатъ его въ мѣшочкѣ; иные везутъ два-три ядра въ маленькой телѣжкѣ; глядишь, въ такую телѣжку впряглась и дѣвчонка, сама немножко больше ядра. Эта доставка снарядовъ была похожа на работу муравьевъ въ муравейникѣ, и всѣхъ забавляла.

Однажды къ генералу Хрулеву солдаты привели мальчика лѣтъ десяти, босого, дрожавшаго и перепуганнаго.

— Этотъ мальчишка, ваше превосходительство, подрядъ секретный взялъ,—докладывали солдаты.

— Какой же ты взялъ подрядъ?—спросилъ его генералъ.

— Ядра ношу отъ рогатки къ Камчатскому люнету.

Мальчику приходилось бѣгать болѣе полуверсты подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ; на этомъ пространствѣ не только ежеминутно носились артиллерійскіе снаряды, но и, какъ назойливыя пчелы, жужжали штуцерныя пули. Каково было двигаться тутъ съ тридцатишести-фунтовымъ ядромъ!

— Много ли же ты стащилъ сегодня ядеръ?—спросилъ его генералъ.

— Тридцать.

— Сколько же ты за это получилъ?

— Тридцать копеекъ.

— Что же ты на нихъ сдѣлаешь?

— Брату и себѣ сбитню горячаго куплю. Станемъ пить.

Генералъ улыбнулся и снова спросилъ:

— Ну, отчего же ты босой?

— Легче назадъ бѣжать, ваше превосходительство, какъ ядро отнесешь.

Генералъ обласкалъ мальчика, погладилъ его по головѣ. Офицеры дали ему денегъ.

Успокоенный мальчуганъ набрался смѣлости и попросилъ:

— Дозвольте, ваше превосходительство, ядра носить.

— Носи, молодецъ!

Мальчуганъ умчался такъ быстро, что только его босыя пятки замелькали.

Очень часто помощь дѣтей была гораздо важнѣе и дѣйствительнѣе. Были такіе герои, которые и въ пылу боя не хотѣли разставаться со своими отцами и даже заступали ихъ мѣсто, когда ихъ убивало непріятельское ядро.

На пятомъ бастіонѣ былъ общій любимецъ—Николай Пащенко, десятилѣтній сынъ артиллериста. Отецъ его былъ комендоромъ, т.-е. наводилъ пушки. Мальчикъ смѣло и лихо прислуживалъ ему. Прилетѣло ядро и убило коменднра. Мальчикъ съ горькими слезами простился съ отцомъ и бросился къ пушкѣ. Онъ сталъ на мѣсто отца

Иные везутъ два-три ядра въ маленькой тельжкѣ.

и мѣтко наводилъ маленькія мортиры. Онъ горѣлъ желаніемъ отомстить врагу за смерть отца. За подвиги Николай Пащенко былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ.

Въ самомъ началѣ осады другой мальчикъ, сынъ матроса, Кузьма Горбаньевъ, явился на четвертый бастіонъ и сталъ проситься служить при пушкахъ.

— Куда тебѣ, такому маленькому, на бастіонъ!— сказалъ командиръ.

— Ваше благородіе, возьмите... Я не маленькій, мнѣ уже четырнадцатый годъ,—умолялъ мальчикъ.

— Ты только другимъ станешь мѣшать, а пользы не сдѣлаешь,—возразилъ командиръ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе,—отвѣчалъ мальчикъ.—Намъ это дѣло привычно. Мы съ малолѣтства около пушекъ.

— А если тебя убьютъ или ранятъ? Развѣ ты не боишься?

— Богъ не безъ милости, ваше благородіе. Можетъ, и не убьютъ... А коли убьютъ, что же,—воля Божья.

Маленькій храбрецъ былъ принятъ на бастіонъ. Онъ оказался славнымъ и усерднымъ помощникомъ и сильно привязался къ своему бастіону. Мальчикъ былъ серьезно раненъ въ ногу и отнесенъ на перевязочный пунктъ. Сдѣлавъ перевязку, докторъ велѣлъ ему итти и лечь въ лазаретъ. Но смѣлый мальчуганъ убѣжалъ опять на свой бастіонъ помогать морякамъ и ни за что не хотѣлъ итти въ лазаретъ.

Другой юный герой, двѣнадцатилѣтній сынъ матроса, Максимъ Рыбаченко, сначала собиралъ съ другими ребя-

тишками непріятельскія ядра въ оврагахъ и на поляхъ и приносилъ ихъ на бастіонъ. Офицеры и матросы всегда шутили съ веселымъ, быстроглазымъ мальчуганомъ.

— Ты бы лучше на службу къ намъ шелъ, пріятель.

— Дозвольте... Я останусь... Я шибко хочу воевать,— отвѣчалъ шустрый мальчуганъ.

— Тутъ у насъ страшно... Бомбы да пули летаютъ...

— Я ихъ ничуть не боюсь, дядюшка... Одна меня и то едва не зацѣпила... Я убѣгъ отъ нея.

— Ну, пріятель, коли она зацѣпитъ, такъ не убѣжишь,—смѣялись солдаты.

Съ тѣхъ поръ мальчуганъ, являясь, настойчиво просился на бастіонъ. И обрадовался же онъ, когда ему однажды позволили остаться. Бывали дни, когда ядра и бомбы то и дѣло посѣщали бастіонъ, разрывались, убивали бравыхъ матросовъ, а Рыбаченко все безстрашно помогалъ «дядюшкамъ», возился около пушекъ и въ глаза смотрѣлъ, чтобы только всѣмъ услужить. Онъ былъ любимое дитя всего бастіона. Храбрый мальчикъ тоже былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ.

Дѣти въ то время въ Севастополѣ только и знали одну игру—въ войну. На всякой площадкѣ были построены маленькія батареи, обведенныя траншеями; вмѣсто флага развѣвался кусокъ красной тряпки; вмѣсто пушекъ поставлены были бревешки. Круглые комки грязи служили ядрами; горсть мелкихъ камешковъ, облѣпленныхъ глиною, съ успѣхомъ замѣняла бомбу, особенно если разбивалась о головы осаждающихъ удальцовъ. Штурмы назначались ежедневно то въ одномъ, то въ

другомъ углу слободы, и къ назначенному мѣсту стекались ребятишки со всего околотка. Начиналась правильная осада. Воины строили батареи, вели траншеи. Начиналось бомбардированіе. Осажденные дѣлали вылазки, давали полевыя сраженія—на-кулачки. Бывали дни жестокаго бомбардированія, осаждающіе съ крикомъ «ура!» брали крѣпость. Очень часто ребятишки, раздѣлившись на двѣ партіи, изъ-за канавокъ, изображающихъ траншеи, бросали другъ въ друга начиненныя порохомъ бабки. Вставленный внутрь фитиль производилъ разрывъ незатѣйливаго снаряда; осколки кости, разлетаясь, до крови ушибали маленькихъ героевъ.

— Егорка раненъ... Братцы, Егорка раненъ!—кричала толпа мальчишекъ, окружая товарища, на щекѣ котораго видиѣлась кровь.

Раненаго тащили на воображаемый перевязочный пунктъ, гдѣ дѣвочки, въ роли сестеръ милосердія, обвязывали Егорку тряпками.

Кромѣ приступовъ, дѣти иногда разыгрывали цѣлыя сраженія. Въ особенномъ ходу было Синопское и Инкерманское. Храбрѣйшему изъ мальчугановъ давали имя Нахимова. Онъ руководилъ боемъ. Часто подобные примѣрные бои оканчивались дѣйствительной дракой: одному носъ разобьютъ, другому фонарей наставятъ или лобъ раскроятъ. Однажды подобное сраженіе, а именно Синопское, кончилось тѣмъ, что тяжело и опасно разбили голову маленькому мальчугану. Въ знаменитое дѣло вступилась полиція. Разумѣется, «Нахимовъ» и кто былъ помолодцеватѣе удрали. Въ руки десятскихъ достались

четыре «турка» и дѣвочка лѣтъ восьми. Всѣхъ ихъ отвели къ частному. Рѣшено было всѣмъ отпустить розогъ, чтобы не затѣвали сраженій. Приговоръ немедленно исполнили надъ «турками». Дошла очередь до дѣвочки.

— Я не дралась, баринъ, ваше благородіе!—кричала и рыдала дѣвочка.—Помилуйте! Я вѣдь не дралась!

— Врешь! Всѣ вы тамъ были.

— Нѣтъ, помилуйте, мы-то не были! Спросите всѣхъ. Всѣ скажутъ, что не были. Я не дралась. Я была Корниловъ. Мы съ пароходами оставались...

Маленькаго Корнилова помиловали.

Осада производила такое глубокое впечатлѣніе на дѣтей, что они больше ни о чемъ не говорили, какъ о войнѣ. Слово «трусъ» считалось самымъ браннымъ и оскорбительнымъ.

Много дѣтей осиротѣло во время этой войны. Много было убито, ранено...

Одна старушка, торговка на базарѣ, пріютила троихъ крошечныхъ сиротъ. Отца-моряка убили. Вдругъ на базарѣ лопнула бомба и убила старуху. Дѣти опять осиротѣли.

Бывали и такіе случаи: упадетъ бомба на улицѣ, сдѣлаетъ рикошетъ, подхватитъ ребенка и разбросаетъ кругомъ его маленькіе члены.

Однажды бросило бомбу среди игравшихъ ребятъ. Ребятишки подбѣжали и стали бросать въ нее камешки. Бомба разорвалась и всѣхъ ихъ убила.

На перевязочныхъ пунктахъ частенько можно было встрѣтить и женщинъ и дѣтей.

— Гдѣ тебя, тетушка, ранило? На бастіонѣ?—спросила какъ-то сестра милосердія пожилую женщину, лежавшую на лазаретной койкѣ.

— Дома, сестрица. Дома, осколкомъ черезъ окно. Я на бастіонъ не хаживала. Да я что!.. Пожила... Сынишку жаль!.. Всѣ черевы вывернуло... Помретъ, пожалуй.

И женщина, указавъ на койку рядомъ, залилась горькими слезами.

Около нея, дѣйствительно, лежалъ, едва переводя духъ, худощавый, блѣдный, какъ смерть, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати.

— Не плачь, тетка... Богъ милостивъ. Ты только попроси Пирогова «перацію» ему сдѣлать. Останется живъ твой мальчонка,—утѣшаетъ ее близлежащій солдатикъ съ повязанной головой.

Въ неподвижныхъ глазахъ ребенка уже виднѣлась смерть, и никакое искусство Пирогова не могло уже ему помочь.

Кровь невинныхъ жертвъ этой чудовищной борьбы взывала къ Небу.

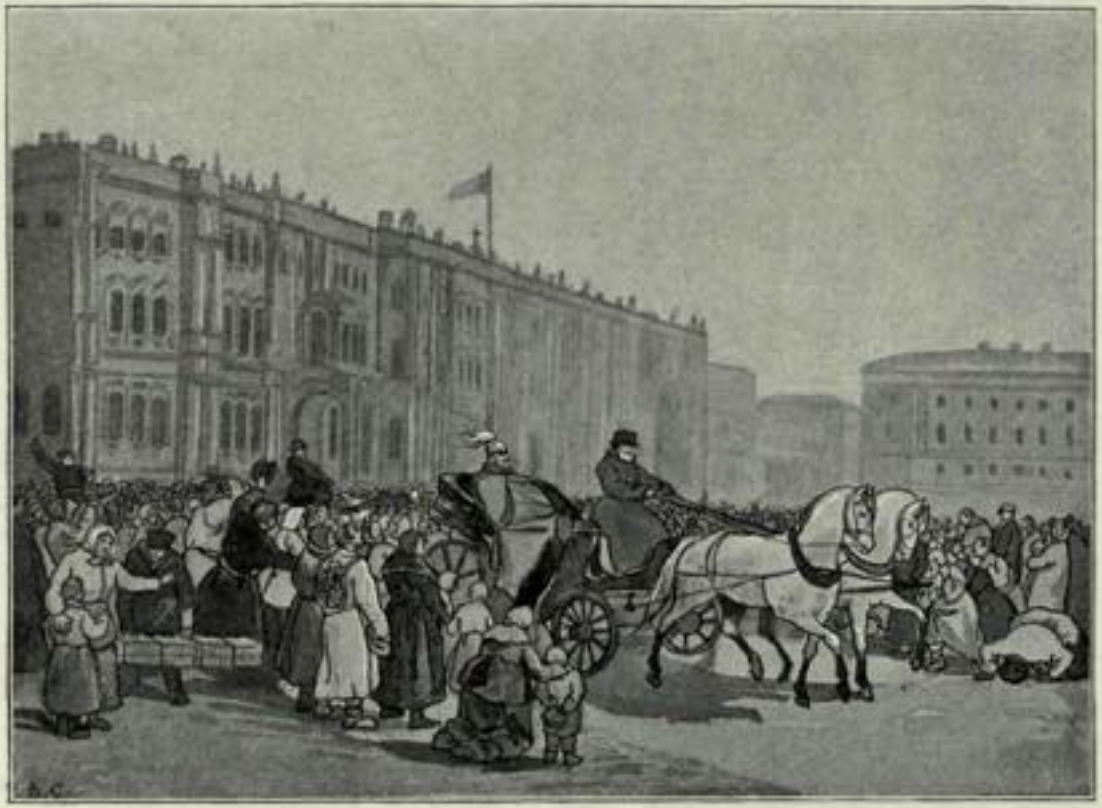
Великіе дни 19 февраля и 5 марта 1861 г.

(Отрывокъ.)

Государственный Совѣтъ исполнилъ волю Царя-Освободителя,—и вотъ 19-го февраля 1861 года, полвѣка тому назадъ, государь подписалъ свой манифестъ, и на Руси насталъ праздникъ.

Манифестъ подписанъ былъ 19-го февраля 1861 года, но напечатаніе его въ милліонахъ оттисковъ, для разсылки по всѣмъ концамъ нашей обширной родины, заняло довольно значительное время, и потому обнародованъ былъ манифестъ въ Петербургѣ и Москвѣ лишь 5-го марта, а во всей Россіи въ разное время, вслѣдствіе громадныхъ разстояній и отсутствія у насъ тогда желѣзныхъ дорогъ.

5-ое марта! И теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, я со слезами на глазахъ, какъ и тогда, вспоминаю этотъ радостный и великій день, когда обѣ столицы въ одинъ часъ и день услышали радостную вѣсть, и народъ гу-

Государь прослѣдовалъ къ Лѣтнему саду, радостно встрѣчаемый народомъ.

стыми толпами, по древнему и славному русскому обычаю, двинулся прежде всего въ храмы Божіи, благодарить Спасителя и молить Его о здравіи и благоденствіи Царя-Освободителя. Изъ столицъ радостная вѣсть волною разливалась по всей матушкѣ Россіи, и не было города, села, деревни или выселка, гдѣ, по полученіи манифеста, не проливались бы слезы радости послѣ чтенія его въ церкви съ амвона священникомъ, или просто грамотнымъ односельчаниномъ. Но, по словамъ самого царя, самымъ счастливымъ человѣкомъ въ эти дни въ Россіи былъ именно виновникъ общей радости, самъ Царь-Освободитель.

Въ открытомъ экипажѣ государь направился сперва къ манежу, гдѣ среди своихъ преданныхъ войскъ самъ прочелъ манифестъ. Выходъ государя изъ манежа ожидалъ народъ, который, увидя государя, умиленно и со слезами на глазахъ, восторженно привѣтствовалъ своего Царя-Освободителя. Государь лично объявилъ и здѣсь привѣтствовавшему его народу о дарованной волѣ.

Счастливый и преисполненный радостью государь прослѣдовалъ съ Манежной площади къ Лѣтнему саду, радостно встрѣчаемый народомъ, благословлявшимъ своего освободителя.

Церкви въ этотъ день были переполнены молящимися.

Вотъ какъ одинъ изъ очевидцевъ описываетъ этотъ день:

«Было 5-ое марта 1861 года, которое пришлось какъ

разъ наканунѣ Великаго поста—«прощеное воскресенье». Вмѣстѣ съ товарищемъ мы вышли на улицу посмотрѣть, какъ поведетъ себя народъ. Погода стояла ясная и мягкая; чувствовалось первое дуновеніе весны. На углахъ тамъ и сямъ толпились кучки любопытныхъ съ поднятыми къ верху лицами, на стѣнахъ домовъ былъ расклеенъ манифестъ, и одинъ изъ толпы читалъ его вслухъ другимъ... «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ»... и прочее. Всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ и съ видимымъ благоговѣніемъ.

— Читаютъ его теперь вѣдь съ амвона и во всѣхъ церквахъ,—сказалъ мнѣ товарищъ;—не пойти ли намъ въ Исаакіевскій соборъ? А оттуда отправимся на Царицынъ лугъ, гдѣ масляничное гулянье.

Мы отправились къ Исаакію, но къ чтенію самого манифеста, къ сожалѣнію, опоздали. Зато мы слышали мѣсто изъ посланія къ римлянамъ, какъ нельзя болѣе отвѣчающее знаменательному дню: «Братіе! Нощь убо прейде, а день приближается, отложимъ убо дѣла темныя и облечемся въ оружіе свѣта».

На Царицыномъ лугу мы застали гулянье въ полномъ уже разгарѣ. Вся огромная площадь Марсова поля кипѣла празднично разряженнымъ людомъ, сквозь который едва можно было пробраться. Но замѣчательная вещь: пьяныхъ на этотъ разъ совсѣмъ не было, точно народъ не желалъ запятнать никакими безобразіями лучезарный разсвѣтъ своей новой жизни, точно хотѣлъ

показать, что онъ достоинъ дарованной ему воли. Зато какимъ искреннимъ довольствомъ, какою беззавѣтною радостью свѣтились кругомъ всѣ лица!

Тутъ откуда-то издали донеслось «ура!» и, уже не умолкая, перекатывалось все ближе и ближе.

— Царь-Батюшка ѣдетъ! Освободитель нашъ!—раздались клики.

Вся необозримая масса народа ринулась ему навстрѣчу. Насъ съ товарищемъ подхватило, понесло неудержимо этой одушевленной волною одинаково настроенныхъ людей. Ногами почти не касаясь земли, мы очутились близъ той дороги, гдѣ долженъ былъ проѣхать царскій экипажъ. И вотъ поверхъ моря обнаженныхъ головъ показался въ открытой коляскѣ самъ виновникъ всеобщаго восторга... Въ отвѣтъ на оглушительное ликованіе освобожденныхъ имъ подданныхъ, государь непрерывно наклонялъ голову направо и налѣво и благородныя черты его сіяли безпредѣльнымъ счастьемъ.

— У-р-р-р-а!

На воздухъ вокругъ летали картузы и шапки; полетѣла и шапка товарища и моя фуражка...

Государь проѣхалъ далѣе, вмѣстѣ съ нимъ постепенно удалились и сопровождавшіе его клики; но тысячеголовое Марсово поле все еще не могло успокоиться отъ радости возбужденія, всѣ говорили въ одно время, чтобы подѣлиться впечатлѣніями.

Часа два, пожалуй, мы этакъ потолкались съ товарищемъ на Марсовомъ полѣ, прислушиваясь къ говору народному, послѣ чего съ тою же цѣлью повернули въ

Лѣтній садъ, гдѣ гуляющихъ было также большое множество.

Въ главной аллеѣ передъ нами шли два блестящихъ гвардейца и говорили тоже о государѣ.

— А всѣхъ счастливѣе, кажется, все-таки самъ государь: ты слышалъ вѣдь, какъ онъ давеча читалъ манифестъ въ манежѣ.

— Да, голосъ его дрожалъ отъ глубокаго волненія. По возвращеніи во дворецъ государь тотчасъ прошелъ къ своей любимицѣ, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, и, цѣлуя ее, сказалъ, что сегодняшній день— лучшій день его жизни.

Торжество 5-го марта въ Петербургѣ повторилось черезъ недѣлю, 12-го марта, въ день Православія, когда безъ всякаго приготовленія громадная толпа крестьянъ собралась на площади Зимняго Дворца благодарить государя за дарованную волю.

Депутація крестьянъ, о которой говоритъ очевидецъ, очень порадовала и успокоила государя. По словамъ другого очевидца, когда была принята эта депутація, изъ среды ея выступилъ старикъ-крестьянинъ, позамялся было сперва, но затѣмъ попросту высказалъ свои чувства:

— Мы, Батюшка, пришли къ Тебѣ, Великому Государю нашему, благодарить за великое благодѣяніе! Ходили мы въ Невскій, молебенъ служили, а теперь кланяемся Тебѣ, принесли хлѣбъ-соль да нашу вѣчную благодарность. Ты насъ отпустилъ на волю, и мы за Тебя молимъ Бога и будемъ молить всю жизнь, да и дѣти наши и внуки Тебя будутъ благословлять во вѣки.

А Ты не бойся, чтобы мы не умѣли себя держать. Знаемъ, что мы хоть вольные теперь, а обязаны долгъ свой исполнять. И будемъ, Батюшка, такъ вести дѣло, что Тебя не обидимъ—ничѣмъ Тебя не огорчимъ. Все будетъ въ порядкѣ, чтобы Тебѣ никогда не каяться, что Ты насъ волею подарилъ.

Государь былъ тронутъ именно простотою этого отвѣта и сказалъ:

— Будемте вмѣстѣ благодарить Бога, что Онъ сподобилъ Меня великаго счастья исполнить, наконецъ, давнишнее Мое задушевное желаніе и отца моего покойнаго, во всю его жизнь,—но ему Богъ не далъ дожить до этого дня. Въ васъ же я увѣренъ, что вы никогда не подадите повода Мнѣ раскаяться въ томъ, что Я для васъ съ Божіей помощью сдѣлалъ. Будемъ вмѣстѣ благодарить Бога.

Дружно отозвалась тогда вся Россія на радость Царя-Освободителя! Я живо помню эти великіе дни, но все же, чтобы освѣжить память свою, я собралъ всевозможные газеты, книги и отзывы очевидцевъ счастья царя и народа и теперь затрудняюсь, чьи слова привести, такъ много этихъ откликовъ, полныхъ горячаго и искренняго восторга. Радовался царь, придворные, дворяне, вѣрная царю армія, купечество, мѣщане, а народъ... народъ шелъ въ церкви, ибо чѣмъ же, какъ не молитвою къ Богу, могъ онъ отблагодарить царя за великую милость...

Одинъ изъ очевидцевъ именно 5-го марта въѣхалъ въ Москву, зная, что манифестъ объявленъ, и былъ въ первую минуту пораженъ, что не видѣлъ ликующаго, ве-

селящагося народа; но недоумѣніе его быстро объяснилось,—весь народъ былъ въ церквахъ, и онъ самъ прибавилъ потомъ въ запискахъ своихъ, что въ этотъ день въ храмахъ Божіихъ яблоку негдѣ было упасть... «Выйдя изъ церкви,—говоритъ онъ,—я похристосовался съ первымъ встрѣчнымъ, и тотъ, сіяющій, радостный отвѣтилъ ему: «во истину воскресъ»... По истинѣ Христосъ тогда воскресъ и, какъ поется въ Свѣтлую Христову утреню, въ день этотъ «и ненавидящіе простили» и «другъ друга обнимали»...

На одной фабрикѣ въ Москвѣ спѣшная работа была, а за прогулъ большія деньги хозяйка вычитала; но рабочіе пошли къ ней и предложили:

— Хоть за три дня вычти съ насъ да отпусти царскій свѣтлый день встрѣтить!..

Тотъ же очевидецъ разсказываетъ слѣдующее: Одинъ мужикъ везъ дрова на рынокъ и увидѣлъ большое объявленіе, прибитое на стѣнѣ.

— Что это такое?—спросилъ онъ.

Отвѣтили:

— Свобода.

Какъ стоялъ, такъ и упалъ крестьянинъ на колѣни, не глядя и на лужу, и началъ молиться и благодарить Бога.

Въ другомъ мѣстѣ, въ Москвѣ же, рабочіе числомъ около 300, прочтя манифестъ, бросились цѣловать его, потомъ обнимать другъ друга.

— Ну, ужъ и царь у насъ!—воскликнулъ одинъ изъ нихъ:—удалой!—какой день выбралъ, а? прощеный...

(Черты и сцены изъ жизни Скобелева въ турецкую войну 1877—1878 гг.)

I.

Меня лично Скобелевъ поражалъ изумительнымъ избыткомъ жизненности. Собственно говоря, я рѣшительно не могу понять, когда онъ отдыхалъ. Отмахавъ верстъ полтораста въ сѣдлѣ, карьеромъ, смѣнивъ и загнавъ при этомъ нѣсколько лошадей, онъ тотчасъ же принималъ донесенія, дѣлалъ массу распоряженій, требовавшихъ не утомленнаго ума, а быстроты и свѣжести соображеній,

уходилъ въ лагери узнать, что̀ варится въ котлахъ у солдатъ, мимоходомъ повѣрялъ аванпосты и, наконецъ, закончивъ все это,—или садился за книги, которыя онъ ухитрялся добывать при самыхъ невозможныхъ условіяхъ, и всегда серьезныя, требовавшія напряженія мысли,—или съ настойчивостью глубоко убѣжденнаго человѣка, которому дороги его мнѣнія, вступалъ въ споръ съ Куропаткинымъ, съ пріѣхавшимъ къ нему товарищемъ. Онъ приводилъ при этомъ въ доказательство высказаннаго имъ историческіе факты, поименовывалъ безошибочно цыфры, года и имена. Нельзя было этого, онъ являлся къ молодымъ офицерамъ и подъ видомъ шутки начиналъ учить ихъ тому или другому таинству военнаго дѣла... Это не былъ сухой умъ, весь ушедшій въ свое дѣло. Напротивъ—и тутъ избытокъ жизненности выручалъ его. Я думаю, всѣ близкіе ему люди помнятъ обѣды у Михаила Дмитріевича, гдѣ онъ развертывался весь въ тѣсномъ кружкѣ товарищей, умѣя отзываться на серьезный вопросъ серьезно, на шутку шуткой, занимая окружающихъ мастерскими разсказами, полными юмора, мѣткихъ опредѣленій, наблюдательности...

Скобелевъ любилъ солдата, и въ своей заботливости о немъ проявлялъ эту любовь. Его дивизія, когда онъ ею командовалъ, всегда была одѣта, обута и сыта при самой невозможной обстановкѣ. Въ этомъ случаѣ онъ не останавливался ни передъ чѣмъ. Послѣ упорнаго боя, измученный, онъ бросался отдыхать, а часа черезъ три уже былъ на ногахъ. Зачѣмъ?—Чтобы обойти солдатскіе котлы и узнать, что̀ въ нихъ варится. Никто съ та-

кою ненавистью не преслѣдовалъ хищниковъ, заставляющихъ голодать и холодать солдата, какъ онъ. Скобелевъ въ этомъ отношеніи не вѣрилъ ничему. Ему нужно было самому, собственными глазами убѣдиться, что въ котомкѣ у солдата есть полтора фунта мяса, что хлѣба у него вволю, что онъ пилъ водку, положенную ему. Во время плевненскаго сидѣнія солдаты у него постоянно даже чай пили. То и дѣло при встрѣчѣ съ солдатомъ онъ останавливалъ его.

— Пилъ чай сегодня?

— Точно такъ-съ, ваше-ство.

— И утромъ и вечеромъ?

— Точно такъ-съ.

— А водку тебѣ давали?.. Мяса получилъ сколько надо?

И горе было ротному командиру, если на такіе вопросы слѣдовали отрицательные отвѣты. Въ такихъ случаяхъ М. Д. не зналъ милости, не находилъ оправданій.

Не успѣлъ отрядъ остановиться гдѣ-нибудь на два дня, на три, какъ уже рылись землянки для бань, а на утро солдаты мылись въ нихъ. Онъ ухитрился у себя въ траншеяхъ устроить баню, какъ ухитрился тамъ же поставить хоръ музыки... Когда началась болгарская зима, отрядъ его былъ безъ полушубковъ... Что было дѣлать? Оказывалась крайняя нужда одѣть хоть дежурныя части. Полковыхъ денегъ не было купить въ Румыніи. Своихъ у М. Д. тоже не нашлось... Обратился было къ отцу... Но «паша» при всемъ своемъ добродушіи былъ скуповатъ...

— Нѣтъ у меня денегъ! Ты мотаешь... Это невозможно. Вздумалъ, наконецъ, солдатъ одѣвать на мой счетъ...

Черезъ нѣсколько дней Скобелевъ узнаетъ, что въ Боготу какой-то румынъ привезъ нѣсколько сотъ полушубковъ.

— Поѣдемте въ главную квартиру...—предложилъ онъ мнѣ.

— Зачѣмъ?

— Полушубки солдатамъ куплю...

— Безъ денегъ?

— Паша заплатитъ. Я его подведу...—И Скобелевъ насмѣшливо улыбнулся.

Приказалъ ротнымъ телѣгамъ отправиться за полушубками.

Пріѣзжаемъ въ Боготу... Скобелевъ прямо въ землянку къ пашѣ.

— Здравствуйте, отецъ!—и чмокъ въ руку.

— Сколько?—спрашиваетъ прямо Дмитрій Ивановичъ, зная настоящій смыслъ этой сыновней нѣжности и почтительности.

— Чего сколько?—удивляется Скобелевъ.

— Денегъ, сколько тебѣ надо... Вѣдь я тебя насквозь вижу... Промотался, вѣрно...

— Что это ты въ самомъ дѣлѣ?.. Я еще съ собой привезъ нѣсколько тысячъ... Помоги мнѣ купить полушубки на полковыя деньги. Ты знаешь, вѣдь я безъ тебя ничего не понимаю.

На лицѣ у отца является самодовольная улыбка.

— Еще бы ты что-нибудь понималъ!

— Какъ безъ рукъ, безъ тебя... Я вообще начинаю глубоко цѣнить твои совѣты и указанія.

Дмитрій Ивановичъ совсѣмъ растаялъ...

— Ну, ну!.. Что ужъ тутъ считаться.

— НѢтъ, въ самомъ дѣлѣ—безъ тебя хоть пропадай.

— Довольно, довольно!..

Старикъ одѣлся. Отправились мы къ румынскому купцу... Часа три подъ рядъ накладывали полушубки на телѣги. Наложатъ—телѣга и ѣдетъ подъ Плевну, на позиціи 16-й дивизіи; затѣмъ вторая, третья, четвертая. Скобелевъ-старикъ въ потѣ лица своего возится, всматривается, щупаетъ полушубки, чуть не на вкусъ ихъ пробуетъ.

— Я, братъ, хозяинъ... Все знаю... Совѣтую и тебѣ научиться...

— А ты научи меня!..—покорствуетъ Скобелевъ.

Наконецъ, послѣдняя телѣга наложена и отправлена.

И вдругъ перемѣна декорацій.

— Ну, прощай, отецъ... Казакъ, коня!..

Вскочилъ Скобелевъ въ сѣдло... Румынъ къ нему.

— Счетъ прикажете къ кому послать?.. За деньгами?..

— А вотъ къ отцу... Отецъ, заплати, пожалуйста... Я потомъ отдамъ тебѣ...

Нагайку лошади—и когда Дмитрій Ивановичъ очнулся, и Скобелевъ, и полушубки были уже далеко.

Что̀ дѣлать! старикъ заплатилъ по счету, а дежурныя части дивизіи одѣлись въ теплые полушубки. Бла-

годаря этому обстоятельству, когда мы переходили Балканы, въ Скобелевскихъ полкахъ не было ни одного замерзшаго...

II.

Изъ-за гребня пригорка выѣхалъ на бѣломъ конѣ кто-то; за нимъ на рысяхъ несется нѣсколько офицеровъ и два, три казака. Въ рукахъ у одного голубой значокъ съ краснымъ осьмиконечнымъ крестомъ... На бѣломъ конѣ оказывается Скобелевъ—въ бѣломъ весь... красивый, веселый.

— Ай да, молодцы!.. Ай да, богатыри! Ловчинскіе!—кричитъ онъ издали возбужденнымъ нервнымъ голосомъ.

— Точно такъ, ваше-ство.

— Ну, ребята... идите доканчивать. Тамъ полкъ отбитъ отъ редута... Вы вѣдь не такіе... А?.. Вы вѣдь у меня всѣ на подборъ... Ишь, красавцы какіе... Ты откуда, этакій молодчинище?..—остановилъ онъ лошадь передъ курносымъ парнемъ.

— Въ Вытепской губерніи, ваше-ство.

— Да отъ тебя отъ одного разбѣгутся турки...

— Точно такъ, ваше-ство, разбѣгутся.

— Ты у меня смотри... чтобы послѣзавтра я тебя безъ Георгія не видѣлъ... Слышишь? Вы только глядите—не стрѣлять безъ толку. Иди вплоть до редута, не тратя пороху... Въ стрѣльбѣ ума нѣтъ. Стрѣлять хорошо, когда ты за валами сидишь и отбиваешься... Слышите?

— Слышимъ, ваше-ство.

— То-то. Въ кого ты будешь стрѣлять, когда они за брустверомъ? Имъ отъ твоихъ пуль не больно. До нихъ надо штыками дорваться. Слышите?.. А ты, кавалеръ, не изъ севастопольцевъ?—обернулся онъ къ Парфену.—За что̀ у тебя Георгій?..

— За Малаховъ курганъ, ваше-ство...

— Низко кланяюсь тебѣ!—И генералъ снялъ шапку.—Покажи молодымъ, какъ дерется и умираетъ русскій солдатъ. Капитанъ, послѣ боя представьте мнѣ старика. Я тебѣ именного Георгія дамъ, если живъ будешь...

— Радъ стараться, ваше-ство...

— Экіе молодцы!.. Пошелъ бы я съ вами, да нужно новичковъ поддержать... Вы-то ужъ у меня обстрѣленные, боевые... Прощайте, ребята... увидимся въ редутѣ. Вы меня дождетесь тамъ?

— Дождемся, ваше-ство.

— Ну, то-то, смотрите: дали слово, держать надо... Прощайте, капитанъ.

Доѣхалъ генералъ до оврага — видитъ, лежитъ въ немъ офицеръ... Еще нѣсколько шаговъ сдѣлалъ—офицеръ смущенно поднялся и откозырялъ... Генералъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Что, поручикъ, отдохнуть прилегли?

— Сапоги... ноги... — забормоталъ поручикъ, весь красный, чувствуя теперь только стыдъ, одинъ стыдъ и ни искры трусости.

— Вы отъ той роты?

— Да-съ...

— Экій вы рослый да бравый какой... Солдатамъ будетъ любо, глядя на васъ, въ огонь итти. Вы ихъ молодцомъ поведете. Догоните поскорѣй своихъ, да скажите вашему командиру, что я ему приказываю послать васъ впередъ съ охотниками,—слышите?

Генералъ перешелъ въ серьезный тонъ.

— Офицеръ не смѣетъ трусить... Солдатъ можетъ, ему еще простительно... Но офицеру нельзя... Идите сейчасъ... Ведите въ бой свою часть... Ваша фамилія?

— Дороновичъ *).

— Ну, вотъ что... Я хочу услышать, что вы первымъ вошли въ редутъ. Слышите?—первымъ... Тогда и я забуду этотъ оврагъ и ваши сапоги... Слышите?.. забуду и никогда не вспомню... Помните—вы подадите примѣръ... Прощайте!—и генералъ, наклонясь, подалъ поручику руку. Тотъ съ глубокой благодарностью пожалъ ее.

— Обѣщаюсь вашему превосходительству...

— Вѣрю, поручикъ... До свиданія въ редутѣ!

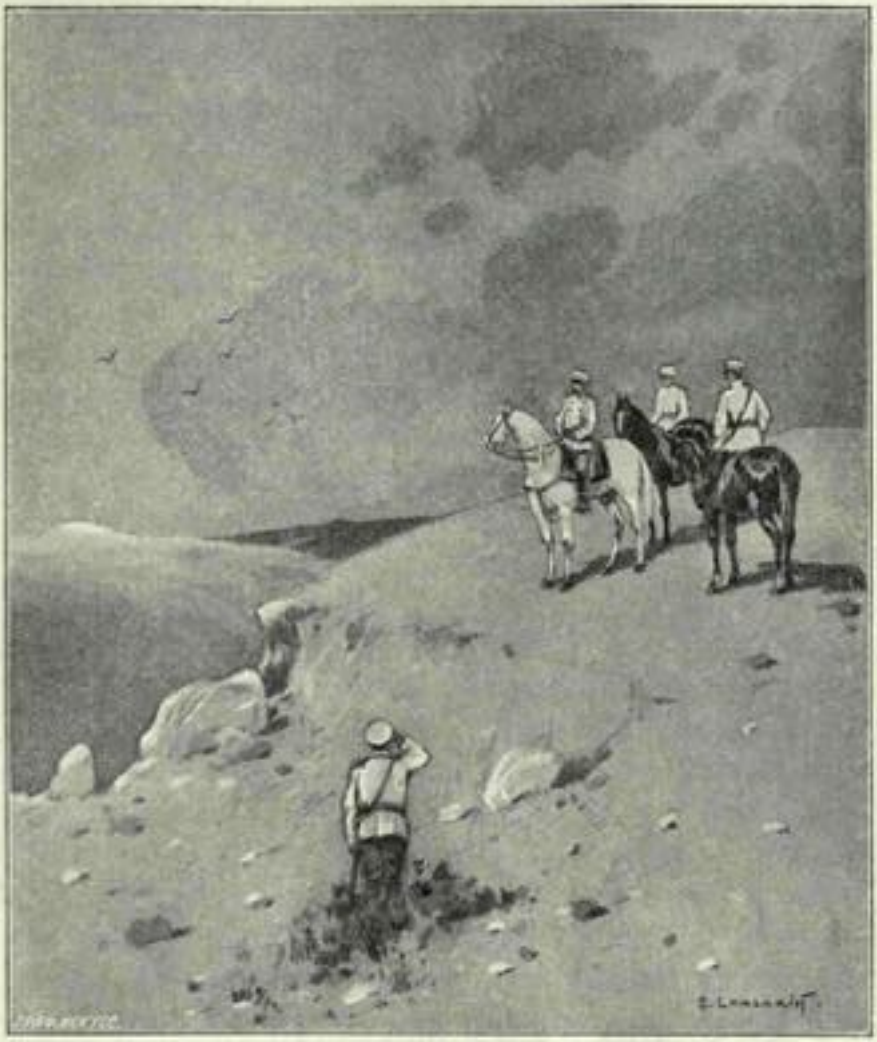
Еще одно мгновеніе Дороновичъ посмотрѣлъ вслѣдъ генералу и тотчасъ же бросился догонять своихъ.

III.

Конецъ сраженія 28-го декабря 1877 года.

...Послѣ блистательныхъ атакъ Скобелевъ выстроилъ передъ Шейновымъ владимірскій полкъ, и, во главѣ его, уже самъ хотѣлъ нанести туркамъ рѣшительный ударъ въ ихъ центръ.

*) Фамилія измѣнена.

Офицеръ смущенно поднялся и откозырялъ.

— Ну, братцы, за мной теперь. Ваши товарищи честно сдѣлали свое дѣло, кончимъ и мы, какъ слѣдуетъ.

— Постараемся...

— Смотрите же... Итти стройно... Турки почти уже разбиты... Благословясь, съ Богомъ!

Солдаты сняли шапки, перекрестились. Оркестръ заигралъ маршъ, и подъ звуки его стройно двинулась атака. Настроеніе солдатъ было дѣйствительно восторженное. Шли смѣло, блестяще, отсталыхъ не было...

Не успѣли мы доѣхать до лѣсу, какъ навстрѣчу намъ стремглавъ скачетъ ординарецъ Скобелева—Харановъ, безъ папахи, и издали еще машетъ рукой. А подъѣхалъ—говорить не можетъ отъ устали.

— Ваше-ство... турки подняли... бѣлый флагъ...

— Какъ, гдѣ?.. Не можетъ быть, такъ скоро... Ну, господа, за мной скорѣе.

Я до сихъ поръ не могу забыть этого безумнаго, радостнаго чувства побѣды. Несешься впередъ, дышешь полною грудью и все-таки кажется, что воздуха и простора мало... Скобелевъ рветъ шпорами бока своему коню... Конь стрѣлой мчится впередъ, а генералу все кажется медленно. Вѣтви ему хлещутъ въ лицо... Не чувствуешь даже, какъ позади остаются ручьи и овраги. Въ одномъ мѣстѣ брызнуло водой—даже и не моргнули... Впередъ и впередъ... Изъ рядовъ несется радостное торжествующее ура владимірцевъ, бѣгомъ слѣдующихъ за генераломъ... Не замѣчаешь труповъ, разбросанныхъ по сторонамъ. Уже потомъ, анализируя пережитыя ощущенія, смутно припоминаешь, что чуть не

изъ-подъ копытъ коня подымались какіе-то люди, съ простр'ѣленными грудями, съ окровавленными головами, протягивали къ тебѣ руки... Приходятъ на память другіе, схватившіеся другъ съ другомъ, да въ моментъ смерти такъ и закостенѣвшіе... А тамъ, въ горахъ, еще не знаютъ... Тамъ еще идетъ бойня, люди падаютъ, умираютъ, мучатся, дерутся...

— Вся ли армія сдается?—голосъ Скобелева сталъ хриплымъ какимъ-то.

— Таборовъ десять бѣжало.

— Харановъ! Стремглавъ сейчасъ же къ Дохтурову... Слышите... Пусть кавалерія вдогонку... Чтобы ни одинъ человѣкъ не ушелъ у меня. Поняли?

И еще глубже шпоры вонзаются въ бѣлую кожу коня, и еще бѣшенѣе мчитъ онъ генерала впередъ и впередъ.

— Имѣю честь поздравить ваше-ство!—наскакиваетъ какой-то офицеръ.

— Съ чѣмъ?

— Казачій № 1 полкъ, подъ начальствомъ самого Дохтурова, обскакалъ бѣгущихъ турокъ съ тылу, бросился въ шашки, нѣсколько сотъ положилъ на мѣстѣ и взялъ въ плѣнъ...

— Сколько?—нетерпѣливо перебиваетъ генералъ.

— Шесть тысячъ человѣкъ.

— Спасибо... Счастливый день...

Впереди—депутація намъ навстрѣчу. Докторъ и санитары со знаками красной луны. Высоко надъ головами держатъ они большіе листы бумаги—женевскія свидѣтельства. Около наши солдаты толпятся.

— Пусть убираютъ своихъ и чужихъ раненыхъ... Обѣщать полную безопасность... Солдаты! это не плѣнные, слышите?

— Слышимъ, ваше-ство!

— Это свободные люди... Доктора! Они будутъ помогать и нашимъ, и туркамъ, поняли?.. Они—друзья наши... Смотрите же у меня, не обижать!

И опять безумная скачка впередъ... Тутъ уже груды труповъ... Массы раненыхъ... Опушка—громадная долина... Мы останавливаемъ коней...

Хороша была эта долина рядомъ у опушки оставленаго позади лѣса, открывшаяся передъ нами... Вонъ налѣво руины Шибки, подъ грозными массами крутыхъ отсюда и рѣзко очерченныхъ Балканъ... Вонъ внизу на холмахъ цѣлый фронтъ редутовъ... Изъ-за ихъ брустверовъ видны солдаты, тускло мерещутся штыки... Но это солдаты наши и штыки наши. Въ другихъ еще стоятъ красноголовые турки, но уже молча, сложивъ свои ружья... Залпы только гремятъ еще на вершинахъ шибкинскаго перевала.

— Гдѣ же бѣлый флагъ?—нетерпѣливо спрашиваетъ Скобелевъ.

— Правѣе.

Тамъ за рѣкой — правильныя колонны какихъ-то войскъ... Тамъ еще туманъ. Не разобрать въ его желтоватомъ освѣщеніи, свои или чужіе...

— Была не была, ѣдемъ!—и Скобелевъ рѣшительно даетъ шпоры коню.

Вода ручья брызжетъ изъ-подъ копытъ лошадей

прямо въ лицо намъ... Съ того берега гремитъ «ура»— наши!..

— Гдѣ же бѣлый флагъ?—кидаетъ имъ съ вѣтру, съ бѣгу Скобелевъ.

— Позади, ваше-ство!

Мы проскакали мимо... Опять бѣшеный карьеръ... Вотъ редутъ, сплошь заваленный мертвыми и ранеными... Вонъ большой холмъ, точно сахарная голова. Снизу вверхъ спираль траншеи... Не видать земли, все усыпано красными фесками... Ярко, пестро. Съ верхушки во всѣ стороны грозно смотрятъ крупповскія орудія, выше ихъ еще медленно развертываются и полощутся въ воздухѣ два бѣлыхъ флага.

— Мерзавцы!—срывается съ губъ у Скобелева.

— Кто мерзавцы?..—удивляюсь я.

— Развѣ можно было сдать такую позицію...

— Да и защищать нельзя... Обошли кругомъ...

— Защищать нельзя... Драться можно, умереть должно!..

Какъ будто изъ тумана, выдвигается фигура какого-то офицера... Онъ подноситъ Скобелеву саблю плѣнаго паши...

— Кто командуетъ?..

— Вейсиль-паша.

— А Эйюбъ?

— Эйюба давно нѣтъ.

— Какъ, онъ сдался?

— Безъ всякихъ условій... На милость побѣдителя.

— На милость?..

— Точно такъ.

— Возвратить сабли плѣннымъ, свято сохранить ихъ имущество, чтобы ни одной крохи у нихъ не пропало... Предупредите, за грабежъ буду разстрѣливать!..

Навстрѣчу кавалькада... Только не наши... Совсѣмъ не наши... И кепи чужія и мундиры не тѣ, къ которымъ уже привыкъ взглядъ.

Впереди Вейсиль. Мясистое лицо, съ низко нависшими бровями. Суровое, некрасивое.

Скобелевъ подаетъ ему руку и говоритъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ.

Турки мрачны. Имъ тяжело, невыносимо тяжело.

— Сегодня гибнетъ Турція, такова воля Аллаха! Мы сдѣлали все.

— Вы дрались славно, браво... Переведите имъ, что такіе противники дѣлаютъ честь... Они храбрые солдаты.

Имъ переводятъ...

— А все-таки, мерзавцы, что сдали такія позиціи!— заканчиваетъ онъ про себя.

Отовсюду восторженные крики... Отовсюду стихійное ура... Лица солдатъ возбуждены, лучезарны.

— Спасибо, друзья, спасибо, товарищи... Спасибо, мои орлы!—кричитъ имъ Скобелевъ въ свою очередь.

— Сколько у нихъ было людей и пушекъ?—спрашиваетъ онъ, кивая на плѣнныхъ. Тѣмъ переводятъ.

— Тридцать пять тысячъ войска и сто тринадцать орудій!

— И сдались!.. Хороши генералы...

Турки, сходя съ редута, окружили насъ сплошною

стѣною... Въ ихъ массахъ слышалось «Акъ-паша, Акъ-паша»... Всѣ они нетерпѣливо пробивались взглянуть на Скобелева.

— Что они говорятъ?—обернулся Скобелевъ къ переводчику.

— Говорятъ, не мудрено, если ихъ побѣдили: русскими командовалъ Акъ-паша, а съ Акъ-пашей драться нельзя...

Наверху еще шелъ бой... Скобелевъ слушалъ-слушалъ и вспыхнулъ.

— Передайте пашѣ: если черезъ два часа турки въ селеніи Шибкѣ и на высотахъ не положатъ оружіе, я ихъ буду штурмовать и—никому пощады!...

— Они сейчасъ же сдадутся...—струхнулъ Вейсиль...

Издали послышалась музыка: развернутый, подъ распущенными знаменами, стройно подходилъ владимірскій полкъ.

— Сейчасъ, сейчасъ...

— Я хочу имъ самъ отдать приказаніе положить оружіе... Господа, останьтесь здѣсь... Передайте туркамъ, что я самъ ѣду съ ними...

И Скобелевъ поѣхалъ, со всѣхъ сторонъ окруженный вооруженными турками...

Двое или трое слѣдовали за нимъ изъ русскихъ.

— Однако, наше положеніе странно!..

— Ну, вотъ еще!..

— Да какъ бы вы поступили на мѣстѣ турокъ?—спрашиваю я.

Скобелевъ расхохотался.

— Во-первыхъ, на ихъ мѣстѣ я бы не былъ...

— Ну, а если бы...

— Разумѣется... Сейчасъ бы въ шашки...

Впослѣдствіи, подъ Геокъ-тепе, онъ сдѣлалъ еще лучше. Послѣ штурма и взятія этой крѣпости Скобелевъ ѣдетъ въ еще не сдавшійся Асхабадъ. Ему навстрѣчу—семьсотъ текинцевъ, въ полномъ вооруженіи, въ праздничныхъ костюмахъ—цвѣтъ текинскаго войска...

Скобелевъ обратился къ нимъ съ какими-то укорами... Они изъявили свою покорность...

— А если вы попробуете возстать, то я васъ накажу примѣрно...

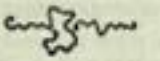
— Текинцы никогда не лгутъ!..

— Если такъ, то, господа, не угодно ли вамъ ѣхать обратно... Передайте текинцамъ, что они составятъ мой конвой...

И совершилось небывалое. Генералъ одинъ, окруженный семьюстами отчаянныхъ враговъ верхомъ, поѣхалъ въ Асхабадъ... Двадцать верстъ они сопровождали его...

И, разумѣется, ни его прежнія побѣды, ни страхъ его имени не могли ему создать такой популярности между ними, какъ эта поѣздка...

Съ той минуты онъ сталъ кумиромъ уже всего племени *текке*.

Въ конторѣ издателя книгопродавца А.Д.Ступина продаются слѣдующія книги:

(**Москва**, Никольская улица, рядомъ съ Ремесленной Управой).
(**Комиссіонера Управленія Московской Синодальной Типографіи**).
(На почтовую пересылку прошу прилагать 20 коп. на каждый рубль).
Деньги можно присылать марками.

Полный каталогъ дѣтскихъ книгъ собственнаго изданія, съ краткимъ изложеніемъ содержанія каждой книги, высылается за три семикопѣечныхъ марки.

СОЧИНЕНІЯ
А. С. ПУШКИНА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ **В. П. АВЕНАРІУСА.**
ИЗЯЩНО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНІЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Съ біографіей поэта, портретомъ и снимкомъ съ его почерка.

Томъ I.—Стихотворенія и сказки. Томъ II.—Поэмы и драматич. произведенія. Томъ III.—Проза.

Въ это изданіе, составляющее **прекрасный подарокъ для юношества,** вошло изъ сочиненій Пушкина все доступное и соотвѣтствующее юношескому возрасту. Всѣ миѳологическіе, историческіе и др. научные имена и термины, намеки на мало извѣстные и частные случаи, а также ближайшіе поводы къ созданію наиболѣе замѣчательныхъ произведеній объяснены въ примѣчаніяхъ къ каждому тому.

Второе исправленное изданіе.

Цѣна за 3 тома 1 р. **50** к., въ изящной папкѣ—**2** р., въ коленкоровомъ переплетѣ—**2** р. **25** к.

ДОПУЩЕНЫ Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учен. библ. низш. учебн. зав., въ безпл. народн. читал. и библ. для публ. народн. чтеній и, по усмотр. педаг. совѣт., въ учен. библ. средн. учебн. заведеній.

РЕКОМЕНДОВАНЫ Главн. Управл. военно-учебн. завед. для военно-учебн. завед.

РЕКОМЕНДОВАНЫ Совѣт. Е. И. В. Канцел. по учрежд. вѣдом. Имп. Маріи для учен. библ. всѣхъ учебн. заведѣ. вѣд., а также и для подарковъ.

КНИГА БЫЛИНЪ.

В. П. Авенаріуса.

Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи.

Съ рисунками **Н. Каразина, В. Спасскаго** и **А. Прохорова.**

Обложка **В. Спасскаго.**

Цѣна **1** р. **60** к., въ папкѣ — **1** р. **85** к., въ перепл. — **2** р. **35** к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНА въ безпл. народ. читал. и библ., въ ученич. библ. средн. учебн. завед. и въ учительскія библ. низшихъ учебн. заведеній.

РЕКОМЕНДОВАНА Учен. Комит. собств. Е. И. В. Канцеляріи по учрежд. Имп. Маріи для учебн. и воспитател. заведеній КАКЪ КЛАССНОЕ ПОСОБІЕ И ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.

Книга одобрена для наградъ учащимся.

СОДЕРЖАНІЕ:

Введеніе къ былинамъ. **Былины кіевскія:** Вольга Всеславьевичъ.—Дунай Ивановичъ святомъ князя Владиміра. — Дунай Ивановичъ и Настасья Королевична.— Алеша Поповичъ. — Первый бой Добрыни Никитича со зміемъ Горынычемъ.— Второй бой Добрыни со зміемъ.—Ставеръ Годиновичъ и Василиса Микулична.— Соловей Будиміровичъ.—Исцѣленіе Ильи Муромца.—Илья Муромецъ, черниговцы и Соловей разбойникъ.—Микула Селяниновичъ.—Святогоръ.—Добрыня Никитинъ и Настасья Микулична. — Илья Муромецъ и Святогоръ.— Илья Муромецъ и Идолище.— Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ.—Илья Муромецъ и Калинъ царь.—Чурила Пленковичъ.—Дюкъ Степановичъ.—Добрыня Никитинъ въ отъѣздѣ. — Михайло Потыкъ. — Илья Муромецъ и Сокольникъ. — Три поѣздочки Ильи Муромца.—Какъ перевелись богатыри на святой Руси.

Былины новгородскія: Молодость Василія Буслаева.—Смерть Василія Буслаева.— Садко дѣлается богатымъ гостемъ.—Садко въ Поддонномъ царствѣ.

Былины московскія, казанскія и петровскія: Взятіе Казани Грознымъ царемъ.— Оговоръ царевича передъ Грознымъ. — Ермакъ, покоритель Сибири. — Царевичъ Дмитрій и Борисъ Годуновъ. — Гришка Отрепьевъ и Марина Мнишекъ. — Смерть Стеньки Разина.—Азовъ.—Планъ войска по Петрѣ.

Былины безыменныя: О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ.— Татарскій полонъ.—О горюшкѣ.—„Умъ какъ палъ туманъ на синё море".

Примѣчанія къ былинамъ.—Алфавитный указатель требующихъ объясненія собственныхъ именъ и не обычныхъ словъ, встрѣчающихся въ былинахъ.

8537

СБОРНИКЪ
РАЗСКАЗОВЪ и СКАЗОКЪ СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Собралъ **В. П. Авенаріусъ.**

НОВАЯ ДѢТСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

Рисунки **В. В. Спасскаго** и **А. П. Рюрита.** Обложка **В. В. Спасскаго.**

Цѣна 1 р. 75 к., въ папкѣ—2 р., въ коленкоровомъ переплетѣ—2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

1. **Куколка.** (Отрывокъ.) В. Ласьенко. 2. **Въ лѣсу.** А. Алтаевъ. 3. **Морской бой въ ночь на 8 мая 1703 года.** (Изъ исторической повѣсти „Великій Царь Петръ и Лизета".) М. Альбовъ. 4. **Бродяга.** К. Баранцевичъ. 5. **Ребята.** (Отрывокъ.) В. Вересаевъ. 6. **Старый колодезь.** (Глава изъ семейной хроники „Дѣтство Темы".) Н. Гаринъ. 7. **Ворона.** (Отрывокъ.) П. Гнѣдичъ. 8. **Задача.** Кн. Дм. Голицынъ. (Муравлинъ.) 9. **Въ огнѣ.** (Глава изъ повѣсти „Друзья".) А. Зоринъ. 10. **Василекъ.** (Сказочка земли.) П. Засодимскій. 11. **Сильфа и Эльфа.** Дм. Кайгородовъ. 12. **Петька-Зайчикъ.** (Сказка.) Н. Каразинъ. 13. **Царевичъ Мостъ.** (Сказаніе). А. Коринфскій. 14. **Я—слѣпой.** (Изъ этюда „Слѣпой музыкантъ".) Вл. Короленко. 15. **Не проситъ ремесло хлѣба, а само кормитъ.** (Глава изъ повѣсти „Большакъ".) А. Круловъ. 16. **Прочная пуговица.** (Глава изъ разсказа „На переломѣ".) А. Купринъ. 17. **Въ тѣснотѣ да не въ обидѣ.** (Разсказъ старушки.) Кн. Лукашевичъ. 18. **Надина коза.** М. Лукьянова. 19. **Скверный день Василія Ивановича.** (Сказка.) Дм. Маминъ-Сибирякъ. 20. **Утро Петра Великаго.** Дм. Мережковскій. 21. **Разбойникъ Хаджи-Ахедъ.** В. Немировичъ-Данченко. 22. **Вечерній звонъ.** К. Носиловъ. 23. **Ближній боярина и скоморохи.** Е. Опочининъ. 24. **Исторія съ Панафидинымъ.** (Изъ повѣсти „Товарищъ.") Н. Позняковъ. 25. **Исполатчикъ.** (Изъ бурсацкихъ воспоминаній „До и послѣ".) И. Потаненко. 26. **Великанъ.** (Кавказская легенда изъ очерка военной жизни „На кордонѣ".) В. Свѣтловъ. 27. **Елка и осина.** (Сказка.) П. Соловьева. 28. **Казакъ.** В. Тихоновъ. 29. **Власъ—Божій человѣкъ.** (Сказка изъ разсказа „Слѣпушка".) Гр. Л. Н. Толстой. 30. **Кавказскій плѣнникъ.** (Отрывокъ.) Гр. Л. Н. Толстой. 31. **Волкъ.** К. Фофановъ. 32. **Мальчики.** А. Чеховъ. 33. **Ягашка.** (Отрывокъ.) Т. Щепкина-Куперникъ.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. книги **допущены** *въ ученич. библ. городск. учил. и* **признаны** *подлежащ. внесенію въ спис. книгъ, выгружен. книжкамъ при положеніи учен. библ. средн. учебн. завед. и для выдачи ученикамъ среднихъ учебн. заведен.* **въ награду.**